

ТЕОДОР
ШАНИН

НЕУДОБНЫЙ КЛАСС

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА
В РАЗВИВАЮЩЕМСЯ
ОБЩЕСТВЕ:
РОССИЯ, 1910–1925

| Издательский дом ДЕЛО |

Теодор Шанин

Неудобный класс

Политическая
социология крестьянства
в развивающемся обществе:
Россия, 1910–1925

Перевод с английского А. В. Соловьева

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2019

Teodor Shanin

The Awkward Class

Political Sociology of Peasantry
In a Developing Society:
Russia 1910–1925

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 316.334.55
ББК 60.54
Ш20

Шанин, Теодор

Ш20 Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / Т. Шанин; пер. с англ. А. В. Соловьева; под науч. ред. А. М. Никулина. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 408 с.

ISBN 978-5-7749-1455-5

Книга посвящена изучению России конца XIX — начала XX века как развивающейся страны, для которой крестьянство является важнейшим фактором социальной трансформации. Рассмотрев особенности крестьянских домохозяйств, крестьянской общины и культуры, проанализировав аргументы в спорах об особенностях внутренней дифференциации крестьянства между либералами, марксистами и народниками, автор книги в центр своего аналитического повествования ставит обоснование собственной модели многомерной и разнонаправленной циклической мобильности российского крестьянства, валидность которой подтверждается разнообразными эмпирическими данными земских статистических и бюджетных обследований. Заключительная часть книги посвящена исследованию послереволюционного взаимодействия власти большевиков и крестьян до середины 1920-х годов. В приложениях к книге приводятся статьи автора, посвященные анализу феномена крестьянства с точки зрения политической социологии, рассматриваются особенности российского законодательства и вопросы собственности крестьянства.

УДК 316.334.55
ББК 60.54

ISBN 978-5-7749-1455-5

© Oxford University Press, 1972

“The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925” by Teodor Shanin was originally published in English in 1972. This translation is published by arrangement with Oxford University Press. Delo Publishers of RANEPA is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.

Книга «Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925» под авторством Теодора Шанина первоначально была опубликована на английском языке в 1972 году. Настоящий перевод публикуется по соглашению с Oxford University Press. Издательский дом «Дело» РАНХиГС несет исключительную ответственность за настоящий перевод оригинальной работы, и Oxford University Press не несет никакой ответственности за какие бы то ни было ошибки, пропуски, неточности или двусмысленности в переводе или любой связанный с этим ущерб.

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019

Оглавление

Введение	9
Часть I. РОССИЯ И ЕЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ПОРОГЕ XX ВЕКА	21
Глава 1. Россия как развивающаяся страна	23
1. Накануне XX века.	23
2. «Развивающаяся страна» — что это такое?	30
3. Крестьянский сектор	40
4. Социальный дуализм и российское общество	52
Глава 2. Крестьянское хозяйство и крестьянское общество.	58
1. Крестьянское домовладение.	58
2. Крестьянская община.	67
3. Крестьянское общество и его культура.	77
Часть II. ЦИКЛИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ	85
Глава 3. Споры о внутренней дифференциации	87
1. Корни этих споров	87
2. Статистические данные	92
3. Неоконченный спор	105
4. Отзвуки старых споров: в поисках новых ответов	112
Глава 4. Поляризация и циклическая мобильность	115
1. Корреляция размера семьи и ее благосостояния	115
2. Бюджетные исследования и поляризация	119
3. Динамические исследования мобильности крестьянских домохозяйств	126
4. Мобильность крестьянских хозяйств и мобильность крестьянского общества	136

Глава 5. «Органические изменения»	143
1. Механизм выравнивания.	143
2. Дробление и создание новых домохозяйств	150
3. Слияния и вымирания	153
4. Миграция	159
Глава 6. Многомерная и циклическая мобильность: на пути к созданию объяснительной модели	166
1. Остаточный компонент мобильности крестьянских домохозяйств	166
2. Биологический детерминизм	175
3. Экономический детерминизм и многофакторный анализ.	191
4. Экономические особенности мелких крестьянских хозяйств	196
5. Мобильность крестьянских домохозяйств: многофакторная модель	202
Глава 7. Многомерная и циклическая мобильность: валидность и адекватность	212
1. Валидность: региональные различия.	212
2. Валидность: исторические тенденции	220
3. Валидность: проблемы операционализации понятий	228
4. Социальная дифференциация и политический смысл многомерной и циклической мобильности.	238
Часть III. ОСНОВНОЙ КОНФЛИКТ (1917–1925)	247
Глава 8. Аграрная революция и выравнивание среди российского крестьянства	249
1. Кулацкая контрреволюция	249
2. Перераспределение земли (1917–1919)	253
3. Результаты аграрной революции	262
4. Мобильность крестьянских домохозяйств и аграрная революция	268
5. Крестьянская солидарность и аграрная революция 1917–1920 годов	275

Глава 9. Крестьянское общество в период нэпа: его внутренняя структура и конфликты	278
1. Местные органы власти на селе: ситуация де-юре	278
2. Сельское собрание и сельский совет	282
3. Социально-экономические страты	290
4. Традиционное разделение половых и возрастных ролей.	299
5. Вертикальная сегментация и аутсайдеры	303
Глава 10. Крестьянское общество в период нэпа: главный конфликт	307
1. Сельские служащие	307
2. Партийцы	315
3. Армейцы	323
4. Аутсайдеры в руководящих органах волостей	326
5. Структура власти и перспективы развития российской деревни	335
ПРИЛОЖЕНИЯ	339
<i>Приложение А. Крестьянство как политический фактор</i>	340
1. Крестьянство: аналитическое определение	343
2. Крестьянство: исторический контекст	350
3. Крестьянство и общество.	358
4. Крестьянство в политике	364
<i>Приложение Б. Российское крестьянское законодательство и наследование собственности.</i>	373
1. Крестьянское законодательство	373
2. Семейная собственность	376
3. Система наследования и разделения домохозяйств (1863–1905)	379
4. Развитие крестьянского законодательства (1906–1929).	384
Список литературы	391

...класс, который является
представителем варварства
внутри цивилизации.

Карл Маркс

Введение

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о путях развития крестьянского общества, которое в начале XX века разделялось не только российским руководством, но и большей частью образованного населения страны, может быть кратко резюмировано в следующих положениях. Прежде всего считалось, что в ходе экономического развития каждое человеческое общество с необходимостью движется в направлении все большего разделения труда¹, установления рыночных отношений, накопления капитала и социальной диверсификации. Считалось также, что такого рода процессы, начинаясь в городах, затем неизбежно захватывают и деревню. При этом богатые крестьянские хозяйства, лучше вооруженные техникой и отличающиеся высокой интенсивностью труда, оказываются в более выгодном положении по сравнению с бедны-

¹ См.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М., 2007.

ми в плане оптимального использования имеющихся ресурсов и дальнейшего своего обогащения. Последние, как бы они ни старались улучшить свое экономическое положение, всегда оказываются в проигрыше. Этот процесс неуклонно вел к дальнейшему расслоению крестьянства на богатых и бедных. При этом богатые хозяйства приобретали черты капиталистических предприятий, а бедные крестьяне постепенно разорялись и превращались в наемных рабочих на службе у помещиков, кулаков или городских предпринимателей. Некоторые типичные черты традиционного крестьянского семейного хозяйства, характерного для российского крестьянства, еще сохранялись у середняков, но и эта прослойка под влиянием новых экономических условий неизбежно разрушалась и менялась. На смену издавна укоренившемуся способу сельскохозяйственного производства шел новый — капиталистический. Одновременно менялась и социальная структура российского крестьянства.

Такая картина развития крестьянского общества прочно укрепились в сознании людей, став естественной частью господствующей идеологии не только в нормативном, но и в когнитивном плане¹. Она, таким образом, выступала в качестве основного постулата, на котором строилась политика всех правителей России в данной сфере на протяжении бурной четверти века, последовавшей за революцией 1905–1906 годов². Ожи-

¹ Идеологические образы действительности могут служить не только для оправдания и канонизации уже принятых политических решений, но и как «призмы, через которые реальность видится, интерпретируется и транслируется» (Mills C. Wright. *Power, Politics and People*. New York, 1963. P. 406). Современное обсуждение этой темы можно найти в: Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 1955.

² В этом смысле своего рода исключением из общего правила был популизм эсеров, которые опирались на представление о крестьянстве как о некотором однородном классе. Но эти по-

далось, что крестьянство, понимаемое как некая исторически сложившаяся гомогенная социальная группа, со временем распадется на классы, свойственные капиталистическому обществу (фермеры-капиталисты, наемные рабочие и т. д.), для каждой из которых будут характерны внутренняя сплоченность, классовое сознание и готовность защищать свои политические интересы. Подобного рода прогнозы стали идейной основой тех практических мероприятий, которые проводило в жизнь каждое из сменявших друг друга правительств.

Основной факт истории российского сельского хозяйства первой четверти XX века состоит в том, что на самом деле классовая структура крестьянства и его политическая активность развивались иным путем. Ни богатые землевладельцы, ни сельская беднота (мелкие собственники и батраки) в целом не образовали четко выраженных социальных групп. Несмотря на внутреннюю гетерогенность, российская деревня продолжала демонстрировать чрезвычайно высокую степень идейно-политического единства. После революции 1905 года Столыпин пытался насадить в деревне новый класс независимых, зажиточных и консервативных в своих взглядах фермеров (так называемое хуторское хозяйство). Но после Октябрьской революции 1917 года эта прослойка очень быстро исчезла, не оказав никакого сопротивления новому режиму¹. В 1918 году большевики предприняли попытку мобилизовать сельскую бедноту на новое восстание против зажиточных крестьян. Но она с треском провалилась: созданные для этого комитеты бедноты (так называемые комбеды) вскоре были распущены. Та же судьба постигла и многочисленные попытки организовать сельскую бедноту в годы нэпа (1921–1928 годы). Попытки социализировать деревню

пулисты так и не получили возможности на деле реализовать свою политику в отношении крестьянства и поэтому их взгляды в данном контексте не представляются значимыми.

¹ См. главу 8, раздел 2.

с новой силой возобновились в период коллективизации. Власти ожидали, что на селе произойдет социалистическая революция, что деревенская беднота при содействии городского пролетариата поднимется против своих эксплуататоров. Но тут мощь Советского государства натолкнулась на ожесточенное сопротивление крестьянства, выступившего против него единым фронтом. Позднее Сталин определил эту борьбу как не менее ожесточенную, чем битва при Сталинграде¹. Это фундаментальное противоречие между официально провозглашенными целями и реальными результатами политики в области сельского хозяйства образует главное содержание политической истории российской деревни начала XX века и будет ядром нашего исследования².

То очевидное обстоятельство, что известные теории, пытающиеся дать общую картину развития сельского хозяйства России, плохо согласуются с реальными фактами, может иметь под собой три причины: авторы либо вовсе не признают существования проблемы, либо считают, что естественный процесс был как-то искусственно замедлен, либо вводят в свой анализ какие-то новые условия. Первый подход базируется или на отрицании самого факта неожиданно высокой политической сплоченности российского крестьянства³, или же на игнорировании существования размежевания и поляризации внутри него в рассматриваемый период. Иная разновидность аналогичного подхода связана с полным отказом от классового анализа, постулирующего обязательное наличие корреляции между социально-экономическим положением определенной

¹ Сталинское описание коллективизации (в интерпретации Черчилля) приводится в: Maclean F. *Eastern Approaches*. London, 1951. P. 360.

² Более подробно эти вопросы освещаются в главах 9 и 10.

³ Подобного взгляда придерживались многие официальные советские ученые, особенно после коллективизации.

группы и ее политической активностью. Ни данные по России, ни результаты сравнительных исследований не подтверждают адекватности подобного взгляда. Если говорить о втором подходе, то здесь исходная теория принимается, однако при этом делается оговорка, что прошло недостаточно времени для того, чтобы предсказываемые на ее основе изменения могли проявить себя в полной мере. Таким образом, его сторонники основное внимание направляют на анализ факторов социальной инертности, объясняя с их помощью задержку реализации предсказанных изменений. По их мнению, именно они обуславливают избыточную стабильность системы. Исследования, проводившиеся в этом ключе, дают нам интересную информацию о традиционном укладе жизни на селе, об организации и функционировании крестьянской общины и т. д.¹ Наконец, критика канонической базовой модели развития общества, основанного на сельском хозяйстве, может идти по линии новой интерпретации природы и внутреннего взаимодействия тех факторов, которые мы рассматриваем как существенные. Данное исследование, как будет видно из дальнейшего, реализует именно такой подход. Мы убеждены, что адекватное понимание интересующих нас проблем достижимо только при анализе целого ряда дополнительных факторов. Особое внимание будет уделено *процессам, обеспечивающим стабильность социальной системы*. Нам кажется, что во многих теориях, анализирующих социальные изменения, данному аспекту проблемы уделяется явно недостаточное внимание.

В данной работе мы прежде всего исходим из представления о том, что специфика социально-экономической мобильности², присущей крестьянству, во мно-

¹ Например, исследования Лужина и Резунова, а также работы Таниучи и Мейла, которые будут упомянуты в главах 9 и 10.

² Понятие «мобильность» мы используем в смысле вертикальной мобильности, как ее определяет Энциклопедия социаль-

гом определила особый характер влияния процессов внутреннего расслоения российского крестьянства на его политическое сознание и политическую активность. При этом нас интересуют не столько глобальные процессы изменений общества сельскохозяйственного типа, сколько социальные последствия особой природы крестьянского труда (в частности, его многомерный и циклический характер), а также индивидуальной мобильности русских крестьян¹. Проведя анализ отношений между различными социальными группами, мы покажем, что основной конфликт интересов был между членами крестьянских комитетов и представителями партийного и государственного аппарата, направленными на село из города. Он отодвинул на задний план противоречия, существовавшие внутри крестьянского сообщества. Наконец, мы постараемся понять, как связаны между собой картина социально-экономической мобильности, характерная для крестьянства, и типы социальных конфликтов, присущие обществу, основой которого является сельское хозяйство. Уяснение этого, как нам кажется, важно не только для объяснения истории развития сельского хозяйства в России, но и шире — для понимания роли крестьянства в современном мире.

Прежде чем оценивать адекватность проведенного нами анализа, имеет смысл обозначить то, что *выходило за его рамки*. Используемые нами подходы и понятия не претендуют на то, чтобы стать универсальным инструментом для понимания любого общества крестьянского типа безотносительно к временным, географическим, политическим и культурным условиям его существования. Но некоторые обобщения, ви-

ных наук (*The Encyclopaedia of the Social Sciences*, 1st edition. Vol. 2. New York, 1930. P. 554), но ограничиваем его только социально-экономическим параметром.

¹ Отношения между различными формами мобильности обсуждаются в главе 4, раздел 4.

димо, возможны. Во-первых, это должно быть полезно для уяснения российской истории, особенно того важного ее периода, который начался сразу после Октябрьской революции 1917 года и продолжался вплоть до начала коллективизации (1929 год). Во-вторых, это может оказаться полезным для организации более общих исследований крестьянства как социальной группы, поскольку обсуждаемые процессы вряд ли ограничиваются только российским крестьянством. Недавние исследования, проводившиеся в Турции, Иране, Китае и Японии, указывают на сходные тенденции¹. Если это действительно так, то нам придется скорректировать в этом свете некоторые представления о современном крестьянстве, по крайней мере относительно живучести традиционных укладов жизни. Отсюда можно сделать определенные выводы в отношении рациональной организации сельского быта в развивающихся странах. В-третьих, польза может быть и для социологической теории более высокого уровня. Обсуждение роли так называемых неэкономических факторов в развитии экономики, уточнение аналитических понятий типа «циклическая мобильность» или «вертикальное разнообразие», приведение моделей общества в соответствие с новыми эмпирическими данными — все это способно существенным образом обогатить наши теоретические представления о различных социальных структурах и их динамике.

Задача изучения российского крестьянства и его быта приобретает особую значимость, если принять во внимание, что в последнее десятилетие XIX века и в первую четверть XX века ее решением занимались многие высоко образованные и преданные своему делу представители русской интеллигенции². Благодаря их уси-

¹ См. главу 6, раздел 5.

² Стоит отметить, что многие исследователи, работавшие при земствах, занялись этим в связи с тем, что из-за участия в революционной деятельности им было запрещено жить в больших городах

лиям был собран обширный и качественный эмпирический материал, который еще не до конца изучен и обобщен. Российские экономисты, социологи и этнографы того времени, занимавшиеся проблемами крестьянства, были в подлинном смысле слова пионерами мировой науки. После революции и вплоть до 1928 года эта работа весьма успешно продолжалась в масштабе всей страны сотрудниками Центрального статистического управления (ЦСУ) и другими государственными плановыми органами. Собранные ими материалы вплоть до настоящего времени остаются уникальным и непревзойденным образцом исследований в области крестьяноведения. Нужно признать, что использование их в настоящее время сопряжено с большими трудностями. Часть источников утеряна; многие авторы уже ушли из жизни. Интерпретация фактов не всегда была четкой и безупречной. В самих первоисточниках мы нередко встречаем досадные технические огрехи, которые накладываются на свойственную многим русским ученым недостаточную скрупулезность при работе с фактическим материалом. А если учесть, что Россия в первой половине XX века прошла через полосу революций, войн и чисток, то легко понять, почему поиск исторических документов тут часто превращается прямо-таки в детективный роман. И тем не менее, несмотря на все трудности, работа по изучению этого богатейшего научного наследия чрезвычайно интересна и плодотворна.

Выбор географии и временного отрезка для данного исследования был во многом обусловлен доступностью исходных материалов¹. И тем не менее изучаемый нами период (1910–1925 и особенно 1917–1925 годы) действительно является крайне важным для российского крестьяноведения и несомненно заслуживает углубленно-

и преподавать в университетах. Другие занимались этим делом добровольно в соответствии со своими политическими убеждениями.

¹ См. главу 4, разделы 1, 2 и 3.

го изучения. Географический регион — это центральные сельскохозяйственные области европейской части России. Но поскольку в этих районах тогда проживало более трех четвертей всех крестьян, эти районы вполне могут рассматриваться как представительные для России в целом. Однако мы не всегда строго придерживались заданных ограничений: в тех случаях, когда это представлялось целесообразным, мы привлекали также данные, относящиеся к другим периодам и регионам. С другой стороны, сделанные выводы должны быть в определенной мере применимы к другим периодам и районам — в частности, ко всем трем первым десятилетиям XX века и ко всем сельским районам России, Украины и Белоруссии.

Работа состоит из трех частей и приложений. В *первой* части сделана попытка представить базовую информацию, необходимую для анализа основных проблем, конфликтов и альтернатив, с которыми сталкивалась Россия, а также для понимания места крестьянства в российском обществе. Далее мы рассматриваем социальную структуру российского крестьянства, выявляя его специфические черты. Читатель вполне может без ущерба для себя пропустить эту часть, если он уже обладает достаточными знаниями по данным вопросам. *Вторая* часть посвящена систематическому анализу социально-экономической дифференциации крестьянских хозяйств и вопросам мобильности в этой среде. Подробно рассматриваются явления многомерной и циклической мобильности крестьян, их причины и последствия в плане складывающегося соотношения сил между различными социальными группами внутри самого этого класса. В *третьей* части работы российское крестьянство анализируется в терминах классической политической социологии, то есть в аспекте выявления соотношения сил и борьбы в деревне между основными социальными группами. Рассматривается в основном аграрная революция 1917–1919 годов, а так-

же выявляются основные группы и отношения между ними в российской деревне накануне коллективизации. В конце каждой части (главы 6–7 и 9–10 соответственно) подводятся итоги обсуждения. Отдельные части работы являются в известной мере независимыми друг от друга, а поднимаемые в них проблемы порой выходят за рамки основной тематики книги. Тем не менее автор надеется, что читатель все же воспримет ее как некое целое — как социологическое исследование, дающее не только общую картину развития сельского хозяйства в России, но и позволяющее представить себе более широко некоторые характерные черты функционирования сельской социальной структуры вообще.

Прежде чем приступить к основному исследованию, автором был проделан некий предварительный анализ, направленный на прояснение ряда существенных моментов. Две подготовительные работы даны в самом конце книги в качестве приложений. В первой из них излагаются те методологические принципы, на которые автор опирается, анализируя социальную структуру и политическую активность крестьянства как особого класса. Вторая работа описывает обычаи наследования имущества у российских крестьян. Этот материал мыслится как дополнение к тому, что рассматривается во второй главе книги. Он также призван помочь лучше понять те данные, которые анализируются в пятой и шестой главах. В библиографии приводятся основные источники, использованные при написании книги.

Понятия, применяемые для анализа социальной структуры крестьянства, не всегда достаточно точны и однозначны, что говорит о неполноте наших знаний о предмете. Большинство из них прямо и некритически заимствованы из области анализа структуры капиталистического общества городского типа, принципиально иного по своему устройству. Из-за этого они часто являются шорами, мешающими увидеть истинную сущность изучаемых явлений. Следует упомянуть и еще

один существенный момент. Английский язык, в отличие от русского, уже давно был приспособлен к анализу городской среды и рыночной экономики. В нашем случае это не помогает, а только мешает делу. Пытаясь вырваться из плена языка, мы часто были вынуждены либо прямо заимствовать русские слова, либо как-то их модифицировать. Для английского уха они могут звучать непривычно. Но если нам удалось добиться большей ясности смысла за счет некоторых стилистических шероховатостей, мы считаем это вполне оправданным. Как говорит специалист в этой области: «Хотя изобретение новых слов само по себе мало что дает, оно все же является совершенно необходимым для обеспечения прогресса наших знаний»¹. Мы также попытались несколько исправить положение за счет использования таблиц и диаграмм, а также путем составления списка специфических терминов.

Выводы, которые делаются на основании проведенного исследования, носят, конечно, лишь предварительный характер. Уже в ходе работы нам стало совершенно ясно, что многие дополнительные вопросы тоже требуют анализа. На первом плане по важности — вопросы динамики благосостояния крестьянства, включающие такие моменты, как обогащение, накопление капитала и т. д. К ним примыкают вопросы экономических связей с внешней средой (налоги, рента, торговля и т. д.) и социальной значимости этих отношений. Данные о бюджете крестьянской семьи, представленные в четвертой главе, могут лечь в основу подобного исследования. Необходимы также крупномасштабные исследования политического сознания и политической активности крестьянства. Отметим, что исходные данные для этого существуют. Наконец, сравнительные исследования, касающиеся социально-экономиче-

¹ Baldamus W. Notes on Stratification Theory. *Discussion Papers, University of Birmingham, Faculty of Commerce and Social Science*. 1967. № 5. P. 23.

ской мобильности, чрезвычайно актуальны для современных развивающихся стран. Методология, которая была предложена российскими учеными, представляется нам вполне адекватной для этих целей. Подобные исследования очень важны для научно обоснованного планирования дальнейшего социально-экономического роста и развития. После осуществления таких преобразований будет смысл вернуться к проблемам, затронутым в данном исследовании, и проанализировать их еще раз в свете опыта нашего поколения.

Часть I
*Россия и ее крестьянство
на пороге XX века*

ГЛАВА 1

Россия

как развивающаяся страна

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

Н. А. Некрасов

1. НАКАНУНЕ XX ВЕКА

В КОНЦЕ XIX века Россия представлялась западному «цивилизованному миру» как огромная отсталая страна, терявшаяся где-то на краю бесконечного азиатского материка, наследница некогда могучего монгольского ханства. Это вроде бы не Европа, но все же отчасти Европа — какой-то странный довесок к динамично и свободно развивающемуся Западу. Любое упоминание о ней сразу рождало представление о непролазных дорогах, убогих деревеньках, надменных аристократах, деспотичных правителях, огромном войске, которое в 1848 году как саранча налетело на Европу и задушило порыв к свободе, получивший название «весна народов».

Ощущение гигантизма было вполне реальным. Некогда весьма скромное Московское княжество постепенно разрослось до огромной империи, занимавшей 26,5 миллионов

квадратных километров — одну шестую всей территории суши на планете. В конце XIX века Россия по площади была в три раза больше США, в сто с лишним раз больше Англии¹. Согласно данным первой официальной переписи населения, проведенной в 1897 году, в стране на тот момент проживало 128 миллионов человек². Среди них были представители почти 200 национальностей, говорившие на 146 языках и принадлежавшие к десяткам религиозных групп. При этом русские составляли большинство населения страны. Семнадцать миллионов человек (13% всего населения) проживали в 865 городах Российской империи³. Среди царских подданных было 24 миллиона промышленных рабочих, более миллиона солдат, один миллион чиновников, 300 тысяч заключенных, 17 тысяч студентов и более 100 миллионов крестьян⁴. Богатства России были не менее обширны, чем ее территория⁵. Но если рассматривать эти внушительные цифры с учетом численности населения, то по сравнению с Европой Россия была бедной и отсталой страной. Доход на душу населения в 1900 году в России был в три раза ниже, чем в Германии, в 4,2 раза ниже, чем в Англии, и даже в 1,5 раза ниже, чем на Балканах⁶. Производство железа в пересчете на одного рабочего было

¹ См.: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств*. Год седьмой. СПб., 1914. С. 2.

² См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1907, дополнительный том 4/Д. С. 1.

³ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. М., 1952. Т. 2. С. 118.

⁴ См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1907, дополнительный том 4/Д. С. 9; Lorimer F. *The Population of the Soviet Union*. Geneva, 1946. P. 25; Бутягин А., Султанов Ю. *Университетское образование в СССР*. М., 1957. С. 30 (число студентов указано на 1990 год).

⁵ См., например: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 414–415.

⁶ См.: Финн-Енотаевский А. *Капитализм в России (1890–1917 годы)*. 2-е изд. М., 1925. Т. 1. С. 189.

в два раза меньше, чем в Западной Европе, и в четыре раза меньше, чем в США. Сеть российских железных дорог по общей протяженности была на втором месте в Европе. Но по отношению к территории и к населению России в Европе она занимала одно из последних мест¹. В 1897 году большинство жителей России старше десяти лет (три четверти населения) было неграмотно².

Но если факт отсталости налицо, то про полный застой не может быть речи. В политической жизни один за другим следовали важные события: учредительные съезды партии социал-революционеров (1901–1902 гг.), крайне неудачная русско-японская война (1904–1905 гг.), создание в 1905 году Государственной думы (парламента), революция 1905–1906 годов и последовавший за ней период реакции. Параллельно происходил целый ряд масштабных социальных перемен. В 1900–1913 годах около четырех миллионов крестьян переселились в города и еще более двух миллионов отправившись на освоение новых земель в азиатской части России³. Бурно развивалось образование, так что к 1913 году более половины всех детей посещали начальную школу⁴. После 1906 года условия жизни рабочих улучшились⁵. Но больше всего впечатляют темпы

¹ По этому показателю за ней следовали только Скандинавия и Черногория (*Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств*. Год седьмой. С. 598–599).

² См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, цит. соч., дополнительный том 4/Д. С. XX.

³ См.: Любны-Герцых Л. (ред.) *Труды государственного колониального научно-исследовательского института*. М., 1926. Т. 2. С. 7; Турчанинов Н., Домрачев А. *Итоги переселенческого движения по 1914 году (включительно)*. СПб., 1916. С. 44–45, 66–68. См. также главу 5, раздел 4.

⁴ Timasheff N. *The Great Retreat: The growth and decline of communism in Russia*. New York, 1946. P. 34.

⁵ Gordon M. *Workers Before and After Lenin*. New York, 1941. P. 65–73. См. также: Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. М., 1960. С. 77.

Таблица 1.1

Показатели экономического развития России в 1900–1913 годах

Показатель	1900	1913	% к 1900
Население: в целом (млн)	135,4	164,3	121
городское (%)	13	17	–
Производство:			
зерно (млн м т)	58,8	74,5	127
железо и сталь (млн м т)	2,7	4,0	148
уголь (млн м т)	16,9	35,9	212
хлопок для промышленных целей (млн м т)	0,261	1,51	575
Экспорт в целом (млн)	716	1,520	212
Промышленные предприятия:			
капитал (млн)	1,886	3,900	208
оборот (млн)	3,503	6,882	195
Государственные расходы (млн)	1,464	3,094	211
Национальный доход:			
общий (млн)	6,100	11,800	193
на душу населения (руб.)	63	101	160

Источники: Ден В. *Курс экономической географии*. М.-Л., 1925. С. 9 (население); Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. М., 1952. Т. 2. С. 414–415 (производство и экспорт); Финн-Енотаевский А. *Капитализм в России (1890–1917 гг.)*. М., 1925. Т. 1. С. 179, 185, 189 (государственные расходы и национальный доход).

экономического роста. За период с 1900 года до начала Первой мировой войны на 27% выросло производство зерна, а рост промышленного производства в это время шел еще более быстрыми темпами. Национальный доход и государственные расходы за указанный период удвоились. Вдвое выросли также объемы экспорта¹. Правда, за тот же период на 29% выросли розничные цены на товары внутри страны (в среднем на 12,5% на промышленные товары и на 40,9% на сельскохозяйственную продукцию)². При этом население увеличилось на 21%. Общий показатель валового националь-

¹ См.: Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. 2-е изд. М.-Л., 1926. Вып. 3. С. 13–15.

² Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 350–351.

ного продукта ежегодно увеличивался примерно на 5%, но если рассчитывать его на душу населения в твердых ценах, то он составлял менее полутора процентов.

Какие же выводы мы можем сделать, основываясь на имеющихся данных об экономическом развитии России и происходивших тогда в стране социальных изменениях?

Во-первых, Россия в то время была большой, но бедной. Это полностью соответствует тем представлениям, которые тогда существовали о ней на Западе. Однако несмотря на свою отсталость, страна достаточно успешно развивалась, демонстрируя сравнительно высокие темпы роста производства, оборота товаров и доходов населения, если судить по международным критериям. Рост валового промышленного производства был высоким по сравнению с развитыми странами, но уступал большинству из них, если брать в расчете на душу населения¹. Данные говорят также о том, что очень быстрый экономический рост наблюдался во второй половине девятнадцатого века. Затем в 1900–1907 годах был некоторый спад, после которого в 1909–1913 годах снова начался подъем².

Во-вторых, большинство исследователей сходятся в понимании причин рывка российской промышленности после 1893 года. Одной из них была крупная программа строительства железных дорог, инициированная правительством³. Следствием ее принятия стали крупные заказы на промышленные товары и улучшение возможностей для экспорта. К началу XX века темпы строительства железных дорог снизились, но правительство продолжало активную политику прямых государственных вложений в промышленность (в 1913 году 60% доходов в бюджет страны составляли

¹ Goldsmith R. W. Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913. *Economic Development and Cultural Change*. 1961. Vol. 9. No. 3. P. 474–475.

² Ibid. P. 398–401.

³ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 123–127.

поступления от деятельности различного рода предприятий, контролируемых государством)¹. С целью стимулирования развития отечественной промышленности государство также установило высокие пошлины на импортируемые товары. В Россию потекли иностранные инвестиции, поскольку доходность вложения денег тут была значительно выше, чем в Западной Европе. Привлечению иностранного капитала способствовала также поддержка в виде государственных гарантий для вложений в строительство железных дорог и развитие местного самоуправления. Благодаря этому иностранные вложения в российскую экономику составляли примерно 200 миллионов рублей в год². Кроме того, аккумуляция капитала в значительной мере способствовало непрерывное переливание ресурсов из сельского хозяйства в городской сектор через систему многочисленных налогов и сборов, которыми облагались крестьяне. Постоянный рост мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, наблюдавшийся после 1895 года, также обеспечивал России положительный платежный баланс³. Спад темпов роста российской экономики наблюдался в начале XX века как следствие экономического кризиса в Европе и неудачной русско-японской войны. Однако в 1909–1913 годах ее быстрый рост восстановился. За этим стояло сочетание двух факторов. С одной стороны, Россия была крупным экспортером зерна, а цены на него на международном рынке постоянно росли. С другой стороны, некоторое улучшение жизни в городах после револю-

¹ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 388–390.

² Dobb M. *Soviet Economic Development since 1917*. London, 1960. P. 38; Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 96, 138, 146–148. П. Лященко (*История народного хозяйства СССР*. С. 385) указывает, что за период 1898–1913 годов объем иностранных инвестиций ежегодно составлял в среднем 280 миллионов рублей, причем половину этой суммы составляли государственные заимствования.

³ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 416.

ции 1905–1906 годов привело к быстрому расширению внутреннего рынка. Последний фактор в совокупности с повышением государственных расходов обусловил, в свою очередь, промышленный рост и дальнейшее накопление капитала.

В-третьих, если сравнивать развитие промышленности с развитием сельского хозяйства, то здесь мы обнаружим существенные различия. Почти все современные исследователи экономического развития России опираются на данные Лященко, приведенные в табл. 1.1. Однако приводимая им общая таблица¹ не дает полного представления об истинном характере отношений между промышленностью и сельским хозяйством в России того времени. Он отмечает лишь рост производства зерна на 46% за период с 1899 по 1913 год, но при этом ничего не говорит о том, что 1913 год был на редкость удачным в плане урожая зерновых. Кроме того, в таблице не представлен чистый экономический рост без учета параллельного роста народонаселения. И еще один немаловажный фактор: значительный рост производства зерна был достигнут во многом за счет распахания земель, которые ранее занимали пастбища. Если принять это во внимание, то окажется, что продукция животноводства, которая, по некоторым оценкам, составляла около четверти всего сельскохозяйственного производства России, в пересчете на душу населения за этот период фактически сократилась². Но в целом, поскольку производство зерновых культур и продуктов животноводства в сумме составляло девять десятых всего сельскохозяйственного производства, показав

¹ См. Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 395.

² См.: там же. С. 278–279; П. Крымов (*Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции*. М., 1967. С. 513) считает, что до революции на долю животноводства приходилось всего 10% сельскохозяйственного производства в стране. Но это, несомненно, явная недооценка. См. также: Goldsmith R. *Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913*. P. 451.

тели должны оставаться примерно на том же уровне¹. За период 1900–1913 годов промышленное производство в России в пересчете на душу населения возрастало примерно на 5% в год, в то время как рост продукции сельского хозяйства лишь слегка опережал рост населения². Таким образом, явный контраст между стремительным развитием промышленности, с одной стороны, и довольно низкими темпами развития сельского хозяйства — с другой, был характерной чертой экономического развития России в начале XX века³.

Нам представляется, что анализ истории экономического развития России имеет непосредственное отношение к ведущимся в настоящее время дебатам о судьбах развивающихся стран. Социальные системы и экономические условия никогда в точности не повторяются. Но это не должно быть препятствием для сравнительного анализа. В то время, о котором идет речь, Россия было страной с преимущественно сельским населением с годовым доходом менее 100 долларов на душу населения и с правительством, которое очень активно проводило в жизнь политику индустриализации в эпоху, когда в мире господствовали промышленно развитые страны. Здесь легко усматриваются прямые параллели с современным состоянием вещей в мире.

2. «РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СТРАНА» — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В 1946 году Н. Тимашев опубликовал в Нью-Йорке обширный труд, в котором он рассматривал Россию как

¹ См.: Goldsmith R. *Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913*. P. 453.

² Ibid. P. 442.

³ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 408; Black C. (ed.) *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, Mass., 1960. P. 50–51.

развивающееся общество¹. Используя мысленный эксперимент в веберовском понимании этого слова, он попытался представить себе, какой была бы Россия к 1940 году, если бы ее историческое развитие не было прервано, а те основные тенденции, которые существовали с конца XIX века вплоть до 1913 года, продолжали бы действовать. Он приходит к выводу, что страна, вне всякого сомнения, пришла бы по меньшей мере к тому же уровню индустриализации, образования и доходов, который она продемонстрировала при сталинском правлении, «не отбрасывая при этом искусство и философию назад по меньшей мере на целый век»². Произшедшую коммунистическую революцию он рассматривает не как историческую необходимость, а как опасную болезнь, выражая уверенность в том, что «у России есть достаточная жизненная энергия для ее преодоления»³. Он считает, что те высокие темпы роста, которые были достигнуты в самом начале XX века, сами по себе уже создали достаточный импульс для дальнейшего прогресса. Экономический бум 1909–1913 годов, связанный с расширением внутреннего рынка, был дополнительным фактором «взлета».

Идеи Тимашева и в дальнейшем не потеряли своей привлекательности. Их отзвук слышится в ряде более новых публикаций, которые, правда, прямо на него не ссылаются⁴. Но если мы сравним экстраполяции, предлагаемые Тимашевым, с тем, что наблюдается в современных развивающихся странах, то увидим явное несовпадение. И статистические данные, и заключения специалистов говорят о том, что картина далеко не

¹ Timasheff N. *The Great Retreat*. P. 386.

² Ibid. P. 394–395.

³ Timasheff N. *The Russian Revolution. The Review of Politics*. 1943. Vol. 5. No. 4. P. 440.

⁴ См., например: Tremi V. (ed.) *The Development of the Soviet Economy: Plan and Performance*. New York, 1968 и особенно содержащуюся в ней статью Нэттера (P. 290–296).

утешительная и что тревожные симптомы нарастают. Мюрдаль утверждает, что в наше время накапливаются как положительные, так и отрицательные потенциалы развития¹. В условиях свободного рынка накопление капитала создает условия для дальнейшего развития этого процесса, для роста производительности труда. Развитие образования приводит к расширению его сферы. Одновременно действует и обратная закономерность: отсутствие необходимых материальных ресурсов, низкая производительность труда, ограниченный доступ к образованию, неразвитость политических институтов приводят к росту социального неблагополучия. Возникает своего рода порочный круг. И дело тут не только в действии каких-то объективных или естественных экономических законов: тенденция кумуляции позитивных и негативных трендов своими корнями уходит в сложившуюся систему неравенства на международной арене. В мире, где традиционно доминируют мощные игроки, развивающиеся страны оказываются в положении слабых новичков. Они не в состоянии проводить независимую политику в мире, где тон задают великие державы, а их местные производители просто не способны конкурировать с мощными индустриальными гигантами. Современное массовое производство и возникновение искусственных материалов приводят к тому, что цены на продукты, традиционно экспортируемые этими странами, падают. И чем дальше, тем все труднее восстановить некогда существовавший баланс². Разрыв между развитыми и развивающимися странами увеличивается. Само по себе существование развитого мира с его накопленной экономической мощью и реальной политической силой становится препятствием для устранения этого разрыва.

¹ Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London, 1957.

² Furtado C. *Development and Underdevelopment*. Berkeley-Los Angeles, 1967.

Можно ли считать, что экономическое развитие России в самом начале XX века проходило в принципиально иных условиях по сравнению с теми, которые характерны для современного мира? Насколько верны прогнозы Тимашева и какие выводы мы можем сделать из фактического хода экономического развития страны? Может ли дореволюционное развитие России стать ключом к пониманию основных проблем современности? Чтобы ответить на эти вопросы, давайте обратимся, с одной стороны, к трудам ведущих современных специалистов по экономическому развитию¹, а с другой — к истории российского западного соседа — Германии. Похоже, что историческое поведение предпринимателей из числа среднего класса (ранних западноевропейских капиталистов) в известном смысле уникально. В современных развивающихся странах при их спонтанном развитии обнаруживается тенденция к расслоению на бедные и отсталые низы, которым противостоят паразитические элиты и военные режимы². Получается, что на одном полюсе оказываются страны, которые были пионерами капиталистического развития. Как привило, они же оказывались в числе стран-колонизаторов. На другом полюсе находятся бывшие колонии, которые сегодня главным образом и составляют страны, называемые развивающимися. Но, похоже, существует еще и некая промежуточная группа — страны, которые вступили в фазу капитализма и индустриализации немного позднее, чем пионеры этого процесса, однако сохранили свою независимость, избежав пагубного влияния периода колонизации. Они оказались в весьма выгодном поло-

¹ Furtado C. *Development and Underdevelopment*, 1967; Baran P. *The Political Economy of Growth*. New York, 1957; Frank A. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York-London, 1967.

² См., например: Andreski S. *Parasitism and Subversion. The Case of Latin America*. New York, 1966 или Dumont R. *False Start in Africa*. New York-London, 1966.

жении: во-первых, у них уже был некоторый собственный исторический опыт; во-вторых, они могли опереться на опыт пионеров и не повторять их ошибок; в-третьих, фаза их самого активного развития пришлось на то время, когда мировой рынок еще не сложился и не был поделен между основными игроками. На ум сразу приходят США, хотя в данном случае условия были особенно благоприятными. В своем развитии эта страна во многом опиралась на опыт Англии, хотя воспроизводила его на более высоком уровне концентрации капитала и технического прогресса. Вдобавок в Америке отсутствовали докапиталистические структуры и традиции, но имелись большие «свободные» земли — малонаселенные районы или территории, жителей которых можно было легко истребить. Находясь достаточно далеко от Европы, США не были вовлечены в раздиравшие Старый Свет конфликты. Но при этом Америка активно торговала с Европой и перенимала ее позитивный опыт. А уже во время Первой мировой войны она стала для Западной Европы основным кредитором.

К другим членам рассматриваемой группы можно отнести Германию, Японию и Россию, хотя последняя существенно отставала от первых двух по своему развитию и динамизму¹. Несмотря на различие конкретных исторических условий, все три страны обнаруживают значительные сходства как в плане характера возникавших перед ними проблем, так и в плане методов решения, которые избирало руководство каждой из них.

Германии в девятнадцатом веке удалось во многом избежать наиболее нежелательных последствий социального расслоения благодаря очень активному вмешательству государства в начавшийся процесс активной

¹ Goldsmith R. Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913. P. 474–475.

индустриализации¹. Правительству, возглавляемому Бисмарком, удалось, по крайней мере частично, устранить внутренние социальные препятствия на пути этого процесса, защитив одновременно германского производителя от мощной внешней конкуренции. Российское руководство той поры сознательно пыталось подражать в этом Германии. Целая плеяда блестящих премьер-министров и министров финансов — Бунге, Менделеев, Витте, Столыпин, Коковцов — последовательно отставали политику прямого и активного воздействия на развитие экономики и поддержки отечественного производителя². Очень сильное влияние на развитие экономики оказывал Российский государственный банк, отличавшийся от других европейских банков тем, что финансировался преимущественно государством³. Как пишет Лященко: «Политика увеличения национального долга как источника финансового благополучия — это основа развития промышленного капитализма»⁴. Проводимая государством политика способствовала созданию условий для рентабельности промышленного производства за счет поддержания низкой зарплаты, а также направления части выручки от продажи сельскохозяйственной продукции на развитие промышленности в городах.

Возможности для быстрого экономического развития у России были лучше, чем у современных развивающихся стран, в нескольких отношениях. Во-первых, растущие цены на зерно — основной продукт российского экспорта — обеспечивали сохранение постоянно-

¹ Обсуждение этих вопросов можно найти, например, в главе 10 книги: Clairmonte F. F. *Economic Liberalism and Underdevelopment. Studies in the Disintegration of an Idea*. New York, 1960.

² Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 387–393, 408, 414–417. Black C. (ed.) *The Transformation of Russian Society*. P. 47–61, 211–223.

³ Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 94–95.

⁴ Там же. С. 366–367.

го положительного платежного баланса и способствовали увеличению сельскохозяйственного производства. Во-вторых, у России, в отличие от современных развивающихся стран, отсутствовало недавнее колониальное прошлое: мощное и в высшей степени централизованное российское государство было в состоянии не только мобилизовать необходимые ресурсы, но и довольно успешно противостоять иностранному политическому и экономическому нажиму. Два других фактора (хотя они, возможно, играли не столь важную роль) напрямую связаны с обширной территорией страны. Во-первых, азиатская часть страны являлась своего рода гибридом Британской Индии и американского Дикого Запада: это была, с одной стороны, эксплуатируемая колония, а с другой — бескрайний простор для освоения¹. Во-вторых, размеры и природные богатства России можно рассматривать как дополнительный позитивный фактор (хотя нельзя забывать, что современные Индонезия или Бразилия, обладая весьма значительной территорией и немалыми природными богатствами, все же остаются крайне бедными и ограниченными в своем экономическом росте).

И тем не менее перспективы дальнейшего устойчивого социально-экономического развития были далеко не блестящими. Ведь оно предполагало наличие положительного платежного баланса. А экспорт России в 1913 году более чем на половину состоял из продуктов питания и только на пять процентов — из промышленных товаров². А в начале 20-х годов XX века условия для экспорта сырья и особенно продуктов питания

¹ Следует отметить, что Россия в своих отношениях с южными и восточными соседями (Персия, Китай и т. д.) также пыталась имитировать «западный» экономический империализм (Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 230–231).

² См.: Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. С. 13–15.

становились все менее выгодными¹. Исключение составлял, пожалуй, только период войны. Вообще, как пишет Аталла, «в XX веке, если не считать каких-то исключительных обстоятельств, условия торговли между экспортерами промышленной и сельскохозяйственной продукции в долгосрочной перспективе будут всегда в пользу первых»². Данная закономерность остается в силе и тогда, когда мы рассматриваем более широкие отношения между сырьем и готовой продукцией. Поэтому основа положительного платежного баланса России и главный двигатель развития внутреннего рынка и производства со временем неизбежно должны были размываться³.

В то же время экономическое развитие России было тесно связано с официальной политикой, всячески поощрявшей привлечение в страну иностранных капиталовложений, и с наращиванием государственного иностранного долга. Известный российский экономист М. Туган-Барановский указывал, что «без привлечения иностранного капитала развитие российской промышленности было бы невозможным»⁴. По оценкам Лященко, объем иностранных инвестиций в Россию за период с 1989 по 1913 год превысил четыре миллиарда рублей, из которых два миллиарда были государственными займами⁵. К 1914 году общий объем иностранных капи-

¹ Atallah M. *The Long-Term Movement of the Terms of Trade between Agricultural and Industrial Products*. Rotterdam, 1958. P. 3–4, 7–9, 12–13, 72–79; Yates L. P. *Forty Years of Foreign Trade: A Statistical Handbook with Special Reference to Primary Products and Under-developed Countries*. London, 1959. P. 38–45, 62–72.

² Ibid. P. 79.

³ О негативном влиянии подобных изменений условий торговли на экономическое положение современных развивающихся стран пишут ведущие английские экономисты в своем письме, которое было опубликовано в газете «Таймс» 29 октября 1957 года.

⁴ Цит. по: Gordon M. *Workers Before and After Lenin*. P. 353.

⁵ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 385.

таловложений в России достиг суммы в 8 миллиардов рублей. Иностранцы владели $\frac{2}{3}$ российского банковского сектора, многими шахтами и промышленными предприятиями¹. Военные расходы привели к увеличению иностранного долга более чем вдвое². После окончания войны для погашения внешних долгов и процентов по ним России пришлось бы искать новые займы за рубежом. Но этого вряд ли хватило бы для погашения задолженности и обеспечения устойчивого и быстрого экономического роста³.

Перспективы экономического развития России стоит рассматривать в более широком контексте взаимоотношений между государственной политикой и экономикой. Вопрос должен стоять так: было ли Российское государство способно преодолеть историческую отсталость страны и обеспечить условия для нового рывка? Ответ на этот вопрос будет не очень оптимистическим. Если в первой половине XIX века Россия в политическом и военном отношении была в числе ведущих мировых держав, то позднее она явно утратила свой высокий статус. Поражение в войне с Японией в 1904–1905 годах и затем в Первой мировой войне, где Россия померилась силами с Германией, подтвердило этот факт и усугубило ситуацию. К внешним неблагоприятным факторам добавились

¹ См.: Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 134, 144. Половину иностранного долга составляли государственные заимствования, 1,2 миллиарда рублей было вложено в строительство железных дорог, 700 миллионов рублей выдано местным органам власти, а оставшаяся сумма представляла собой частные вложения (Там же. С. 147–148).

² См.: Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 148; Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 644.

³ Последствия подобного положения подробно рассматривались на конференции в Дели, где участвовали 75 наиболее бедных стран — членов ООН. Отчет об этой конференции был опубликован в английской газете «Обсервер» 28 января 1968 года.

революционные брожения внутри самой страны. Все это создавало обстановку, которую никак не назовешь спокойной и безоблачной: в начале XX века Россию сотрясали внешние толчки и внутренние противоречия. Первая мировая война привела к усилению зависимости страны в экономическом, политическом и военном отношении от ее бывших союзников. Учитывая нарастание послевоенного кризиса и неспособность правительства контролировать складывающуюся ситуацию, вряд ли правомерно экстраполировать тенденции социально-экономического развития, которые имели место до 1913 года, на будущее.

Но в любом случае мы должны быть крайне осторожны в своих оценках. Ситуация была очень непростой, а время поджимало. Вопрос стоял так: сможет ли Россия быстро оправиться от пережитых потрясений или ее ждет дальнейшее падение? Удастся ли ей повторить путь Германии, сделать экономический рывок и стать членом клуба передовых держав, определяющих судьбы мира? Или она будет и дальше скатываться вниз до положения Китая или Индии, превращаясь в легкую добычу для коварных иностранных империалистов?¹ Но на деле Россия все больше отставала от передовых промышленно развитых стран. В период между 1861 и 1913 годом экономический рост в пересчете на душу населения был немного ниже, чем в среднем по Европе. От Германии Россия отставала по этому показателю в два раза. Еще больше был разрыв с Японией и США (1/3 и 1/5 соответственно). В этом отношении позиция России за указанный период не только не укрепилась, но скорее ослабла². Даже революция сама по себе не могла

¹ Здесь полезно вспомнить о сравнении России с Индией, которое проводил Дobb (Dobb M. *Soviet Economic Development since 1917*. P. 11).

² Goldsmith R. *Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913*. P. 442–443, 474–475; Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 398.

в корне изменить положение России в сложившемся к тому времени мире.

Ситуация была поистине критической. Требовались срочные действия. Но консервативный характер самодержавия и обслуживающего его государственного аппарата препятствовал осуществлению быстрых преобразований. Иностранное экономическое господство, по-видимому, тоже сыграло тут свою негативную роль. Однако главное препятствие на пути радикальных экономических, политических и социальных реформ коренилось в самой структуре российского общества и было связано с тем, что более чем на 4/5 оно состояло из крестьян.

3. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЕКТОР

В 1861 году был принят закон об освобождении крестьян¹. Крепостные перестали быть частной собственностью своих помещиков. Они получили в собственность большую часть земли, которую традиционно обрабатывали, однако были обязаны в течение нескольких десятилетий выплачивать своим бывшим хозяевам значительную денежную компенсацию. В 1867 году закон на тех же основаниях был распространен также и на так называемых государственных крестьян, которые преобладали в северных и азиатских районах страны². Была узаконена особая крестьянская социальная и политическая структура, основными элементами ко-

¹ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. New York, 1949. P. 65, 80–89.

² По переписи 1858 года, 107 миллионов взрослых мужчин числились как «частные крепостные» и 12,7 миллиона как «государственные крепостные» (включая и крепостных, которые принадлежали непосредственно царской семье) (см.: там же. С. 63). Однако Гершенкрон считает, что «частных крепостных» на момент освобождения было 53% от общего числа (Gerschenkron A. *Continuity in History and other Essays*. Cambridge, Mass., 1968. P. 153, 198–206).

торой отныне считались крестьянские домохозяйства и коммуны. Десятки различных исторически сложившихся групп внутри крестьянства были официально объединены в одно сословие по принципу сходства условий жизни и деятельности. Это было оформлено специальными юридическими документами¹.

Согласно первой современной переписи населения, проведенной в 1897 году, 84,2% всех жителей европейской части России принадлежали к сословию крестьян (хотя 6,7% из них проживали в городах)². Эти показатели были бы еще выше, если бы сюда были включены некоторые в принципе крестьянские группы, которые официально не относились к крестьянам (казаки и некоторые нерусские фермеры). Сельское население всей Российской империи превышало 87% от общего числа жителей, хотя доля тех из них, кто по факту не были крестьянами (например, дворяне, жившие в своих поместьях, учителя, местные чиновники и т. д.), была очень небольшой³. Накануне Первой мировой войны доля сельского населения России составляла более 84% общего числа, и такое соотношение оставалось почти неизменным вплоть до начала 30-х годов⁴. Более того, многие так называемые горожане на самом деле не были в полной мере ни рабочими, ни крестьянами: часть времени они проводили в городе, а часть — в деревне. Таким образом, 9/10 россиян имели крестьянские корни или были тесно связаны с крестьянством. По меньшей мере четверо из пяти жили в деревне. Три четверти работающего населения были заняты в сель-

¹ См. главу 2 и приложение А.

² *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, дополнительный том 4/Д. С. XIX.

³ См.: там же. С. 1. Более подробно некрестьянское сельское население рассматривается в главах 2, 9 и 10.

⁴ См.: Дубровский С. *Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в.* М., 1963. С. 410.

ском хозяйстве. Из числа призывников 80% были крестьянами¹. В чисто количественном аспекте Россия была крестьянской.

После освобождения крестьян значительная часть наиболее плодородных земель оставалась в руках помещиков². Однако в России так и не появилось характерной для многих современных развивающихся стран системы, в которой сосуществуют два типа организации труда на селе — крупные коммерческие сельскохозяйственные предприятия и небольшие семейные хозяйства. Помещики почти не владели землей на севере страны и в ее азиатской части. Да и на юго-востоке в руках знати находилось сравнительно мало земельных угодий. Важно также отметить, что российская знать в целом не смогла адаптироваться к новым условиям капиталистического производства. К 1913 году около половины всех земельных участков, принадлежавших помещикам во времена освобождения крестьян, была распродана. Их покупателями были в основном крестьяне³. Половина оставшихся была сдана внаем опять же крестьянам⁴. В 1914–1915 годах лишь около одной десятой всех пахотных земель являлись помещичьей собственностью. Часть из них по-прежнему примыкала к помещичьей усадьбе и обрабатывалась живущими поблизости крестьянами на условиях получения ими части урожая. Таким образом, по существу это тоже было

¹ См.: *Народное хозяйство СССР в цифрах*. М., 1924. С. 105.

² Даже некоторые участки земли (отрезки и т. п.), которые традиционно принадлежали крестьянам, в процессе освобождения последних отошли к помещикам (Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. Ch. 5).

³ См.: Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 131, 262; Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)*. М., 1962. С. 37; см. также главу 3, раздел 2 данной работы.

⁴ См. Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. С. 280; Челинцев А. *Русское сельское хозяйство перед революцией*. 2-е изд. М., 1928. С. 10–11.

крестьянское хозяйство. Если говорить о животноводстве, то помещикам принадлежало только 5% всего поголовья скота¹. Крупные землевладельцы участвовали в сельскохозяйственном производстве главным образом не путем организации солидных предприятий, а просто отдавая свои земли на откуп крестьянам.

Столыпинские реформы 1906–1910 годов имели своей целью создание новой мощной прослойки богатых крестьян, занимающихся ведением сельского хозяйства на капиталистических основах². Представители этой группы селян скупали «личные» крестьянские земли (которые принадлежали отдельным крестьянам, а не общинам). Подобные хозяйства, как правило, демонстрировали очень хорошие экономические результаты: высокую урожайность выращиваемых культур и высокую рентабельность производства³. И тем не менее к 1913 году в России было еще очень мало крестьянских хозяйств, которые стали не просто зажиточными, а по сути превратились в сельскохозяйственные предприятия капиталистического типа⁴. Российское сельское хозяйство в основном работало по модели традиционных мелких семейных ферм. Сравнительно редко среди них попадались современные хозяйства, устроенные по принципу капиталистических ферм. Но именно они начинали играть все более важную роль на рынке⁵. Что касается животноводства, то тут, пожалуй, единственным примером перехода его на чисто капиталистические рельсы был опыт орга-

¹ См.: Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)*. С. 152–155.

² Более подробно о столыпинских реформах см. в главе 2, раздел 2, а также в главе 3, разделы 1–3.

³ Особо речь об этом пойдет в главах 2–4 и 8; см. также: Дубровский С. *Столыпинская земельная реформа*.

⁴ См. там же. С. 469; Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 238–242, 260–261.

⁵ См.: Дубровский С. *Столыпинская земельная реформа*. С. 469; Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 260–261.

низации в Западной Сибири производства сливочного масла на экспорт¹.

Жизнь российских крестьян отличалась прежде всего бедностью. Сельское хозяйство страны, где работали две трети ее населения, в 1913 году давало только половину национального дохода². Средние доходы горожан были весьма невысоки, но средний крестьянин не зарабатывал и половины того. Если при этом исключить из расчета тонкую прослойку зажиточных крестьян, то мы увидим, что подавляющая масса сельского населения страны жила в крайней нищете. При этом еще урожаи в России были в три раза менее устойчивыми, чем в Германии или в Англии. Поэтому нередко в деревне случались голодные годы, которые для мелких хозяйственников означали просто катастрофу³. Естественно, что различие социально-экономических условий регионов страны обуславливало определенную внутреннюю дифференциацию российского крестьянства (об этом речь пойдет чуть позже). Но в целом именно его тотальная бедность прежде всего бросается в глаза.

Морис Добб отмечает, что «главной причиной низкого уровня жизни в царской России являлась низкая производительность сельского хозяйства, в котором была занята большая часть населения — четыре пятых»⁴. Отсюда — бедность крестьян и, как следствие, бедность страны в целом. Если брать урожайность пшеницы, то в 1909–1912 годах этот показатель в России был в три раза ниже, чем в Англии, и в пять раз ниже, чем в Германии⁵. Другие отрасли сельского хозяйства также де-

¹ Yates L. P. *Forty Years of Foreign Trade*. P. 84.

² См.: Хромов П. *Экономическое развитие России в XIX–XX веках*. М., 1950. С. 498.

³ См.: Ден В. *Курс экономической географии*. М.-Л., 1925. С. 193.

⁴ Dobb M. *Soviet Economic Development since 1917*. P. 39.

⁵ См.: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств*. Год седьмой. С. 113–114.

монстрировали весьма низкие результаты. Кроме того, в мелких крестьянских хозяйствах производительность труда была ниже средней¹. Дополнительные доходы, которые крестьяне получали от различного рода промыслов, тоже были незначительными. К тому же с появлением дешевых товаров массового производства народные промыслы пошли на спад². Низкая производительность крестьянского труда и низкие доходы сельских жителей не позволяли им выбраться из бедности: крестьяне просто-напросто не могли приобретать оборудование, машины и удобрения, которые помогли бы им повысить производительность труда и улучшить свое благосостояние. Так, российские земледельцы использовали в 5 раз меньше химических удобрений на единицу площадей, чем их немецкие коллеги, и в 12 раз меньше, чем английские фермеры³. Сложное современное сельскохозяйственное оборудование почти не использовалось. Перепись 1910 года показала, что 34% крестьянских хозяйств не обладали даже самым простым оборудованием, а в 30% из них не было ни одной лошади⁴. Как пишет Робинсон: «Если в стране, где производство зерна образует основу сельского хозяйства, миллионы трудящихся крестьян не могут прибегнуть к элементарной помощи быков или лошадей, трудно себе даже представить все те лишения, которые им приходится выносить»⁵.

Довольно распространено мнение, что у русских крестьян было мало земли. Но это не так. Статистика по-

¹ См. там же. С. 64–81; Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. С. 80–83.

² Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 246–250; Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 96–99. См. также главу 3, раздел 2.

³ См.: Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)*. С. 67.

⁴ См.: Яковцевский В. *Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма*. М., 1964. С. 21.

⁵ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 115.

казывает, что крестьянские земельные наделы здесь были в среднем ненамного меньше, чем в Германии или во Франции¹. Просто крайне примитивный уровень ведения сельского хозяйства создавал ощущение, что для процветания России не хватает рабочих рук и земли². А на самом деле проблемы России заключались в другом — тут оказались сконцентрированными многие недостатки разных способов ведения сельского хозяйства. Из-за этого низкая производительность труда усугублялась его неэффективной организацией и не вполне рациональным использованием имеющихся природных ресурсов³. Стоимость покупки или аренды земли была очень высока. В тогдашней ситуации экономического развития сельского хозяйства России на селе существовала довольно высокая безработица — от 1/3 до 2/5 крестьян не имели постоянной работы. Отсюда — царившая там отсталость и нищета⁴.

На положение крестьянства в России значительное влияние оказывал не только целый комплекс негативных экономических, политических и социальных факторов. Крестьяне официально рассматривались как самое низкое сословие. Существующая система землевладения облагала их весьма обременительными налогами. Объем такого рода платежей за период с 1861 по 1906 год составил около миллиарда рублей⁵. Никак не меньше того им пришлось потратить на покупку и аренду земли, цена которой за период с 1860 по

¹ См.: Вольф М. и Мебиус Г. *Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств*: год издания третий. М.-Л., 1926. С. 41–44, 51–52.

² Lorimer G. *The Population of the Soviet Union*. P. 14–15.

³ Goldsmith R. *Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913*. P. 447; Хромов П. *Экономическое развитие России в XIX–XX веках*. С. 355.

⁴ Доказательства приводятся в главе 4, раздел 4; см. также: Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 97–114, 243; Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.)*. С. 150–151.

⁵ См.: Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 17.

1900 год выросла десятикратно и продолжала расти¹. Невыгодные для крестьян условия торгового обмена между городом и деревней, связанные во многом с курсом правительства на поддержание высоких цен на промышленные товары, тоже негативно влияли на их реальные доходы. Налоги на имущество и на землю в 1913 году съедали до 18% всех доходов. Поэтому крестьянам приходилось продавать часть продукции, которую они изначально планировали оставить себе. И это происходило даже в те годы, когда сами они находились на грани голода².

Крестьяне были на самом дне социальной иерархии России не только в плане своих доходов и своего материального благосостояния. Известно, что в 1897 году более 70% населения страны было неграмотно, и подавляющее число неграмотных составляли естественно крестьяне³. Медицинское обслуживание в сельской местности было на чрезвычайно низком уровне. Крестьяне оказывались совершенно беззащитными перед лицом коррумпированных местных чиновников. Но когда речь шла о защите царя и отечества от разнообразных внешних и внутренних врагов, главной силой тут снова выступали крестьяне в солдатских мундирах.

Что касается основных тенденций экономического развития сельского хозяйства страны в тот период времени, который мы сейчас рассматриваем, то тут, несмотря на известную неполноту и противоречивость имеющейся в нашем распоряжении информации, ясно вырисовываются следующие из них.

¹ См.: Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. С. 355.

² См.: Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. С. 74–75.

³ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 127; Крицман Л., Попов П., Яковлев Я. (ред.) *Сельское хозяйство на путях восстановления*. М., 1925. С. 829–838, 845; Timasheff N. *The Great Retreat*. P. 35; *Народное хозяйство в цифрах*. С. 49.

Во-первых, объем производства зерна рос и чисто количественно, и в плане его стоимости¹. Это было связано, с одной стороны, — с ростом посевных площадей, а с другой — с повышением урожайности зерновых. В целом рост производства зерна несколько опережал рост населения. Хотя набор выращиваемых культур постепенно расширялся, 92,3% всех площадей засеивалось зерновыми культурами². Если брать животноводство, то тут производство увеличивалось более медленными темпами, а в пересчете на душу населения даже снижалось. Поэтому вряд ли мы можем говорить о каком-то реальном росте благосостояния российского крестьянства.

Во-вторых, значительное увеличение экспорта зерна частично связано с расширением деятельности крупных сельскохозяйственных предприятий (ферм) капиталистического типа. Но главным образом это достигалось путем реализации традиционного российского принципа — «сами пусть будем недоедать, но экспорт обеспечим». В той системе налогообложения и функционирования рынка зерна, который существовал в России, это фактически означало, что крестьяне, то есть сами производители, недоедали, а всякого рода перекупщики и посредники грели на этом руки³. Несмотря на расширение объемов внешней торговли, денежный обмен

¹ См.: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств*. Год седьмой. С. 59, 63. За период с 1901 по 1912 год на 17% вырос общий объем посевных площадей. Рост поголовья скота, однако, был далеко не таким значительным (Там же. С. 242–243; Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 278).

² См.: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств*. С. 59.

³ См.: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств*. С. 321, 336; Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 283–285. Приведенное высказывание взято из речи, произнесенной царским министром Вышнеградским в конце XIX века (Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. С. 282). См. также: Лященко П. *Русское*

в среде российских крестьян был еще весьма ограничен: в 1913 году этот показатель (рассчитанный на душу населения) для города был в 20 раз больше, чем для села¹.

В-третьих, за то время, которое прошло с момента отмены крепостного права до Первой мировой войны, общая площадь принадлежащих крестьянам земель существенно выросла. Этот прирост был связан с увеличением посевных площадей путем распаивания части пастбищ, с освоением новых территорий, но главным образом с покупкой или взятием в аренду крестьянами земли, ранее принадлежавшей помещикам. Проблема избытка сельского населения частично решалась за счет оттока молодежи в города и за счет переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Общее количество лиц, покинувших родные места, составляло примерно треть естественного прироста сельского населения². Однако несмотря на это, фактический его прирост по-прежнему опережал темпы роста доли земель, находящихся в руках крестьян, и таким образом средняя величина крестьянского надела реально уменьшалась³.

В-четвертых, накопление капитала, необходимого для приобретения нового оборудования и удобрений, шло весьма медленно. В подобной ситуации трудно было ожидать существенного роста эффективности сельскохозяйственного производства. Там, где это происходило, использование машин, химических удобрений и новых методов хозяйствования вело к резкому повышению производительности сельского труда. Но если брать общую массу крестьянских хозяйств, такие

зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства: К изучению основных тенденций мирового рынка. М., 1927. С. 274, 291, 320–321.

¹ См.: Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма.* С. 218.

² См. далее главу 5, раздел 4.

³ См.: Дубровский С. *Столыпинская земельная реформа.* С. 29–30, 415; Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime.* P. 194.

примеры были скорее исключением, чем правилом: сельское хозяйство России в целом оставалось довольно примитивным¹. А если брать животноводство, которое традиционно в основном обеспечивало накопление средств, то показатели его прибыльности в пересчете на душу населения не росли, а, наоборот, снижались. Общая бедность крестьянства сдерживала процесс накопления капитала в сельском хозяйстве. Происходивший, несмотря на отток из села молодежи, дальнейший рост сосредоточенного там населения еще более размывал этот процесс. Преимущественная часть доходов от внешней торговли России оседала в карманах тех, кто находился на вершине власти. Крестьянство, на которое ложилось основное бремя государственных расходов, а к тому же еще и форсированного развития капиталистической экономики в городах, имело весьма ограниченный доступ к плодам русского «экономического чуда». При всей своей бедности оно являлось наиболее эксплуатируемым классом, которому пришлось во многом расплачиваться за стремительный рост городской экономики.

Наконец, описанный выше процесс экономического роста России породил целый ряд изменений уклада жизни страны, которые не могли не отразиться и на образе жизни русских крестьян. Продолжился интенсивный процесс социально-экономической мобильности, специально поговорить о котором в дальнейшем у нас еще будет возможность. Миграция приобрела широкомасштабный характер². Развитие товарно-денежных отношений, распространение системы народного образования, более тесный контакт с городом привели к тому, что элементы городского быта стали постепенно проникать в крестьянскую жизнь. С другой стороны, крестьяне, перебирающиеся в города, имели тенден-

¹ См., например: Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)*. С. 60–69.

² См. далее главу 5, раздел 4.

цию селиться там компактно, формируя специфическую среду, для которой был характерен артельный дух и уклад жизни. Артель — это традиционный способ организации группы крестьян, уходящих в город на временные заработки. Обосновываясь в городе постоянно, крестьяне, тем не менее, старались держаться сообща и поддерживать друг друга в случае необходимости. Для такой коммуны очень типичным был высокий уровень безработицы, бедность, низкий образовательный уровень и плохие жилищные условия.

Итак, показатели социально-экономического роста и перспективы развития России следует анализировать, принимая во внимание факт преимущественно крестьянского характера населения страны в начале XX века. Отсюда следует, что даже при удвоении заработной платы промышленных рабочих это почти не сказалось бы на уровне жизни народа в целом. Представим себе, что городское население России стало все поголовно грамотным. И в этом случае $\frac{3}{4}$ россиян остались бы неграмотными. И так далее. Любое крупное достижение городской экономики все равно пришлось бы делить на шесть, чтобы оценить его реальный вес в масштабе страны. Например, как указывает Голдсмит, наблюдавшийся тогда ежегодный удельный прирост на 3,5% российской промышленности по отношению к численности ее населения был очень высоким, если судить по международным стандартам. Однако несмотря на это, Россия сильно отставала от других западных стран по реальным темпам индустриализации, поскольку в ее экономике очень высока была доля сельского хозяйства. Практически во всех прочих европейских странах темпы роста промышленной продукции значительно опережали темпы роста сельскохозяйственного производства¹. Накануне Первой мировой войны явное преобладание крестьянства в структуре населения Рос-

¹ Goldsmith R. W. *Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913*. P. 425.

сии превратилось в существенное препятствие для ее экономического и социального развития. Дальнейшая индустриализация страны на могла успешно осуществляться без расширения внутреннего рынка, без наличия грамотной и мобильной рабочей силы, без роста капиталовложений и производительности труда¹. Российское крестьянство стало тормозом для дальнейшего промышленного прогресса. Но мало будет сказать, что российское крестьянство было беднейшей, наиболее эксплуатируемой и наиболее несправной частью населения страны. Необходимо также учитывать, что для него была характерна особая структура социальных связей.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Российское крестьянство демонстрировало специфическую социальную структуру в плане классовых характеристик, основных единиц взаимодействия, социальных институтов и особой психологии, которые будут описаны ниже. Можно говорить об особом укладе всей жизни русских крестьян. По словам одного автора, речь тут идет о «жесткой организованной социальной системе, весьма успешно себя воспроизводящий и сопротивляющийся любым влияниям среды»². Упомянутые выше факторы бедности и эксплуатации вместе с характерны-

¹ Обсуждение ограничений, налагаемых переизбытком крестьян в структуре занятости, можно найти в: Gerschenkron A. *Continuity in History and other Essays*. P. 210–211. См. также приложение 2, раздел 4 и Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 246–250.

² Слова принадлежат Фей Сю Тунгу. Они заимствованы из: Bendix R., Lipset S. *Class, Status and Power. A Reader in Social Stratification*. Glencoe, Ill., 1953. P. 32; см. также: Redfield R. *Peasant Society and Culture: An anthropological approach to civilization*. Chicago, 1956. P. 25, и обсуждение социальных систем, которое З. Бауман дает в: Bauman Z. *Semiotics and the function of culture. Social Science Information*. 1968. Vol. 7. No.5. P. 69–70.

ми особенностями крестьянской социальной структуры подкрепляли друг друга и стабилизировали последнюю.

В середине девятнадцатого века А. Герцен говорил о том, что «с начала восемнадцатого века Россия разделилась на две части, которые вошли в жесткое противостояние», и продолжал: «с одной стороны, богатая аристократическая Россия, вооруженная не только штыками, но и заимствованными из Германии бюрократическими и полицейскими методами правления; с другой — темная, бедная, крестьянская, общинная, демократическая Россия, сдававшаяся первой, так сказать без боя»¹. К 1900 году «верхняя Россия» быстро менялась, вбирая в себя новые социальные слои, порожденные индустриализацией и ростом капитализма. «Нижняя Россия» вероятно никогда не была такой общинной и демократической, какой ее хотели видеть радикалы. Но серьезный раскол между двумя Россиями продолжал существовать. Потребуется еще не одно десятилетие, чтобы от него окончательно избавиться.

В рассматриваемый нами период в России параллельно существовало две издавна сложившиеся социальные системы. Различия между ними были намного глубже, чем различия между двумя классами, действующими внутри некой общей социальной структуры. В то время как значительная часть российских горожан не отличалась сколь-нибудь заметно по своим базовым социальным особенностям от представителей западных капиталистических стран, огромное большинство русских крестьян обитало в социальной организации совершенно иного типа — в относительно «закрытых» архаичных общинах. Их всех объединял, пожалуй, лишь факт проживания на территории одной страны и подчинения единой высшей власти.

Употребляя термин «дуализм», мы вовсе не хотим сказать, что эти группы населения совершенно не об-

¹ Цит. по: Black C. (ed.) *The Transformation of Russian Society*. P. 590.

щались между собой, что социальная граница была задана раз и навсегда. Напротив, уже шли процессы ее размывания. Самым главным тут был процесс формирования рынка и товарно-денежных отношений. Другими аналогичными факторами были военная служба, формирование рынка наемного труда, развитие общенациональной системы образования. Все они так или иначе способствовали интеграции крестьян в более широкую социальную структуру. Но указание на тенденции развития вовсе не отменяет необходимости анализа текущего состояния системы. Термин «дуализм» мы употребляем для описания ситуации, при которой два качественно различных типа социальной структуры сосуществуют, общаясь между собой только через отдельных своих представителей или через некую общую систему власти. Имеющиеся каналы доминирования и эксплуатации естественно должны быть объектом научного анализа, но их существование вовсе не означает, что понятие «дуализм» теряет свою адекватность и полезность. В обществе такого типа даже те сравнительно немногие индивиды, которым удастся как-то внедриться в чуждый им мир (крестьяне, уходящие в города на заработки, некоторые представители сельской интеллигенции и т. д.), чаще всего проживают в нем в виде зарытых анклавов и не способны разрушить существующие общественные перегородки¹.

Социальный дуализм не ограничивается сферой экономики. Весь уклад жизни и политическое сознание крестьян тоже заметно отличались от привычек и умонастроений представителей других социальных групп². Если обратиться к политической жизни, то даже революция 1905–1906 годов по сути должна быть названа двумя революциями или двойной революцией, поскольку каждое из этих событий отличалось от другого

¹ Более подробно об этом см. в главах 9 и 10.

² См. главу 2, раздел 3; главу 9, раздел 2 и главу 10, разделы 3–5 данной книги.

по форме, организации и срокам. Восстание интеллигенции и рабочего класса возглавлялось политическими партиями и было направлено против царизма. Оно уже было подавлено к тому времени, когда в деревне начались массовые поджоги помещичьих усадеб. Объектом народного гнева являлись представители сельской аристократии, а захват барских земель шел под общий дружный крик: «Земля принадлежит Богу!»¹. Две революции шли параллельно. Сходными были, пожалуй, лишь два момента: слабость царского режима, на фоне которой они возникли и протекали, и жестокость наказания, ожидавшего зачинщиков и наиболее активных участников этих событий.

Дж. Робинсон — замечательный исследователь истории освобождения крепостных в России — указывает, что Великая реформа не смогла произвести радикальных изменений во внутренней организации русского крестьянства. Основные черты крестьянского быта оказались настолько живучими, что они снова и снова воспроизводили себя, несмотря на все реформы, указы и даже революции. Нет никакого сомнения, что Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война обозначили мощный водораздел в жизни российского общества. И тем не менее многие специфические черты быта русского крестьянства не только сохранились, но и усилились с исчезновением помещичьих усадеб и возрождением крестьянских общин². Фундаментальный дуализм российского общества тоже сохранился. После Гражданской войны в городах промышленные предприятия перешли под контроль государства, а в это же время на селе продолжали господствовать мелкие собственники. Тот самый политический дуализм, который проявился во время Первой русской революции, снова отчетливо дал о себе знать

¹ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. Chs. 9, 10.

² См.: Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 66.

и позднее — в период Октябрьской революции и Гражданской войны¹. Затем последовал период сельского двоевластия, когда крестьянские коммуны ожесточенно сопротивлялись попыткам коммунистических властей на местах установить новые порядки. Два мира опять столкнулись². А исчезновение в стране наиболее крупных сельскохозяйственных производителей капиталистического толка, которые были больше ориентированы на рынок, лишь усилило контраст.

Взятый Россией курс на индустриализацию потребовал одновременно решать три основные проблемы, связанные с крестьянством. *Во-первых*, нужно было попытаться размыть традиционно свойственную ему социальную структуру и больше интегрировать крестьян в жизнь страны. *Во-вторых*, возникла острая потребность направить хотя бы часть средств, выручаемых за счет реализации сельскохозяйственной продукции, на нужды создания в городах новых крупных промышленных предприятий. *В-третьих*, решение указанных проблем невозможно было без сильного политического давления на крестьянство. А это неизбежно грозило возникновением глубоко социального кризиса.

Таким образом, пути социально-экономического развития России были во многом predeterminedены избранным политическим курсом, который неизбежно должен был реализовываться в условиях глубокого социального дуализма, с учетом той роли, которую крестьянство играло в жизни страны и на фоне тех больших социальных изменений, которые происходили в деревне. Правда, это вовсе не означает, что реально существовало лишь одно направление индустриализации и что у России не было иных альтернатив. Мы должны учитывать тот факт, что на характер развития села всегда сильно влияла позиция правительства, государства,

¹ См. далее главы 8–10.

² Более подробно об этом в главах 9 и 10.

а после революции — партии. В этом смысле и политика Столыпина в 1907–1911 годах, и новая экономическая политика (нэп), провозглашенная Лениным в 1921 году и отстаиваемая Бухариным даже в 1929 году, и сталинский план коллективизации сельского хозяйства, проводимый в жизнь в 1929–1933 годах, — все это были попытки, помимо всего прочего, сознательно выбрать одну из возможных дорог, ведущих к индустриализации страны. Планы и обстоятельства, волюнтаризм и детерминизм, мечты и реальность сходятся, образуя политическую реальность. Каждый из этих аспектов, взятый отдельно, мало чего стоит.

Итак, одна из ключевых проблем России как развивающейся страны заключалась в наличии крестьянского большинства в структуре ее населения. Причем именно эта часть населения, наиболее многочисленная, малоимущая и эксплуатируемая, демонстрировала удивительную способность самосохранения.

ГЛАВА 2

Крестьянское хозяйство и крестьянское общество

Крестьянство,
без которого Китая
не понять —
это способ жизни...

Фей Сю Тунг

1. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДОМОВЛАДЕНИЕ

КРЕСТЬЯНСКОЕ домовладение — это ядро крестьянского общества. Природа его, по-видимому, образует наиболее значимую черту этого социального явления. Из него вытекают другие отличительные особенности, свойственные крестьянству повсюду в мире¹. Для крестьянского домохозяйства характерно, что вся жизнь семьи почти полностью слита с ее трудовой деятельностью: семья образует рабочую бригаду; ее труд направлен прежде всего на удовлетворение потребностей самой семьи и на выплату той дани, которая налагается на крестьян политическими и экономическими властями.

Российское крестьянское домовладение (двор) накануне XX века вполне соответствовало только что описанному типу. Описывая быт и нравы русских крестьян

¹ Описание универсальных черт крестьянства в разных странах и в различные периоды времени можно найти, например, в: Redfield R. *Peasant Society and Culture*.

в конце XIX века, В. Мухин утверждает, что для крестьянина семья и личное хозяйство — это практически одно и то же¹. В российской энциклопедии, вышедшей в 1913 году, крестьянское хозяйство определяется как «предприятие, деятельность которого направлена на удовлетворение потребностей семьи и осуществляется за счет собственной рабочей силы без всякой помощи со стороны или же с минимальным привлечением наемного труда»².

В большинстве случаев крестьянское хозяйство включало в себя близких родственников двух или трех поколений. И тем не менее основой членства были не столько кровные связи, сколько полное вовлечение в жизнедеятельность семьи. По-русски это называлось «есть из одного горшка»³. Единение подобного рода предполагало совместное проживание, подчинение главе семьи, участие в коллективной трудовой деятельности в соответствии с традиционно сложившимся разделением функций, ощущение принадлежности к семье⁴. Поэтому каждый, кто вливался в семью в результате женитьбы или усыновления, рассматривался как ее полноправный член. С другой стороны, если сын женился и начинал вести свое собственное хозяйство, он больше не рассматривался как принадлежащий семье.

¹ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению*. СПб., 1888. С. 151.

² *Новый энциклопедический словарь*. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 18. С. 519.

³ Чаянов А. *Теория крестьянской экономики*. М., 1966. С. 54.

⁴ Слово «традиционный» здесь используется в широком смысле, принятом Вебером (Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. I. М., 2016. С. 252–333), и понимается как оппозиция понятию «рационально-правовой». См. также: Birnbaum N. *Conflicting interpretation of the rise of capitalism: Marx and Weber*. *British Journal of Sociology*. 1953. Vol. 4. No. 2. P. 125–141.

Крестьянское домовладение представляло собой тесно сплоченную ячейку социальной организации с четкой внутренней системой разделения труда, власти и престижа. Главой семьи, как правило, являлся отец семейства или самый старший представитель рода. По старинному крестьянскому обычаю, он обладал непрерываемым авторитетом, но при этом неизменно заботился о всей семье и всячески защищал ее интересы. Семья была основной единицей производства, потребления и правообладания. Она выполняла функции социализации, общения, моральной поддержки и взаимной материальной помощи. Чувство собственного достоинства крестьянина и его престиж в глазах окружающих, его представление о себе и о своих обязанностях прямо зависели от престижа его семьи и от того места, которое он в ней занимал.

Женщины, несмотря на то что они несли двойное бремя (домашние заботы плюс заботы по хозяйству)¹ и как работники были незаменимы, практически всегда занимали в семье подчиненное положение². Однако даже постулируемое на словах равноправие мужчин было относительным, учитывая патриархальную систему отношений, когда глава семьи фактически обладал беспрекословным авторитетом. Именно в его руках сосредоточивалась и вся собственность. Так что сыновья

¹ Например, изучение жизни крестьян, проведенное в двадцатых годах, показало, что средняя крестьянка отдавала примерно столько же время «производительному труду», сколько и ее муж (соответственно 1905 и 1935 часов в год), но при этом тратила гораздо больше времени на домашнюю работу (2229 против 622 часов). Это значит, что трудозатраты женщины, выраженные в часах, на одну треть превышали трудозатраты мужчины (см.: Большаков А. *Современная деревня в цифрах: экономика и разнообразный быт деревни за революционный период*. Л., 1925. С. 100).

² Как говорит народная пословица, «Рак не рыба, баба не человек». Однако были и некоторые исключения, которые касались, например, вдов (см. приложение Б, раздел 3).

и зятя, находясь в зависимом положении, полностью ему подчинялись¹.

Жизнь крестьянской семьи была целиком подчинена интересам ведения хозяйства². Типичная крестьянская ферма в России того времени представляла собой небольшое хозяйство (2,6 десятины, или 5,15 акров, пашни)³ с архаичным оборудованием и методами земледелия⁴. Основным сельскохозяйственным продуктом было зерно, которое шло на продажу и одновременно составляло и основу крестьянской еды⁵. Для российской крестьянской экономики чрезвычайно характерным было натуральное хозяйство того типа, которое обычно доминирует в странах, не вступивших еще в полосу индустриализации. Рыночные отношения были еще весьма неразвитыми. Крестьяне в основном работали на себя (на потребности собственной семьи), продавались только излишки. Даже на рынке широко использовался натуральный обмен. Специализация в сельском хозяйстве была еще на весьма низком уровне. Поэтому крестьяне старались производить все, что нужно было собственной семье.

Напряженный крестьянский труд был направлен прежде всего на то, чтобы свести концы с концами — накормить семью, а также рассчитаться с государством

¹ Имущественные отношения будут специально рассматриваться далее в этой главе; см. также приложение Б, раздел 2.

² См.: Макаров Н. *Крестьянское хозяйство и его интересы*. М., 1917. С. 71.

³ Средние размеры надела земли росли, если двигаться с севера на юг страны. В южных районах России средний размер участка пахотной земли, находившейся в собственности у одного крестьянина, составлял 6 десятин. Использовались более прогрессивные методы земледелия, а производительность труда была значительно выше. Более подробно см. в главе 7.

⁴ Использовались разные вариации трехпольной системы земледелия. Пахали в основном на лошадях с помощью сохи (см.: Александров А. (ред.-сост.) *Русские*. М., 1967. С. 17–99).

⁵ См.: Ден В. *Курс экономической географии*. С. 188, 211.

и кредиторами. Серьезную проблему представляла сельская безработица (тотальная и сезонная). Частичным ее решением было занятие различного рода ремеслами и промыслами. Понятно, что труд крестьян не мог конкурировать с быстро растущей городской промышленностью. Поэтому и тут господствовал натуральный обмен. «Короткий сельскохозяйственный цикл не мог удовлетворить насущные нужды крестьянской семьи, поэтому ей приходилось в течение всей долгой русской зимы трудиться за гроши, чтобы не оказаться к весне в могиле»¹. Таким образом, русские крестьяне вынуждены были заниматься многими вещами, лишь косвенно связанными с производством традиционной сельскохозяйственной продукции². Обучение молодежи способам выполнения основных видов деятельности осуществлялось главным образом в семье, а трудовые навыки передавались непосредственно от родителей к детям.

По своей организации крестьянское хозяйство как форма производства значительно уступало капиталистическому предприятию. Содержание его деятельности во многом определялось текущим спросом на различные товары. Использовались традиционные методы производства. Сами продукты далеко не всегда были востребованы на рынке. Финансовый учет и контроль находились на чрезвычайно низком уровне. Кроме того, экономическая деятельность крестьян сильно зависела от капризов природы. Это усугублялось еще и тем, что ресурсы, которыми они обладали, были крайне скудными. Хороший урожай обеспечивал семье материальный достаток на целый год вперед; неурожай

¹ Robinson G. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 104. Понятие «насущные нужды» конечно не является абсолютным. Критерии тут были разными для разных регионов, домохозяйств и временных периодов.

² Подробный анализ деятельности крестьянина дан в: Galeski B. *Chłopi i zawód rolnika. Studia z socjologii wsi*. Warszawa, 1963.

означал голод, а нередко и гибель. Направление развития хозяйства в значительной степени определялось семейной историей. Да и вся жизнь крестьянской семьи следовала издавна сложившемуся строгому ритуалу, диктуемому, с одной стороны, сменой времен года, а с другой — местными традициями ведения хозяйства. Уклад жизни крестьянской семьи был глубоко связан с циклическим ритмом ее существования.

Особому характеру крестьянского домовладения в России соответствовало и существовавшее юридическое понятие «семейная собственность». В отличие от частной собственности, это понятие ограничивало права формального владельца — он назывался не «хозяин», а «большак», являясь скорее управляющим, чем безоговорочным собственником¹. Закон предусматривал возможность (и такое иногда действительно случалось на практике) лишения номинального владельца его статуса в случае доказательства некомпетентности его как хозяина и передачу этой функции другому члену семьи. С другой стороны, в отличие от коллективной собственности, семейная собственность не предполагала права участников претендовать на выделение своей доли или же на участие в дележе доходов. За ними лишь закреплялось право участвовать в потреблении плодов совместного труда.

Жизнь крестьянина текла по заранее предначертанному руслу, проходя стадии детства, отрочества, женитьбы, обзаведения собственным хозяйством, и, наконец, ухода на покой или смерти. Претендовать на статус полноправного члена общины молодой крестьянин мог только тогда, когда сам превращался в главу домохозяйства. Тем, кому эта дорога была закрыта, оставалось лишь одно — покинуть родную деревню в поисках лучшей доли на чужбине. В этой ситуации

¹ Нужно отметить, что в соответствии с Гражданским кодексом РФ понятие «семейная собственность» действовало только в отношении крестьянства (см. приложение Б, раздел 3).

женитьба становилась «абсолютным постулатом»¹ — непременным условием достижения социальной зрелости, вытекающим из характера труда в сельском хозяйстве². Само существование крестьянского индивидуального хозяйства предполагало наличие фермы, то есть некоторой собственности в виде земельного участка и соответствующего сельскохозяйственного инвентаря. Передача этой собственности от одного поколения к другому таким образом становилась вопросом чрезвычайной важности для всей организации жизни крестьянства, находя отражение и в соответствующей юридической практике³.

В этом отношении Россия отличалась от других стран, где не существовало понятия «семейная собственность» и где такого рода проблемы с наследованием имущества просто не могли возникнуть. Передача собственности наследникам в этом случае не предполагала смерти официального владельца. Она приобретала форму простого деления общей собственности между членами семьи. Подобная процедура обычно проводилась еще до смерти главы семьи, а поводом для нее был естественный рост семьи⁴ и возникновение притязания взрослых детей на независимость. Тогда глава семьи, опираясь в известном смысле на обычаи, принимал решение о том, как разделить свои владения, когда ввести сына в долю, когда

¹ Это выражение заимствовано из классической работы, посвященной изучению другого крестьянского общества: Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. New York, 1958. Vol. 1. P. 107.

² Этим объясняется ранний возраст вступления в брак, характерный для русского крестьянства (см.: Писарев И. *Народонаселение СССР (социально-экономический очерк)*. М., 1962. С. 178).

³ Подробное обсуждение юридических вопросов наследования крестьянской собственности в России дается в приложении Б, разделы 1, 3, и 4.

⁴ Имеется в виду нуклеарная семья, состоящая из родителей и их детей.

самому уйти на покой. Как правило, имущество тогда делилось в равной пропорции между всеми наследниками мужского пола. В случае, когда в семье не оставалось мужчин, собственность обычно передавалась крестьянской общине¹.

В России возникновение нового домохозяйства обычно происходило в форме обособления молодой пары с несколькими маленькими детьми. Они начинали самостоятельную жизнь на небольшой ферме с одной или двумя лошадьми и скромным сельскохозяйственным инвентарем, обычно выделяемым родителями жены. По мере роста семьи она начинала все явственней испытывать известное стеснение. И тогда глава молодого домохозяйства пытался расширить свое владение и увеличить доходы за счет покупки или аренды дополнительной земли и нового инвентаря. Порой он решал эту проблему путем организации семейного промысла. Подростающие дети начинали помогать родителям по хозяйству, но их приходилось кормить и одевать. Для дочерей необходимо было готовить приданное, а когда речь шла о сыновьях, вставал вопрос о выделении для них в будущем части земли и сельскохозяйственных орудий. Вслед за обособлением молодой семьи или после смерти главы домохозяйства и раздела его между сыновьями весь цикл повторялся: молодая семья начинала обустривать и расширять свое хозяйство.

Официальная политика Российского государства до 1906 года поощряла стабильность и сплоченность крестьянских домохозяйств. Глава каждого из них нес ответственность не только за уплату налогов, но и за

¹ Российское крестьянское законодательство делало исключение для личной собственности женщины в форме одежды, столовых приборов и т. д. Так называемая женская собственность фактически составляла единственную частную собственность в крестьянском домохозяйстве и, следовательно, могла быть завещана или разделена в неравных частях. Подробнее об этом в разделах 2 и 3 приложения Б.

«примерное поведение» членов своей семьи. Государство делегировало ему определенные полномочия в плане наказания членов своей семьи за какие-либо провинности¹. После 1906 года новое правительство во главе со Столыпиным существенным образом ограничило права крестьян распоряжаться судьбами своих домохозяев². Но в то же время оно сильно расширило их имущественные права, сделав их во многих случаях единственными и безусловными владельцами всей собственности, находящейся в распоряжении крестьянской семьи. Параллельно шел и естественный процесс проникновения в деревню из городов элементов капиталистической экономики. И тем не менее десятилетие столыпинских реформ так и не смогло радикальным образом изменить социальное лицо российской деревни, во всяком случае на уровне крестьянских домохозяйств. Фермы капиталистического типа и даже просто фермы, которые хорошо вписались в рыночную экономику, были в целом скорее исключением, чем правилом³. Революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война отменили результаты столыпинских реформ и вернули российское крестьянство к укладу жизни, который существовал в XIX столетии. Однако и революция сама по себе мало что изменила в деревне⁴. На протяжении первой четверти двадцато-

¹ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 66. До 1906 года глава семейства мог, обращаясь в крестьянский суд, потребовать арестовать кого-либо из членов своей семьи, доставить его обратно в деревню под охраной или выпороть.

² Более подробно об этом см. четвертый раздел приложения Б.

³ Это широкое обобщение имеет силу не для всех регионов страны. Положение было несколько иным, в частности, в менее густонаселенных южных районах или в некоторых северо-западных губерниях. Тем не менее оно справедливо для большинства российского сельского населения.

⁴ Эти вопросы обсуждаются подробно в четвертом разделе приложения Б, а также в главах 5, 8, и 10.

го века российское крестьянство сохраняло свои основные черты.

2. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Крестьянские сообщества по всему миру обнаруживают некоторые общие черты. Сообщество — это привязанная к территории группа людей, объединенных узами социального взаимодействия и взаимозависимости, общей системой норм и ценностей, а также ощущением своего отличия от других такого же рода групп¹. Если говорить о традиционной крестьянской общине, то сюда нужно добавить как важный характерный признак высокую степень самодостаточности². Описывая «закрытое сообщество», Дж. Питт-Риверс выделял следующие его черты: тесные межличностные контакты его членов, широко практикуемая эндогамия, единство ценностей, жесткий конформизм, высокая степень внутригрупповой солидарности, выраженный идеологический эгалитаризм и т. д.³ Этот комплекс вполне адекватно характеризует и крестьянскую общину как некое культурное образование. Для сельского сообщества можно еще добавить общность происхождения, слабую территориальную мобильность, высокую взаимную информированность, низкую степень разделения труда и простые формы кооперации. Общие политические и экономические интересы находят свое выражение в наличии

¹ Galeski B. *Sociologia wsi. Pojęcia podstawowe*. Warszawa, 1966. P. 86.

² Следует отметить, что русское слово «мир» имеет два значения — «вселенная» и «покой». А крестьяне использовали его также для обозначения своей общины или деревенской сходки. Для крестьянина община действительно была его миром (средой обитания).

³ Pitt-Rivers J. *The Closed Community and its Friends*. *Kroeber Anthropological Society Papers*. 1957. No. 16. Обзор исследований крестьянских сообществ содержится в: Geertz C. *Studies in Peasant Life: Community and Society*. *Biennial Review of Anthropology*. Stanford, 1961.

элементов, пусть и рудиментарных, местного самоуправления и организованного взаимодействия с представителями верховной власти.

Но сельская жизнь — это далеко не райский уголок, где царят стабильность, равенство и братская любовь. Попытки идеализировать ее действительно имели место. Например, в своей очень известной книге Р. Редфилд пытался сделать это в отношении мексиканской деревни¹. Но затем О. Льюис опубликовал результаты тщательного исследования на том же материале, продемонстрировавшего совсем иную реальность². В дальнейшем было проведено еще несколько эмпирических исследований, подкрепивших вторую точку зрения³. Сельская община отличается высокой степенью сплоченности, но внутри нее тем не менее всегда существуют конфликтующие между собой группы интересов. При этом конфликты отнюдь не являются эпизодическими вспышками некой социальной патологии. Правильнее будет сказать, что они сами по себе составляют существенную часть деревенской жизни. Учет данного аспекта чрезвычайно важен для понимания ее структуры и динамики⁴. Кроме того, необходимо также учитывать изменяющийся исторический контекст. Относительная устойчивость какого-то социального образования вовсе не исключает изменений и развития под действием внешних и внутренних сил. Одним из наиболее мощных внешних факторов, обусловивших существенные структурные преобразования крестьянских общин, явилось развитие рыночных отношений.

Нужно сказать, что сельские сообщества, помимо своей индивидуальной специфики, обычно обладают ярко

¹ Redfield R. *Tepoztlan: A Mexican Village*. Chicago, 1946.

² Lewis O. *Life in a Mexican Village: Tepoztlan Re-studied*. Urbana, 1951.

³ В частности: Foster G. M. *Interpersonal Relations in Peasant Society*. *Human Organisation*. 1960–1961. Vol. 19. No. 4. P. 174–178.

⁴ Темы социальной неоднородности и конфликтов, имевших место внутри российских крестьянских общин, см. в главах 9 и 10.

выраженными национальными особенностями, которые могут перекрывать их разнообразие внутри одной культуры. В России до революции крестьянские общины были ядром организации всей жизни на селе. Кроме того, в Центральной России община всегда являлась самоуправляемым территориальным образованием и главным официальным владельцем земли, которой крестьяне пользовались на разных условиях¹.

Органом самоуправления крестьянской общины в России начала XX века было общее собрание глав домохозяйств или их представителей. Оно носило название «сход». Некрестьянские семьи, проживающие в данном населенном пункте, и безземельные крестьяне не имели права участвовать в работе этого органа². Обладая формально большими полномочиями, сход потенциально являлся мощным инструментом самоуправления. Однако реальный механизм принятия решений был таков, что демократическими процедурами тут даже и не пахло. Решения обычно принимались единогласно, а заправляла всем кучка наиболее активных и, как правило, наиболее богатых членов общины³. В основе подобного способа принятия решений лежали такие извечные черты крестьян, как инертность и соглашательство.

До революции возглавлял общину староста, который избирался на три года. Собрание также избирало уполномоченных по использованию земли, по сбору налогов, по социальным вопросам и т. д. Выполнение этих функций часто было сопряжено со значительной затратой сил и времени, но отказаться от подобной должно-

¹ См.: Цытович Н. *Сельское общество*. К., 1911. С. 48–56.

² См.: Леонтьев А. *Крестьянское право: систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах*. СПб., 1909. С. 86.

³ См.: Степняк-Кравчинский С. *Русское крестьянство*. Лондон, 1888. С. 36; Цытович Н. *Сельское общество*. С. 48–56.

сти было невозможно, ибо такое действие каралось по закону¹.

Вплоть до 1906 года членами общины могли быть только крестьяне, и членство в ней рассматривалась как существенный элемент принадлежности к крестьянскому сословию². В дореволюционной России именно община, а не географически заданное поселение, рассматривалась как основная местная административная единица в сельской местности. По реформе 1861 года предусматривалось, что после освобождения все крестьяне в одной деревне становятся членами сельской общины. Но возможен был и такой вариант, что община состоит из бывших крепостных одного хозяина³. Разное происхождение привело к тому, что часто не было прямого соответствия между общинами и сельскими поселениями. Иногда одно село делилось на несколько общин, иногда община включала несколько деревень или даже части разных деревень⁴. Однако большая часть крестьянских общин в дореволюционной России соответствовала деревням или мелким сельским поселениям. Революционные события 1917–1920 годов привели к резкому росту числа общин в этот период⁵, и в результате этого соответствие между реальным поселением и крестьянской общиной укрепилось⁶.

¹ См.: Цытович Н. *Сельское общество*. С. 56–60.

² Понятие «сословие» анализируется в третьем разделе первой главы и в первом разделе третьей главы.

³ См.: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 29.

⁴ В некоторых случаях создавались своего рода мегаобщины, объединявшие несколько самостоятельных общин. Чаще всего такое происходило в сравнительно новых районах, например на юге европейской части России и в Сибири.

⁵ Подробнее об этом см. главу 8.

⁶ Детальное обсуждение отношений между поселением, общиной и местными органами власти содержится в: Taniuchi Y. *A Note on the Territorial Relationship between Rural Societies, Settlements and Communes, Discussion Papers*. University of Birmingham, Faculty of Social Science, 1966 (Series RC/D). См. также: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 82; Цытович Н. *Сельское общество*. С. 17.

До революции российская крестьянская община выполняла множество различных функций. В целом их можно разделить на две категории. Во-первых, крестьянские общины выступали в роли властных органов на местах, являясь в этом смысле частью государственного административного аппарата, его низшим уровнем. Во-вторых, они были важными элементами экономической активности: распоряжались землей, прямо или косвенно руководили деятельностью местных предприятий, обслуживающих нужды сельского хозяйства — мельниц, конных заводов и т. д.

Первую из этих функций — *административную* — крестьянская община выполняла в самом широком смысле слова. Она занималась строительством дорог и мостов, заботилась об инвалидах и престарелых, организовывала сельские школы, размещала на постой заезжих чиновников, отбирала и направляла в армию новобранцев. Кроме того, ей были переданы некоторые полицейские, юридические и фискальные обязанности. Специально назначенные представители общины обязаны были регистрировать всех ее жителей, а также заниматься поддержанием общественного порядка. Они могли даже арестовывать своих подопечных за какие-то правонарушения и накладывать на них небольшие штрафы. Фискальные функции общины были двоякого рода. Во-первых, после отмены крепостного права община взяла на себя функцию сбора государственных налогов и компенсации долгов тех своих членов, которые в данный момент были не в состоянии расплатиться с государством (круговая порука)¹. Даже после того как в 1906 году был объявлен мораторий на крестьянские долги и с общин снята обязанность компенсировать их из своих резервных средств, они все равно оставались главным инструментом, с помощью которого крестьян заставляли рассчитываться с государством.

¹ Община таким образом контролировала экономическую деятельность отдельных домохозяйств.

Во-вторых, различные работы, проводимые общиной, требовали определенных расходов, и соответствующие средства (мирские сборы) поступали от членов общины в размерах, установленных сходом. Сверх этого существовали еще и натуральные повинности: требование лично участвовать в осуществлении каких-либо общественных работ, безвозмездно предоставлять лошадей или даже иногда продукты и т. д.¹ Положение, когда все расходы местной администрации взыскивались исключительно на плечи крестьян, было явно несправедливым. Требования исправить его постоянно выдвигались и обсуждались еще до революции.

Несколько крестьянских общин вместе образовывали то, что называлось волостью. Это был высший эшелон местной организации на селе. Волостью руководила управа во главе с начальником (волостным старшиной), которому в помощь был придан секретарь (писарь)². Каждая волость имела свой особый суд, состоявший из выборных крестьян, который занимался разбором гражданских дел и мелких криминальных преступлений³. Вся деятельность общин и волостей строго контролировалась государственным аппаратом, представителями которого на местах были земские начальники⁴. Назначенные специально для этой цели из числа местной знати, они не только обладали правом налагать вето на любые решения выборных крестьянских органов, но могли контролировать сами выборы⁵.

В экономической сфере община являлась *официальным собственником* большей части крестьянской земли.

¹ См.: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 94–95; Цытович Н. *Сельское общество*. С. 17.

² См.: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 68.

³ См. приложение А.

⁴ См.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 23. С. 326–328. Организация волостей после революции описана в главе 9.

⁵ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 119.

Крестьянин полностью распоряжался только небольшим участком земли вокруг своего дома, который назывался усадьбой. Этот участок он мог передавать своим детям по наследству. Участок пахотной земли, на котором крестьянин работал, принадлежал общине и выдавался ему в аренду. Он назывался наделом. Были еще участки принадлежащей общине земли (в частности, леса и пашни), которые предназначались для коллективного пользования. Крестьянам разрешалось, кроме того, приобретать в собственность землю у частных владельцев, и многие это делали. Но участки были, как правило, сравнительно небольшими. Основная масса сельскохозяйственных угодий в России принадлежала крестьянским общинам.

Коллективный характер владения землей проявлялся, в частности, в праве общины перераспределять ее по своему усмотрению. Даже та земля, которую крестьянская семья обрабатывала на протяжении нескольких поколений, могла быть изъята у нее по решению сельского схода и передана другому арендатору. Закон 1893 года окончательно формализовал и легализовал право крестьянских общин перераспределять принадлежащие им земли в соответствии с принципами справедливости, которые они сами для себя определяли. Был также назначен минимальный период времени между двумя переделами, равный двенадцати годам¹. Но на самом деле частота и характер переделов земли варьировались в соответствии с целым рядом местных условий (количество имеющейся земли, проблемы выплаты налогов, интересы и влияние различных групп). Поэтому трудно говорить о каких-то более или менее устойчивых закономерностях в этой сфере². По некоторым оценкам специалистов, за период с 1861 года (отмена крепостно-

¹ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право: подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения*. М., 1914. С. 83–87.

² Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 121–122.

го права) до конца XIX века доля крестьянских общин, в которых был произведен как минимум один крупный передел земли, составил от двух третей до четырех пятых всего их количества. Каждая община официально имела право устанавливать правила передела земель. Но при этом должен был соблюдаться принцип справедливости, в частности приниматься во внимание общее число домоладцев в каждой крестьянской семье¹. Следует отметить, что радикальные переделы земли реально были скорее исключением, чем правилом. Чаще всего земельный надел передавался другому пользователю при эмиграции бывших его хозяев или в случае прекращения существования крестьянской семьи. Однако же частичное перераспределение (отрезка, прирезка) было делом весьма обычным.

Существовавшая в России практика перераспределения земли всегда привлекала внимание ученых, поскольку она сильно отличалась от экономической и социальной структуры городского сообщества. При этом от их внимания нередко ускользали другие экономические функции крестьянской общины. Трехпольная система земледелия с единым полем, нарезанным на индивидуальные полоски, делала совершенно неизбежной тесную кооперацию членов общины на главных этапах сельскохозяйственного цикла². Община также заботилась о местном стаде, нанимала пастухов, арендовала дополнительные посевные площади, владела или управляла мастерскими и мельницами. Таким образом, административно-хозяйственная деятельность кре-

¹ См.: Изгоев А. *Общинное право (опыт социально-юридического анализа общинного землевладения как института гражданского права)*. СПб., 1906. С. 38–40.

² С начала XX века в России стали применяться и более сложные земледельческие технологии, однако трехпольная система, при которой одна полоса обязательно находилась под паром, оставалась доминирующей в большинстве регионов страны (см.: Александров А. *Русские*. С. 20; Чаянов А. *Теория крестьянской экономики*. С. 139–143).

стьянской общины представляла собой сложный комплекс мероприятий, вписанных в некую интегративную социальную организацию.

Реформа 1861 года привела к унификации крестьянского законодательства. Крестьянство превратилось в отдельное сословие, а крестьянская община — в его базовую структурную единицу.

Стабильность подобной организации связана с тем, что государство ее охотно принимало, поскольку видело в ней пользу не только для крестьян, но и для себя. Демократическое устройство крестьянской общины обеспечивало не только достаточную экономическую устойчивость этого института, но и выполнение им ряда важных социальных функций, таких, например, как забота о пожилых людях и сиротах. Кроме того, она была удобным административным инструментом для поддержания общественного порядка, сбора налогов и т. д. Тем не менее, когда грянула революция 1905–1906 годов, русская крестьянская община неожиданным образом проявила свою способность быть генератором идей равенства и организатором коллективных действий, которые очень легко могут перерасти в открытое восстание. Поэтому в последующие годы мы наблюдаем стремление государства разрушить крестьянские общины. Столыпинские реформы имели своей целью «установить для крестьянства новый социально-экономический порядок»¹, разрушить традиционную социальную структуру российского села и внедрить туда фермерство капиталистического типа как фундамент политического консерватизма и быстрого экономического роста. Новое законодательство делало возможным включение общинных земель в частную собственность домохозяйств, что поощряло создание крупных фер-

¹ Из речи Столыпина 15 марта 1910 года (цит. по: Gerschenkron A. *Continuity in History and other Essays*. P. 237.

мерских хозяйств и размывало крестьянские общины¹. На этом пути были достигнуты определенные успехи, но официальным реляциям не стоит полностью доверять, поскольку чиновники в своем стремлении угождать властям явно приукрашивали картину². Многие из тех общин, которые по Закону 1910 года³ считались распущенными, на самом деле даже не слышали о существовании такого закона. Даже официальные данные говорят о том, что после короткого всплеска процесс образования новых независимых ферм стал постепенно затухать⁴. Число крестьянских домовладений, решивших покинуть общины, постоянно снижалось и накануне Первой мировой войны достигло минимума — около четверти того показателя, который был зафиксирован в 1909 году. К моменту революции 1917 года большинство русских крестьян продолжало состоять членами общин. Революция оживила многие из них. Легкость, с которой это произошло, наглядно демонстрирует, насколько глубоко эта специфическая для России социальная структура была укоренена в сознании русских крестьян и в традиционных способах организации жизни на селе. Процесс развития сельских общин во время революции и в первые годы нэпа будет рассмотрен в восьмой и девятой главах настоящего издания.

¹ Детальное обсуждение столыпинских реформ дают: Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. Chs. 6–7; Дубровский С. *Столыпинская земельная реформа*. М., 1963.

² Общая доля общинных земель, которые после 1906 года были переданы в собственность богатым крестьянам сорока губерний европейской территории России, в 1915 году составила 14%. Однако на Украине и в Белоруссии она превышала 50%, а в северных и юго-восточных районах страны была менее 5%.

³ Этот закон упразднял общинную собственность на землю во всех крестьянских общинах, которые после отмены крепостного права не провели полномасштабного перераспределения земель. Это затрагивало примерно два миллиона крестьянских владений.

⁴ См.: Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)*. С. 71.

3. КРЕСТЬЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО КУЛЬТУРА

Обсудив устройство и функционирование крестьянского хозяйства и крестьянской общины, обратимся теперь к описанию социальных аспектов жизни российского села. Здесь мы сталкиваемся с явлением совершенно иного рода, которое поддается определению только аналитически¹. Нам придется описывать реальные межличностные отношения людей. Сама по себе сегментация крестьянства, то есть отсутствие постоянных и устойчивых социальных взаимодействий между его основными ячейками, как раз и является одной из его существенных особенностей. Сословная система, существовавшая в России до революции, задает еще одно — юридическое — основание, с помощью которого мы можем попытаться охарактеризовать крестьянство. Факт принадлежности к тому или иному сословию всегда фиксировался в документах, удостоверяющих личность, и четко определял гражданские права и обязанности каждого лица. Однако, хотя подобная система стратификации общества была официально упразднена после революции 1917 года, это мало что реально изменило в отношении крестьянства, которое во многом сохранило свою традиционную социальную структуру.

Редфилд справедливо указывал, что «крестьянское общество с его особой культурой — это явление довольно универсальное. Повсюду в мире мы находим многие характерные для него способы устройства жизни»². К этому выводу он пришел на основании сравнительного анализа условий существования этого класса в разных странах в различные исторические эпохи. Фундаментальное типологическое различие между городом и деревней по сути адекватно выражают предложен-

¹ Или, по словам Редфилда, как «некий тип без конкретной локализации, а не сообщество в классическом антропологическом смысле» (Redfield R. *Peasant Society and Culture*. P. 25).

² Ibid. P. 169.

ные социологами следующие оппозиции: «механическая» и «органическая» солидарность (Дюркгейм), «общность» и «общество» (Тённис), «братство» и «соперничество» (Мейне)¹. Специфический характер крестьянской социальной структуры обусловлен особенностями ее главных составляющих — индивидуальным хозяйством и сельской общиной. Крестьянство вообще может быть определено как класс мелких производителей, работающих на земле, использующих простое оборудование, собственный труд и труд своей семьи для удовлетворения собственных потребностей и выполнения обязательств по отношению к власти имущим. Еще одна особенность представителей этого класса состоит в том, что их жизнь в рамках сельской общины приближается к полной социальной самодостаточности. Более широкое определение должно включать анализ следующих специфических черт: традиционное земледелие как основное занятие крестьян; функционирование семьи в качестве главной производственной единицы; проживание в небольшом по своим размерам, относительно устойчивом и «закрытом» сообществе; относительно стабильная культурная атмосфера доиндустриального типа; подчиненное политическое положение в обществе; специфическая типология изменений². В современном мире, где доминируют города, крестьяне оказываются пережитком доиндустриальной эпохи с ее архаичными социальными структурами. Распространение рынка и денежных отношений, возрастающая профессиональная специализация труда, развитие средств связи и государственной системы об-

¹ Обсуждение фундаментального дуализма социологических понятий содержится в: Sorokin P., Zimmerman C. *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York, 1929. Ch. 2. См. также раздел 3 приложения А.

² Более подробно эти моменты обсуждаются в первых двух разделах приложения А. См. также: Shanin T. *Peasants and Peasant Societies*. Harmondsworth, 1971, Introduction.

разования — все это в Европе вело к стиранию граней между городом и деревней, к постепенной интеграции сельского населения в современную социальную организацию, где тон задают города. Но в России начала XX века этот процесс, если оценивать его по сформулированным критериям, был еще в зачаточной фазе.

Характерные особенности крестьянского общества можно наблюдать во всех основных сферах социальной жизни. Высокая степень самодостаточности крестьянских домохозяйств и общин приводила к тому, что они в массе своей образовывали однотипные базовые элементы, которые в очень малой степени взаимодействовали друг с другом. Это вообще характерно для крестьянского общества как такового. В экономической сфере господство традиционных ценностей, целей производства, направленного преимущественно на собственное потребление, а также широкое использованием семейного труда ограничивало роль стремления к максимизации денежных доходов как внутреннего мотора всего производства. Если мы рассматриваем экономическую активность крестьянства в его традиционном понимании, то понятия классической политэкономии оказываются не вполне адекватными для анализа ее природы¹. Собственно говоря, для понимания экономической активности крестьян анализ действующих в данный момент экономических ограничений не-

¹ Например, не стоит пытаться анализировать доходы крестьянина в терминах заработной платы, ренты и дополнительных денежных поступлений. На это указывает Чаянов в известной работе, которую мы цитировали выше. Даже Маркс признавал, что сельскохозяйственное производство, в значительной мере направленное на удовлетворение собственных потребностей крестьян, лишь в малой степени подвластно законам рынка (см.: Чаянов А. *Теория крестьянской экономики*. С. 222). Правда, в его главном труде, выпущенном издательством «Charles H. Kerr and Co», данный момент оказался затушеванным (Marx K. *Capital*. Vol. III. Chicago, 1909. P. 943; ср.: Маркс К. *Капитал*. Критика политической экономии. Т. III. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 25. Ч. II. М., 1962. С. 376).

редко оказывается более плодотворным, чем анализ в рыночных терминах (мотив достижения оптимального результата). Это, однако, не значит, что крестьянину вовсе чуждо желание улучшить свое положение. Просто-напросто поведение, кажущееся иррациональным с точки зрения рынка, было вполне логичным в условиях качественно иной системы социальных отношений и ценностей. Возьмем, к примеру, практику деления земельного надела. С точки зрения экономической эффективности это может казаться не вполне рациональным, поскольку вновь созданное хозяйство скорее всего не сможет поддерживать достигнутый ранее уровень производительности труда. Но тут надо понимать, что для нового хозяина момент независимости и престиж гораздо важнее, чем аспекты экономического процветания и дохода. Конечно, мы никак не можем анализировать крестьянскую экономику в отрыве от конкретных исторических условий. В частности, нельзя не учитывать момент растущего влияния рыночной экономики на весь образ жизни крестьянства. Если взять пример из другой сферы, то можно увидеть, что политическая активность крестьян тоже во многом несла на себе отпечаток таких характерных для крестьянства черт, как тенденция к сегментации, локализации, спонтанности и т. д.¹

Для крестьянских сообществ характерны также определенные культурные модели, которые являются и результатом, и причиной особых форм жизни². Эти культурные модели определяют стиль жизни, накладывая свой отпечаток на базовые установки крестьян, на их

¹ Понятие вертикальной сегментации будет более подробно раскрыто в девятой главе. См. также приложение А.

² Термин «культурные модели» мы используем в том смысле, в котором его употреблял Чарльз Райт Миллс (Mills C. Wright. *Power, Politics and People*. New York, 1962. P. 406), — «призмы, через которые люди смотрят на мир, средство, с помощью которого они интерпретируют и передают содержание увиденного». Обсуждение этого вопроса содержится в: Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*.

восприятие мира, на ценности и способы интерпретации социальной реальности¹. Глубокий традиционализм (оправдание действий в терминах прошлого), конформизм (оправдание действий в терминах, принятых в данном сообществе), эгалитаризм, очень избирательные и весьма размытые межличностные отношения, высокая значимость обладания землей, ценности патриархальной семьи — все эти установки прослеживаются в базовых жизненных принципах, которым следуют крестьяне во всем мире, в том, как они интерпретируют свое нынешнее бытие и каким они видят желаемое будущее².

Русское крестьянство демонстрировало все описанные характеристики крестьянской культуры. Его ценностная система уходила своими корнями в те особенности жизни на селе, которые были нами описаны ранее в этой главе. Отмечаемая многими авторами «нерациональность» экономической деятельности крестьян, которая проявляется в том, что деньги не являются для них высшей целью, на самом деле тесно связана с характером крестьянского быта. Развитое чувство коллективизма, явно выраженное единомыслие, царящее в крестьянской среде, стремление оправдать любое действие, одобряемое большинством («по воле мира») — эти качества в российских условиях проявлялись особенно ярко в связи с глубокими традициями жизни общины. Для русского крестьянина земля была прежде всего кормилицей, и поэтому он не мог ее рассматривать как обычную собственность. Принципы справедливости, которые в глазах селянина призван был во-

¹ См. статью С. Т. Фея в: Bendix R., Lipset S. *Class, Status and Power*. P. 32.

² Мангейм использует для этого термины «идеология» и «утопия» (Манхейм К. Идеология и утопия. В: Манхейм К. *Избранное. Диагноз нашего времени*. М., 1994. С. 7–276).

площадь общинный суд, отличались субъективизмом¹ и эгалитаризмом. За ними стояла забота о внутренней сплоченности общины и стремление каждой семье иметь хотя бы минимум благополучия и желание поддерживать добрые отношения с соседями. Для русского крестьянина все это было намного важнее, чем беспристрастность при разборе дел². В его глазах представление о будущем справедливом обществе принимало форму «вселенского мира» — огромной крестьянской общины, которая объединит всех жителей страны или даже всей Земли. Но развитие капитализма в России порождало все более очевидный конфликт между традиционным укладом жизни в деревне и возникающими в городах новыми формами социальной организации и новым общественным сознанием.

Исследования российских ученых дают обширный, хотя и не всегда ровный по качеству и охвату, материал об истории развития российского села. Часть этих фактов мы обобщили выше. Но анализ характерных особенностей социальной структуры российского крестьянства и направлений ее развития вовсе не сводим просто к накоплению фактических данных. К тому же по многим важным вопросам фактических данных нет или же они не представляются нам надежными. Нужно также учитывать, что, накапливая, отбирая и интерпретируя имеющиеся факты, исследователи неизбежно привносили в этот процесс элемент предвзятости, рас-

¹ Это проявлялось в обычаях судить «по человеку» или «по совети», то есть учитывать не только характер провинившегося, но и социальные последствия принимаемого решения. Таким образом, субъективные моменты явно превалировали над рассмотрением объективных обстоятельств правонарушения и учетом сложившейся юридической практики (прецедентов) (см.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 31).

² Этим объясняется характерная для крестьянского суда практика «делить грех пополам», то есть вариант раздела имущества считался предпочтительным по сравнению с вариантом решения целиком в пользу одной из сторон (см.: там же. С. 31).

сматривая их через призму своих идеологических установок. Поэтому, анализируя их, мы постоянно должны учитывать весь исторический контекст. Самым острым вопросом, который всегда бурно обсуждался в среде российских ученых и политиков, был вопрос о социально-экономической дифференциации внутри российского крестьянства и ее последствиях для будущего России.

Часть II
*Циклическая
мобильность*

ГЛАВА 3

Споры о внутренней дифференциации

История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно... Вот почему нельзя нам больше отставать... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

И. В. Сталин. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 14 февраля 1931 года

1. КОРНИ ЭТИХ СПОРОВ

В КОНЦЕ XIX века отношение образованных россиян к Западу отличалось явной амбивалентностью. Это было отношение типа «любовь — ненависть». В нем парадоксальным образом соединялись восхищение, зависть, ксенофобия, стыд, желание догнать. Подобные чувства мы можем обнаружить и сегодня в каждом «развивающемся обществе». В некотором смысле эти чувства были тогда еще более острыми: спустя век после того, как сила русского патриотизма, мощь русского оружия, вели-

чие русской литературы были признаны Европой, Россия все еще оставалась отсталой страной, а большинство россиян жили в нищете. Более того, этот разрыв продолжал расти.

Идея прогресса вдохновляла русскую интеллигенцию. Она мечтала о том, что Россия догонит, а может быть со временем и перегонит Запад. Четверть века спустя отзвуки этих настроений явственно слышатся в пламенной речи Сталина, отрывок из которой приведен выше¹. В начале же века, по мнению передовых мыслителей, отсталость России объяснялась двумя тесно связанными между собой факторами: бедностью и безграмотностью народа, с одной стороны, и неспособностью царского режима должным образом управлять страной — с другой. Поэтому суть споров о дифференциации российского крестьянства в конечном счете сводилась к настоящей потребности нащупать механизмы и социальные силы, которые смогли бы осуществить давно назревшие преобразования.

Экономисты неоклассического и марксистского толка рассматривали экономический рост как главное условие модернизации, в которой так нуждалась Россия. Быстрый рост населения страны делал эту задачу еще более актуальной. Активно изучая экономическую историю Запада, социальные мыслители в России в большинстве безоговорочно принимали идею о том, что всякое общество развивается по объективным законам, проходя через ряд стадий. Капитализм как общественная формация рассматривался как необходимая стадия, которая призвана обеспечить накопление капитала, рационализацию производства и быструю индустриализацию страны. Для ее возникновения требуются следующие условия: достаточная степень разделения труда, достаточное развитие товарно-денежных отношений, при котором на смену натуральному обмену

¹ См.: Сталин И. В. *Вопросы ленинизма*. 11-е изд. М., 1945. С. 328.

придут рынок и наемный труд. Для сельского хозяйства России, где тогда была сосредоточена подавляющая часть населения страны¹, это означало исчезновение крестьянства как класса и превращение его бывших представителей или в крупных производителей капиталистического толка, или же в сельских и городских наемных рабочих. Правда, существовало и другое видение будущего, которое пропагандировали экономисты и статистики, близкие по духу к народникам. Не отрицая необходимости модернизации, экономического роста и развития рыночных отношений, они верили в то, что российское крестьянство сможет вписаться в эту систему, не изменяя принципиально своей природы. По их мнению, наиболее перспективный путь интеграции мелких семейных крестьянских хозяйств в капиталистическую экономику заключается в создании эффективного современного сельскохозяйственного производства капиталистического типа через развитие широкомасштабного кооперативного движения индивидуальных производителей. Каждая из этих программ отстаивалась ее сторонниками как исторически неизбежная и в то же время наиболее адекватная для дальнейшего успешного развития российского общества.

За описанными экономическими программами стояли явно выраженные идеологические и политические интересы. Здесь следует отметить, что в среде российских интеллектуалов марксизм в то время был очень популярен, поскольку он выступал как единственная концепция, научно описывающая движущие силы развития общества. Популярности марксизма в России благоприятствовала и существовавшая в Российской империи сословная система. Каждый родившийся гражданин сразу приписывался к определенному сословию (дворяне, мещане, крестьяне и т. д.)². Социальное происхождение

¹ В 1913 году в сельской местности проживало 84% всего населения России.

² См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 30. С. 911–913.

каждого подданного указывалось в паспорте и определяло права, которыми он мог пользоваться, и обязанности, которые на него налагались. А на практике принадлежность к тому или иному сословию довольно четко соответствовала социальному положению человека: его имущественному статусу, роду занятий, уровню доходов, стилю жизни и т. д. Более того, выборные органы власти (например, Государственная дума — своего рода российский парламент с совещательными функциями, впервые избранный в 1906 году) комплектовались из представителей различных сословий. Поскольку сословная принадлежность была тесно связана с имущественным положением, эти социальные группы можно считать классами¹. Таким образом, в начале XX века и официальные идеологи правящего класса, и представители оппозиции активно использовали язык социальных классов. Сами эти классы понимались как некие социальные группы, которым свойственно единство политических и экономических интересов, свое особое самосознание, выраженная тенденция держаться и действовать сообща, специфическая культурная среда. При этом интересы разных классов всегда рассматривались как антагонистические. Это типичный марксистский подход².

Природа российского общества и возможные пути его трансформации описывались исходя из тех социальных целей, которые ставили перед собой авторы соответствующих концепций. Столыпин решил «сделать ставку не на бедняков и пьяниц, а на крепких крестьян,

¹ См.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 14. С. 404–412. Избрание происходило по явно дискриминационному принципу. Например, на выборах в третью Государственную думу один депутат избирался от 230 «землевладельцев», большинство из которых были дворянами, от 60 тысяч крестьян и от 125 тысяч рабочих (см.: *Большая советская энциклопедия*. Т. 12. С. 287).

² Первая строка Коммунистического манифеста, написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом, гласит: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

будущих капиталистических фермеров, которым отводится важная роль в преобразовании российского самодержавия на крепкой монархической основе»¹. Либералам путь капиталистического развития и укрепления городских средних классов представлялся очевидным направлением конституциональной эволюции. А согласно убеждению марксистов, развитие капитализма приведет к дальнейшей социальной поляризации, к неизбежной пролетарской революции, в результате которой возникнет более справедливое общество. Каждое из этих трех идеологических течений считало внутреннее расслоение крестьянства важным условием дальнейшего социального прогресса. Этот процесс должен был привести к формированию класса, который призван стать доминирующим и гарантирующим лучшее будущее то ли в виде защитной стены монархически настроенных фермеров, то ли в лице солидного среднего класса, то ли в образе революционной пролетарской армии. С другой стороны, вера народников в крестьянскую революцию предполагала наличие достаточной внутренней сплоченности русского крестьянства и его способности противостоять капиталистической дифференциации. Таким образом, будущее России виделось как господство крестьянства — класса, который представлял народные массы. Комбинация марксизма и народничества, приправленная в большей или меньшей степени революционным волюнтаризмом², стала ядром русской революционной идеологии.

Но споры о крестьянской дифференциации не были чисто академическими. Они находили свое отражение

¹ Речь Столыпина в Думе в 1907 году (цит. по: Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. Вып. 3. С. 26–27).

² Революционным волюнтаризмом называют уверенность в том, что небольшая группа решительно настроенных и готовых на самопожертвование единомышленников способна повернуть колесо истории.

в ключевых вопросах политической оценки ситуации, прогнозирования политического будущего России, организации политической активности. Представление о социально-экономической дифференциации крестьянства, то есть о масштабах имущественного расслоения российских крестьян и вытекающей отсюда его экономической стратификации, должно было стать ключом к пониманию его политического сознания и политической активности. Суждения об интенсивности этого процесса прямо отражались на принятии важных политических решений как правительством, так и его противниками.

2. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Объем эмпирических данных, относящихся к дореволюционному периоду, явно недостаточен для того, чтобы уверенно рассуждать на столь важную тему. Данные национальных переписей населения были бы здесь прямым индикатором социально-экономической дифференциации российских крестьян, измеряемой в терминах имущественного расслоения. Но в период между 1897 и 1916 годом общенациональной переписи крестьянского населения в России не проводилось. Приходится пользоваться данными двух исследований, охвативших всю страну. Первое из них проводилось в 1905 году и касалось учета земель, находившихся в распоряжении крестьян. Второе было проведено в 1912 году по заказу военного ведомства и направлено на выявление количества лошадей, имеющих в стране.

Приведенные данные конечно дают некоторую пищу для размышлений относительно материального положения российских крестьян, но к дебатам о дифференциации они имеют лишь косвенное отношение. Например, перепись 1905 года не принимала во внимание, была ли земля, используемая крестьянами, их собственной или арендованной. В исследовании 1912 года опять

Таблица 3.1

Размеры земельных наделов крестьян
в европейской части страны (1905 год)

Площадь земли, находящейся в их распоряжении	Домохозяйства	
	число	%
Менее 5 десятин	2669	23,8
5–10 десятин	4940	44,1
Более 10 десятин	3591	32,1
<i>Итого</i>	<i>11 200</i>	<i>100</i>

Источник: Огановский Н., Кондратьев Н. (ред.-сост.). *Сельское хозяйство в России в XX веке*. С. 69, 71.

Примечание. Цифры заимствованы из результатов переписи крестьянских земельных наделов, проведенной в 1905 году в 42 из 50 губерниях европейской части России. Какие именно губернии участвовали в переписи, не указывается.

Таблица 3.2

Данные о количестве лошадей в крестьянских
хозяйствах европейской части России (1912 год)

Число лошадей, имеющихся в домохозяйстве	Домохозяйства	
	число	%
0	4172	31,4
1	4276	32,1
2	2951	22,2
3	995	7,5
4 или более	893	6,8
<i>Итого</i>	<i>13 287</i>	<i>100</i>

Источники: *Военно-конская перепись 1912 года*. СПб., 1914. С. 148–149; Челинцев А. *Сельскохозяйственная география России*. Берлин, 1923. С. 133.

Примечание. Первый источник приводит данные по домохозяйствам, где имеются лошади. Второй источник дает число безлошадных крестьянских хозяйств.

же не все лошади, находящиеся в распоряжении крестьян, учитывались, а только те, которые были пригодны для использования в военных целях. В обоих случаях отсутствовали также некоторые дополнительные индикаторы, которые были бы полезны для нашего исследования. Например, мы не можем сравнивать меж-

ду собой разные регионы России. Поэтому эти данные мало что добавляют к нашим знаниям о распределении богатства у русского крестьянства того времени. Они лишь подтверждают общий вывод, который делает Н. Ясный и который звучит так: «Русская деревня характеризовалась не столько относительным богатством немногих крестьян, сколько страшной бедностью основной крестьянской массы»¹.

Отметим также, что для того времени наиболее существенным и наиболее спорным вопросом было не текущее состояние дел в этой сфере само по себе, а темпы изменений; не уже сложившаяся к тому моменту степень имущественного расслоения российского крестьянства, а скорость нарастания этого процесса. Но если брать имеющуюся общероссийскую дореволюционную статистику, то в ней отсутствуют данные о социально-экономической мобильности, то есть о динамике материального положения крестьянских семей². Кое-какие интересные данные, однако, можно почерпнуть из локальных исследований. В 1864 году в России были учреждены выборные органы местного самоуправления под названием «земства»³. Хотя деятельность земств находилась под пристальным надзором правительства, они постепенно превратились в оплот либерально настроенных представителей дворянства и среднего класса. Многие земства создали так называемые статистические отделы, предназначенные для проведения разного рода социальных исследований⁴. Социальными иссле-

¹ Jasny N. *The Socialised Agriculture of the U.S.S.R. Plans and Performance*. Stanford, 1949. P. 149.

² Термин «мобильность» мы используем в смысле вертикальной мобильности, как ее определяет *Encyclopaedia of the Social Sciences*, 1st edition, 1930–1935. Vol. II. P. 554, но ограничиваем его социально-экономическими изменениями. К этому вопросу мы еще вернемся в главе 4, раздел 4.

³ См.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 18. С. 652–679.

⁴ Первые земства появились в 1865 году, а уже в 1887 году в Херсонской губернии было проведено социально-экономическое

дованиями, в частности изучением социальных проблем крестьянства, занялись первоклассные ученые¹. Различные техники сбора данных были проверены на эффективность². Поскольку подобные исследования проводились регулярно, их результаты позволяют нам измерить социально-экономическую мобильность крестьянства и, более того, оценить ее динамику, сравнивая данные по годам. Эти исследования дают возможность разработать типологию социально-экономической мобильности в крестьянском обществе. Метод анализа мобильности на основе статистических данных лонгитюдных исследований (см., например, табл. 3.5 и 3.6) сейчас принят в качестве стандартного. Так было выявлено четыре типа мобильности, которые можно представить в виде сочетания двух основных параметров: 1) общего сдвига (подвижка), отражающего улучшение или ухудшение социально-экономического положения крестьянства в целом, и 2) интенсивности процессов дифференциации, отражающих социально-экономическое расслоение общества. Реальные процессы могут быть описаны в этих терминах.

Рис. 1 иллюстрирует эту типологию. Материальное положение крестьянской семьи в данном сообществе количественно представлено на горизонтальной оси, а число семей (в процентах) представлено на вертикальной оси. Таким образом, кривая показывает имущественную дифференциацию крестьянских домохозяйств внутри изучаемого сообщества. Общий сдвиг

исследование. Вслед за тем как в 1871 году были опубликованы результаты подобного исследования в Вятской губернии, последовали сотни таких публикаций (см.: Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России: в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних пяти лет революционного перелома (1865–1922 гг.)*. М.-Пг., 1923. С. 73).

¹ Наиболее полное собрание такого рода исследований: Сваицкий Н., Твердова-Свавицкая З. (сост.) *Земские подворные переписи 1880–1913 годов*. М., 1926.

² См. подробнее об этом в главе 4 настоящего издания.

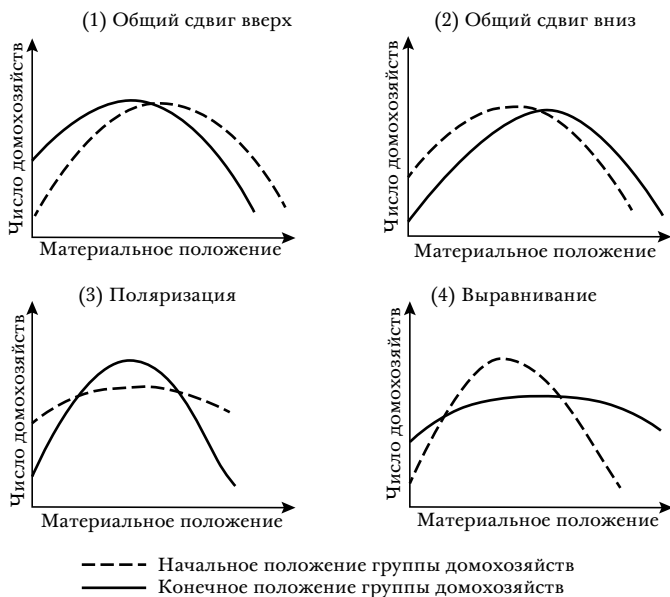

Рис. 1. Типы мобильности крестьянского общества (графики социально-экономических изменений)

вверх или вниз на графике будет иметь форму движения кривой соответственно вправо или влево (граф. 1 и 2). При этом форма кривой не меняется. Уплотнение кривой будет соответствовать поляризации (граф. 3). Выравнивание имущественного состояния графически будет выражаться усилением крутизны кривой (граф. 4), то есть концентрацией домохозяйств по признаку их материального достатка в среднем диапазоне. На языке статистики можно сказать, что рост или падение медианы (M) отражает общий сдвиг, а квартильное отклонение (QD) или стандартное отклонение (SD) отражает процессы дифференциации — рост при поляризации и уменьшение при выравнивании.

Многочисленные местные переписи, выполненные различными земствами, обычно демонстрировали существование значительной степени дифференци-

ации внутри крестьянского сообщества, а также некоторую тенденцию к общему сдвигу вниз и к усилению поляризации¹. Однако местных переписей было в целом не так много, чтобы с полной уверенностью считать их данные репрезентативными для всего российского крестьянства. Положение осложняется еще и тем, что такая замечательная работа была проделана менее чем в половине губерний России, что выборки были довольно малы и что различные методы сбора данных и различные индикаторы, которые при этом использовались, негативно сказывались на валидности результатов и на сопоставимости полученных данных².

Можно утверждать, таким образом, что дореволюционные русские ученые и политики не имели в своих руках достаточных и надежных фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть делаемые общие заключения. Поэтому и те данные, которыми оперируют современные советские ученые, пытаясь оценить степень дифференциации российского крестьянства накануне Первой мировой войны (табл. 3.3), тоже являются весьма приблизительными. Но если говорить о процессах дифференциации, то здесь отсутствуют даже такие грубые оценки.

Тяготы Первой мировой войны и введение во время войны государственной монополии на снабжение зерном привели к установлению государственного контроля над этой сферой. А отсюда и требование совершенствования планирования, и насущная потребность лучше знать состояние дел в деревне и потенциал сельского хозяйства страны. В 1916 году, впервые с конца

¹ См.: Свавицкий Н., Твердова-Свавицкая З. (сост.). *Земские подворные переписи 1880–1913 годов*. С. 185–327 и Книпович Б. *К вопросу о дифференциации российского крестьянства (дифференциация в сфере земледельческого хозяйства)*. СПб., 1912.

² См.: Ден В. *Источники важнейших отраслей хозяйственной статистики СССР*. М., 1929. С. 22.

Таблица 3.3

Оценка степени дифференциации российского крестьянства
в 1913 году

Слои	% домохозяйств
Бедные крестьяне	65
Крестьяне-середняки	20
Кулаки	15
Все слои	100

Источник: *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. Т. 23. С. 327.

Примечание. По оценкам одного из советских демографов, российское крестьянство в 1913 году состояло на 14% из кулаков, на 5% из сельского пролетариата и на 81% из крестьян, которые не принадлежали ни к одному из двух предыдущих слоев. (Писарев И. *Народонаселение СССР*. С. 66, 71). Кулаки определяются как богатые крестьяне, эксплуатирующие труд своих соседей.

XIX века, была проведена общероссийская сельская перепись. На следующий год — в самый разгар революции — она была повторена.

Октябрьская революция повлекла за собой окончательное формирование всероссийского механизма сбора статистических данных о крестьянстве в связи с тем, что советская власть придавала очень большое значение экономическому планированию вообще. Для получения необходимой информации было создано Центральное статистическое управление (ЦСУ) — очень мощная всероссийская организация, занимающаяся сбором статистических данных¹. Анализ результатов переписей 1916 и 1917 годов и последующих переписей, проводившихся в 1919, 1920 и в 1926 годах, впервые позволил получить большой и надежный массив данных по сельскому хозяйству и в масштабах всей стране, и по ее отдель-

¹ ЦСУ было официально учреждено советским правительством 25 июня 1918 года. Отдел, занимающийся сельским хозяйством, был создан в нем только в 1920 году (см.: Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России*. С. 275–276).

ным регионам¹. Методы сбора информации постепенно стандартизировались. Теперь можно было проводить крупномасштабные сравнения. Поскольку аналогичные замеры периодически повторялись, наконец-то появилась реальная возможность вполне уверенно судить о мобильности российского крестьянства.

Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война привели к установлению почти полного государственного контроля над городской экономикой и перераспределению земли в деревне. Связанный с войной глубокий политический и экономический кризис вызвал быстрое падение производства, развал системы снабжения городов, бегство горожан в деревню. Только после окончания Гражданской войны и объявления в 1921 году нэпа началось постепенное возрождение экономики².

На то, что процессы дифференциации на селе продолжались во время революции и Гражданской войны, указывают исследования ЦСУ, в которых данные переписи 1917 года сравниваются с результатами аналогичных исследований, проведенных в 1919 и 1920 годах. Главными индикаторами материального положения крестьянских дворов были площади посевных земель и количество лошадей на одну семью³. Сравнение данных 1917 года с данными последующих лет представлено в табл. 3.4 и 3.5.

Цифры показывают быстрый рост числа домохозяйств и фактическое снижение числа лошадей и площадей обрабатываемой земли в расчете на одну семью. Весьма существенный общий сдвиг вниз сопровождался процессом выравнивания имущественного положения крестьян. Оба эти процесса следует рассматривать

¹ См.: Ден В. *Источники важнейших отраслей хозяйственной статистики СССР*. С. 32–39.

² Подробнее см. об этом в главе 8.

³ Показатели материального положения крестьян специально анализируются в главе 7, раздел 3.

Таблица 3.4

Распределение крестьянских хозяйств в соответствии с обладанием пахотной землей и лошадьми (1917 и 1919 годы)

А. Площадь пахотной земли

Площадь земли на семью (дес.)	Количество дворов		Изменение числа дворов (%)	% хозяйств	
	1917	1919		1917	1919
0	49 087	30 415	-38,0	11,49	6,56
Менее 2	122 643	198 647	+62,0	28,70	42,87
2–4	123 590	135 966	+10,0	28,92	29,34
4–6	62 601	57 301	-8,5	14,65	12,37
6–10	47 678	33 814	-29,1	11,16	7,30
10–16	16 432	6 393	-61,1	3,84	1,38
16–25	4 178	756	-81,9	0,98	0,16
Более 25	1 082	98	-90,9	0,26	0,01
<i>Итого</i>	<i>427 291</i>	<i>463 390</i>	<i>+8,4</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>

Б. Число лошадей

Число лошадей на одну семью	Количество дворов		Изменение числа дворов (%)	% хозяйств	
	1917	1919		1917	1919
0	122 826	116 138	-5,7	28,7	25,06
1	203 409	278 714	+37,0	47,62	60,15
2	75 072	56 937	-24,1	17,57	12,30
3	16 990	8 356	-50,8	3,98	1,80
4	5 304	2 224	-58,1	1,24	0,48
5 и более	3 630	958	-72,1	0,84	0,21
<i>Итого</i>	<i>427 291</i>	<i>463 390</i>	<i>+8,4</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>

Источник: *Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 годах*. М., 1922. С. 10–11, 20–21.

как результат произошедшей аграрной революции. В то же время на основании данных из табл. 3–6 можно сделать заключение, что в недавно созданной Российской Советской Федеративной Социалистической

Таблица 3.5

Распределение крестьянских хозяйств в соответствии с обладанием пахотной землей и лошадьми (1917 и 1920 годы)

А. Площадь пахотной земли

Площадь земли на одну семью (дес.)	% хозяйств	
	1917	1920
0	10,6	4,7
Не более 2	30,4	47,9
2,1–4,0	30,1	31,6
4,1–10,0	25,2	15,3
Более 10	3,7	0,5
<i>Итого</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>

Б. Число лошадей

Число лошадей на одну семью	% хозяйств	
	1917	1920
0	29,0	27,6
1	49,2	63,6
2	17,0	7,9
3	3,4	0,7
4 и более	1,4	0,2
<i>Итого</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>

Источник: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. М., 1926. С. 82.

Республике (РСФСР) уровень сельского неравенства оставался высоким, особенно на юге страны, который был одним из основных сельскохозяйственных районов, и в Сибири.

Переход к новой экономической политике в 1921 году ознаменовался началом общего восстановления российского сельского хозяйства, хотя это и совпало с голодом в ряде областей, которые традиционно специализировались на производстве сельскохозяйственной продукции. Оба эти явления отразились и на структу-

Таблица 3.6

Площади пахотной земли в расчете на одно домохозяйство

Показатель / год	1922	1923	1924	1925	1926
Средние значения	1,75	2,08	2,47	2,75	2,87
Квартильные отклонения	1,27	1,36	1,41	1,53	1,59

ре социально-экономической мобильности сельского населения, которая будет рассмотрена далее.

Цифры указывают на медленный общий сдвиг вверх во всех основных регионах, за исключением районов, охваченных голодом, где в те же годы наблюдались резкий сдвиг вниз и общее выравнивание. Голод 1920–1922 годов затронул в основном районы, в которых вплоть до 1920 года существовал высокий уровень дифференциации. Это привело к тому, что последующее выравнивание там имущественного положения крестьян было особенно заметно.

Период 1922–1925 годов характеризовался общим восстановлением сельского хозяйства России. В это время повсюду наблюдался совокупный сдвиг вверх в материальном положении крестьян и медленный процесс поляризации. Например, если брать площади пахотной земли в расчете на одно домохозяйство, то средние значения и квартильные отклонения были следующими (табл. 3.6).

Если брать число лошадей на одно домохозяйства, то здесь тоже отмечается рост, но гораздо более медленный, чем в отношении площади пахотных земель, а в 1925 году наблюдалось даже снижение.

Несмотря на то что при сравнении показателей за разные годы иногда возникают проблемы, связанные с некоторым различием тех методик подсчета, которые были использованы, самые общие тенденции социально-экономической мобильности проявляются достаточно четко. Вслед за совокупным снижением показателей состояния сельского хозяйства страны, вызванного

Таблица 3.7

Дифференциация российского крестьянства по регионам (данные 1920 года)

Площадь посевных земель на одну семью (дес.)	% домохозяйств в регионе											
	Север	Северо-Запад	Центральный промышленный	Центральный черноземный	Урал	Башкирия	Средняя Волга	Нижняя Волга	Юго-Восток	Северо-Восток	Сибирь	% домохозяйств в общей выборке
0	5,4	8,5	8,9	2,6	6,9	4,9	2,9	11,4	23,9	3,4	13,3	7,5
Не более 2	80,9	66,5	68,7	36,8	26,1	27,0	31,8	16,0	16,3	58,9	19,8	39,2
2,1–4	13,1	21,0	20,0	38,7	32,6	34,0	39,0	23,0	15,0	30,6	22,0	28,8
4,1–6	0,5	3,2	2,1	15,4	17,7	18,3	18,3	18,2	12,6	5,6	16,5	12,7
6,1–10	0,1	0,7	0,3	5,9	11,9	11,8	7,3	17,2	15,3	1,4	16,9	7,8
10,1–16	–	0,1	–	0,6	3,6	3,2	0,7	8,7	10,3	0,1	8,4	2,8
16,1–25	–	–	–	–	0,9	0,6	–	3,8	4,8	–	2,5	0,9
Более 25	–	–	–	–	0,3	0,2	–	1,7	1,8	–	0,6	0,3
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Источник: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 83.

Примечание. Таблица основана на репрезентативной выборке крестьян в 48 губерниях РСФСР (данные ЦСУ).

Таблица 3.8

Дифференциация крестьянских хозяйств в РСФСР
в 1922–1926 годах

А. Площадь пахотной земли

Площадь земли на одну семью (дес.)	% домохозяйств				
	1922	1923	1924	1925	1926
0	6,7	3,2	4,2	4,7	4,5
Менее 2	51,3	47,3	40,6	34,3	32,1
2,1–4	27,3	29,7	32,7	34,0	34,7
4,1–6	9,2	11,0	13,0	15,6	16,2
6,1–10	4,5	6,4	7,1	8,7	9,3
10,1–16			1,8	2,0	2,4
Более 16	1,0	2,0	0,6	0,7	0,8
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Б. Наличие тяглового скота

Количество на одну семью	% домохозяйств				
	1922	1923	1924	1925	1926
0	37,1	30,6	31,0	30,6	30,4
1	50,0	54,6	51,4	52,3	50,2
2	9,9	11,0	12,5	12,4	13,8
3	1,9	2,4	3,1	2,9	3,5
4 и более	1,1	1,4	2,0	1,8	2,1
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Источники: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 8; *Народное хозяйство СССР за 1923–1924 годы*. М., 1925. С. 756; *Статистический справочник СССР, 1927 год*. М., 1927. С. 78, 81.

Примечание. Таблица основана на ежегодных обследованиях, проводившихся ЦСУ на большой представительной выборке домохозяйств. Тягловый скот включает не только лошадей, но и быков, на которых пахали главным образом в южных районах России.

войной, голодом и, возможно, проблемами адаптации после раздела бывших помещичьих земель между крестьянами, наблюдается новый подъем этих показателей, отражающий постепенное восстановление сельского хозяйства. Если рассматривать процессы дифференциации, то в 1917–1920 годах происходило ее сглаживание, но затем снова началась медленная поляризация. Единственный довольно неожиданный факт состоит в том, что между дореволюционной картиной дифференциации и тем, что наблюдалось в начале 20-х годов, почти не было различий, если только не учитывать уменьшение числа безземельных крестьян. А это ведь был период колоссальных исторических потрясений и подлинной аграрной революции¹. Хотя отсутствие полностью сопоставимых данных не позволяет проводить детальных сравнений, стратификация крестьянства в 1925–1926 годах, похоже, не слишком сильно изменилась по сравнению с 1917 годом. А это идет вразрез с официальными утверждениями советской пропаганды об огромном прогрессе в деле выравнивания имущественного положения российских крестьян, который был достигнут за годы, прошедшие после революции.

3. НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР

Бурные дебаты о том, какая степень дифференциации была характерна для крестьянства и как она эволюционировала, не утихали в среде российских ученых на протяжении десятилетий. Выше мы уже разбирали концептуальный, политический и эмоциональный фон, на котором они проходили. До революции еще не было вполне адекватного эмпирического фундамента для строго научного ответа на этот вопрос. Кроме того, сказывалось и сильное идеологическое давление. Поэтому все рассуждения и утверждения носили обычно дедуктивный и спекулятивный характер: их авто-

¹ Сравним, например, табл. 3.1 и 3.8.

ры опирались в основном на какие-то априорные теоретические построения и на свои крайне субъективные представления об экономическом развитии России.

На рубеже веков Россия вошла в полосу быстрого роста городов и активной индустриализации. Капитализм прочно обосновался в городах¹. Исходя из этого, большинство российских экономистов предсказывали, что в российской деревне должна будет произойти резкая социально-экономическая поляризация, особенно после того, как столыпинские реформы 1906–1910 годов освободили крестьян от опеки общин, стоявших на страже эгалитарных принципов организации жизни на селе². Предполагалось, что развитие товарно-денежных отношений приведет к тому, что рыночные механизмы и тут постепенно станут главным регулятором экономической и социальной жизни. Согласно этой теории, богатые крестьяне, движимые стремлением к максимизации доходов и накоплению экономических преимуществ, быстро превратятся в предпринимателей капиталистического типа³. А крестьяне рассматривались как полупролетарии на пути к скорой окончательной пролетаризации⁴. Считалось, что обе эти социальные прослойки — богатые селяне и бедняки — уже живут и действуют в рамках рыночной экономики и современной системы капиталистических отношений, тогда как лишь меньшинство российских крестьян (так называемые середняки) застряли на более ранней исторической стадии преимущественно натурального хозяйства (табл. 3.9). И только когда речь заходила о дальних перспективах, марксисты расходились в прогнозах с други-

¹ См. главу 1, разделы 1, 2.

² Эти реформы были описаны в главе 2, раздел 2. См. также приложение А, раздел 3.

³ См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. В: Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 3.

⁴ По известному определению Ленина, крестьянин — это «рабочий со своим наделом земли» (см.: там же. С. 77).

ми сторонниками экономического детерминизма. Но в России была еще и небольшая часть ученых, по взглядам близкая к народникам, для которых крестьянская экономика выступала как особая, некапиталистическая структура. Для них крестьянское хозяйство с его во многом натуральным укладом жизни было чем-то находящимся за рамками того экономического поля, где господствует система товарно-денежных отношений, а производство нацелено прежде всего на извлечение прибыли. Решающими в плане социальных изменений они считали не экономические, а в основном биологические (семейные) факторы¹.

Оригинальная попытка интегрировать эти два полярных взгляда была сделана марксистом И. Гурвичем, который пытался усмотреть главный момент внутреннего социального расслоения крестьянства в его возрастной структуре². Согласно его взглядам, основное классовое противоречие в деревне было между старыми и зажиточными крестьянами и бедной молодежью пролетарского толка. Крестьяне среднего возраста в этом конфликте были где-то посередине. Были и другие исследователи, которые стремились каким-то образом примирить между собой позиции экономического детерминизма и народничества. К ним относились, например, П. Маслов и Н. Суханов. Но большинство российских ученых хорошо вписывались в один или другой из противоборствующих лагерей³. Те полярные оценки степени дифференциации крестьянства, которые делались сторонниками каждого из них, были просто концентрированным количественным выражением принципиальных концептуальных расхождений в под-

¹ Более подробно см. главу 6, раздел 2.

² См.: Гурвич И. *Экономическое положение российской деревни*. СПб., 1896.

³ Подробный анализ содержится в: Макаров Н. *Крестьянское хозяйство и его эволюция*. М., 1920. Т. 1. Гл. 1.

Таблица 3.9

Стратификация сельского населения
европейской части России в 1905 году (по Ленину)

Социальные слои	Земля (дес.)		Владельцы	
	диапазон	в среднем	млн	%
Обнищавшее крестьянство	0–15	7,0	10,5	80,6
Крестьяне-середняки	15–20	15,0	1,0	7,7
Фермеры-капиталисты	20–500	46,7	1,0	11,5
Помещичьи хозяйства	500+	2333,0	0,03	0,2
Все слои вместе	0–500+	21,4	13,03	100,0

Источник: Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции 1905–1907 годов. В: Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 16. С. 202–203.

Примечание. Верхний предел земельного надела для первой категории («обнищавшие крестьяне, задавленные эксплуатацией») Ленин устанавливает значительно выше, чем другие исследователи. Поэтому у него получается, что 4/5 всех крестьянских хозяйств попадают в эту категорию. За счет этого сильно сокращается прослойка крестьян-середняков. Прослойка, обозначенная как «фермеры-капиталисты», на самом деле состояла в основном из более богатых крестьян, а не из сельскохозяйственных предприятий иного типа, чем простые крестьянские хозяйства.

ходах к анализу процесса эволюции рыночных отношений.

Такое расхождение в оценках было возможно в связи с тем, что разные авторы исходили из разных эмпирических данных. Например, Ленин свой анализ основывал на тех данных о структуре российского сельского хозяйства в 1905 году, которые приведены в табл. 3.9.

С другой стороны, видный ученый Н. Огановский, даже целое десятилетие спустя, все еще ставил под сомнение существование сколько-нибудь значимого расчленения внутри российского крестьянства, если за критерий брать средний доход на душу населения¹. По его

¹ См.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 13. С. 519–523, а также главу 7 далее.

мнению, имеющиеся данные интерпретируются некорректно: различия между размерами земельных наделов и благосостоянием крестьян в различных регионах страны выдаются за внутреннее расслоение крестьянства как особой социальной группы¹. Если устранить этот посторонний фактор («фокус», по терминологии Огановского), то различия в доходах на душу населения исчезнут².

Несмотря на то что после 1916 года в России регулярно устраивались переписи населения, данные которых были пригодны для строгого научного анализа, теоретические споры относительно оценки степени расслоения российского крестьянства не утихали. Более того, появились новые вопросы, по которым тоже разгорелись бурные дебаты. И хотя эмпирические оценки к тому времени более или менее сблизились, теоретические споры продолжались и достигли своего апогея на конференции, организованной Сельскохозяйственной академией в 1926 году³. На ней с изложением своих взглядов снова появились представители основных идейных направлений, бытовавших еще до революции.

С точки зрения неонародников, экономическая поляризация, которая была вовсе не характерна для дореволюционной России, и после революции остается весьма незначительной⁴. С точки зрения экономистов неоклассического толка, таких как Кондратьев и Прокопович, поляризация оценивалась как необходимое,

¹ См. в связи с этим главу 3, раздел 1 и главу 7, раздел 3.

² См.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 13. С. 521.

³ Материалы ее были опубликованы в *Пути сельского хозяйства*. 1927. Вып. 4–9. На конференции свои взгляды открыто высказывали ученые немарксистского толка. Этому, несомненно, благоприятствовала атмосфера развернувшейся внутри партии борьбы против так называемой левой оппозиции.

⁴ См. *Пути сельского хозяйства*. Вып. 4. С. 119 и Вып. 5. С. 117–118. См. также третий раздел шестой главы.

очевидное и прогрессивное явление¹. Кондратьев резко критиковал проводимую политику борьбы против середняков, которых он называл «единственной группой, способной создать основу для рыночного производства. Отдавая предпочтение сельской бедноте, мы фактически отказываемся от реальной помощи этой части крестьянства»². Что касается официальных ученых-марксистов, то они оказались в двусмысленном положении. С одной стороны, усиление дифференциации и вытекающей отсюда эксплуатации — это признак развития рыночной экономики на селе, что само по себе является положительным фактором. С другой стороны, для социалистического государства такой сценарий никак не может считаться оптимальным. Увеличение размеров сельскохозяйственного предприятия — это «непреклонное правило экономического прогресса и эффективности труда»³. Однако реальный рост наблюдался не в коллективном, а в частном секторе, то есть усиливался классовый враг, само существование которого воспринималось как потенциальная угроза.

Основная группа партийных ученых⁴, во главе которой стоял Л. Н. Крицман, следуя официальным идеологическим установкам, пыталась найти эмпирические доказательства того, что поляризация на селе растет. Сдача внаем лошадей и сельскохозяйственного инвентаря рассматривалась как новая форма классовой эксплуатации. При этом выдвигался тезис о том, что со временем социализм придет в деревню в резуль-

¹ С. Прокопович, находясь за границей, продолжал оказывать серьезное влияние на российскую экономическую мысль. Его возражения Чайнову были даже цитированы в: *Пути сельского хозяйства*. Вып. 5. С. 121–122.

² Цит. по: *Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов*. М., 1931. Вып. 2. С. 7.

³ *На аграрном фронте*. 1925. № 2. С. 7.

⁴ См.: А. Гайстер, М. Кубанин, Г. Раевич, Г. Гордеев и другие, задававшие тон в аграрной секции Коммунистической академии. Их главным рупором был журнал *На аграрном фронте*.

тате вмешательства государства и, таким образом, поляризации будет положен конец. А экономической основой для этого должен стать процесс роста производительности труда в промышленности и зарплаты рабочих, что приведет к оттоку сельской бедноты в города и подрыву господства богатых сельских фермеров¹. Только немногие из этих ученых придерживались чисто марксистского положения о том, что классовая дифференциация в эпоху капитализма может быть реально измерена только количественно, то есть в терминах заработной платы². Но если строго следовать этому принципу, то окажется, что заработки крестьян в то время были настолько малы, что реально приближались к нулю.

Пытаясь преодолеть указанные затруднения, некоторые исследователи в конце двадцатых годов занялись поисками новых методов анализа эмпирических данных³. Но тут пришел 1929 год с его голодом, курсом на индустриализацию и насильственную коллективизацию сельского хозяйства. В этой ситуации научные дебаты 1926 годы оказались напрочь забытыми. На экстренно созванном съезде специалистов по сельскохозяйственному производству уже не нашлось места реальному обсуждению насущных проблем — тут громили врагов⁴. А затем волна коллективизации и партий-

¹ См., например: *Пути сельского хозяйства*. Вып. 8. С. 116 и 128, а также: *На аграрном фронте*. 1927. № 11–12. С. 11.

² См., например: Суханов А. *Пути сельского хозяйства*. № 6–7. С. 140.

³ В частности, А. Гайстер для исследования стратификации применял метод анализа семейного бюджета. См.: Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. М., 1928. В. Немчинов исследовал доходы от предпринимательской деятельности уральских крестьян. См.: Немчинов В. *Избранные произведения*. М., 1967. Т. 1. С. 44–120 (впервые опубликовано в 1927 году).

⁴ См.: *Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов*. М., 1931.

ных чисток поставила крест не только на самом споре о дифференциации, но и на его главных участниках.

4. ОТЗВУКИ СТАРЫХ СПОРОВ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ОТВЕТОВ

Внезапное прекращение всяких дебатов по вопросам дифференциации крестьянства оставило нерешенными целый ряд проблем, связанных с оценкой и трактовкой данных сельских переписей, проводившихся в России в период с 1917 по 1925 год. Первый вопрос таков: как можно объяснить тот факт, что революция, которая провозглашала своей главной целью уничтожение всякого неравенства, и прошедшее после нее десятилетие советской власти почти не оказали влияния на степень социальной дифференциации на селе? И более широкий вопрос: с чем вообще были связаны наблюдавшиеся процессы дифференциации российского крестьянства? Но, с другой стороны, почему российское крестьянство все же не расколослось окончательно по классовому принципу при наличии несомненной внутренней социально-экономической дифференциации? Ведь такое непонятное поведение шло категорически вразрез со многими «научными» предсказаниями. Далее, если подобная внутренняя сплоченность происходит просто из вечного консерватизма крестьянства и никак не связана с экономическими факторами, то как объяснить массовые крестьянские волнения 1905–1906, 1917 и 1920 годов, когда под угрозой оказались их земля и собственность?

Однако теоретические труды российских ученых и чисто количественное накопление эмпирических данных в результате большого количества сельских переписей, проведенных после 1916 года, привели не только к постановке ряда острых вопросов. Параллельно с жаркими политическими спорами и реальными мощными революционными событиями, которые

потрясли основы старого мира, шло рождение новых теоретических концепций, которые позволяли по-новому взглянуть на многие старые проблемы и увидеть какие-то альтернативные пути их решения. Все большее число российских ученых чувствовали ограниченность старых научных подходов: дедуктивных и спекулятивных по своей сути теорий, а также традиционных методов сбора и анализа эмпирических фактов. Произошел переход от построения абстрактных всеохватывающих теорий к тому, что на языке современной методологии науки называется теориями среднего уровня. Кроме того, более отточенными стали и методы сбора данных. Были разработаны новые подходы к анализу эмпирического материала. Проблемы, которые раньше представлялись чисто российскими, теперь, с появлением большого числа так называемых развивающихся стран, были осознаны как характерные проблемы этого этапа социально-экономического развития человечества вообще.

Пожалуй, наиболее важным в концептуальном плане было признание крестьянского домохозяйства тем ядром всей жизни села, на котором должны быть прежде всего сосредоточены интересы исследователей. Методологический вывод из этого состоял в том, что именно статистические данные о крестьянской семье следует положить в основу всякого рода теоретических обобщений¹. Со временем именно этот подход породил

¹ Впервые положение о том, что крестьянское домохозяйство (двор) является основным элементом крестьянского общества, прозвучало в 1887 году на конференции российских статистиков. Отсюда следовал практический вывод о том, что именно оно должно быть фокусом статистических исследований в этой сфере (Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России*. С. 80). Почему это почти очевидное положение далеко не сразу оказало влияние на методiku статистических исследований, еще предстоит изучить. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что господствующие в «образованных» кругах представления о крестьянской жизни сильно расходились с реальностью.

новые приемы исследования, привел к постановке иного рода вопросов и привлечению для ответа на них совершенно иного статистического материала.

Еще до революции эти новые методы сбора и анализа материала стали применяться наиболее продвинутыми в этом плане земствами. После революции некоторые из ведущих статистиков, ранее успешно трудившиеся в земствах, были назначены на руководящие должности в Центральном статистическом управлении (ЦСУ). Методы сбора и анализа эмпирического материала, разработанные и обкатанные ранее в земствах, теперь были перенесены на общенациональный уровень. Это позволило ЦСУ организовать широкомасштабные исследования крестьянства на беспрецедентно высоком в методическом отношении уровне. Двумя подлинными нововведениями, первоначально разработанными в земствах, а затем принятыми в качестве стандартной методики ЦСУ, были анализ бюджета и так называемые динамические исследования. Мы обратимся к ним в следующей главе после того, как кратко рассмотрим вопрос о связи размера крестьянской семьи с ее материальным положением.

ГЛАВА 4

Поляризация и циклическая мобильность

С научно-статистической точки зрения з[емская] статистика сделала гораздо больше, нежели вся русская официальная статистическая наука. <...> Проложены и «прокладываются новые пути» как в приемах в приемах собирания и изучения, так и в приемах сводки и разработки статистических данных.

<...>

Она создала совершенно особую технику <...>, <...> расходящуюся с зап[адно]-европейскими шаблонами.

<...>

з[емская] стат[истика] сделалась единственным в своем роде орудием изучения народной жизни, каким не располагает ни одна другая страна.

Кауфман А. Земская статистика. *Новый энциклопедический словарь*. СПб., 1914. Стб. 630–631

1. КОРРЕЛЯЦИЯ РАЗМЕРА СЕМЬИ И ЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

ИЗВЕСТНО, что бедные имеют в среднем больше детей, чем богатые. На языке социологии эта закономерность формулируется как «обратное отношение между размером семьи и ее социально-экономическим статусом»¹. Но в случае российского крестьянства эта универсальная

¹ *The Determinants and Consequences of Population Trends*. New York, 1953. P. 85–86.

закономерность не работает. Здесь обнаруживается обратное отношение¹.

Отчетливая позитивная корреляция между размером крестьянской семьи (число членов) и ее материальным положением (измеренным с помощью разных индикаторов) выявлялась всеми российскими переписями. Следует отметить, что сами по себе эти показатели значительно варьировались от региона к региону. Средний размер семьи в 1891 году составлял 6,3 человек, в 1917 – 6,0 человек, а в 1922 – 5,4 человек². Но характерное соотношение между демографическим и экономическим разнообразием сохранялось по всем регионам и во все периоды³.

Существование позитивной корреляции между размером и материальным благополучием крестьянской семьи снижает диапазон социально-экономической дифференциации, если оценивать его в подушевом исчислении. Однако даже тут это различие сохраняется: более состоятельные домохозяйства демонстрируют более высокий уровень благополучия даже с поправкой на величину семьи (табл. 4.1, 4.2 и 4.3).

¹ Следует отметить, что аналогичное явление было обнаружено и некоторыми современными авторами при изучении доиндустриальных и «развивающихся» обществ. Например, П. Ласлет пишет, что в Англии XVI века «с ростом размера семьи повышалось ее социальное и экономическое положение» (Wrigley E. (ed.) *An Introduction to English Historical Demography: From the Sixteenth to the Nineteenth Century*. London, 1966. P. 169). В другом месте мы находим указание на то, что в одной китайской деревне в богатой семье было в среднем 8 человек, в семье среднего достатка – 5 человек, а в бедной семье чаще всего было 3–4 человека (Crook D., Crook J. *Revolution in a Chinese Village: Ten Mile Inn*. London, 1959. P. 6).

² Данные за 1891 год взяты из: Ларин Ю. *Экономика досоветской деревни*. М.-Л., 1926. С. 157. Данные за послереволюционный период в: *Сборник статистических сведений по СССР за 1918–1923 годы: за пять лет работы Центрального статистического управления*. М., 1924. С. 107, 146.

³ Обсуждение этого демографического явления выходит за рамки настоящей работы. Главными причинами его были, по-видимому, снижение показателя смертности (см. главу 5) и большее среднее число усыновлений в более зажиточных семьях (см. приложение 2, раздел 2).

Таблица 4.1

Площадь пахотной земли с учетом размера семьи
в Калужской губернии в 1897 году

Площадь пахотной земли на семью (дес.)	Размер семьи	Средняя площадь земли	
		на семью	на душу
0	3,2	0,2	0,1
Менее 3	5,3	4,9,	0,9,
3–6	6,6	9,4	1,4
6–9	8,3	14,2	1,7
9–12	9,8	20,1	2,0
Более 12	12,0	31,1	2,6

Источник: Книпович В. *К вопросу о дифференциации российского крестьянства*. СПб., 1912. С. 66.

Примечание. Таблица основана на исследовании 31147 крестьянских семейств (всего 211 047 человек) Калужского земства.

Таблица 4.2

Площадь пахотной земли с учетом размера семьи
в Калужской губернии в 1897 году

Площадь пахотной земли на семью (дес.)	Размер семьи	Средняя площадь земли		Количество лошадей на семью
		на семью	на душу	
Менее 0,1	3,0	–	–	0,0
0,1–2,0	4,0	1,2	0,3	0,5
2,1–4,0	5,4	2,7	0,5	0,8
4,1–6,0	6,6	4,6	0,7	1,0
6,1–10,0	8,0	7,2	0,9	1,2
10,1–16,0	9,5	12,4	1,3	1,5
16,1–25,0	9,9	18,8	1,9	1,8
Более 25	9,8	33,3	3,4	2,5
В среднем	5,3	3,2	0,6	0,7

Источник: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 160–165.

Примечание. Данные получены на репрезентативной выборке сел в 16 губерниях Европейской России. Исследованием было охвачено 269 317 семей. Данные в категории «более 25» не вполне надежны, поскольку таких домохозяйств было всего 101 (или 0,03 от общего числа).

Таблица 4.3

Социально-экономическая дифференциация крестьянства Саратовской губернии в 1897 году

Социальные прослойки	Размер семьи	Пахотная земля (дес.)		Скот (руб.)
		на семью	на душу	
Бедняки	4,8	5,6	1,2	64,1
Нижние середняки	5,0	6,5	1,3	124,3
Средняки	6,6	11,9	1,8	342,7
Верхние середняки	7,4	15,5	2,1	544,3
Мелкие капиталисты	8,1	18,0	2,2	937,4

Источник: Сулковский М. *Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств*. М., 1930. С. 61–63.

Примечание. Разделение на социальные прослойки было сделано на основании оценки факторов экономической эксплуатации: наемный труд, аренда земли и оборудования, торговля и т. д. Методика описана в: Крицман Л. (ред.). *Материалы по истории аграрной революции в России*. М., 1928. Т. 1 (Введение).

Широкомасштабное статистическое исследование дифференциации внутри российского крестьянства было проведено накануне Первой мировой войны¹. Его результаты полностью совпадают с теми, которые были получены ранее (см. табл. 4.1).

Послереволюционные исследования в целом показывают схожую картину, хотя использование иных категорий не позволяет проводить более детальные сопоставления дореволюционных и послереволюционных данных. Использование размеров посевных площадей как основного индикатора имущественного статуса крестьянина является не вполне корректным в связи с тем, что распределение земли в 1917–1920 годах осуществлялось по уравнительному принципу². Тем не менее фундаментальная корреляция между размером кре-

¹ См.: Книпович В. *К вопросу о дифференциации российского крестьянства*. СПб., 1912.

² Об операциональном определении понятия «богатство» см. в главе 7. Перераспределение земли в 1917–1920 годах будет рассмотрено в главе 8.

стьянской семьи и ее благосостоянием остается в силе (по крайней мере об этом говорят имеющиеся в нашем распоряжении цифры) на протяжении 30 лет, разделивших исследования, результаты которых представлены в табл. 4.1 и 4.3, какие бы показатели при этом ни использовались.

Итак, типичное зажиточное крестьянское домохозяйство в России имело больше членов семьи и больше работников мужского пола, больше пахотной земли и скота, больше сельскохозяйственного инвентаря и т. д., чем среднее хозяйство данного района. А типичная бедная семья была малочисленной: если в ней и были мужчины трудоспособного возраста, то их было мало. В лучшем случае у нее было мало земли, скота и оборудования¹. Такие базовые различия обнаруживаются также и при обследовании семейных бюджетов крестьянских хозяйств.

2. БЮДЖЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ

Бюджетное исследование, по мысли его создателя, должно быть полным, насколько это возможно, количественным описанием выбранного объекта в терминах экономических факторов и их взаимодействия². Применительно к изучению крестьянского домохозяйства оно предполагает тщательное описание семьи и ее соб-

¹ Русское крестьянство было чрезвычайно многообразно по своим характеристикам. Однако на основании проведенных в России статистических исследований мы все же можем делать такие обобщения. См.: Свавицкий Н., Твердова-Свавицкая З. (сост.) *Земские подворные переписи 1880–1913 годов*. С. 185–311. Аналогичные в принципе данные были получены и в период нэпа. См.: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 83–91, 160–165, а также: Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. С. 120–131.

² См.: Щербина Ф. *Крестьянские бюджеты*. Воронеж, 1900. С. 71. Автор этой книги занимал должность руководителя отдела статистики Воронежского земства. Более подробно об этом см.: Чайнов А., Студенский Г. *История бюджетных исследований*. М., 1922. С. 8, 37, 60.

ственности, общего годового дохода и всех расходов как в денежной, так и в натуральной форме. Исследователь проводит систематический анализ всех аспектов производства и потребления, включая такие моменты, как количество затраченного труда, выход продукции, потребности самой семьи, доходы от продаж, сумма выплаченных налогов, чистая прибыль и т. д. При этом для каждого крестьянского хозяйства, включенного в обследуемую выборку, учитываются все основные факторы производства: материальные ресурсы, количество рабочих рук, наличный инвентарь и т. д. Затем такого рода данные сравниваются со средними показателями по конкретной социально-экономической группе и выявляются возможные корреляции.

Имеются указания на то, что некоторые простые формы бюджетных исследований проводились в России уже в XVIII веке¹. Первые обследования по схеме, которая стала затем универсальной, были проведены П. Семеновым. Их результаты были опубликованы в 1880 году². Исследования, проводившиеся Щербиной с 1887 по 1891 год, ознаменовали новый этап развития этого метода: материал, собранный на репрезентативной выборке, был затем подвергнут статистическому анализу³. В дальнейшем подобные исследования стали широко проводиться и в других земствах⁴.

¹ См.: Чаянов А., Студенский Г. *История бюджетных исследований*. С. 15.

² См. там же. С. 17.

³ В 1894 году методика была утверждена в качестве стандартной на Всероссийской конференции специалистов в области статистических исследований. См.: там же. С. 23.

⁴ История бюджетных исследований описана, кроме того, в: Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России*. С. 108–112, 467–469. Волков упоминает 56 бюджетных исследований, проведенных до революции (размеры выборок были от двух до 772 домохозяйств). Подробное описание десяти наиболее важных дореволюционных исследований такого рода в: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство: по данным бюджетных исследований и динамических переписей*. Берлин, 1924. С. 15–18. Из более позд-

Исследование бюджетов крестьянских семей было сопряжено с решением ряда сложных методологических проблем¹. Надо учитывать, в частности, что после 1917 года земля в России перестала свободно продаваться. Кроме того, доходы крестьянина часто складывались из доходов от продажи сельскохозяйственной продукции плюс побочных доходов от занятия разного рода промыслами. Они могли быть денежными или натуральными. Учесть и корректно оценить все это было крайне сложно, а порой и просто невозможно². Большой объем информации, которую необходимо было собрать, весьма значительные материальные затраты на проведение таких исследований, необходимость заручиться согласием сельских жителей, что часто было делом очень непростым, — все это сильно ограничивало объем выборки, а порой и ставило под сомнение корректность получаемых выводов. Ограниченность объема выборки частично компенсировалась специальными приемами ее формирования, направленными на включение в нее типичных представителей всех основных слоев крестьянства. Но и тут были свои сложности. Например, для того чтобы быть компетентным информатором, человек должен обладать хотя бы минимальной грамотностью. А в среде беднейших крестьян было мно-

них работ см.: Вайнштейн А. *Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (статистическое исследование)*. М., 1960. С. 467–469.

¹ Например, возникали следующие вопросы: как следует в семейном бюджете учитывать землю, принадлежащую общине? Как оценить количественно ту часть продукции, которая потребляется самой крестьянской семьей? и т. п.

² Иногда из поля зрения исследователей выпадали какие-то важные элементы деятельности, например навоз, который играет весьма существенную роль в традиционном крестьянском хозяйстве. Сюда же относится и так называемая женская экономика, которая связана с ведением приусадебного хозяйства (сад, огород, домашняя птица и т. д.). Поскольку всем этим занимались в основном женщины, мужчины обычно мало что могли рассказать об этой стороне деятельности крестьянской семьи.

го совершенно неграмотных людей. Из-за этого в числе опрошиваемых сельских жителей чаще оказывались представители более состоятельной прослойки — более смысленные, активные и образованные. Продвинутые исследователи хорошо понимали все эти сложности, пытаясь их по возможности обойти¹.

Несмотря на указанные ограничения, бюджетные исследования заложили основу конкретных знаний о реальных экономических процессах, происходящих внутри крестьянского домохозяйства. Была получена обширная статистическая информация о таких важных аспектах крестьянской экономики, как накопление капитала, уровень налогообложения, рыночный спрос на сельскохозяйственную продукцию, масштабы денежного обращения, влияние различного рода внешних факторов на объем производства и доходы. Было показано, что для российского крестьянства в целом характерны были сравнительно низкие показатели доходности производства и темпов накопления капитала². За этим стояли низкая производительность труда в сельском хозяйстве, бедность крестьянских дворов, неполная занятость, а также целый ряд неблагоприятных социально-политических факторов (система налогообложения, высокая арендная плата, низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, огромные барыши перекупщиков)³.

Что касается внутреннего расслоения крестьянства, то тут бюджетные исследования в целом подтвердили то разделяемое большинством ведущих российских ученых положение, что экономические плюсы и минусы имеют тенденцию поляризоваться и накапливать-

¹ Подробнее см.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 15–28.

² См.: Макаров Н. *Крестьянское хозяйство и его эволюция*. Т. 1. С. 70–71; Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 167. См. также первую главу данной книги.

³ См., например: Большаков А. Б. *Современная деревня в цифрах*. Л., 1925. С. 22–23; Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. С. 5.

ся. Крупные хозяйства оказываются более богатыми не только абсолютно, но и относительно (в пересчете на каждого работника), а также характеризуются более высокой производительностью труда. Соответственно, тут выше доходы каждого члена семьи и на каждого работника, выше доля продукции, идущей на продажу, выше темпы накопления капитала и расширения производства¹. Со своей стороны, небольшие и, как правило, бедные хозяйства демонстрировали противоположные характеристики. Фактор недостатка капитала усиливался тем, что в более мелких домохозяйствах значительная часть его находилась в связанном виде (в форме принадлежащих данной семье дома, дворовых построек и скота)². В мелких крестьянских хозяйствах объем работ был соответственно меньше, а поэтому и уровень безработицы был выше. И это при том, что как раз эти семьи чаще всего занимались какими-то дополнительными промыслами³. Выполненный Прокоповичем статистический анализ широкого круга дореволюционных бюджетных исследований показал высокую корреляцию между размером и благосостоянием крестьянской

¹ Данные бюджетных исследований показывают, что единственным исключением тут был конец нэпа, когда более богатые домохозяйства обкладывались очень высокими налогами.

² Более подробно об этом см.: Раевич Г. Объем крестьянского хозяйства и теория факторов. *На аграрном фронте*. 1925. № 1. С. 12. А. Чаянов указывает, что только для семьи, обладающей не менее чем двумя десятинами пахотной земли, содержание лошади было экономически оправданным делом. Для более мелких крестьянских домовладений обладание лошадью, которая очень нужна в хозяйствах, было сопряжено с чрезмерными расходами. См.: Чаянов А. *Теория крестьянского хозяйства*. С. 153–159.

³ См., например: Щербина Ф. *Крестьянские бюджеты*. С. 190. Бюджетные исследования 1922–1923 годов показали, что в наиболее богатых домохозяйствах собственная рабочая сила использовалась на 24–36% (от 4 до 33% этого времени уходило на разного рода промыслы). Для самых бедных семей, имеющих менее двух десятин земли, эти цифры были соответственно 27–94 и 10–26% (*Народное хозяйство СССР в цифрах*. С. 340).

Таблица 4.4

Размер семьи, имущество, доход и сбережения
у крестьян Воронежской губернии в 1887–1896 годах

Земельный надел (дес.)	Среднее число членов семьи	Собствен- ность на человека (руб.)	В год на душу	
			доход (руб.)	сбереже- ния (руб.)
0	3,47	54,14	56,14	2,35
До 5	5,17	69,33	59,53	6,02
5–10	6,38	77,18	68,13	6,55
15–25	8,53	88,43	73,58	9,49
Более 25	12,03	106,59	94,80	18,08
Все хозяйства	6,76	81,66	73,29	10,08

Источник: Щербина Ф. *Крестьянские бюджеты*. С. 112, 115, 190, 198–199.

Примечание. Выборка охватывала 230 домохозяйств. Собственностью считались постройки, скот, сельскохозяйственный и домашний инвентарь, мебель, одежда. Натуральный доход в среднем составлял 54,8% общего дохода на члена семьи. Для безземельных это число было 19,3%, для зажиточных семей — 58,4%.

семьи, с одной стороны, и различными показателями ее хозяйственной деятельности (доход, производительность труда, накопления) — с другой¹. В табл. 4.4 представлены количественные данные, взятые из классического исследования Щербины.

После 1919 года ЦСУ начал ежегодно проводить бюджетные исследования крестьянских домохозяйств². Размеры выборок стали больше, и существенное внимание уделялось получению репрезентативных данных как на региональном, так и на общенациональном уровне. Доход обычно измерялся путем вычисления показателя под названием «условный чи-

¹ См.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 36, 132–140.

² См.: Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России*. С. 377.

стый доход»¹. Для этого из общего дохода вычитались средства, потраченные на развитие хозяйства. Сюда, правда, не включался домашний труд, стоимость скота и оборудования. Общая картина оказалась довольно близкой той, которая существовала еще до революции (табл. 4.5).

Некоторые бюджетные исследования, проведенные после 1925 года, указывали на снижение или полное исчезновение связи между размером и материальным положением семьи, с одной стороны, и ее подушевым доходом и способностью увеличивать свое имущество — с другой. За этим странным на первый взгляд явлением стоял значительный рост доли доходов от побочных промыслов семей, принадлежащих к самому нижнему слою крестьянства. Но в какой-то мере, по-видимому, определенную роль сыграл и выбор домохозяйств для изучения: тут оказалось много семей, успешно занимающихся каким-либо видом деятельности, прямо не связанным с сельскохозяйственным производством, и молодых семей. Мы еще вернемся к этому вопросу в последующих главах.

Тот факт, что в послереволюционной России доходы крестьян разного достатка не очень сильно различались между собой, вполне объясним. Это было связано с действующей системой налогов. В 1927 году была установлена прогрессивная шкала налогообложения как мера давления на кулаков, и после этого (по данным ряда исследований) сложилось парадоксальное положение: сбережения у владельцев самых больших домохозяйств оказались самыми низкими из всех слоев крестьянства². Но подобная ситуация была, конечно, исключительной. В целом же, как видно из табл. 4.5,

¹ Данное понятие было введено Челинцевым. Условный чистый доход брался для домохозяйства в целом или же в расчете на одного члена семьи или на одного работника.

² См., например: Сулковский М. *Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств*. С. 169–170.

данные бюджетных исследований показывали картину, отмечавшуюся и в дореволюционных опросах: явно давала о себе знать тенденция к усилению имущественной поляризации.

В свете результатов бюджетных исследований можно, пожалуй, сделать вывод о том, что основные социальные механизмы, лежащие в основе процессов дифференциации российского крестьянства, могут рассматриваться как вполне согласующиеся с тем, что предсказывает классическая экономическая теория и концепция экономического детерминизма¹. Можно попытаться объяснить эти процессы исключительно тем, что более крупные и богатые хозяйства всегда имеют преимущество над мелкими бедными хозяйствами в плане накопления капитала, и это приводит к поляризации. Действительно, сразу после аграрной революции 1917–1919 годов этот процесс временно приостановился, но затем возобновился, хотя темпы его замедлились в связи с общим низким уровнем роста накоплений в сельском хозяйстве и с проводимой советской властью политикой, направленной на выравнивание имущественного положения крестьян. Однако данные так называемых динамических исследований крестьянских хозяйств отвергают подобное простое объяснение.

3. ДИНАМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОБИЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Официальные статистические данные, публиковавшиеся до революции, обычно рассматривали крестьянство и сельское хозяйство всей страны или ее отдельных регионов как некое целое². При более дифференцированном подходе к анализу внутренней структуры самого этого класса обнаружили некоторые существенные

¹ См. выше главу 3, раздел 3.

² См., например: *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству*, который выходил ежегодно с 1908 по 1917 год.

Таблица 4.5

Структура домохозяйств, капитал, доходы и сбережения с учетом величины наделов пахотной земли, 1922–1923 годы

Размер хозяйства (площадь посеваемых земель в дес.)	Средний размер засеянного участка (дес.)	Среднее число членов домохозяйств		Оценка капитала (руб.)	Условный чистый доход (руб.)			Сбережения (руб.)	
		всего	трудоспособные		на все домохозяйство	на одного работающего	на одного члена семьи	на все домохозяйство	на одного работающего
До 2	1,29	4,90	2,88	535,7	202,2	70,2	41,3	2,4	0,8
2,01–4,00	3,00	5,93	3,42	695,1	282,9	82,7	47,7	11,2	3,3
4,01–6,00	4,96	6,82	4,02	964,1	384,6	95,7	56,4	17,4	4,3
6,01–8,00	6,98	7,97	4,81	1123,0	530,8	110,3	66,6	45,2	9,4
Более 8,00	11,86	8,80	5,07	1645,4	593,3	117,0	67,4	75,0	14,8
Все хозяйства	4,51	6,42	3,75	876,6	347,4	92,6	54,1	21,8	5,8

Источник: *Народное хозяйство СССР в цифрах*. С. 338–339, 342–343.

Примечание. Таблица содержит данные бюджетных исследований на репрезентативной выборке (1226) крестьянских домохозяйств из 23 губерний европейской части России. Взрослый трудоспособный мужчина считался за 1,0 единицу, взрослая трудоспособная женщина — 0,8 рабочих единиц. Семейный капитал, доход и сбережения рассчитывались в дореволюционных золотых рублях. Под капиталом понимались постройки, скот и сельскохозяйственный инвентарь.

корреляции между социально-экономической дифференциацией крестьянских хозяйств и рядом фундаментальных характеристик жизни на селе¹. Более того, такой подход позволил проанализировать внутреннюю социально-экономическую мобильность путем сравнения динамики данных за несколько лет².

Однако зафиксированные исследователями изменения дифференциации крестьянского общества не отражают полностью социально-экономической мобильности крестьянских домохозяйств. Представим себе, что тысяча из них покажут экономический рост, и при этом в 800 других произойдет экономический спад. Тогда чистый рост составит 200 хозяйственных единиц, но мобильностью в целом будут охвачены 1800 единиц. Учитывая логику такого рода, исследователи попытались проникнуть за глобальные показатели состояния крестьянского общества и его социально-экономической стратификации к оценке изменений имущественного статуса конкретного домохозяйства. Так возникли динамические исследования. Разработка соответствующей статистической методологии шла за изменением фокуса исследования: кроме общего имущественного положения крестьянства как особого класса ученых теперь интересовала и внутренняя его дифференциация. Кроме того, они пришли к выводу, что именно крестьянское домохозяйство представляет собой базовый структурный элемент крестьянского общества. Главная задача динамических исследований состояла

¹ См., например, данные переписей крестьянских дворов и бюджетных исследований, проводившихся земствами, а после 1916 года — центральным правительством (табл. 4.1, 4.2, 4.3, 4.4 и 4.5).

² См. табл. 3.4, 3.5, 3.6 и 3.7. Отметим, что во многих случаях российские исследователи делали выводы о процессах дифференциации просто на основании самого факта ее существования, что, по сути дела, неверно. Этот вопрос обсуждается в: Черненко Н. *К характеристике крестьянского хозяйства*. М., 1905. С. 101.

Таблица 4.6

Упрощенное динамическое исследование сообщества,
1900–1910 годы

Социально-экономическая страта	1900	Число домохозяйств		
		А*	Б*	В*
А. Бедные	275	25	75	175
Б. Средние	450	12	265	65
В. Богатые	125	85	25	15
Все страты	850	230	365	255

Примечание. Слияния, разделы, исчезновения и миграция не учитывались.

в том, чтобы проследить судьбы отдельных крестьянских домохозяйств и сделать некоторые общие выводы на основании статистического анализа массы таких данных. Суть подобного метода можно проиллюстрировать гипотетическим примером, который представлен в табл. 4.6.

В рамках динамических исследований в первую очередь вызвали интерес изменения социально-экономического положения крестьянских домохозяйств за время от начала до окончания наблюдений. Учитывалась также и некоторая дополнительная информация, относящаяся к изменению внутренней структуры за тот же период¹. В начале исследования была проведена исходная классификация крестьянских хозяйств. Далее каждая страта рассматривалась как отдельный элемент, и окончательное социально-экономическое положение каждого из составляющих ее домохозяйств учитывалось в соответствующих ячейках (А-А*, А-Б*, А-В*; Б-А*, Б-Б*, Б-В* и т. д.). Цифры в ячейках А-А*,

¹ Дополнительная информация касалась исчезновения старых или возникновения новых крестьянских хозяйств за счет миграции, вымирания, деления или слияния. Обсуждение этих вопросов см. в главе 5.

Б-Б*, В-В* указывают, соответственно, на число домохозяйств, существенным образом не изменивших своего материального положения. Остальные ячейки отражают восходящую или нисходящую мобильность оказавшихся в них к концу периода исследования домохозяйств.

Пионером динамических исследований был Н. Н. Черненко. Он сравнил данные по 17 тысячам крестьянских домохозяйств, полученные на основании местных переписей 1884 года, с информацией о тех же домохозяйствах, собранной во время Всероссийской переписи населения 1897 года¹. Другое исследование было проведено в Вяземском уезде в 1884 и 1900 годах², а затем еще три подобных исследования были выполнены накануне Первой мировой войны. Во всех дореволюционных исследованиях данные изначально собирались для каких-то других целей и лишь затем были использованы для изучения динамики социально-экономического положения крестьян.

Начиная с 1920 года и далее ЦСУ ежегодно устраивало так называемые динамические переписи всех крестьянских дворов с целью систематического отслеживания крестьянской мобильности. Использовались крупные выборки, комплектовавшиеся таким образом, чтобы обеспечить репрезентативность исследования как на общенациональном, так и на региональном уровне³. Сбор данных производился специально для целей последующего динамического анализа. Поскольку их анализ был весьма трудоемким, публикация ре-

¹ Исследование проводилось в Петровском уезде Саратовской губернии. Все дореволюционные динамические исследования выполнялись статистическими отделами различных земств.

² В Смоленской губернии. Результаты опубликованы в: Румянцев П. К вопросу об эволюции русского крестьянства. *Очерки реалистического мировоззрения: сборник статей по философии, общественной науке и жизни*. СПб., 1906. С. 527–539.

³ Обследовались все домохозяйства в определенном «гнезде», выбранном в качестве типичного для данной губернии.

зультатов осуществлялась лишь время спустя. Некоторые из них так и не были опубликованы в полном объеме. Но многие из них могут быть найдены в журналах и справочниках, издававшихся ЦСУ, а также в публикациях некоторых местных экономистов и статистиков. Результаты широкомасштабного динамического исследования, проведенного в 1924–1925 годах, были помещены в ежегоднике ЦСУ за 1927 год¹. Полгода спустя ЦСУ опубликовало отчет о проведенном в 1925–1926 годах полномасштабном репрезентативном динамическом исследовании, охватившем более полу-миллиона крестьянских домохозяйств в разных регионах СССР². К сожалению, в дальнейшем материалы подобного рода больше не публиковались.

Информация, собранная за три десятилетия динамических исследований российского крестьянства, показывает высокую устойчивость общей картины мобильности крестьянских хозяйств. И эта устойчивость сохраняется при сравнении данных исследований, проведенных в разное время, на самых разных выборках и при использовании разных методик оценки материального благополучия крестьянских семей³. Результаты дореволюционного исследования, проведенного в Вяземском уезде Смоленской губернии, представлены в табл. 4–7. Еще три динамических исследования, в том числе те, которые проводило ЦСУ, мы рассмотрим и проанализируем далее⁴.

¹ См.: *Статистический справочник, 1927*. С. 66–73. Исследование охватило 583314 крестьянских дворов. Более детальный анализ результатов аналогичного динамического исследования, проведенного в 17 губерниях и охватившего в общей сложности 265 436 крестьянских домохозяйств, приведено в качестве приложения в: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 142–149.

² См.: *Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 годы*. М., 1927. С. 124–136.

³ См. главу 7, раздел 3.

⁴ См. главы 6 и 7, особенно табл. 6.1, 6.2 и 6.3.

Если пытаться измерять мобильность крестьянского общества, сравнивая степень дифференциации с 1884 года с данными 1900 года (табл. 4.7, часть Б), то окажется, что лишь около 10% крестьянских дворов за это время сменили свое положение внутри заданной (хотя и несколько произвольно) иерархии имущественных слоев. При этом из всех участников исходного опроса (13 880 человек) за период 1884–1900 годов 2039 семейств (15%) эмигрировали, 663 (5%) прекратили свое существование, 1884 семьи (14%) исчезли. Таким образом, из первоначальной выборки пропало 4586 (33%) домохозяйств¹. Далее, 45% оставшихся семей к концу периода наблюдений перешли из одной категории в другую. К этой же группе, по-видимому, можно причислить и большинство, если не всех из 4586 семейств, которые за время исследования куда-то исчезли². Тогда можно сказать, что более половины российских семей за период 1884–1900 годов были затронуты процессами социально-экономической мобильности. Таким образом, выходит, что отношение общей мобильности российского населения к мобильности крестьянства было 5:1, то есть крестьянство было в пять раз менее мобильно, чем россияне в среднем.

Таким образом, первый общий вывод из рассмотрения результатов динамических исследований гласит, что крестьянская мобильность имела разнонаправленный характер: одни крестьянские домохозяйства повышали свой социально-экономический статус, а другие — понижали. Эти противоположные движения взаимно гасятся, если брать мобильность общества в целом. Чистый эффект крестьянской мобильности — это лишь верхушка айсберга, результат сложения и усреднения большого числа разнонаправленных движений.

¹ См.: Румянцев П. К вопросу об эволюции русского крестьянства. С. 527, 534–536.

² Об исчезновении крестьянских семей и их социально-экономической мобильностью см. в главе 5.

Второй вывод, к которому приводят динамические исследования, указывает на существование сильных центростремительных тенденций внутри этого процесса, то есть на улучшение в длинной перспективе материального положения бедных крестьянских семей и ухудшение положения более зажиточных. Как видно из табл. 4.7, чем выше социально-экономическое положение крестьянской семьи в данный момент, тем выше в целом вероятность того, что в будущем оно станет ухудшаться. И наоборот, чем хуже текущее положение, тем больше шансов, что в дальнейшем оно улучшится¹. Но само собой разумеется, что если в обществе, которое отличается устойчивой системой внутренней социально-экономической дифференциации, действуют какие-то достаточно мощные центростремительные силы, то должны существовать и центробежные силы, способные удержать всю систему в равновесии. Такой логический вывод вполне согласуется с данными бюджетных исследований, которые мы анализировали выше. В рассматриваемой нами системе, следовательно, одновременно присутствуют разнонаправленные тенденции мобильности, но ее общая внутренняя дифференциация сохраняется на протяжении достаточно долгого времени. Более того, предваряя выводы из динамических исследований, которые нам еще предстоит разобрать, имеются все основания говорить о том, что материальное положение значительного числа крестьянских домохозяйств в России в указанный период испытывало колебания довольно регулярного характера. Типичная траектория тут была следующей: на протяжении некоторого периода

¹ Данная закономерность носит чисто вероятностный характер. Она вовсе не исключает возможности того, что некоторые из богатых крестьян со временем станут еще богаче и превратятся в фермеров — сельских капиталистов. Этот вопрос будет еще обсуждаться в главе 5, раздел 6. См. также: Хрящева А. *Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911 годов*. Епифанский уезд. Тула, 1916. Ч. 2. С. 63–64.

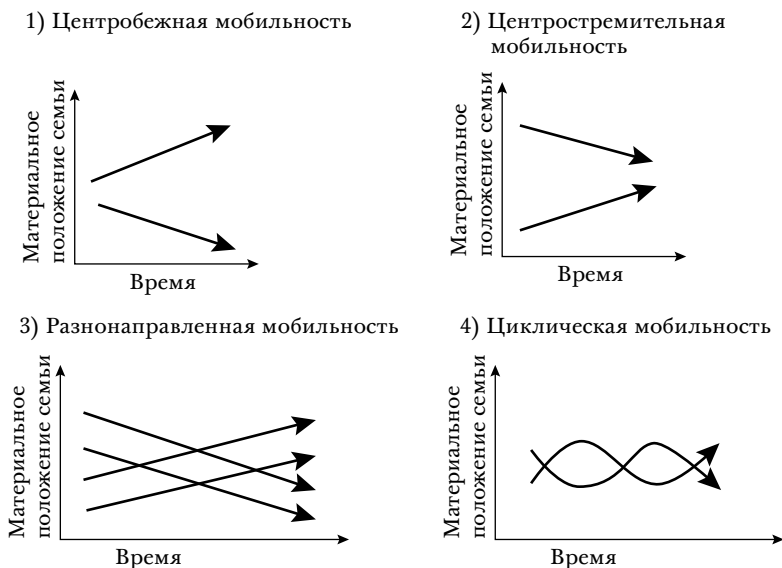

Рис. 2. Типы мобильности крестьянских домохозяйств

времени семья улучшала свое положение внутри деревенского сообщества, но затем, достигнув пика, начинала обратное движение — вниз. Позднее, оказавшись в самой нижней точке траектории, она, как правило, снова начинала свой социально-экономический подъем. Такой повторяющийся процесс мы называем «циклической мобильностью»¹.

Итак, циклическая мобильность представляет собой особый случай разнонаправленной мобильности, когда значительное число элементов последовательно участвуют в одновременно действующих мощных и противоположно направленным движениям. На рис. 2

¹ Аналогичные процессы были обнаружены и в других крестьянских обществах. См., например: Yang M. *A Chinese Village: Taitou, Shantung Province*. New York, 1945. P. 132; Stirling P. *Turkish Village*. New York, 1965. Ch. 7; Ajami I. Social Classes, Family Demographic Characteristics and Mobility in Three Iranian Villages: A Pilot Study. *Sociologia Ruralis*. 1969. Vol. 9. No. 1. P. 62–72. См. также: Nash M. Indian Economies. *Handbook of Middle American Indians: Social Anthropology*. Austin, 1967. P. 93–101.

Таблица 4.7

Мобильность крестьян Вяземского уезда Смоленской губернии, 1894–1900 годы

1) Динамическое исследование

Слой	Земля (дес.)	Число семей в 1884 г.					Всего	% перемен
			0	Менее 3	3–9	Более 9		
А	0	1329	49,0	26,3	23,6	1,1	100	52,0
Б	Менее 3	2249	10,7	39,7	48,3	1,3	100	60,6
В	3–9	5238	4,1	19,6	68,7	7,6	100	31,3
Г	Более 9	418	3,2	10,6	65,3	20,9	100	79,1
<i>Всего</i>		<i>9294</i>						<i>44,5</i>

2) Дифференциация крестьянских хозяйств (в %)

Год	Домохозяйства, обрабатывающие площади (дес.)				Итого	
	0	менее 3	3–9	более 3		
1884	14,3	24,2	56,9	4,5	100	
1900	9,5	24,6	59,2	6,7	100	
Семьи, изменившие свой статус		(–) 4,8	(+) 0,4	(+) 2,3	(+) 2,2	9,7

Источник: Румянцев П. К вопросу об эволюции русского крестьянства. С. 527, 538.

Примечание. Исследование охватило 13 880 домохозяйств, которые участвовали в переписи 1884 года и продолжали активно действовать в 1900 году. Знаки + и – в последней строке показывают направление изменений – увеличение и уменьшение.

представлены основные схемы, приложимые к анализу мобильности крестьянских домохозяйств. Они описывают различные типы процессов, развивающихся во времени: центробежных, центростремительных, разнонаправленных и циклических. Одновременное протекание противоположных процессов, схематично изображенных на граф. 1 и 2, в сумме дает процесс разнонаправленной мобильности, представленный на граф. 3. А тот особый случай, когда крестьянские хозяйства оказываются попеременно захваченными то восходящими, то нисходящими фазами этого сложного процесса, схематически изображен на граф. 4 и соответствует тому, что мы называем циклической мобильностью. Более сложные случаи, которые встречаются в реальности, можно анализировать в терминах предложенной общей типологии.

4. Мобильность крестьянских хозяйств и мобильность крестьянского общества

Прежде чем переходить к анализу различных факторов, влияющих на мобильность крестьянских домохозяйств, и построению объяснительной модели, есть смысл еще раз сформулировать в более формализованном и общем виде главные моменты отношений между мобильностью отдельных крестьянских хозяйств и мобильностью крестьянского общества в целом (рис. 3). Подобного рода резюме, хотя оно и кажется вполне очевидным, может помочь нам прояснить те проблемы, которые возникают при попытке объяснить процессы дифференциации в крестьянских обществах. А кроме того, мы тем самым выходим на постановку вопроса о причинах мобильности в крестьянской среде.

Мобильность, характерная для крестьянского общества в целом, складывается из сложения траекторий изменения положения отдельных крестьянских домо-

хозяйств. Сами эти изменения могут быть чрезвычайно разнообразными. Соответственно, и анализировать их в принципе можно самыми разными методами. Мы предлагаем использовать метод, который наиболее важен в плане уже начатой нами дискуссии: анализ восходящих и нисходящих трендов, приводящих к улучшению материального положения крестьянской семьи или к его ухудшению. Именно эти процессы наиболее интересны и для широкой публики. Рассмотрение центростремительных и центробежных процессов дополняет подобный анализ, отражая процессы внутренней дифференциации. Общие же масштабы мобильности остаются теми же самыми и не зависят от используемого метода анализа. На рис. 3, представленном далее, $\beta = a + b = c + d$.

Взаимоотношения между интегральной мобильностью крестьянского общества в целом и мобильностью отдельных крестьянских домохозяйств, представленные в первой части (А) рис. 3, даны затем в форме диаграмм и количественных отношений во второй (Б) и третьей (В) ее частях. Знание о восходящей и нисходящей мобильности крестьянских домохозяйств позволяет сделать заключение о характере и масштабах общего сдвига, происходящего внутри крестьянского общества, а также о совокупной мобильности крестьянских домохозяйств. Знание о центробежных и центростремительных тенденциях позволяет сделать заключение о характере и силе процессов дифференциации внутри крестьянского общества, а также о совокупной мобильности внутри его крестьянских домохозяйств. За центральную точку при этом берется положение семьи средней зажиточности в данном обществе.

Анализ третьей части (В) рис. 3 позволяет нам таким образом выявить две основные тенденции, лежащие в основе дифференциации крестьянства, которые противоположны по направлению, различны по силе и определяются, по-видимому, двумя разными ком-

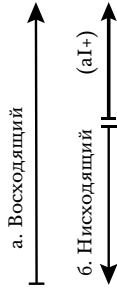
А. Мобильность крестьянских обществ и крестьянских домохозяйств

Рассматриваемый уровень	Синхронизированные движения	Несинхронизированные движения
α Мобильность в терминах крестьянского общества	I. Общий сдвиг	II. Процессы дифференциации
β Мобильность в терминах крестьянских семей	<i>a.</i> Восходящий <i>b.</i> Нисходящий	<i>c.</i> Центробежные <i>d.</i> Центро-стремительные

Примечание. Социально-экономическая мобильность понимается в самом широком смысле слова как изменение материального положения крестьянского домохозяйства. Количественно степень мобильности может быть выражена через ее объем (число затронутых домохозяйств), деленный на интенсивность (степень изменений для данного конкретного хозяйства). Обсуждение этих вопросов содержится в: Sorokin P. *Social and Cultural Mobility*. New York, 1959. P. 136–137. Типология мобильности в крестьянских обществах представлена на рис. 2. Части Б и В на рис. 3 соответствуют методу презентации, избранному для рис. 2. Степень мобильности крестьянских домохозяйств не должна зависеть от метода анализа этого явления. Таким образом, общая сумма восходящих и нисходящих сдвигов должна быть равна сумме центробежных и центростремительных сдвигов ($\beta = a + b = c + d$). Общий сдвиг оценивается с учетом выравнивающего эффекта разных уровней эмиграции и вымирания семей, как это будет показано в первом разделе пятой главы. Анализ тех факторов, от которых зависят центробежные и центростремительные тенденции, лежащие в основе процессов дифференциации, будет дан в главе 6, раздел 1. См., в частности, рис. 5.

Б. Природа общего сдвига

Общий сдвиг вверх

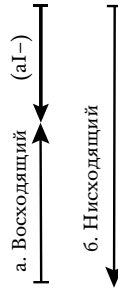

Общий сдвиг вверх крестьянского общества $(aI+) = a - b$

Общее число крестьянских хозяйств, испытывающих мобильность, равно $\beta = a + b$

Число семей, затронутых взаимно погашающей мобильностью, равно $(a + b) - (a - b) = 2b$

Общий сдвиг вниз

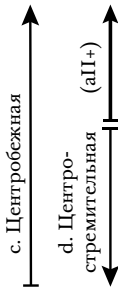
Общий сдвиг вверх крестьянского общества $(aI-) = b - a$

Общее число крестьянских хозяйств, испытывающих мобильность, равно $\beta = a + b$

Число семей, затронутых взаимно погашающей мобильностью, равно $(a + b) - (b - a) = 2a$

В. Природа процессов дифференциации

Поляризация

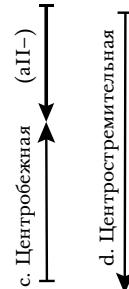

Поляризация крестьянского общества $(aII+) = c - d$

Общее число крестьянских хозяйств, испытывающих мобильность, равно $\beta = c + d$

Число семей, затронутых взаимно погашающей мобильностью, равно $(c + d) - (c - d) = 2d$

Выравнивание

Выравнивание крестьянского общества $(aII-) = d - c$

Общее число крестьянских хозяйств, испытывающих мобильность, равно $\beta = c + d$

Число семей, затронутых взаимно погашающей мобильностью, равно $(c + d) - (d - c) = 2c$

Рис. 3. Крестьянская социально-экономическая мобильность: крестьянское общество и крестьянские домохозяйства

плексами факторов. Экономическая теория и результаты «бюджетных исследований» заставляют нас принять, по крайней мере в качестве рабочей модели, гипотезу непрерывной и кумулятивной поляризации экономического положения крестьянских домохозяйств как основного фактора, порождающего *центробежные* тенденции в мобильности крестьянских хозяйств¹. Но *центростремительные* тенденции, существование которых демонстрируется динамическими исследованиями, не могут быть объяснены внутри этой модели. Именно поэтому многие экономисты скептически воспринимают указанные результаты динамических исследований, рассматривая их в лучшем случае как некоторые временные и атипичные ситуации. Подобного мнения придерживается, например, Кондратьев². Но постоянно растущее количество вполне надежных данных не позволяет игнорировать этот фундаментальный аспект крестьянской мобильности.

Таким образом, фокусом нашего дальнейшего анализа станет вопрос о том, почему одни крестьянские домохозяйства оказываются преимущественно в поле действия центростремительных, а другие — центробежных. Для этого придется выйти за рамки неоклассической экономики, обратившись к исследованию более широких вопросов социальной структуры и динамики крестьянского общества.

Прежде всего следует указать на тот факт, что уже практика распределения земли у российских крестьян являлась своего рода механизмом имущественного уравнивания. Надежных данных о масштабах переделов земли в крестьянских общинах России у нас нет, и поэтому здесь приходится полагаться в основном на интуицию исследователя³. К тому же сама эта практика

¹ Для окончательного подтверждения адекватности данной модели требуется дальнейшее изучение крестьянской экономики.

² См.: *Пути сельского хозяйства*. С. 131–132.

³ Robinson G. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 121–122.

сильно различалась от региона к региону и даже от одной общины к другой¹. Нет никакого сомнения в том, что в ряде случаев в результате перераспределения земли внутри общины возникали сильные центростремительные тенденции мобильности крестьянских домохозяйств. Часто именно этот фактор играл тут основную роль. Но, по всей видимости, только им вряд ли можно объяснить наличие явных центробежных (уравнивательных) тенденций, о которых свидетельствуют данные динамических исследований.

Во-первых, перераспределение общинной земли могло благоприятствовать уравнительным (центробежным) тенденциям только в этой сфере, не затрагивая ту землю, которая находилась в собственности у крестьян. А следует сказать, что именно владение этой собственностью отличало сравнительно более богатых крестьян от более бедных. В отношении других видов крестьянского имущества (лошади, капитал или сельскохозяйственные орудия) влияние этого фактора было минимальным. Но значительная центробежная мобильность была характерна и для слоев, обладавших существенной долей частных земель. На нее однозначно указывали те динамические исследования, где имущественная стратификация осуществлялась на основании всех показателей крестьянского благосостояния (лошади, капитал и т. д.)².

Во-вторых, как отмечалось выше, точные сведения о масштабах перераспределения общинных земель отсутствуют. Но мы знаем, что в конце девятнадцатого века официально это разрешалось делать не чаще, чем один раз в двенадцать лет³. Даже допуская, что на деле эти сроки могли не соблюдаться, известные нам показатели центробежной мобильности оказываются слиш-

¹ См. главу 2, раздел 2 и главу 8, раздел 2.

² См., например, табл. 6.2 или данные исследований Немчинова, о которых речь пойдет в главе 6, раздел 3.

³ См. главу 2, раздел 2 и приложение Б, разделы 1, 2.

ком высокими, чтобы объяснить их исключительно внутриобщинными процессами перераспределения земли¹.

Наконец, и это крайне показательно, выраженные центростремительные тенденции отмечались в Белоруссии, где практика перераспределения общинных земель фактически отсутствовала².

Таким образом, перераспределение общинных земель следует считать лишь одним из возможных факторов, определявших центростремительную мобильность крестьянских домохозяйств. И этот фактор, несомненно, имеет весьма глубокую связь с особенностями социальной структуры российского крестьянства. Тем не менее нельзя упускать из виду и другой комплекс факторов, оказывающих влияние на центростремительную мобильность крестьянских домохозяйств и приводящих к сглаживанию существующего между ними имущественного неравенства. Он тоже был связан с особенностями социальной структуры крестьянского общества и конкретно с внутренней динамикой развития индивидуальных крестьянских хозяйств. Российские исследователи, проводившие динамические исследования, использовали для их обозначения общее понятие «органические изменения».

¹ См. главы 6 и 7.

² См. табл. 7.1.

ГЛАВА 5

«Органические изменения»

В жизни крестьян...
семья и хозяйство —
это почти что синонимы.

В. Мухин

1. МЕХАНИЗМ ВЫРАВНИВАНИЯ

Сдвиги в положении отдельных крестьянских дворов внутри конкретной сельской общины получили название «органические изменения». Это понятие охватывает комплекс процессов слияния, деления и вымирания отдельных крестьянских домохозяйств. Отсюда видно, насколько тесно судьбы традиционной крестьянской семьи в России были связаны с землей. Деление приводило к появлению новых домохозяйств; слияние и вымирание — к исчезновению старых. Если речь идет об эмиграции, то в этом случае домохозяйство переставало быть членом одной общины, но появлялось в другой в качестве иммигрантов. Таким образом, термин «органические изменения» охватывает широкий круг социальных процессов, очень разных по своей природе, но имеющих одну объединяющую их характеристику: все они тем или иным образом влияли на структуру крестьянского общества.

Социальная структура и демографические характеристики российского крестьян-

ства¹ являлись теми базовыми факторами, которые вызвали различные эффекты «органических изменений» применительно к разным социально-экономическим стратам крестьянских общин. Показатели делений коррелировали с размером и богатством домохозяйства. Эффект «распыления» оказывался более сильным внутри более богатых слоев крестьянства. С другой стороны, исчезновение крестьянских домохозяйств в результате слияний, вымираний и эмиграции² затрагивало в основном более бедные домохозяйства. Немалое число бедных крестьян разорялось и уходило в город. В целом же процессы деления и исчезновения крестьянских хозяйств порождали уравнивательные тенденции, которые во многом нейтрализовали эффекты экономической поляризации.

В плане социально-экономической мобильности крестьянских хозяйств «органические изменения» можно разделить на две группы. С одной стороны, деления и слияния в основном ведут к возникновению центростремительных тенденций (хотя в ряде случаев происходит и обратное — деление бедных крестьянских домохозяйств). С другой стороны, эмиграция и вымирание семей представляют собой изменения иного рода: в этих случаях целые домохозяйства и их члены покидают крестьянское общество. Но избирательный характер такого типа процессов (отрицательная корреляция их с показателем материального благополучия) приводит к реальному выравниванию в связи с тем, что такого типа изменения оказываются центростремительными только в статистическом смысле. Их правильнее было бы назвать полуцентростремительными, поскольку данная тенденция к выравниванию возникает просто в связи с уменьшением доли беднейших крестьянских

¹ В частности, положительная корреляция между размером и богатством крестьянского хозяйства: см. главу 4, раздел 1. Социальная структура рассматривалась в главе 2, раздел 1.

² Об эмиграции см. в разделе 4 этой главы.

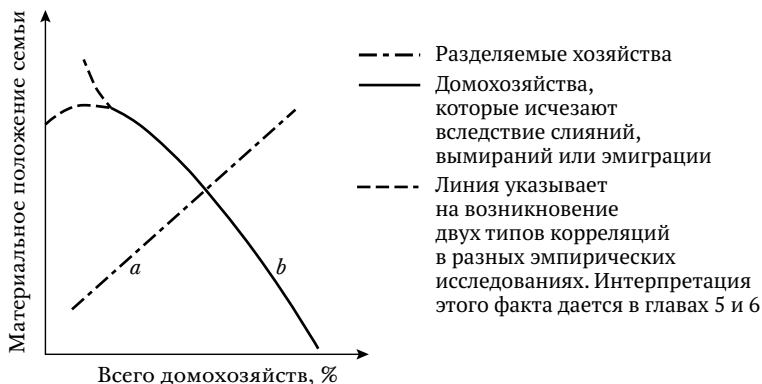

Рис. 4. Крестьянские домохозяйства, испытывающие органические изменения в зависимости от уровня своего благосостояния (гипотетическая картина)

домохозяйств. Поэтому, анализируя процессы дифференциации, мы будем следовать традиции российских исследователей и рассматривать «органические изменения» в качестве одного общего фактора, порождающего уравнивательные тенденции в крестьянском сообществе (рис. 4).

Характерные корреляции между темпами органических изменений и материальным положением крестьянских семей были выявлены в динамических исследованиях, проводившихся и в дореволюционный, и в послереволюционный период. Они сохранялись, несмотря на то что разными авторами использовались разные критерии определения благосостояния крестьянских семей. Исключение составляли только показатели эмиграции и слияний в наиболее зажиточных семьях, полученные в некоторых динамических исследованиях¹.

Табл. 5.1 и 5.2 хорошо иллюстрируют описанные выше «органические изменения».

¹ См., например, табл. 5.1. Этот вопрос будет обсуждаться в разделах 3 и 4.

Результаты сравнительных исследований, в которых проблема так называемых органических изменений рассматривалась в несколько ином ракурсе, представлены в табл. 5.3 и 5.4.

Хозяйства, которые делились, были обычно выше среднего по размеру, числу членов семьи, числу лошадей, богатству. Те же, которые вымерли, слились или эмигрировали, были, как правило, ниже среднего по всем этим показателям. Таким образом, еще раз подтверждается положение о связи между размером крестьянской семьи и ее богатством. Подтверждается и адекватность понятия «органические изменения». Оно оказывается тесно связанным с рядом базовых особенностей экономической жизни крестьянства и его социальной структурой. Нужно также подчеркнуть, что эти изменения проходили в широком социальном контексте, где экономические факторы были только одним из аспектов. Например, ухудшение экономического положения семьи, как правило, было тесно связано с кризисом ее структуры. Среди бедных семей очень часто встречались вдовы, пожилые семейные пары, неженатые мужчины (бобыли). Именно эти семьи чаще всего вымирали, а их хозяйство поглощалось другими. Анализ корреляций между различными аспектами экономической жизни крестьянства и частотой встречаемости «органических изменений» позволил Прокоповичу сделать вывод о том, что «число работников мужского пола является наиболее сильным фактором, определяющим жизнестойкость крестьянской семьи»¹. В семье, в которой не было мужчины, во-первых, не хватало физических ресурсов для выполнения работ, а во-вторых, отсутствовала фигура мужа и отца, столь важная для традиционной патриархальной семьи. Но, с другой стороны, наличие в семье большого числа трудоспособных мужчин означало присутствие внутри ее ряда

¹ Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 191.

Таблица 5.1

«Органические изменения» в Елифанском уезде
Тульской губернии в 1899–1911 годах

А. По площади пахотных земель

Площадь (дес.)	% домохозяйств						Всего
	Раздел	Ликвидация	Слияние	Эмиграция	Раздел и слияние	Без сущ. изменений	
0	4,0	37,7	1,4	18,7	0,2	37,9	100
Менее 3	5,9	7,1	2,2	10,7	0,7	73,3	100
3–6	25,4	1,5	0,8	4,0	0,3	67,9	100
6–9	45,0	0,7	0,3	1,7	0,6	51,6	100
9–15	56,0	0,6	0,4	0,9	1,0	41,1	100
Более 15	63,1	1,9	1,3	5,1	1,3	27,4	100
<i>Итого</i>	<i>22,6</i>	<i>4,2</i>	<i>1,3</i>	<i>6,4</i>	<i>0,5</i>	<i>65,0</i>	<i>100</i>

Б. По наличию лошадей в хозяйстве

Число лошадей	% домохозяйств						Всего
	Раздел	Ликвидация	Слияние	Эмиграция	Раздел и слияние	Без сущ. изменений	
0	9,0	9,1	2,1	12,7	0,7	66,4	100
1	23,4	2,0	1,0	3,5	0,3	69,8	100
2	37,8	0,8	0,5	1,4	0,5	59,0	100
3	50,8	0,6	0,4	1,4	0,8	46,0	100
4 и более	61,9	0,7	0,7	3,3	0,3	33,1	100
<i>Итого</i>	<i>22,6</i>	<i>4,2</i>	<i>1,3</i>	<i>6,4</i>	<i>0,5</i>	<i>65,0</i>	<i>100</i>

Источник: Хращева А. *Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911 годов*. С. 38.

Примечание. Термин «ликвидация» покрывает те домохозяйства, которые вымерли или эмигрировали без намерения вернуться (см., например, табл. 5.8). Категория «раздел и слияние» включает и те семьи, которые покинули деревню с целью организации своего собственного отдельного хозяйства (хутора).

Таблица 5.2

«Органические изменения» в Нечерноземной зоне
в 1924–1925 годах

Площадь пахотной земли (дес.)						% домохозяйств	
	Раздел	Временная эмиграция	Ликвидация	Слияние	Без сущ. изменений	Всего	
0	0,2	5,1	8,5	1,3	84,9	100	
Менее 2,1	1,5	1,4	1,5	0,7	94,9	100	
2,1–4,0	3,4	0,4	0,8	0,3	95,1	100	
4,1–6,0	5,6	0,2	0,5	0,3	93,4	100	
6,1–10,0	8,7	0,2	0,6	0,3	90,2	100	
10,1–16,0	6,7	-	-	-	93,3	100	
Более 16,1	20,0	-	-	-	80,0	100	
<i>Итого</i>	<i>2,5</i>	<i>1,2</i>	<i>1,4</i>	<i>0,5</i>	<i>94,4</i>	<i>100</i>	

Источник: *Статистический справочник СССР, 1927*. С. 66.

Примечание. Таблица основана на результатах динамического исследования, проведенного ЦСУ. Обследованные районы указаны в источнике на с. 64.

Таблица 5.3

Крестьянские домохозяйства, вовлеченные в «органические изменения», Суражский уезд Черниговской губернии, 1882–1911 годы

Хозяйства, которые за период 1882–1911 годов были:	1882 г.				
	Ср. число членов семьи	Ср. число рабочих единиц	Ср. площадь пахотной земли (дес.)	Ср. число голов скота на семью	Отношение жен./муж. (%)
Разделены	7,85	3,98	8,06	6,08	86
Эмигрировали	5,83	2,97	5,28	3,67	106
Распались	4,42	2,33	3,21	2,75	131
Не претерпели существенных изменений	5,90	2,97	5,67	4,34	106

Источник: Кушенко Г. *Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 годов*. Чернигов, 1916. С. 2–3, 8–9.

Примечание. Взрослый работник мужского пола считался за одну рабочую единицу; взрослая женщина — за 0,8 рабочей единицы и т. д. Количество голов скота на семью тоже рассчитывалось в условных единицах.

Таблицы 5.4

Крестьянские домохозяйства, вовлеченные в «органические изменения», европейской части России, 1920 и 1924 годы

Хозяйства, которые:	Год	Ср. число членов семьи	На семью			% домохозяйств	
			земля (дес.)	скот (кол.)	без взрослых мужчин	без скота	без пахотного инвентаря
Делились	1920	8,5	6,2	1,7	2,4	9,4	14,6
	1924	4,6	3,2	0,8	11,3	38,5	43,4
Слились	1920	4,6	4,0	1,1	26,3	46,1	48,1
	1924	5,8	4,6	1,1	10,7	35,0	35,0
Эмигрировали	1920	4,3	3,0	0,9	24,6	69,4	69,4
Вернулись	1924	4,3	2,4	0,7	16,8	72,9	72,9
Без существ. изменений	1920	5,5	3,5	1,1	13,2	25,3	34,5
	1924	5,5	3,6	0,9	15,1	31,0	33,6

Источник: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 71.

Примечание. На основе исследований, проведенных ЦСУ.

Таблица 5.5

«Органические изменения» в связи с числом работников-мужчин, Епифанский уезд Тульской губернии, 1899–1911 годы

Число мужчин в семье в 1899 г.	% домохозяйств, испытавших за период 1899–1911 гг.						
	Раздел	Слияние	Раздел и слияние	Эмиграция	Ликвидация	Без существ. изменений	Всего
0	2,8	3,9	1,6	13,9	27,8	50,0	100
1	6,8	1,6	0,4	8,6	4,1	78,6	100
2	32,8	0,6	0,4	3,4	1,3	61,5	100
3	56,8	0,3	0,6	2,1	0,4	39,8	100
4 и более	72,6	0,2	1,2	0,7	0,6	24,7	100
<i>Итого</i>	<i>22,6</i>	<i>1,3</i>	<i>0,5</i>	<i>6,4</i>	<i>4,2</i>	<i>65,0</i>	<i>100</i>

Источник: Хрящева А. *Крестьянские хозяйства по переписям 1899–1911 годов*. Ч. 2. С. 41.

Примечание. Сильное влияние числа работников-мужчин в семье на уровень «органических изменений» отмечалось уже в первом динамическом исследовании 1897 года (см.: Черненко Н. *К характеристике крестьянского хозяйства*. С. 35).

нуклеарных семей, увеличивающих вероятность потенциального раздела. Как показывает табл. 5.5, это действительно был весьма существенный фактор «органических изменений».

2. ДРОБЛЕНИЕ И СОЗДАНИЕ НОВЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Дробление означает создание нового крестьянского хозяйства путем обособления его от существовавшего ранее более крупного «материального» образования. Процесс этот невозможно понять в чисто экономических терминах, хотя система прогрессивного налогообложения, несомненно, стимулировала его. Но в большинстве случаев дробления бы не произошло, если бы речь шла лишь о максимизации производства и доходов. Дело в том, что с чисто экономической точки зрения любое деление хозяйства было невыгодно¹. Распыление и без того скудных ресурсов закрывало путь к материальному процветанию, которое было возможно только при наличии достаточно крупного производства². Такого рода ситуация многими экономистами рассматривалась как парадоксальная, как явный «выход за рамки экономической целесообразности»³. Но для ее действительного понимания требуется учет специфической для России социальной структуры и социальной динамики

¹ Например, сама перспектива деления заставляла копить деньги, а не вкладывать их в совершенствование материальной базы. Например, семья предпочитала иметь двух слабых лошадей, хотя экономически более целесообразно было бы приобрести одно молодое и сильное животное (см.: Росницкий Н. *Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии*. М., 1926. С. 11).

² Отношение между размером хозяйства, его производительностью и доходностью см. в главе 4, раздел 2.

³ *На аграрном фронте*. 1927. № 5. С. 14. Наблюдавшаяся сильная тенденция к разделению крестьянских домохозяйств интерпретировалась тут как проявление «мелкобуржуазного фанатизма».

ки крестьянского общества. В данном случае мы имеем дело с некой особого рода рациональностью¹.

Официальные объяснения причин раздела крестьянских домохозяйств совершенно неудовлетворительны. Если верить им, то главной причиной были трения внутри расширенной семьи (в частности, между женщинами)². Обычно, якобы, глава семьи в подобной ситуации воспринимал раздел как необходимый и естественный шаг. А для его взрослых сыновей создание собственного двора являлось демонстрацией их зрелости и независимости. Причина, таким образом, виделась как чисто психологическая³.

Объяснение причин дробления крестьянских домохозяйств, которое мы выдвинули во второй главе, основывается на эмпирическом факте тесной связи между вероятностью дробления и размерами домохозяйства⁴. Соответственно, если брать бедные крестьянские хозяйства, то для них деление оказывается в целом нехарактерным⁵. Однако если мы возьмем более зажиточные прослойки российского крестьянства, то дробление здесь было весьма распространенным явлением и оказывало существенное влияние на крестьянское общество в целом. Например, с начала 20-х годов каждые три года (период полного севооборота) не менее трети домохозяйств из среды более зажиточных проходили

¹ См. главу 2, раздел 3.

² См., например: Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств: экономическое исследование*. М., 1929. С. 72–75, где приводятся результаты исследования, проведенного Коммунистической академией. Фраза, которая часто приводится для объяснения раздела, такова — «не ужились».

³ Альтернативную интерпретацию Кубанина см. в главе 6, раздел 3.

⁴ А этот показатель, в свою очередь, оказывается связанным с числом взрослых мужчин и с количеством нуклеарных семей внутри крестьянского домохозяйства.

⁵ См.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 167; Румянцев П. К вопросу об эволюции российского крестьянства. С. 534.

через этот процесс¹. Если брать все крестьянские домохозяйства, то за десять лет примерно четверть из них подвергалась дроблению².

Информации о новых домохозяйствах явно недостаточно. Этому вопросу был посвящен ряд исследований, проведенных А. Хрящевой и ее сотрудниками³. Но их объем весьма ограничен. Общие выводы формулировались следующим образом: «Если брать общее число вновь создаваемых домохозяйств, то явно наблюдается устойчивый рост как обрабатываемых ими площадей, так и общего их технического оснащения. Для родительского хозяйства момент дробления оказывается весьма напряженным, поскольку родители стремятся обеспечить своих детей всем необходимым (лошадьми, сельскохозяйственным инвентарем и т. д.). Имеющееся оборудование не просто делится между старыми и новыми хозяевами. Часто заранее закупается новое оборудование или молодым даются деньги на его приобретение»⁴. Это касается также и недвижимости (дом, сарай, служебные постройки).

Мобилизация ресурсов и усилий в период только планируемого и реально осуществляемого разделения крестьянских дворов была способна хотя бы частично компенсировать негативные эффекты дробления хо-

¹ См. табл. 6.2 и 6.3 в следующей главе. В первом случае зажиточными считали крестьян, имевших как минимум двух лошадей. Во втором случае к этой категории относили домохозяйства, в распоряжении которых находилось не менее восьми десятин земли.

² Данные о долгосрочной динамике этого процесса будут приведены в седьмой главе.

³ Результаты дореволюционных исследований содержатся в: Хрящева А. *Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911 годов*. После революции подобные исследования проводились ЦСУ. Дореволюционные ограничивались всего одним уездом, а послереволюционные велись по годам, многие из которых были в каком-то смысле исключительными (война или голод).

⁴ Хрящева А. Условия эволюции крестьянского хозяйства. *Социалистическое хозяйство*. 1925. № 5. С. 61.

зяйства. Если речь идет о зажиточных домохозяйствах, то здесь производительность труда на одного работника могла даже возрастать. Но большинство новых домохозяйств все-таки сталкивалось с весьма серьезными трудностями, связанными с высокой степенью непредсказуемости сельскохозяйственного производства. Кроме того, в молодых семьях появлялись новые дети, и это снижало реальные доходы в пересчете на человека. Дробление крупных домохозяйств снижало их конкурентоспособность, поскольку, как уже говорилось, размер крестьянского хозяйства сам по себе давал конкурентные преимущества перед менее крупными хозяйствами. Какая-то часть из вновь созданных домохозяйств не выдерживала конкуренции и разорялась. Все это в сумме приводило к возникновению центростремительных тенденцией внутри крестьянского сообщества, которые в конце концов давали эффект выравнивания.

3. Слияния и вымирания

Значительное число крестьянских домохозяйств находилось в тяжелом материальном положении. Им реально грозила гибель. Чаще всего причиной был какой-то несчастный случай: пожар, смерть одного из трудоспособных членов семьи и т. д. Даже смерть лошади для бедного крестьянского хозяйства была невосполнимой утратой. Но существовал и целый ряд медленных процессов (старение бездетной крестьянской пары, истощение земли, ухудшение рыночной конъюнктуры), которые негативно отражались на материальном положении семей. Поэтому многие из них оказывались на краю гибели. Чаще всего им грозило поглощение более сильным соседом.

Слияние означало объединение двух или более домохозяйств в одно крупное с большим количеством земли, оборудования и рабочих рук. Обычно это происходило

на основе брачных или уже существовавших кровных связей. Но бывали случаи, когда слияния происходили без наличия подобных родственных отношений¹. В основе большинства слияний лежали экономические причины (неспособность семьи вести хозяйство) или же нарушение нормальной семейной структуры. Нередко эти два фактора накладывались один на другой. Недаром обнаруживается сильная обратная корреляция между частотой слияний и социально-экономическим положением семей. Однако случалось, что более сильное домохозяйство поглощало более слабое, получая в результате этого дополнительные экономические преимущества². Корреляция между богатством и частотой слияний для некоторой части наиболее зажиточных домохозяйств могла становиться положительной, ограничивая таким образом сглаживающую силу слияний. Но подавляющее большинство слияний происходило между мелкими и бедными хозяйствами. Дореволюционное исследование Хрящевой (табл. 5.6) хорошо иллюстрирует данный факт. В нем домохозяйства группировались по числу лошадей, которыми они владели. В отдельную группу выделялись те хозяйства, которые недавно вернулись в свои общины (независимо от количества лошадей). Отчетливо прослеживается обратная корреляция между уровнем материального благополучия семьи (измеряемым по количеству лошадей) и показателем слияний. В том же исследовании было установлено, что в 33,2% домохозяйств совсем не было взрослых трудоспособных мужчин. А те хозяйства, в которые они влились, имели по крайней мере одного такого работника³.

¹ См.: Хрящева А. Условия эволюции крестьянского хозяйства.

² В частности, дополнительные рабочие руки и дополнительные земли, когда последних не хватало.

³ Подобная дополнительная информация содержится в: Хрящева А. Расслоение крестьянства в условиях нэпа. *Социалистическое хозяйство*. 1924. № 2. С. 62.

Таблица 5.6

Слияние крестьянских домохозяйств в Епифанском уезде
Тульской губернии, 1899–1911 годы

Тип хозяйства	Всего	% слияний с другими домохозяйствами				
		Нет лошадей	Одна лошадь	Две лошади	Более двух лошадей	Недавно вернувшиеся
Нет лошадей	73,3	31,7	25,8	9,2	2,5	4,1
Всего одна лошадь	22,5	–	10,0	3,3	0,0	9,2
Недавно вернувшиеся	4,2	–	–	1,7	1,7	0,8
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>	<i>31,7</i>	<i>35,8</i>	<i>14,2</i>	<i>4,2</i>	<i>14,1</i>

Источник: Хрящева А. *Крестьянские хозяйства по переписям 1899–1911 годов*. С. 80.

Примечание. Недавно вернувшиеся в деревню семьи объединялись в одну группу независимо от количества лошадей в домохозяйстве.

Данные, собранные после революции, хотя они и не столь обширны, дают некоторую дополнительную информацию относительно причин слияний.

Таблица 5.7

Слияние домохозяйств в областях, не затронутых голодом,
1920 и 1924 годы

Год	Площадь посевных земель (дес.)	Площадь посевных земель на душу (дес.)	Тягловый скот на хозяйство (число)	Число хозяйств (индекс)	Посевные земли на душу (индекс)	Тягловый скот на хозяйство (индекс)
1920	1,8	0,42	0,56	100	100	100
1924	3,1	0,54	0,76	50	120	94

Источник: Хрящева А. *Условия эволюции крестьянского хозяйства*. С. 62.

Примечание. Таблица основана на обследовании, проводившемся ЦСУ, которое охватило 75 тысяч крестьянских хозяйств. Одни и те же домохозяйства обследовались в 1920 и 1924 году. Тягловый скот состоял в основном из лошадей, но в отдельных случаях это были быки.

Можно видеть, что явные экономические выгоды были достигнуты за счет слияний. Это проявляется в увеличении площадей посевных земель на душу (основной показатель крестьянского благополучия). Что касается уменьшения числа лошадей на хозяйство, то это обусловлено экономической адаптацией и более рациональным использованием имеющихся ресурсов¹. Вполне можно предположить, что слияния мотивировались ожиданием улучшения организации труда и экономического оздоровления. Однако этот процесс нельзя объяснить только экономическим фактором. Огромную роль тут играли различные моменты, связанные с человеческим фактором, в частности — со структурой крестьянской семьи. Слияние означало не только объединение ресурсов, но и создание новой системы отношений внутри семьи, в частности — признание власти главы новой большой семьи. Подобного рода психологические и социальные соображения могли перевешивать чисто экономические соображения, особенно тогда, когда последние не воспринимались как достаточно весомые. В этом случае слияния не происходило, у слабого хозяйства оставалась одна перспектива — вымирание.

О вымирании крестьянского домохозяйства речь шла в том случае, когда все его члены ушли из жизни². Тогда собственность умерших передавалась сельской об-

¹ Тенденция малых домохозяйств быть слишком обремененными вложениями в основной инвентарь уже обсуждалась в главе 2, раздел 1.

² Вопрос о том, в какой мере взрослая женщина могла претендовать на права наследования, обсуждается в приложении Б. Подобная ситуация могла возникать и в случае смерти всех взрослых членов семьи, когда их дети были усыновлены другой семьей. Но возможен был и такой вариант, когда назначается временный опекун. Тогда семья юридически продолжает свое существование.

щине¹, а сами они вычеркивались из списков ее членов. В наше время имеется тенденция недооценивать важность такого акта в доиндустриальном обществе. Но в прежние времена, когда смертность находилась на очень высоком уровне и свирепствовали эпидемии, вымирание целых семейств было делом довольно обычным. Возьмем имеющиеся данные, касающиеся генеалогии аристократических семей. Например, за 900 лет потомки Рюриков образовали 187 ветвей этого семейства, из которых 148 (79%) вымерли. Если брать русских потомков литовского князя Гедимина, то за шесть веков 69% из них вымерли². Что касается крестьян, то подобной точной информации у нас нет. Но можно думать, что частота исчезновения родов здесь была еще выше. Тут важны не столько абсолютные цифры, сколько относительные, связанные с имущественным положением семей. Дореволюционные исследования говорят о сильной обратной корреляции между материальным положением семей и частотой их вымирания. Например, в динамическом исследовании, результаты которого представлены в табл. 5–8, было установлено, что за 29 лет, в течение которых проводились наблюдения, доля вымираний в беднейших крестьянских семьях составила 32,5%, тогда как в наиболее богатых семьях этот показатель был всего 1,7%. В первой группе, где на одну семью приходилось не более трех десятин пахотных земель, вымирание было наиболее выраженным из всех «органических изменений». Если сложить вместе домохозяйства, прекратившие свое существование по причине вымирания или эмиграции, то среди беднейших хозяйств таковых окажется более половины.

¹ В некоторых общинах, где не практиковался передел земли, существовал обычай наследования собственности семьи, где не осталось мужчин, ее дальними родственниками.

² Долгоруков П. *Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым*. СПб., 1857. Ч. 4; Цит. по: Чернов В. *Рождение новой России (Февральская революция)*. Париж, 1934. С. 59.

Таблица 5.8

«Органические изменения в Суражском уезде
Черниговской губернии, 1882–1911 годы (%)»

Площадь пахотной земли на хозяйство (дес.)	% домохозяйств				
	Вымерли	Эмигрировали	Разделены	Без существенных изменений	Итого
Менее 3	32,5	19,4	6,2	41,9	100
3–6	10,4	22,2	15,4	52,0	100
7–9	4,2	19,9	26,1	49,8	100
10–12	3,5	15,6	35,1	45,8	100
Более 12	1,7	7,1	51,6	33,6	100

Источник: Кущенко Г. *Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 годов*. С. 8.

Если говорить о причинах отрицательной корреляции между богатством и вымиранием, то главными из них были высокая смертность (особенно детская) и малочисленность самих крестьянских семей в группе наиболее бедных. Следует отметить, что специальных эмпирических исследований в этой области немного, но исследование Щербины, проведенное на рубеже веков, рассматривается как типичное для всей России первой четверти XX века¹. С течением времени, по мере общего роста благосостояния крестьянства в целом, рождаемость несколько повысилась, но показатели смертности оставались на высоком уровне, и поэтому темпы естественного прироста оставались тестом связанными с материальным положением крестьянской семьи. Как видно из табл. 5.9, естественный прирост в самых богатых крестьянских семьях был почти в два раза выше, чем в самых бедных.

¹ Эти данные как весьма характерные см. в: *Пути сельского хозяйства*. 1927. № 5. С. 121–122.

Таблица 5.9

Ежегодный прирост крестьянского населения
(на 1000 человек) в Воронежской губернии
в зависимости от размеров земельного надела

Размер земельного надела (дес.)	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Менее 5	51,8	35,0	16,8
5–15	53,8	33,2	20,6
15–25	53,0	28,6	24,4
Более 25	55,8	26,2	29,5

Источник: Щербина Ф. (ред.-сост.) *Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке*. Воронеж, 1897. С. 353–355, 392.

Примечание. Данное исследование проводилось в шести уездах Воронежской губернии. Аналогичная картина была выявлена в исследовании: Семенов Н. *Статистика поземельной собственности*. СПб., 1880 (приложение). См. также: Шингарёв А. *Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда*. 2-е изд. СПб., 1907.

В послереволюционные годы термин «ликвидация хозяйства», принятый ЦСУ, объединил понятия «вымирание» и «эмиграция» в одну категорию. Поэтому оценить точно темпы вымирания в послереволюционный период невозможно. Но, по-видимому, это явление в крестьянской жизни было весьма частым, составляя главный компонент «органических изменений».

4. МИГРАЦИЯ

Сельская миграция включает ряд взаимозависимых процессов, из которых эмиграция семьи — это проблема, которая в данный момент нас больше всего интересует. Под эмиграцией имеется в виду пространственная мобильность, то есть переезд в иное место жительства на достаточно долгое время. Таким образом, эмигранты фактически выбывают из той общины, к которой они раньше принадлежали¹. Сюда относятся три ос-

¹ Это определение взято из книги *The Determinants and Consequences of Population Trends*. Р. 98. Оно, как нам кажется, более пригод-

новых случая: 1) зарубежная эмиграция; 2) переезд из деревни в город; 3) освоение новых земель, главным образом за Уралом. Первый вид эмиграции для русского крестьянства практически не существовал. Переезд из деревни в город в России до революции ежегодно осуществляли примерно 300 тысяч крестьян¹. Что касается переезда в азиатскую часть России, то за период с 1905 по 1917 год этот процесс затронул примерно два с половиной миллиона крестьян². После исхода горожан в 1918–1921 годах число деревенских жителей, переселявшихся в город, ежегодно составляло около 400 тысяч, а освоение новых земель практически прекратилось³. Чистая миграция, таким образом, в предреволюционные годы и в ранний период нэпа составляла примерно одну четверть или одну треть от естественного прироста сельского населения⁴.

но для понимания российского крестьянства, чем определение, которое предполагает полный и окончательный разрыв иммигранта со своей родной общиной. См., например: *Encyclopedia of Social Sciences*. Vol. 5. P. 488 или Hansen P. H. *The Study of Population*, 1955. P. 489.

¹ См.: Лубны-Герцык Л. (ред.) *Труды государственного колонизационного научно-исследовательского института*. М., 1926. Т. 2. С. 7.

² См.: *О зерне*. М., 1921. С. 122, 127; Вольф М., Мебус Г. *Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств*. Год издания третий. М.-Л., 1926. С. 36–38; Турчанинов Н., Домрачев А. (сост.) *Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 год (включительно)*. С. 44–45, 66–68.

³ См.: Писарев И. *Народонаселение СССР*. С. 95.

⁴ Наши грубые оценки базируются на тех данных, которые говорят, что ежегодный прирост городского населения России в период между 1897 и 1917 годом составлял в среднем 2,7%, а затем, после снижения в годы Гражданской войны, вырос до 5% в 1923–1926 годах (см.: Писарев И. *Народонаселение СССР*. С. 94–95). Мы учитываем также процесс освоения земель за Уралом и естественный рост городов, который оценивается на уровне 1,2% до революции и 1,5% после революции. Эти цифры заимствованы из книг: Татарчуков А. Н. *Центрально-Черноземная область (экономический очерк)*. 3-е изд. Воронеж, 1929. С. 10 и Lorimer F. *The Population of the Soviet Union*. P. 31–33.

Миграция сельского населения России порождалась мощными факторами, характерными для деревенской общины. Наиболее существенными из них были недостаток земли, неполная занятость, а также особенности труда в сельском хозяйстве и особенности социальной структуры крестьянства. В начале XX века, когда сельское хозяйство России отличалось отсталой технологией производства и низкими показателями капиталовложений, избыток населения и рабочих рук на селе оценивался на уровне от одной четвертой до одной пятой всего населения¹. Воронцов оценивает избыток сельского населения европейской части России в 5 миллионов из 24 миллионов трудоспособного мужского населения в 1897 году. В 1903 году это число составляло 23 миллиона, а в 1907 году избыточными были 26 миллионов крестьян из 62 миллионов, населявших 35 губерний европейской части России². Более того, показатель незанятого сельского трудоспособного населения продолжал расти. Несмотря на большие людские потери в период между 1914 и 1921 годом, официальные оценки избытка рабочих рук в четырех главных регионах Центральной России в 1923 году находились на уровне 38,5%³. Огромный постоянный избыток рабочей силы, к которому следует еще прибавить и сезонные колебания спроса, характерные для традиционного сельского хозяйства России, обуславливал высокий уровень безработицы и бедности на

¹ Видимо, лучше, как это делает Кауфман, использовать понятие относительной нехватки земли. Более подробно этот вопрос обсуждается в: Warriner D. *Economics of Peasant Farming*. London, 1964.

² См.: Лубны-Герцык Л. (ред.) *Труды государственного колониального научно-исследовательского института*. С. 6–7. Первая мировая война, похоже, подтвердила эти ориентировочные оценки: несмотря на то что многие молодые мужчины были призваны в армию и многие кони были реквизированы, вплоть до 1916 года не отмечается существенного снижения посевных площадей и собираемого с них зерна.

³ См.: там же. С. 549.

селе. А это, в свою очередь, создавало то давление, которое побуждало крестьян покидать деревню и переезжать в города.

Преобладание мелких крестьянских хозяйств с ограниченными ресурсами, монокультурами, примитивным сельскохозяйственным инвентарем делало крестьянский труд особенно подверженным неблагоприятным факторам разного рода — от общей экономической конъюнктуры до индивидуальных бед. В случае возникновения кризиса крестьянам в первую очередь приходилось избавляться от скота, а восстановить эту потерю в дальнейшем было очень сложно. Именно это обстоятельство подталкивало многих бедных крестьян к уходу в города¹. Для большинства крестьянских домохозяйств частые кризисы означали резкое ограничение потребления. Кризисы часто превращались в подлинное бедствие для семьи, когда она оказывалась на грани голодной смерти и просто вынуждена была эмигрировать².

Особенности социальной структуры крестьянства, и прежде всего крестьянской семьи, тоже сильно влияли на характер крестьянской эмиграции. Стремление обеспечить себе независимость и престиж в ситуации типичной крестьянской семьи заставляло молодежь покидать родные места и уходить на заработки в город³. У нас нет прямых статистических данных, подтверждающих этот вывод, но на основании косвенных данных можно, по-видимому, утверждать, что именно моло-

¹ См.: Минц Л. *Отход крестьянского населения на заработки в СССР*. М., 1925. С. 13.

² Например, голод 1921 года привел к сокращению на 21% населения тех районов, которые были им затронуты, а в следующем году площади засеянных полей сократились на 31–37% (см.: Ден В. *Курс экономической географии*. С. 209). Сокращение населения включает как гибель от голода, так и массовую эмиграцию.

³ Многие из этих молодых людей, во-видимому, мечтали о том, чтобы, накопив достаточно средств, вернуться затем в свою деревню и основать собственное домохозяйство.

дежь составляла основную группу мигрантов. О масштабах этой проблемы свидетельствуют данные переписей населения, которые говорят о том, что в ранний период нэпа сельское население России в возрасте от 17 до 24 лет насчитывало около шести миллионов человек¹. Но традиционная социальная структура русского крестьянства одновременно порождала и мощные связи, которые противостояли эмиграционным тенденциям. Уклад жизни крестьянства и крестьянская психология создавали ситуацию, при которой только самые сильные из молодых людей отваживались покинуть семью и отправиться на чужбину. Для более слабых жизнь в семье и в общине давала все же известные преимущества. Эгалитарная система наследования собственности тоже сдерживала миграцию² и создавала семейные связи, которые продолжали существовать еще долгое время после того, как молодежь покидала деревню. Опрос, проведенный в Москве среди печатников накануне Первой мировой войны, показал, что 46% из них продолжали хотя бы эпизодически (главным образом во время сбора урожая) работать в деревне на участках своих родителей и родственников³. Нет сомнения, что эта цифра была бы еще выше, если бы для исследования были взяты более мелкие города и менее квалифицированные профессии.

В случае эмиграции влияние факторов, которые оказываются внешними по отношению к сельской общине, более заметно, чем влияние других «органических изменений». Направление и сила миграции определя-

¹ См.: *Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923: за пять лет работы Центрального статистического управления.* С. 6–17, 41–42.

² Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime.* P. 249.

³ См.: Robinson G. *Rural Russia under the Old Regime.* P. 250; *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год седьмой.* СПб., 1914. С. 500–511; Минц Л. *Отход крестьянского населения на заработки в СССР.* С. 40–42.

лись рядом факторов, среди которых размер зарплаты, уровень безработицы, наличие земли, пригодной для освоения. Но если брать рассматриваемый период в целом, то влияние внутренних факторов на эмиграцию тоже было очень велико. Это проявляется, например, в наблюдаемой обратной корреляции между зажиточностью семьи и показателями эмиграции. Здесь важны именно не абсолютные, а относительные показатели. Чем богаче была семья, тем менее вероятной была эмиграция ее молодых членов. Наиболее высоким индексом миграции был в тех семьях, которые вымерли, испытали слияние или не претерпели существенных изменений (см. табл. 5.3 и 5.4).

Одно исключение, характерное для наиболее зажиточных домохозяйств, было обнаружено в динамических исследованиях. В некоторых случаях здесь тоже была обнаружена положительная корреляция между богатством семьи и тенденцией к эмиграции. Это явление объясняют движением капитала и предпринимателей из деревни в город. Однако подобная закономерность выявляется не всегда. Возможно, что иногда она связана с методикой анализа данных, при которой эмигранты из богатых крестьянских семей объединяются в одну группу с крестьянами, покидающими общину для создания собственных независимых хозяйств (хуторов) где-то поблизости от района своего исходного проживания¹. Если такое явление действительно имело место, то оно должно было усиливать выравнивающее влияние «органических изменений».

Для того чтобы в полной мере оценить влияние иммиграции на социально-экономическую мобильность, у нас нет достаточной эмпирической информации. Но имеющиеся данные говорят о том, что показатели имущественного положения крестьян-эмигрантов и имми-

¹ Обсуждение этого вопроса можно найти в: Хрящев А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 77.

грантов обнаруживали значительные сходства¹. Это, как нам кажется, вполне оправдывает использование стандартной методики оценки миграции как разницы между эмиграцией и иммиграцией независимо от того, являются ли значения каждой из них положительными или отрицательными.

¹ См., например, табл. 5.4.

Многомерная и циклическая мобильность: на пути к созданию объяснительной модели

Действительность
богаче любой догмы.

В. И. Ленин

1. ОСТАТОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ МОБИЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

ПРЕДЫДУЩЕЕ обсуждение уже со-
держало объяснение ряда причин
многомерной мобильности крестьян-
ских домохозяйств, лежащей в основе процес-
сов дифференциации, которые наблюдаются
в крестьянских общинах и крестьянском об-
ществе в целом¹. Центробежная мобильность
может быть объяснена через тенденцию к на-
коплению и закреплению позитивных или
негативных экономических условий в дея-
тельности крестьянских домохозяйств (как
это было описано во втором разделе третьей
главы). Центростремительная мобильность,
которая действует одновременно, связа-
на с перераспределением земель, принад-
лежащих общинам, а также с различиями
в частоте дроблений и слияний, характер-
ных для различных прослоек крестьянства
(как это объяснялось в четвертом разделе

¹ Определение типов мобильности, которые анали-
зировались и обсуждались в связи с процессами
дифференциации и мобильности крестьянских до-
мохозяйств, было дано в главе 4, разделы 1, 2 (см.
особенно рис. 2).

четвертой главы и в первом разделе пятой главы). Общие процессы дифференциации крестьянского общества представляют собой сумму центробежных и центростремительных тенденций. При этом тенденции второго рода усиливаются за счет процессов эмиграции и вымирания, особо характерных для беднейших крестьянских домохозяйств (что обсуждалось в первом разделе пятой главы). Картина усложняется тем, что значительное число крестьянских домохозяйств участвует попеременно в разных процессах мобильности, то есть в том типе мобильности, который получил название «циклическая мобильность»¹.

Описанный анализ приводит к объяснительной модели крестьянской социально-экономической мобильности. В этой форме она впервые была сформулирована А. Хрящевой². Подобная модель, несомненно, объясняет значительную часть наблюдаемой социально-экономической мобильности. Но возникает вопрос: является ли данная модель исчерпывающей, учитывает ли она все основные факторы и достаточно ли адекватно она объясняет все главные аспекты социально-экономической мобильности, выявляемые в динамических исследованиях?

Для ответа на этот вопрос нам следует ближе рассмотреть те виды анализа и презентации данных, которыми Г. Кущенко и А. Хрящева пользовались в своих динамических исследованиях, проводившихся накануне Первой мировой войны³. Схема этих исследований отличалась от констатирующих исследований, которые ограничивались только анализом итоговой картины на момент завершения всех исследований. Динамические исследования ставили своей целью создание исчерпы-

¹ Обсуждение факторов и форм мобильности крестьянских хозяйств будет дано в главе 6, раздел 5 (см. рис. 3).

² См. раздел 3 настоящей главы.

³ История динамических исследований рассматривалась в третьем разделе четвертой главы.

вающих описаний всех крестьянских хозяйств, которые существовали на момент начала наблюдений. В ходе последующего анализа домохозяйства, претерпевшие так называемые органические изменения, рассматривались отдельно. А динамический анализ осуществлялся на оставшейся части всей выборки — тех «устойчивых» крестьянских хозяйствах, которые на протяжении всего периода исследования не претерпели «органических изменений». После 1920 года ЦСУ приняло методы анализа и презентации данных, разработанные Хрящевой и Кущенко, в качестве стандартных и использовало их в ходе крупных регулярных сборов данных на основе репрезентативной выборки деревень. Такие «динамические переписи» проводились ежегодно¹.

Исследование Кущенко и две самые крупные переписи ЦСУ, которые последовали, могут служить хорошим примером тех результатов, которые были достигнуты с помощью метода Хрящевой–Кущенко. В каждом имущественном слое домохозяйства, которые претерпели «органические изменения», были выделены в отдельную категорию. А остальные домохозяйства были разделены на классы в соответствии с их имущественным положением в конце периода наблюдений. Обе категории хозяйств (прошедшие и не прошедшие через радикальные изменения) вместе составляют 100 процентов. Не считая момента выделения группы хозяйств, прошедших через «органические изменения», и их полного включения в табуляцию, представление результатов очень походило на то, которое использовалось в описанных выше исследованиях, проводившихся в Вяземском уезде². Как уже указывалось, все российские динамические исследования демонстрировали принципиально одинаковые процессы и сходную картину

¹ Хрящева была назначена первым руководителем отдела динамических исследований ЦСУ и находилась на этом посту вплоть до 1928 года.

² См. табл. 4.7.

корреляций, которая указывала на существование весьма значительной и устойчивой многомерной мобильности¹. Однако использованные новые методы анализа и презентации результатов позволяют сделать некоторые дополнительные выводы относительно процессов, которые имели место. Оказывается, что центростремительная мобильность не исчезла из тех выборок, которые были полностью очищены от данных по всем хозяйствам, испытавшим «органические изменения». Таким образом, приходится признать, что остаток центростремительной мобильности не может быть объяснен только процессами передела земли внутри крестьянских общин. Дополнительным доказательством этого является и тот факт, что аналогичные процессы давали о себе знать и в Белоруссии, где передел земли практиковался исключительно редко². Итак, мы должны заключить, что, хотя «органические изменения» и практика передела общинных земель подпитывали процессы центростремительной мобильности, сами по себе они не могут до конца ее объяснить.

Отчасти эта остаточная центростремительная мобильность может быть результатом статистического искажения, вызванного исключением из выборки данных о домохозяйствах, которые претерпели «органические изменения». Те случаи, когда ухудшение социально-экономического положения и без того бедной семьи приводило в конце концов к ее полному исчезновению, регистрировались только в рубрике «органические изменения», тогда как случаи, когда бедная крестьянская семья улучшала свое социально-экономическое положение, были представлены в полном объеме. Аналогичным образом дальнейший рост материального благополучия и без того богатой семьи нередко приводил к разделу хозяйства, что влекло за собой исчезновение

¹ См. главу 3, разделы 3 и 4.

² См. табл. 7.1.

Таблица 6.1

Крестьянская мобильность в Суражском уезде Черниговской губернии, 1882–1911 годы

А. Динамическое исследование

Слой	Посевные земли на хозяйство в 1882 г. (дес.)	Число хозяйств, претерпевших «существенные изменения» между 1882 и 1911 г. (%)			Общее (А – Е)	Число хозяйств, не претерпевших «существенных изменений» между 1882 и 1911 г. (%)					Общее число хозяйств ($\alpha + \gamma$) + ($A - E$)	
		всего ($\alpha + \gamma$)	разделе- ны (α)	исчезли (γ)		Доля в каждом слое в 1911 г.						Перешли в другой слой (%)
						А	В	С	Д	Е		
А	Меньше 3	58,1	6,2	51,9	41,9	11,8	19,7	8,4	1,0	1,0	30,1	100
В	3–6	48,0	15,4	32,6	51,9	11,4	24,4	10,6	4,3	1,2	27,5	100
С	7–9	50,2	26,1	24,1	49,7	8,1	18,4	13,3	5,6	4,3	36,4	100
Д	10–12	54,2	35,1	19,1	45,8	4,3	16,4	10,7	6,6	7,8	39,2	100
Е	Более 12	66,4	57,6	8,8	33,6	1,2	10,2	9,6	5,2	7,4	26,2	100

Б. Дифференциация крестьянских домохозяйств

Год	% домохозяйств, имеющих посевные площади размером					
	менее 3 дес.	3–6 дес.	7–9 дес.	10–12 дес.	более 12 дес.	
1882		10,8	34,5	25,9	13,5	15,3
1911		13,2	38,6	25,0	11,2	11,0

Источник: Кушенко Г. *Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 годов*. С. 11.

Примечание. Исследование основано на выборке в 1477 домохозяйствах. Слившиеся домохозяйства в данном исследовании не учитывались.

Таблица 6.2

Крестьянская мобильность в некоторых регионах РСФСР, 1920–1924 годы

А. Динамическая перепись ЦСУ

Слой	Число лошадей на домохозяйство в 1920 г.	Число домохозяйств в выборке	Число домохозяйств, претерпевших «существенные изменения» между 1920 и 1924 г. (%)				Число домохозяйств, не претерпевших «существенные изменения» между 1920 и 1924 г. (%)					Общее число домохозяйств
			Всего	Разделены	Слились	Эмигрировали или вымерли	Всего	Представительство слоев в 1924 г.				
								Без изменений	Повышение	Понижение		
А	0	22,364	20,6	3,6	3,8	13,2	79,4	56,4	23,0	–	100	
В	1	47,534	14,6	10,7	1,8	2,1	85,4	68,5	5,0	11,9	100	
С	2	4,344	31,2	28,2	1,4	1,6	68,8	29,8	2,0	37,0	100	
Д	Более 2	211	47,3	43,6	2,8	0,9	52,7	9,5	–	43,2	100	
Все слои вместе	0–2+	74,453	17,5	9,7	2,4	5,4	82,5	62,3	10,3	9,9	100	

Окончание табл. 6.2

Б. Дифференциация крестьянских домохозяйств

Год	Процент домохозяйств, имеющих лошадей			
	Нет лошадей	Одна лошадь	Две лошади	Более двух лошадей
1920	30,0	63,9	5,8	0,3
1924	33,3	61,1	5,4	0,2

Источник: Хрящева А. Условия эволюции крестьянского хозяйства. *Социалистическое хозяйство*. 1925. № 5. С. 59.

Примечание. Данное исследование базируется на репрезентативной выборке крестьянских домохозяйств из районов РСФСР, не затронутых голодом 1920 года.

Таблица 6.3

Крестьянская мобильность в 16 губерниях европейской части России, 1924–1925 годы

А. Динамическое исследование ЦСУ

Слой	Посевные земли на хозяйство в 1882 г. (дес.)	Число хозяйств, претерпевших «существенные изменения» между 1924–1925 гг. (%)					Число хозяйств, не претерпевших «существенных изменений» между 1924–1925 гг. (%)										Перешли в другой слой (%)	Общее число хозяйств $(\alpha + \beta + \gamma) + (A - H)$
		всего $(\alpha + \beta + \gamma)$	разделены (α)	слились (β)	вымерли или эмигрировали (γ)	Общее (от А до Н)	Доля в каждом слое в 1925 г.											
							A	B	C	D	E	F	G	H				
A	Меньше 0,1	17,4	0,3	1,2	15,7	82,6	58,1	20,3	3,1	0,8	0,2	0,1	0,0	0,0	24,5	100		
B	0,1–2	5,6	1,3	0,7	3,5	94,4	1,1	74,8	17,7	0,7	0,1	0,0	0,0	0,0	19,6	100		
C	2,1–4	5,0	2,7	0,3	1,9	95,0	0,1	9,1	71,1	13,4	1,3	0,0	0,0	0,0	23,9	100		
D	4,1–6	5,9	4,0	0,3	1,5	94,1	0,1	0,8	17,3	60,0	15,5	0,4	0,0	0,0	34,1	100		
E	6,1–10	9,1	7,5	0,2	1,2	90,9	0,1	0,2	3,0	17,6	63,2	6,6	0,2	0,0	27,7	100		
F	10,1–16	13,5	12,0	0,4	0,8	86,5	0,0	0,1	1,4	5,7	29,2	44,6	5,4	0,1	41,9	100		
G	16,1–25	14,4	12,2	0,6	1,2	85,6	0,0	0,2	0,6	0,8	6,1	32,7	39,9	5,3	45,5	100		
H	Более 25	17,4	17,4	–	–	82,6	0,0	0,0	0,8	0,0	1,7	5,8	28,9	45,4	37,2	100		
Все слои	0–25+	6,0	2,7	0,5	2,8	93,9	2,1	33,4	34,6	14,9	7,5	1,2	0,2	0,0	34,2	100		

Б. Дифференциация крестьянских домохозяйств

Год	Процент домохозяйств, чьи посевные земли составляют (дес.):							
	меньше 0,1	0,1–2	2,1–4	4,1–6	6,1–10	10,1–16	16,1–25	более 25
1924	2,8	39,5	34,9	14,3	7,0	1,2	0,2	0,1
1925	2,4	35,4	36,8	15,7	8,1	1,3	0,2	0,1

Источник: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 15, 146–147.

Примечание. Ежегодное исследование ЦСУ базировалось на репрезентативной выборке 265 436 крестьянских домохозяйств в 16 губерниях европейской части России. Цифры в слоях G и H должны интерпретироваться с известной осторожностью, поскольку число домохозяйств в этих группах было относительно небольшим (508 и 121 соответственно).

из учета, в то время как любое движение вниз оказывалось зарегистрированным. Более того, нужно учитывать, что дальнейшее улучшение материального положения семей из высшего слоя (тех, кто имел более 12 десятин пахотной земли) тоже никак не учитывалось. Тем не менее количественное сравнение крестьянских хозяйств, претерпевших «органические изменения», и оценка возможных последствий их исключения из остаточной центростремительной мобильности, которая выявляется в динамических исследованиях (особенно в исследовании 1924–1925 годов, которое было самым большим по охвату), приводит к выводу, что это явление не может быть просто следствием статистического искажения¹. Мы должны признать существование еще одного реального и значимого компонента мобильности крестьянских домохозяйств. Причины его возникновения нужно будет найти и ввести в общую модель для того, чтобы она стала по-настоящему удовлетворительной.

В первой четверти XX века группа российских исследователей предприняла серьезную попытку решить эту задачу, объяснив не только остаточный компонент мобильности крестьянских домохозяйств, но и само явление разнонаправленной мобильности в целом в рамках единой концептуальной модели, которую можно обозначить как биологический детерминизм.

2. БИОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Рассматривая структуру крестьянского общества, мы уже указывали на двойственный характер крестьянского домохозяйства. Оно функционирует одновременно

¹ Например, если, анализируя данные табл. 6.3, мы будем рассматривать как ухудшившие свое материальное положение все домохозяйства из первых двух слоев, которые слились, эмигрировали или просто вымерли, центростремительная мобильность все равно останется вполне очевидной.

и как семья, и как производственный коллектив, испытывая влияние как биологических, так и экономических факторов. Соответственно, большинство российских исследователей крестьянства могут быть разделены на два противоположных лагеря в зависимости от того, чему они отдают приоритет — биологии или экономике. Для тех и других всегда было характерно стремление к «монизму», то есть желание обнаружить один главный фактор, который является первопричиной процессов, определяющих социальную динамику в крестьянской среде. Следует, правда, отметить, что представители обеих школ подчеркивали, что используемые ими объяснительные модели описывают всего лишь некий «идеальный тип», что в действительности на фундаментальные процессы накладывается целый ряд дополнительных факторов, от которых предлагаемая ими модель просто абстрагируется с целью прояснения общей картины. Но после такого заявления методологического плана реальные исследования строились по схеме чисто монистического анализа. И только немногие из русских ученых были реальными сторонниками действительно многомерного анализа, при котором различные факторы и их взаимодействие анализируются без того, чтобы заранее определить, какие из них являются наиболее важными.

В то время основным ядром российских «биологических детерминистов» были представители так называемой школы организации крестьянского хозяйства (неонародники)¹. Эти исследователи считали, что демографические изменения в составе крестьянских семей являются основным детерминантом всего развития крестьянских домохозяйств. В рамках такого рода исследовательской парадигмы предполагалось, что «иде-

¹ См. первые три раздела главы 3 настоящей книги. Наиболее видными представителями данной группы были А. Чайнов, А. Челинцев, Н. Макаров, Г. Студенский и Н. Свайцкий. К ним примыкали Н. Огановский и А. Пешехонов.

альный тип» подобного домохозяйства — это семья, которая трудится на своем участке земли для удовлетворения собственных базовых потребностей. Соответственно, влияние рынка и его механизмов (товарного производства и наемного труда) отрицалось или минимизировалось. Считалось, что в этой сфере действуют совсем иные экономические законы. Главными экономическими факторами тут выступали потребности самой семьи и те трудовые ресурсы, которыми она располагала. Биологический цикл семейной жизни крестьянина — рождение, взросление, женитьба, рождение и воспитание детей, старение и смерть — приводил к возникновению регулярных экономических изменений, циклических по своему характеру. В крестьянском домохозяйстве работающие соразмеряли свои производственные усилия с потребностями остальных членов своей семьи¹. Например, по мере того как дети подрастают, увеличиваются потребности семьи. Ее трудоспособным членам приходится больше работать и думать о приобретении дополнительной земли, скота и оборудования. Поэтому считалось, что мобильность крестьянских дворов отражает биологический цикл роста и упадка семьи.

Целостную модель многомерной мобильности (включая ее остаточный компонент) предложил накануне революции Чаянов². Он считал, что экономическое развитие крестьянского домохозяйства определяется (и может быть эмпирически измерено) соотношением

¹ Подобную точку зрения развивал: Васильчиков А. *Сельский быт и сельское хозяйство в России*. СПб., 1881. С. 37–40. Далее она была подхвачена народниками.

² См.: Чаянов А. (ред.). *Бюджеты крестьян Старобельского уезда*. С. 5–6; Чаянов А. *Очерки теории трудового хозяйства*. М., 1913. Вып. 2. Его взгляды разделял: Челинцев А. *Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии*. Харьков, 1919.

между работниками и иждивенцами¹. В табл. 6.4 представлена некая гипотетическая семья, в которой раз в три года появляется новый ребенок, и динамика ее временного развития в терминах производства и потребления.

Биологический рост молодой крестьянской семьи изменяет соотношение производства и потребления, создавая «потребительское давление». Это, в свою очередь, приводит к интенсификации труда («самоэксплуатация» работающих членов семьи) и к стремлению расширить («подтянуть») производственную базу за счет аренды земли, сбережений и займов. Такие процессы в сумме своей означают повышение экономического статуса домохозяйства. На данном этапе вступление новых членов семьи в трудоспособный возраст вызывает снижение потребительского давления (соотношения производства и потребления) и уменьшает стремление к экономической экспансии. Но одновременно подобное развитие порождает потребность деления домохозяйства с целью обособления новых семей, что, в свою очередь, грозит ухудшением материального положения.

Так начитается новый цикл развития семьи. Более того, в некоторых семьях биологические факторы, такие как старение бездетной семьи или смерть основного кормильца, резко ухудшающая экономическое положение семьи, приводили к исчезновению домохозяйства, его слиянию с другим или же к эмиграции его оставшихся членов.

Итак, через биологический цикл жизни крестьянской семьи объяснялись и «остаточный компонент» мобильности крестьянских домохозяйств, и природа «органических изменений». Аналогичным образом представители данной школы объясняли и другие

¹ Слово «работник» в данном случае обозначает просто того, кто трудится, и не обязательно подразумевает наемного рабочего. В сельском хозяйстве большинство трудоспособных людей работают на своем подсобном участке.

Таблица 6.4

Развитие трудовых ресурсов и внутренних потребностей
гипотетической крестьянской семьи

Число лет существования семьи	Потребление									Число потребителей в семье	Число работников в семье	Отношение ожиданств к работникам
	мужа	жены	1-го ребенка	2-го ребенка	3-го ребенка	4-го ребенка	5-го ребенка	6-го ребенка	7-го ребенка			
1	1,0	0,8	-	-	-	-	-	-	-	1,8	1,8	1,00
2	1,0	0,8	0,1	-	-	-	-	-	-	1,9	1,8	1,06
3	1,0	0,8	0,3	-	-	-	-	-	-	2,1	1,8	1,17
4	1,0	0,8	0,3	-	-	-	-	-	-	2,1	1,8	1,17
5	1,0	0,8	0,3	0,1	-	-	-	-	-	2,2	1,8	1,22
6	1,0	0,8	0,3	0,3	-	-	-	-	-	2,4	1,8	1,33
7	1,0	0,8	0,3	0,3	-	-	-	-	-	2,4	1,8	1,33
8	1,0	0,8	0,3	0,3	0,1	-	-	-	-	2,5	1,8	1,39
9	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	-	-	-	-	2,9	1,8	1,61
10	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	-	-	-	-	2,9	1,8	1,61
11	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	0,1	-	-	-	3,0	1,8	1,66
12	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	-	-	-	3,4	1,8	1,88

Окончание табл. 6.4

Число лет существования семьи	Потребление									Число потребителей в семье	Число работников в семье	Отношение иждивенцев к работникам
	мужа	жены	1-го ребенка	2-го ребенка	3-го ребенка	4-го ребенка	5-го ребенка	6-го ребенка	7-го ребенка			
13	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	–	–	–	3,4	1,8	1,88
14	1,0	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	–	–	3,5	1,8	1,94
15	1,0	0,8	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	–	–	4,1	2,5	1,64
16	1,0	0,8	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	–	–	4,1	2,5	1,64
17	1,0	0,8	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	–	4,2	2,5	1,68
18	1,0	0,8	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	–	4,8	3,2	1,50
19	1,0	0,8	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	–	4,8	3,2	1,50
20	1,0	0,8	0,9	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	5,1	3,4	1,50
21	1,0	0,8	0,9	0,7	0,7	0,5	0,5	0,3	0,3	5,7	4,1	1,39

Источник: Чаянов А. (ред.) *Бюджеты крестьян Старобельского уезда*. С. 4.

Примечание. Физическим лицам присваивались следующие веса как работникам и потребителям:

	Потребитель	Работник
Мужчина-работник — глава семейства	1,0	1,0
Женщина-работник — мать в семье	0,8	0,8
Другие члены — старше 17 лет	0,9	0,9
от 13 до 17 лет	0,7	0,7
от 7 до 12 лет	0,5	0,0
от 2 до 6 лет	0,3	0,0
от 0 до 2 лет	0,1	0,0

известные компоненты мобильности. Например, передел земли внутри общины тоже пытались объяснить биологическими причинами: земельные наделы якобы перераспределяются в соответствии с изменениями в соотношении работников и иждивенцев¹. Саму практику перераспределения общинных земель интерпретировали как ответ на рост сельского населения при ограниченности природных ресурсов². Даже центробежная мобильность и наблюдаемые тенденции усиления поляризации представители данной школы пытались объяснить сходным образом: «Когда растет производительность труда в сельском хозяйстве, поляризация на селе вполне может быть объяснена чисто биологическими процессами, связанными с циклом развития семьи»³.

В более широком плане (в терминах долговременного анализа) сторонники биологического детерминизма придерживались того взгляда на социальную динамику, который затем получил название «модель равновесия»⁴. Считалось, что любое отклонение от состояния стабильности порождает противоположные силы. Такая концепция имплицитно приписывала любой социальной системе высокий уровень стабильности и внутреннюю тенденцию к выравниванию. В начале XX века подобную теорию, основанную на принципах биологического детерминизма, применительно к развитию крестьянского общества разрабатывал А. Пешехонов, кото-

¹ См. главу 4, раздел 2.

² В частности, см.: Кауфман А. *Русская община в процессе ее зарождения и роста*. М., 1908. В начале XX века рост плотности населения часто рассматривался как главный фактор изменений социальной структуры. Например, именно в этих терминах Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» объяснял переход от механической солидарности к органической.

³ *Пути сельского хозяйства*. 1927. № 6–7. С. 134.

⁴ В истории социологической мысли подобные взгляды в XIX веке назывались органицизмом, а сегодня называются функционализмом.

рый писал: «С одной стороны, в каждом крестьянском хозяйстве, видимо, существует тенденция согласовывать производительные силы и потребление с размером и организацией хозяйственной деятельности. С другой стороны, все крестьянские домохозяйства внутренне тяготеют к некоему среднему размеру семьи. Это очень характерно для той системы общественных связей, которая именуется крестьянством»¹.

Общая теория крестьянской экономики и мобильности, сформулированная Чаяновым, хорошо согласовывалась с эмпирическими данными бюджетных исследований 101 крестьянского домохозяйства, проведенных в Старобельском уезде в 1910 году (табл. 6.5).

Четкое обратное отношение между долей молодых семей в данном слое и размерами земельного надела², по-видимому, указывает на то, что биологический цикл жизни крестьянской семьи действительно является важным детерминантом экономического развития. Различное соотношение между числом иждивенцев и работающих в разных слоях крестьянства можно интерпретировать аналогичным образом. Более того, вторая часть табл. 6.5 указывает на то, что индивидуальный уровень потребления очень тесно связан с принадлежностью к определенному имущественному слою (по крайней мере в четырех наиболее зажиточных слоях), в то время как производительность труда обнаруживает высокую корреляцию с отношением потребитель / работающий. Эти данные рассматриваются как довод в пользу теории, согласно которой этим отношением определяется степень «самоэксплуатации» крестьянской семьи и ее стремление приобрести дополнительную землю для того, чтобы гарантировать

¹ Пешехонов А. Теория и практика крестьянского хозяйства. *Русское богатство*. 1902. № 9. С. 193.

² Безземельные крестьяне в данном исследовании рассматривались как особый слой крестьянства, качественно отличный от всех остальных слоев.

Таблица 6.5

Производство и потребление в зависимости от типа семьи
и количества пахотной земли в Старобельском уезде
Харьковской губернии, 1910 год

А. Отношение работников и иждивенцев

Слой	Посевные площади на семью (дес.)	% молодых семей	Ср. число членов семьи	Ср. число потребителей	Ср. число работников	Отношение П/Р
А	0	36,4	4,73	3,22	2,55	1,29
В	Менее 3	76,4	4,35	2,88	2,18	1,23
С	3–7,5	38,5	6,28	4,13	2,82	1,46
Д	7,6–15	4,0	9,37	6,09	4,34	1,41
Е	Более 15	0,0	11,41	7,39	5,25	1,41
По всем	0–15+	27,7	7,66	5,01	3,57	1,40

Б. Ежегодное потребление на одного человека и производство на одного работающего (в рублевом эквиваленте)

Индикатор	Число домохозяйств с соотношением потребитель / работник				
	1,00–1,15	1,16–1,30	1,31–1,45	1,46–1,60	1,61+
Потребление на одного человека	67,30	78,70	87,50	85,20	81,70
Производство на одного работающего	68,10	99,00	118,30	128,90	156,40

Источник: Чаянов А. (ред.) *Бюджеты крестьян Старобельского уезда*. С. 13, 18, 39.

Примечание. К молодым семьям относились такие домохозяйства, которые состояли из супружеской пары (нуклеарная семья) и детей до 17 лет (см.: Чаянов А. (ред.) *Бюджеты крестьян Старобельского уезда*. С. 4, 6).

адекватный уровень потребления. Если окажется, что данная модель обладает универсальностью, это будет означать, что мобильность крестьянских домохозяйств действительно связана с историей жизни типичной крестьянской семьи (см. табл. 6.4).

Но идеи Чаянова встретили резкую критику со стороны его оппонентов. На чисто эмпирическом уровне представители противоположного лагеря попытались продемонстрировать их неадекватность посредством анализа корреляций между различными факторами, действующими внутри крестьянской экономики. В частности, Прокопович провел вторичный анализ связи между общим доходом крестьянской семьи и различными параметрами продуктивности ее деятельности, основываясь на данных пяти крупных до-революционных бюджетных переписей (включая исследование, проведенное Чаяновым в Старобельском уезде)¹. Вполне значимыми оказались связи между общим доходом и такими факторами, как размер землевладения, показатель используемой земли, показатель распаханной земли, показатель засеянной земли, количество (стоимость) скота. Все коэффициенты корреляции находились в диапазоне от 0,50 до 0,93, а самым высоким из них был коэффициент корреляции с показателем засеянной земли (от 0,73 до 0,93). Положительная корреляция была обнаружена также с числом работников (от 0,41 до 0,63) и с числом едоков в семье (от 0,40 до 0,64). Коэффициент корреляции с общим доходом семьи был незначимым (от 0,02 до 0,10) во всех пяти выборках. Опираясь на эти данные, Прокопович сделал вывод, что Чаянов был неправ, считая главным

¹ См.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 32–33. Эти переписи проводились в Вельском уезде Вологодской губернии (1907), в Кадниковском уезде Вологодской губернии (1910), в Новгородской губернии (1909–1912), в Тамбовской губернии (1910) и в Старобельском уезде Харьковской губернии (1910).

детерминантом крестьянской экономики внутренний семейный потребительский запрос¹.

Но анализ, сделанный Прокоповичем, сам не свободен от ряда серьезных упущений. Например, оценивая общие доходы крестьянской семьи, он вовсе не учитывал побочные доходы, которые для многих семей были крайне важными². Еще одним методологически сомнительным моментом является использование показателя «общий доход» для оценки реальной экономической эффективности крестьянского хозяйства. Ведь известно, что существует положительная корреляция между размером семьи и уровнем ее материального благополучия. Поэтому более корректно было бы оценивать доход в расчете на одного члена семьи. Наконец, Прокопович в своем анализе полностью исключил такой фактор, как «подтяжка» (приобретение дополнительных земель и оборудования). По мысли же Чаянова, это фактор прямо коррелировал с уровнем самоэксплуатации, то есть обязательно создавал дополнительное напряжение внутри крестьянской семьи³.

Еще одна попытка эмпирически опровергнуть точку зрения Чаянова была сделана Г. Раевичем в серии статей, опубликованных в 1925 и 1926 году⁴. Проанализировав ряд бюджетных исследований, проведенных еще до революции в Волоколамском и Вологодском уездах, автор, во-первых, отметил, что между различными слоями крестьянства наблюдаются существенные различия в уровне потребления. А это шло вразрез со взглядами Чаянова. Кроме того, он показал, что даже в том исследовании, которое проводил Чаянов в Ста-

¹ См.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 36.

² См.: там же. С. 34. Мы не станем здесь разбирать более серьезный методологический вопрос о возможности делать выводы о причинности на основании корреляций.

³ Обсуждением этого вопроса занимается Г. Раевич в: *На аграрном фронте*. 1925. № 11–12. С. 26.

⁴ См.: *На аграрном фронте*. 1925. № 11–12; 1926. № 1–2.

робельском уезде¹, значительные различия в уровне потребления выявляются, если разделить крестьянские хозяйства на «капиталистов», «независимых» и «пролетариев» на основе показателя, объединяющего количество пахотной земли с объемом практикуемого наемного труда (отдаваемого или получаемого)². Во-вторых, он продемонстрировал, что в бюджетных исследованиях в Ферганской и Тамбовской губерниях не было выявлено четкой связи общей посевной площади и площади арендуемой земли с размером семьи³. В-третьих, Раевич обратил внимание не то, что в тщательном бюджетном исследовании, проведенном в Пензенской губернии, не обнаружилось связи между отношением потребитель / работник и уровнем самоэксплуатации в крестьянском труде⁴. Нельзя сказать, чтобы критика Раевича была для теории Чаянова совершенно разрушительной, но все же упреки были довольно серьезными. Надо сказать, что ни Чаянов, ни его соратники так и не удосужились на них ответить. Правда, после 1912 года за те полтора десятилетия, в течение которых шла интенсивная полемика и были добыты новые факты, взгляды Чаянова тоже изменились. Значительно больше внимания он стал уделять семейному труду, считая именно его, а не потребности семьи, основным фактором экономической деятельности крестьян. Кроме того, он признал важность капитала как фактора, который необходимо учитывать и на микро-, и на макроуровне анализа крестьянской экономики⁵. Но в этот период Чаянов все еще продолжал считать, что «биоло-

¹ См.: *На аграрном фронте*. № 3. С. 6–7.

² См.: там же. 1926. № 3. С. 7.

³ См.: там же. 1926. № 1. С. 12–14; 17–19.

⁴ См.: *На аграрном фронте*. 1925. № 11–12. С. 27–29.

⁵ См.: Thorner D., Kerblay B., Smith R. (eds.) *A.V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy*. Homewood, Ill., 1966. Книга впервые вышла в Германии, а затем и в России в середине 20-х годов XX века.

гические факторы» являются главными в крестьянской экономике России. Правда, нужно отметить, что позже он существенным образом изменил свои взгляды¹.

В целом же результаты дореволюционных бюджетных исследований не могут ни подтвердить, ни опровергнуть теорию крестьянской мобильности, выдвинутую Чаяновым. Они, как и большинство исследований иного типа (переписей и динамических исследований), проводившихся после 1916 года, не содержали необходимой информации для решения этой проблемы. А в тех немногих послереволюционных исследованиях, где такая задача специально ставилась, данные, похоже, соответствовали тому, что предполагали Прокопович и Раевич, критикуя теорию Чаянова. А именно не было выявлено устойчивых связей между соотношением потребителей и работников и такими показателями деятельности, как доход, интенсивность труда и т.д.² Правда, нужно еще отметить, что послереволюционные исследования этого типа немногочисленны, а все их авторы были политическими противниками Чаянова. Поэтому тут вряд ли можно говорить о полной объективности. Для того чтобы судить об адекватности теории Чаянова, нужны новые исследования, пользующиеся более тонкой методологией. А к началу коллективизации таких эмпирических методов еще не существовало.

Неоднозначность имеющихся фактических данных влечет за собой особо серьезные практические последствия в связи с тем, что сам подход Чаянова был очень нетрадиционным для своего времени. Начнем с того, что в то время сам биологический детерминизм как подход резко критиковался многими русскими экономистами. Они считали, что в связи с проникновением рыночных отношений в крестьянский быт говорить об

¹ См.: Thorner D., Kerblay B., Smith R. (eds.) *A.V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy*. P. 53–69.

² См., например: Сулковский М. *Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств*. С. 35, 39, 62, 83.

«идеальном типе» крестьянского домохозяйства, свободного от влияний рынка, совершенно неправомерно¹. Кроме того, уже тогда существовали методологические сомнения, которые сегодня стали еще более весомыми, в адекватности моделей равновесия вообще для анализа процесса социальных изменений. А применительно к изучению крестьянских обществ, испытывающих сильное давление чуждых (зародившихся в городе) экономических и политических факторов, эта неадекватность особенно заметна².

Существенную попытку преодолеть свойственные биологическому детерминизму принципиальные недостатки в плане анализа структурных изменений крестьянского общества и динамики воздействия на него со стороны рыночной экономики сделал Н. Макаров — один из видных представителей группы неонародников. Предложенный им способ анализа являлся отходом от строго биологического детерминизма в сторону многофакторного анализа развития общества крестьянского типа с учетом разнообразных исторических условий³. Макаров рассматривал историю крестьянских обществ как борьбу между биологическими и экономическими факторами («началами»), где факторы первого рода (биологические) постепенно вытесняются и заменяются факторами второго рода (экономическими). В первом томе своего фундаментального труда Макаров дает обзор исторического развития крестьянских общин в России, описывая их разные типы: от различного рода бродячих (нерусских) племен до типичного

¹ Обсуждение этих вопросов содержится в: Rex J. *Key Problems of Sociological Theory*. London, 1961. Chaps. 2, 3, 4 and 5.

² Подробнее см. в: Boeke G. *Economics and Economic Policy of Dual Societies as Exemplified by Indonesia*. New York, 1953; Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*.

³ Идеи Макарова, несомненно, оказали существенное влияние на произошедшее в 20-х годах изменение взглядов Чаянова, о котором говорилось выше.

крестьянского селения¹. Исходя из сравнительных исследований, он пытается сделать общие выводы касательно типичных стадий, через которые проходит эволюция социальной структуры крестьянства, и выявить основные детерминанты этой эволюции. К сожалению, этот замечательный труд остался незаконченным, а его второй том так и не был опубликован.

Вопрос о том, насколько адекватно теории биологического детерминизма описывают процесс мобильности крестьянских домохозяйств, исходя из циклов жизни крестьянской семьи, до сих пор остается открытым. Окончательно он может быть решен только на основе дальнейших исследований сравнительного плана. Но даже если принять положение о существенном влиянии чисто биологических факторов на этот процесс, остаточный компонент крестьянской мобильности никак не может быть объяснен только этими природными факторами. Например, в динамическом исследовании, проведенном ЦСУ в 1924–1925 годах (см. табл. 6.3), остаточный компонент мобильности затрагивал 34,3% всех крестьянских домохозяйств, переместившихся из одной социально-экономической группы в другую в течение одного года. Весьма сходные показатели мобильности были зафиксированы и в 1925–1926 годах². Ежегодные изменения в соотношении потребителей и работников (см. табл. 6.4) никак не могут объяснить такие мощные сдвиги. Нужно также принять во внимание то обстоятельство, что это был относительно мирный период российской истории³. Поэтому влияние

¹ См.: Макаров Н. *Крестьянское хозяйство и его эволюция*. М., 1920. Свои теоретические взгляды автор излагает в первой части первого тома.

² См. далее табл. 7.1.

³ Период может быть назван «мирным» и в плане отсутствия вмешательства государства, и в плане относительной стабильности урожаев. Засуха и связанный с ней плохой урожай летом 1924 года в Поволжье и в юго-восточных районах страны мог

каких-то внешних катаклизмов здесь тоже исключено. Таким образом, мы вполне можем сделать вывод о том, что даже если бы все теории и модели биологического детерминизма были полностью адекватны, они все равно не смогли бы дать исчерпывающего объяснения того остаточного компонента мобильности крестьянских домохозяйств, который был обнаружен в динамических исследованиях ЦСУ¹.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И МНОГОФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

Важная и политически наиболее влиятельная часть российских ученых рассматривала мобильность крестьянских домохозяйств как определяемую факторами рыночной экономики². Они считали, что стремление максимизировать прибыль заставляет крестьянское хозяйство работать в соответствии с законами капиталистического производства. При таком взгляде на вещи поляризация и центробежная мобильность оказываются результатом накопления экономических преимуществ (особенно накопления капитала) у наиболее зажиточных крестьян, а разорение наиболее бедных крестьянских домохозяйств оказывается явлением вполне ожидаемым и легко объяснимым³. Довольно низкие темпы поляризации, характерные для России, были связаны с низкими темпами накопления капитала в сельском хозяйстве. А это, в свою очередь, определялось высоким уровнем налогообложения крестьян и неблагоприят-

оказать некоторое влияние на данные 1924–1925 года, но не на данные 1925–1926 года.

¹ Это, конечно, вовсе не исключает вероятности того, что факторы, на которые указывал биологический детерминизм, играли весьма существенную роль на более ранних стадиях развития сельского хозяйства России.

² Особенно ортодоксальные экономисты марксистского и неоклассического толков (см. Введение и разделы 1 и 3 главы 3).

³ См. главу 4, разделы 2, 4.

ными для них условиями товарообмена между городом и деревней. Главные неэкономические события (революция 1917–1918 годов¹, войны в период между 1914 и 1921 годом, голод 1920–1921 годов) тоже внесли свой вклад в ухудшение материального положения крестьян и некоторое уменьшение расслоения внутри крестьянских общин². Однако факт постоянно фиксируемых динамическими исследованиями центростремительных тенденций явно противоречил основной объяснительной схеме экономического детерминизма. Нужно было дать какую-то логическую интерпретацию этим эмпирическим данным, а не просто игнорировать их как некий артефакт³.

В 1927 году М. Кубанин дал ортодоксально марксистскую интерпретацию процессов дробления крестьянских домохозяйств. Его концепция заслуживает рассмотрения как типичный пример дедуктивного и монистического мышления той эпохи⁴. Автор рассматривает отношение между главой семьи и ее младшими членами как отношение капиталистической эксплуатации, порождающее в семье классовый конфликт. С этой точки зрения всякое дробление крестьянского домохозяйства интерпретировалось как проявление подобного противоречия, особенно в сфере побочных заработков⁵. Дробление, таким образом, получало экономическое объяснение, но при этом квалифицировалось

¹ См. первые три раздела главы 8.

² См. главу 2, раздел 2.

³ В главе 4 (раздел 3) мы уже говорили о том, что Кондратьев рассматривал циклическую мобильность просто как своего рода аномалию, вызываемую эпизодическим вмешательством каких-то внешних факторов.

⁴ См.: Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. До этого в 1927–1928 годах им был опубликован целый ряд статей в журнале *На аграрном фронте*.

⁵ Здесь Кубанин фактически продолжает линию, начатую Гурвичем (см. третий раздел третьей главы).

как второстепенный по значимости процесс¹. Одновременно делался прогноз, что по мере накопления капитала традиционная форма разделения домохозяйства между его членами мужского пола на паритетных основаниях будет отмирать.

Теория Кубанина была активно поддержана сельскохозяйственной секцией Коммунистической академии². Но единственным эмпирическим доказательством, которое Кубанин приводил в пользу ее адекватности, была выявленная в ряде районов позитивная корреляция между показателями дробления хозяйств и заработков на стороне. Данный факт никак нельзя было считать достаточным основанием для принятия в качестве верной всей его теории, ибо существовало немало исследований, в которых такой связи не обнаруживалось. Сюда можно добавить и те исследования, в которых изучалось субъективное отношение главы домохозяйства к перспективам его дробления³. И вообще, трудно представить себе такую систему капиталистической эксплуатации, при которой капиталисты с готовностью пойдут на разделение своей собственности между пролетариями. Далее, попытки Кубанина подвести под свою теорию прочный эмпирический базис на самом деле только расшатывают ее. Он сам (вполне резонно) делает вывод о том, что существующие внутри семьи эксплуатация, классовый конфликт и стремление к максимизации прибыли должны препятствовать дроблению крестьянских домохозяйств. Однако имеющиеся статистические данные свидетельствуют, что в России данное явление было весьма распростра-

¹ См. введение Л. Крицмана к книге Кубанина (*Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. С. 2–41). См. также выступление Г. Гордеева, поддержавшего теорию Кубанина, в журнале: *Пути колхозного крестьянства*. 1926. № 8.

² См. введение Л. Крицмана к книге Кубанина (*Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. С. 2–41).

³ См. главу 2, раздел 1 и первые три раздела приложения Б.

нено. Более того, за исключением каких-то небольших периодов, темпы его роста тоже увеличивались с момента освобождения крепостных в 1861 году и до начала массовой коллективизации (1929 год)¹. Наконец, Кубанин даже не пытался объяснить так называемый остаточный компонент мобильности крестьянских домохозяйств. Это же самое касается и всех его идеологических союзников.

Итак, строгий экономический детерминизм не смог создать законченной теории крестьянской мобильности, способной удовлетворительно объяснить ее многомерный характер. Отсюда становится ясным, почему ряд исследователей, которые первоначально стояли на позициях экономического детерминизма того или иного рода (экономисты марксистского или неоклассического толка), со временем под влиянием тех фактов, которые накапливались в динамических исследованиях, постепенно отходили от него². Наиболее интересной из этих теорий, пожалуй, является концепция А. Хрящевой.

Хрящева предложила объяснительную модель циклической мобильности с учетом двойственного характера процесса эволюции крестьянских домохозяйств: с одной стороны, он вызывается чисто экономическими факторами, а с другой — «основными изменениями», в основе которых лежат неэкономические причины. Эти два вида эволюции взаимосвязаны и зависят друг от друга, но в то же время обладают противоположными характеристиками. Крестьянские хозяйства складывались годами, а деление часто знаменовало собой их гибель. Обычно этому предшествовало длительное экономическое падение. С другой стороны, деление старого домохозяйства означало возникновение нового и более от-

¹ См. главу 7, раздел 2.

² Например, П. Маслов, Л. Литошенко и др.

крытого новым экономическим влияниям¹. Таким образом, цикл возникал из столкновения двух одновременно действующих, но противоположных по направлению тенденций, порождаемых качественно различными причинами. Эти конфликтующие между собой тенденции не обязательно взаимно уравновешены. И это делает процесс дифференциации крестьянских общин возможным и даже обычным.

Будучи марксистом, Хрящева безоговорочно принимала как само собой разумеющееся положение о том, что решающим фактором развития сельского хозяйства является накопление капитала в этой области экономики. Но при этом она считала, что избытки накопленного в сельском хозяйстве перетекают в город в форме налогов и в форме миграции капитала и людей из деревни в город. В ходе этого процесса наиболее зажиточные крестьяне постепенно становятся городскими предпринимателями, а самые бедные разоряются и превращаются в наемных рабочих². Подобного рода развитие объясняет не только бедность, но и уравнительные тенденции, характерные для сельского общества.

Теоретические построения Хрящевой в целом базировались на достаточно прочном эмпирическом фундаменте — ее собственных исследованиях, которые проводились до революции в Тульской губернии, и тех переписях, которыми она руководила, начав работать в ЦСУ. Но ее преданность политическим целям советского правительства и желание получить выводы, полностью согласующиеся с ленинским учением, нередко удерживали ее от, казалось бы, вполне очевидных умозаключений, особенно когда обсуждение выходило на уровень политической социологии крестьянства. Хотя ее собственные статистические исследования прямо

¹ См.: Хрящева А. Условия эволюции крестьянского хозяйства. С. 60–61.

² См.: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 70.

и недвусмысленно указывали на существование остаточного компонента мобильности крестьянских домохозяйств, ей, однако, так и не удалось дать этому феномену достаточно удовлетворительное объяснение. Соответственно, только биологическая модель Чаянова и его единомышленников остается, пожалуй, единственной попыткой объяснить это явление, проявившее столь четко в динамических исследованиях. Но и ее никак нельзя признать вполне успешной. Прояснение этого вопроса должно стать предпосылкой дальнейшего прогресса в анализе причин мобильности крестьянских домохозяйств.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЛКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Прежде чем попытаться дать более удовлетворительную интерпретацию явлению социальной мобильности крестьянских домохозяйств, необходимо еще раз вернуться к анализу социальной структуры крестьянства и особенностей крестьянской экономики. До сих пор мы принимали широко распространенный взгляд на крестьянское домохозяйство как на единство семейного образования и производственного коллектива¹. Согласно ему, крестьянское домохозяйство функционирует и как семья, и как своего рода предприятие в условиях частично натурального производства. Можно выделить еще и третью важную для нашего анализа характеристику крестьянского хозяйства, которая состоит в том, что оно является *мелкой* производственной единицей с крайне ограниченными ресурсами. В силу этого оно в огромной степени зависит от *природы, рынка и государства*.

Превратности погоды (периоды жары и холода, дожди, которые могут быть кстати или некстати, бури, град и т. д.) приводят к тому, что один год для крестьян вы-

¹ См. главу 2, раздел 1.

дается хорошим, а другой — плохим. Причем это происходит практически непредсказуемо¹. Влияние природных факторов усугублялось принятой в России довольно жесткой системой севооборота. С ней же, по видимому, было связано и периодическое распространение болезней растений и животных. Приведем лишь один пример: урожаи ржи (основной компонент питания русских крестьян) за три десятилетия с 1891 по 1921 год колебались от 73 пудов с десятины в 1916 году до 43, 46 и 32 пудов соответственно в голодные 1891, 1907 и 1921 годы². Неурожаи были далеко не редким явлением. Статистика показывает, что пять из указанных тридцати лет были прямо катастрофическими, еще пять дали урожай менее 50 пудов с десятины, а пять — прекрасные урожаи ржи (65 пудов с десятины или даже более того). По отдельным регионам колебания были еще более выраженными. Кроме неблагоприятных погодных условий, к природным катастрофам относились также наводнения и пожары. Сегодня городской житель склонен рассматривать подобные явления как чрезвычайно редкие. А вот газета «Правда» в 1929 году сообщала, что во всей России едва ли найдется такой крестьянский дом, который не горел хотя бы однажды³.

Условия товарного обмена между городом и селом, отражавшиеся в относительных ценах на сельскохозяйственные и промышленные товары, очень сильно влияли на состояние сельской экономики. Практиче-

¹ Обсуждаемые здесь вопросы и многие другие, связанные с ними, рассматриваются, например, в: Чупров А., Посников А. (ред.) *Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: статьи Н.Ф. Анненского, В.Н. Григорьева, проф. Н.А. Каблукова [и др.]*. СПб., 1897; Чупров А. *Крестьянский вопрос*. М., 1909.

² См.: Клепиков С. *Сельское хозяйство России в цифрах*. М., 1923. Табл. XII. Один пуд равняется примерно 16,3 кг.

³ См.: *Правда*. 1929. 18 мая. Цит. по: Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. Evanston, 1968. P. 28. Каждый год горело примерно 400 тысяч крестьянских домов (см.: Ibid).

ски каждое крестьянское хозяйство было вовлечено в некоего рода операции обмена: ему приходилось продавать часть своих продуктов хотя бы для того, чтобы заплатить налоги и приобрести какие-то промышленные товары, включая оборудование. Кроме того, наемный крестьянский труд вышел на рынок. Разумеется, рыночное участие крестьян было значительно более сложным и варьировалось в разные периоды. Например, в 1917–1919 годах оно уменьшилось, а затем снова стало расти. Жаркие споры о том, в какой мере крестьянские хозяйства являются участниками денежной экономики, шли всегда и не утихли до сих пор. Но сам факт участия их в этом процессе отрицать невозможно. Например, ежегодное бюджетное исследование 1924–1925 годов, охватившее вполне репрезентативную выборку основных сельскохозяйственных регионов (Центральное Нечерноземье, Центральный Черноземный район, Северный Кавказ), показало, что крестьяне там тратили соответственно 19, 25 и 26% своего чистого дохода на покупки за деньги¹. При этом нужно заметить, что цены на рынке на товары, значимые для крестьян, сильно варьировались и, конечно же, определялись не ими. Изменения, которые происходили в соотношении рыночных цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, ярко проявились в кризисе 1923 года, названном «ножницы цен», когда курс обмена сельскохозяйственных товаров на промышленные достиг уровня 1:3 (если уровень 1913 года принять за 1:1)².

Политика российского и советского государства тоже сильно влияла на сельское хозяйство. Экономическое вмешательство здесь не ограничивалось сбором налогов и выдачей кредитов. Государство стремилось установить полный контроль над рынком путем вве-

¹ См.: *Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 годы*. С. 200–201. Обсуждение региональных различий см. в главе 7.

² Dobb M. *Soviet Economic Development since, 1917*. P. 162–169; см. также: Клепиков С. *Сельское хозяйство России в цифрах*. Табл. XXXI.

дения твердых цен (например, существовавшая после 1915 года «зерновая монополия»), объявление запрета на изготовление самодельной водки (самогона), конфискации продуктовых излишков (в годы так называемого военного коммунизма 1918–1921 годов), введение всеобщего планирования производства мелких сельскохозяйственных собственников (в 1920 году). Сюда можно добавить законы о земельной реформе 1917–1919 годов, а также сначала полный запрет, а позднее ограничение на сдачу земли в аренду и на использование наемного труда (1917–1928 годы)¹. Что касается реальной возможности государства навязывать крестьянам свою волю, то в разные периоды времени ситуация складывалась по-разному. Но сам факт подобного влияния никак нельзя отрицать².

Мы еще не до конца понимаем влияние всех этих факторов на развитие крестьянской экономики. Здесь конечно же требуются дальнейшие исследования. Но уже на данном этапе можно сделать определенные выводы относительно некоторых общих особенностей ситуации, которая порождалась воздействием этих внешних факторов на жизнь российских крестьянских домохозяйств.

Для российской сельской экономики чрезвычайно характерными были ограниченные ресурсы (земельные, трудовые и технологические), а также крайне ограниченные наличные денежные средства и возможности получения кредитов. В разные периоды времени сила воздействия внешних факторов на крестьянскую экономику варьировалась в довольно значительных пределах. Но общий эффект в целом можно характеризовать следующим образом. Во-первых, уже сама по себе мощь этих внешних факторов была несравнима с ресурсами крестьянских хозяйств. Во-вторых, крестьяне воспри-

¹ См. первые три раздела главы 8.

² Обсуждение влияния контроля государства в советский период см. в третьей части книги.

нимали эти силы как почти полностью непредсказуемые и неконтролируемые. В-третьих, природа внешних факторов была такой, что их воздействие сильно колебалось: урожайные и неурожайные годы чередовались в случайном порядке, цены на рынке скакали, а политика и действия государства и его представителей на местах отличались крайним непостоянством.

Чрезвычайно нестабильная экономическая среда, задаваемая совокупным влиянием этих внешних факторов, имела двоякие последствия: 1) общие сдвиги, или изменения имущественного положения крестьянства в целом; 2) изменения, касающиеся сравнительного материального положения отдельного крестьянского домохозяйства. Общие экономические эффекты внешних факторов на состояние российского крестьянства мы уже обсудили выше. Понятно, что эти коллективные флюктуации накладывались на значительные индивидуальные колебания в плане относительного социально-экономического положения каждой отдельной семьи. Каждое крестьянское хозяйство функционировало в конкретных условиях истории семьи и ее наличной структуры. В условиях, когда внешние экономические факторы были для всех примерно одинаковы, какие-то случайные обстоятельства могли роковым образом отразиться на судьбе всей семьи. Успешный контракт, удачное слияние, работающий сын — этого часто бывало достаточно для того, чтобы социально-экономическое положение домохозяйства радикальным образом улучшилось. А болезнь или смерть трудоспособного мужчины, пожар, утрата лошади, необходимость собрать приданое для дочери, конфликт в семье, приводящий к разделу хозяйства, — все это могло быть равносильно крушению любых надежд на улучшение материального положения. Сами крестьяне прекрасно понимали, что их жизнь зависит от множества внешних факторов. Один из них так описывает свою ситуацию: «Сегодня я середняк, а завтра — бедняк. Если лошадь помрет, мне

придется идти в батраки»¹. Кризисы и неожиданные удачи были неотъемлемой частью жизни крестьян. Это обстоятельство делает более понятным тот факт, что среди крестьянства мы наблюдаем столь высокую социально-экономическую мобильность.

С учетом вышесказанного можно сделать ряд выводов общего плана. При тех условиях, в которых существовала крестьянская экономика, значительные *случайные колебания* материального положения крестьянских домохозяйств были неизбежными. В массе своей они должны были создавать эффект многомерной мобильности. Но сами по себе эти случайные движения не могут породить какой-то однонаправленной тенденции: многие разнонаправленные движения должны в сумме уравновешивать и гасить друг друга. Не может в этом случае возникнуть и циклическая мобильность: для ее возникновения требуется наличие отчетливо выраженных центробежных и центростремительных тенденций, которые сменяют друг друга во времени. Эти «случайные колебания» крестьянских домохозяйств, являющиеся следствием тех объективных условий (наличие мощных и весьма нестабильных внешних сил, влияющих на их материальное благополучие), в которых существуют мелкие крестьянские хозяйства, следует считать еще одним типом крестьянской мобильности наряду с поляризацией имущественного статуса, эффектами «органических изменений», внутриобщинным перераспределением земли, а также возможными последствиями влияния биологического цикла жизни крестьянской семьи.

Все эти выдвигаемые объяснения «остаточного компонента» мобильности крестьянских домохозяйств (или же ее значительной части) останутся всего лишь гипотезами до тех пор, пока новые эмпирические исследования смогут дать нам возможность принять их или от-

¹ Цит. по: Крицман Л. *Классовое расслоение в советской деревне: по данным волостных исследований*. М., 1926. С. 164.

вергнуть. Существующих российских данных для этого явно недостаточно. Требуется проведение сравнительных исследований в условиях «развивающегося общества» где-то в другой части света. Сейчас мы можем лишь говорить о том, что предлагаемое нами объяснение существования остаточного компонента мобильности крестьянских домохозяйств через указание на наличие случайных колебаний (возможно вкупе с факторами жизненного цикла семьи) представляется наиболее вероятным. Но какие бы объяснения данного явления ни предлагались, само его *существование* никак нельзя игнорировать при построении общей объяснительной модели для того типа мобильности, который был обнаружен в российских динамических исследованиях.

5. МОБИЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: МНОГОФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ

Питирим Сорокин некогда писал, что «в своем стремлении открыть законы исторического развития и прогресса современные исследователи уделяют явно недостаточное внимание явлениям повторяемости, колебаний и цикличности процессов общественной жизни, явлениям, которые очень занимали социальных мыслителей прошлого»¹. Это замечание несомненно справедливо, если речь идет о последних двух столетиях. Социологи действительно интересовались главным образом структурными изменениями, то есть теми, которые создают качественно новые социальные структуры и организации. А когда изучались изменения, то внимание было сосредоточено на линейных изменениях, таких, которые приводили к количественным различиям между положениями в начале и в конце всего процесса, где степень произошедших изменений коррелировала с длительностью процесса. Подобные изменения несомненно заслуживают внимания исследовате-

¹ Sorokin P. *Social Mobility*. New York-London, 1927. С. 32.

лей: их легко изучать и к тому же они обещают помочь делать предсказания путем простой экстраполяции, хотя эти предсказания грубы и не слишком информативны. А в том случае, когда линейные изменения сочетаются с нелинейными или циклическими, внимание обычно направлялось исключительно на линейный аспект. Если говорить о нашем случае, то здесь исследователи социально-экономической мобильности в основном учитывали чисто линейные изменения, фиксируя разницу между исходными и конечными фазами процесса, например поляризации.

Но мы знаем, что моменты повторяемости, колебаний и цикличности процессов общественной жизни тоже весьма важны с точки зрения анализа ее глубинной сущности. Достаточно вспомнить идею Элиаде о том, что именно синтез линейного или циклического понимания времени отличает мировоззрение современного человека от мышления первобытного человека, для которого время было простым повторением¹. Сейчас мы понимаем, что нелинейные процессы не только весьма распространены, но и лежат в основе некоторых фундаментальных форм структурной устойчивости. Сошлемся, к примеру, на те интересные случаи приостановленных искусственно линейных и структурных изменений, которые собрал Виттфогель. Они, как нам кажется, вполне могут быть использованы для анализа природы специфических особенностей и циклических изменений в крестьянских общинах². Однако привычные способы мышления и формулирования вопросов (стандартные «парадигмы» по терминологии

¹ См.: Элиаде М. *Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость*. СПб., 1998.

² Wittfogel K. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven-London, 1957. Стабилизирующий эффект циклической мобильности крестьянских общин см. в четвертом разделе седьмой главы.

Куна¹) неизбежно вытесняют неструктурные и нелинейные вопросы на периферию внимания ученых.

Итак, тремя главными причинами, препятствовавшими более адекватному объяснению социально-экономической мобильности русского крестьянства, были: 1) структурно-линейная парадигма, господствующая в современной социологии; 2) господство монистических объяснительных моделей и 3) методологическая тенденция рассматривать крестьянство целиком или же крестьянские общины. О первой из них уже говорилось выше. Что касается монистического способа анализа, то при таком подходе объяснение строится на выявлении какого-то одного фактора, который рассматривается как основной движитель всего процесса. Монизм как методологический принцип был полезным познавательным инструментом при анализе достаточно простых систем. Но когда мы переходим к изучению более сложных явлений, возникает необходимость использовать более сложные методы их анализа. Наконец, в смещении фокуса исследовательского интереса от крестьянства в целом к скрупулезному анализу жизни и деятельности конкретного крестьянского домохозяйства внутри сельской общины состояло, как нам представляется, самое важное методологическое достижение российских сельских исследований. Они образуют ту обширную и уникальную эмпирическую базу, на которую опирается наше исследование.

Мы считаем, что адекватный методологический подход в данном случае состоит в анализе многомерных и циклических процессов, а также их влияния на крестьянское общество. При этом в центре внимания оказывается отдельное крестьянское хозяйство и его вклад в более глобальные процессы. При таком подходе крестьянская мобильность рассматривается как

¹ Кун Т. *Структура научных революций*. М., 1975.

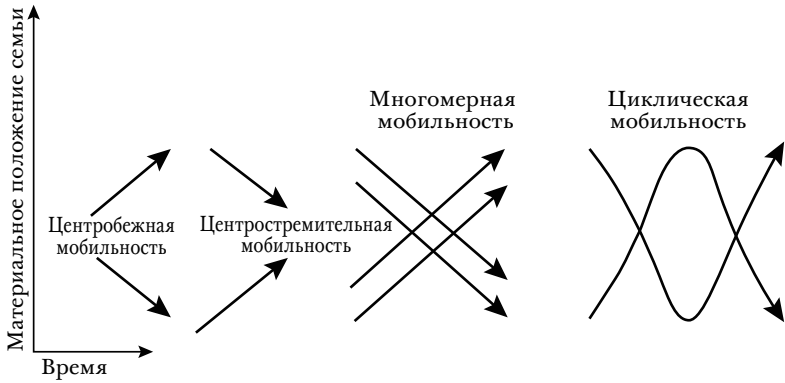
интегральный результат взаимодействия целого ряда относительно независимых факторов, каждый из которых обладает своей собственной силой и динамикой. Соответственно, весь процесс включает несколько качественно различных компонентов. И тогда оказывается, что только многофакторная модель способна адекватно отразить всю сложность данного явления, особенно в том случае, когда крестьянское общество попадает в ситуацию интенсивного развития рыночных отношений¹. Разумеется, что ради достижения реалистичности результатов тут приходится платить потерей элегантности, характерной для более простых монистических моделей.

Создание адекватной модели крестьянской мобильности предполагает дальнейшее уточнение состава всех входящих в нее базовых компонентов и определение их относительных «весов». При этом очень важно, чтобы вес отдельных факторов был оценен в контексте специфических исторических и местных условий. Следовательно, здесь требуются дальнейшие эмпирические исследования сравнительного плана. Но нам кажется, что мы уже сейчас можем дать некий прототип такой модели, где будут перечислены основные факторы, вызывающие крестьянскую мобильность, и прослежено их взаимодействие. Подобная модель влияния мобильности крестьянских домохозяйств на процессы дифференциации прояснит сами эти процессы и причины, их обуславливающие, а также явится той общей схемой, которая в определенном смысле подытожит все, о чем говорилось ранее. Она также является необходимым предварительным условием для дальнейших исследований.

Рис. 5 завершает наше схематическое представление процессов крестьянской мобильности, будучи своеобразным синтезом всего того, о чем шла речь до сих

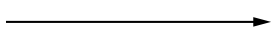
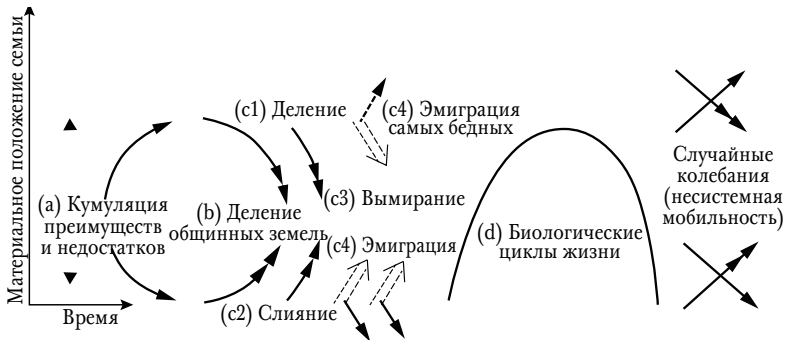
¹ По нашему мнению, именно использование многомерной модели сделало работы Хрящевой, Макарова и других российских исследователей циклической мобильности столь продуктивными.

А. Типы мобильности (повторение рис. 2)

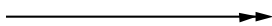

Данный рисунок является развитием типологии социально-экономической мобильности в отношении к процессам дифференциации крестьянских сообществ и воспроизводит часть рис. 2. Богатство крестьянского домохозяйства здесь понимается в первую очередь как обладание средствами производства (земля, скот, оборудование, сбережения, резервы). В целом оно коррелирует и с трудовыми ресурсами семьи.

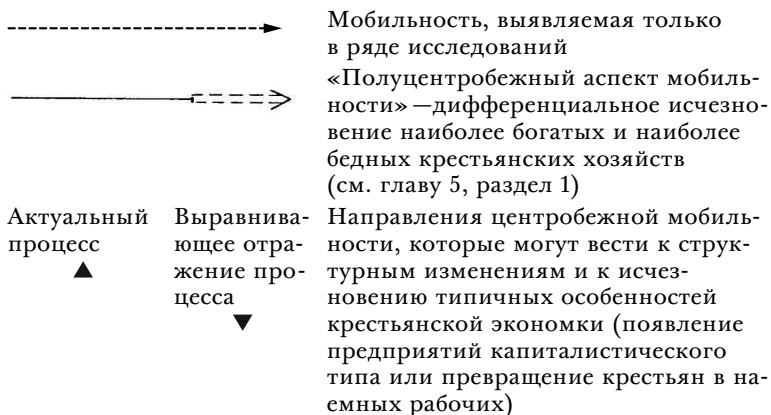
Б. Основные тенденции мобильности крестьянских домохозяйств

Обычная мобильность крестьянских домохозяйств

Мобильность, чья значимость преувеличивается в динамических исследованиях (см. главу 6)

Направления центробежной мобильности, которые могут вести к структурным изменениям и к исчезновению типичных особенностей крестьянской экономики (появление предприятий капиталистического типа или превращение крестьян в наемных рабочих)

В. Детерминанты мобильности крестьянских домохозяйств, лежащей в основе процесса дифференциации

I. Центробежные тенденции	II. Центростремительные тенденции
(а) Кумуляция экономических преимуществ и недостатков	(b) Перераспределение общинных земель
	(с) Органические изменения
	1. Деление
	2. Слияние
	3. Вымирание
	4. Эмиграция
(d) Биологический цикл жизни (?)	(d) Биологический цикл жизни (?)
(е) Случайные колебания (несистематическая мобильность)	(е) Случайные колебания (несистематическая мобильность)

Рис. 5. Многомерная и циклическая мобильность: детерминанты центробежной и центростремительной мобильности крестьянских домохозяйств (предварительная модель)

пор. Рис. 1 давал понятие об основных типах общей мобильности внутри крестьянской общины и крестьянского общества в целом — интегральный сдвиг или процессы дифференциации. Рис. 2 демонстрировал основные типы мобильности крестьянских домохозяйств. Рис. 3 описывал отношения между мобильностью крестьянского общества и мобильностью отдельных крестьянских хозяйств, выражая первую через сумму вторых. А рис. 5 рассчитан на то, чтобы показать основные компоненты, структуру и причины мобильности крестьянских домохозяйств, определяющей процессы дифференциации внутри российского крестьянства. Для того чтобы облегчить читателю понимание материала, мы повторили основные моменты рис. 2 (главные типы мобильности крестьянских домохозяйств) в первой части рис. 5. А две его следующие части анализируют аспект причинности.

Вторая часть рис. 5 рассматривает специфическое влияние каждого из аналитически выявленных основных типов факторов мобильности крестьянских домохозяйств и связывает доминирующее направление мобильности с разными социально-экономическими слоями. Характер каждого из основных компонентов мобильности крестьянских домохозяйств (элементы предлагаемой модели) уже обсуждался выше. Поэтому здесь мы не станем повторяться. Стрелки на схеме указывают на ожидаемое направление каждого типа социально-экономического движения крестьянских домохозяйств и на полуцентробежный выравнивающий эффект различных для разных слоев темпов эмиграции и вымирания. Тенденция к накоплению экономических преимуществ и недостатков приводит к поляризации, которая частично компенсируется перераспределением земли внутри общины. Что касается «органических изменений», которые, как было показано, прямо коррелируют с экономическим положением домохозяйств, то в целом они также действу-

ют в направлении имущественного выравнивания. Здесь выделяются, с одной стороны, центробежные эффекты делений и слияний хозяйств, а с другой — факт преимущественного исчезновения бедных домохозяйств как следствие вымирания и эмиграции, который можно назвать полумцентробежным эффектом. Достаточно высокий показатель эмиграции, который наблюдается в более зажиточных слоях, также действует в этом направлении. Довольно мощная остаточная центробежная мобильность, которая обнаруживается в динамических исследованиях и не может быть объяснена только имеющим место переделом земли и «органическими изменениями», указывает на существование каких-то дополнительных компонентов мобильности. Мы объясняем это эффектами случайных разнонаправленных колебаний и, возможно, влиянием факторов биологического цикла. В динамических исследованиях центростремительная тенденция оказывается несколько преувеличенной в связи с тем, что исключение «органических изменений» из рассмотрения создает некоторые статистические искажения данных. На схеме мы это обозначаем двойной стрелкой. Поскольку в крестьянском сообществе одновременно действуют столь разные по своей природе факторы, неудивительно, что динамические исследования дают такую пеструю картину мобильности крестьянских домохозяйств. Можно также предполагать, что сам этот процесс порождает сильные циклические тенденции: отдельные крестьянские домохозяйства попеременно оказываются захваченными то восходящими, то нисходящими фазами социально-экономического движения.

Процессы дифференциации в крестьянском обществе представляют собой общую сумму центробежных и центростремительных тенденций. Третья часть рис. 5 представляет все пять основных компонентов многомерной мобильности крестьянских домохозяйств и по-

казывает, как они связаны с уже рассмотренными центробежными и центростремительными тенденциями. Экстраполяция итоговых процессов объясняет сущность многомерной и циклической мобильности, которая представлена в первой части (А) рис. 5.

Указанная диаграмма помогает понять еще один момент: циклическая мобильность, которой подвержены многие крестьянские домохозяйства, вовсе не предполагает действия каких-то таинственных механизмов уравнивания или обязательного усреднения материального положения крестьянских домохозяйств во временной перспективе. Если принять исходную гипотезу об относительной взаимной независимости действующих тут факторов, то вполне возможна и такая ситуация, когда какое-то число крестьянских домохозяйств быстро обогащается и превращается в сельскохозяйственных производителей капиталистического толка, и такая, при которой они превращаются в наемных рабочих. (На схеме эти процессы обозначены значками ▲▼.) Такого рода процессы в случае их широкой распространенности могут привести в конце концов к разрушению специфической для крестьянства социальной структуры¹.

Собственно говоря, для дальнейшего анализа крестьянской мобильности нужны новые динамические исследования, которые пойдут гораздо дальше, чем те, которые проводились ранее. Необходимо выделить главные компоненты мобильности крестьянских до-

¹ Нужно отметить, что в период нэпа некоторые российские ученые пытались эмпирически обнаружить следы подобного процесса, но в целом получили отрицательные результаты. Это, видимо, было связано с низким уровнем накопления капитала. Единственным исключением было обнаружение низкого уровня разделения среди богатых домохозяйств на Урале. Но этот вывод был получен на сравнительно небольшой выборке (571 домохозяйство) (см.: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 99–105 и Немчинов В. *Избранные произведения*. С. 46–62).

мохозяйств, подвергнуть их более глубокому анализу и связать с конкретными местными и временными условиями.

Но некоторые достаточно надежные количественные выводы можно, по-видимому, сделать уже сейчас. Например, констатировать, что многомерная мобильность значительно превосходит совокупную мобильность (примерно в пять раз в тех исследованиях, на которые мы ссылались выше). Но самый, пожалуй, главный факт состоит в том, что наличие многомерной и возможно циклической мобильности среди российских крестьян в интересующий нас исторический период можно считать доказанным, как бы мы это затем ни интерпретировали.

Смысл выделения разных типов мобильности и анализа тех причин, которыми они обусловлены, состоит в том, что это открывает путь к пониманию фундаментальных проблем истории сельского хозяйства в России и вообще к устройству крестьянского общества. В последующих главах сначала мы попытаемся понять, насколько та модель, которая была нами создана с использованием данных, полученных главным образом в районах Центральной России, приложима к другим регионам страны. Далее мы проследим изменение форм социально-экономической мобильности российского крестьянства с течением времени. После этого мы критически рассмотрим используемые нами рабочие понятия на предмет их возможного совершенствования. И в самом конце мы попробуем дать общую оценку той значимости, которую собранные нами факты и предложенные интерпретации имеют для политической социологии российского крестьянского общества.

Многомерная и циклическая
мобильность:
валидность и адекватность

1. Валидность: РЕГИОНАЛЬНЫЕ
РАЗЛИЧИЯ

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ социальные и экономические различия между разными сельскими регионами России связаны с различиями не только географии, но и истории. В частности, регионы сильно различались по размерам крестьянских земельных наделов. Так, по переписи 1905 года разброс тут составлял от шести десятин в перенаселенной черноземной полосе европейской части России до 22 десятин в Самарской губернии¹. На 1920 год посевные площади варьировались от 8,2 десятины в Поволжье, заселенном немцами, до 0,7 в Архангельской губернии. А в среднем по СССР этот показатель равнялся 3,2 десятины². Значительный разброс отмечался в региональных и местных средних показателях дохода, урожайности, поголовья скота, пашни, сельскохозяйственного инвен-

¹ См.: Огановский Н., Кондратьев Н. (ред.-сост.) *Сельское хозяйство в России в XX веке*. С. 69, 73.

² См.: *Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923*. С. 107–113.

таря, доли крестьянского труда, направляемого на различные промыслы, и т. д. Значительно различался от региона к региону также и показатель социально-экономической дифференциации крестьянских домохозяйств¹. Даже физическое расположение крестьянских земель оказывалось значимым фактором экономического развития региона².

Европейская часть России с севера на юг делится на три основные географические зоны: 1) так называемая подзолистая зона с бедной почвой, холодным климатом, малым количеством земель, пригодных для обработки, довольно высоким уровнем развития народных ремесел, с обычаем крестьян уходить в город на заработки (промыслы); 2) так называемое Центральное Черноземье с хорошей землей, относительно мягким климатом, очень высокой плотностью сельского населения и ограниченными возможностями получения местного приработка; 3) Юго-Восточные районы с большим количеством хорошей земли, в высшей степени неустойчивыми погодными условиями, относительно низкой плотностью населения, с высокими урожаями зерновых. Стоит отметить, что в первые годы советской власти первый из этих регионов назывался потребительской полосой, а второй (иногда вместе с третьим) обозначался как производящая полоса.

¹ Дифференциация крестьянских домохозяйств по показателю посевных земель в разных регионах СССР дана в табл. 3.7 в главе 3. Больше примеров можно найти в: Вольф М., Мебус Г. *Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств*. Год издания третий. Табл. 50–1. Показатели материального благосостояния тоже варьировались от региона к региону. Например, А. Хрящева в книге *Группы и классы в крестьянстве*. С. 83 определяет как середняков крестьянские дворы, засевающие 6–10 десятин земли на юго-востоке страны и всего лишь 2–4 десятины на северо-западе.

² Удаленность крестьянского дома от его участка земли росла по мере движения с севера на юг, а число земельных полос увеличивалось при движении с юга на север (см.: *О земле: сборник статей*. М., 1921. С. 51–56).

Имеются довольно тесные соответствия между первой из указанных зон и Белоруссией, между второй из них и лесостепной частью Украины, между третьей зоной и степной частью Украины. Исторически можно также выделить Северо-Запад, находившийся под сильным польским и немецким культурным влиянием и имевший традиционные связи с Европой; Север (к которому можно присоединить и Сибирь), где никогда не существовало крепостного права в том смысле, как его обычно понимают, и, наконец, районы казацких поселений. Используя эти критерии, мы получаем очень упрощенную регионализацию дореволюционной и ранней послереволюционной России (ее сельских районов), которая вполне пригодна для наших целей¹.

Дореволюционные исследования не позволяют проводить достаточно надежных сравнений крестьянской мобильности по регионам из-за того, что подходы и методики не были унифицированы. Послереволюционные переписи ЦСУ во многих случаях не показывали разбивки по регионам. Дополнительным фактором, существенно затрудняющим задачу сравнения, были всякого рода чрезвычайные обстоятельства типа гражданской войны или голода, которые разные регионы затрагивали в различной степени. Но в динамическом исследовании 1924–1925 годов эти методологические трудности, похоже, в первый раз были преодолены. Это исследование ЦСУ проводилось на большой репрезентативной выборке с использованием стандартизованных методов статистической обработки результатов. Год выдался вполне обычным в плане погодных условий, рыночных цен, используемых сельскохозяйственных технологий и проводимой государством политики. Всего указанным исследованием было охвачено семь регионов. Данные по

¹ Более полное обсуждение вопросов регионального деления России см., например: Челинцев А. *Русское сельское хозяйство перед революцией*. В отношении послереволюционного периода см.: Клепиков С. *Сельское хозяйство России в цифрах*.

четырем из них приведены в табл. 7.1¹. Первые два региона (Нечерноземье и Белоруссия) относятся к той зоне, где производство зерна в широких масштабах не практиковалось. Правда, Белоруссия характеризовалась гораздо меньшими возможностями занятия дополнительными промыслами и отсутствием практики передела общинных земель. Южные районы России и Северный Кавказ обладали хорошей землей и теплым климатом, но Северный Кавказ отличался более низкой плотностью населения и наличием значительных избытков зерна.

Показатели «органических изменений» уменьшались по мере движения с юга на север: они были максимальными на Северном Кавказе и минимальными в Белоруссии. Аналогичную тенденцию демонстрировали показатели дробления и исчезновения крестьянских домохозяйств. Стратификация «органических изменений» во всех четырех регионах имела примерно одинаковый характер. Показатель дроблений положительно коррелировал с богатством крестьянских дворов, а показатель эмиграции демонстрировал обратную корреляцию. Наконец, за очень небольшим исключением, в подавляющем большинстве случаев частота ликвидаций и слияний имела негативную связь с имущественным положением крестьянских домохозяйств. Однако для самого верхнего слоя это отношение было обратным.

Динамические исследования указывали на существование во всех четырех регионах значительной остаточной центростремительной мобильности после исключения эффекта «органических изменений». На юге эти показатели были выше, чем на севере, однако Белоруссия по данному показателю превзошла Нечерноземный район РСФСР.

В целом же сравнение различных регионов в динамическом исследовании 1924–1925 годов поражает ско-

¹ Данные по другим регионам (Сибирь и Украина) см: *Статистический справочник 1927 года*. С. 70–73; Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 14 (Поволжье).

Таблица 7.1

Ежегодное динамическое исследование за 1924–1925 годы

А. Нечерноземная полоса РСФСР

Страта и площадь посевных земель на хозяйство (дес.)	Число хозяйств в данной группе	Хозяйства, испытавшие «существенные изменения» в 1924–1925 гг. (%)					Хозяйства, не испытавшие «существенных изменений» в 1924–1925 гг. (%)										% хозяйств, изменивших страту	Всего хозяйств
		всего (α+β+γ)	разделены (α)	слились (β)	вымерли или эмигрировали (γ)	всего (А – Н)	0–0,1 (А)	0,1–2,0 (В)	2,1–4,0 (С)	4,1–6,0 (D)	6,1–10,0 (Е)	10,1–16,0 (F)	16,1–25,0 (G)	более 25 (Н)				
А 0–0,1	7,147	15,1	0,2	1,3	13,6	84,9	64,7	19,1	1,0	0,1	–	–	–	–	20,2	100		
В 0,1–2,0	106,897	5,1	1,5	0,7	2,9	94,9	1,1	79,1	13,9	0,2	–	–	–	–	15,2	100		
С 2,1–4,0	58,951	4,9	3,4	0,3	1,2	95,1	0,1	9,1	74,8	10,5	0,6	–	–	–	20,3	100		
Д 4,1–6,0	12,625	6,6	5,6	0,3	0,7	93,4	0,1	0,5	16,9	62,5	13,2	0,2	–	–	30,9	100		
Е 6,1–10,0	3,090	8,8	8,7	0,3	0,8	90,2	–	0,1	1,8	18,0	65,3	4,9	0,1	–	24,9	100		
F 10,1–16,0	194	6,7	6,7	–	–	93,3	–	–	0,5	2,1	29,4	51,2	4,1	–	36,1	100		
G 16,1–25,0	8	25,0	25,0	–	–	75,0	–	–	–	–	12,5	–	62,5	–	12,5	100		
Не более 25	2	–	–	–	–	100,0	–	–	–	–	–	–	50,0	50,0	50,0	100		
Все страты	188,914	5,6	2,5	0,5	2,6	94,4	3,1	48,7	32,4	7,9	2,2	0,1	0,0	0,0	18,2	100		

Б. Белоруссия

Страта и площадь посевных земель на хозяйство (дес.)	Хозяйства, испытавшие «существенные изменения» в 1924–1925 гг. (%)					Хозяйства, не испытавшие «существенных изменений» в 1924–1925 гг. (%)										% хозяйств, изменивших стратегию	Всего хозяйств
	Число хозяйств в данной группе																
	Всего (α+β+γ)	Разделены (α)	Слились (β)	Вымерли или эмигрировали (γ)	Всего (А – Н)	0–0,1 (А)	0,1–2,0 (В)	2,1–4,0 (С)	4,1–6,0 (D)	6,1–10,0 (E)	10,1–16,0 (F)	16,1–25,0 (G)	Более 25 (H)				
А 0–0,1	205	9,8	–	0,5	9,3	90,2	51,7	30,2	5,4	2,4	0,5	–	–	–	38,5	100	
В0,1–2,0	3,317	2,6	0,4	0,8	1,4	97,4	0,1	68,5	28,0	0,8	0,0	–	–	–	28,9	100	
С2,1–4,0	4,653	2,1	1,1	0,3	0,7	97,9	0,1	6,8	77,5	12,9	0,6	–	–	–	20,4	100	
Д4,1–6,0	1,424	3,9	2,7	0,8	0,4	96,1	–	0,4	12,8	69,3	13,6	–	–	–	26,8	100	
Е6,1–10,0	493	6,5	5,5	0,4	0,6	93,5	–	–	1,6	14,6	70,8	6,5	–	–	22,7	100	
F 10,1–16,0	80	7,6	5,0	1,3	1,3	92,4	–	–	–	7,5	25,0	56,2	3,7	–	36,2	100	
G 16,1–25,0	12	16,7	16,7	–	–	83,3	–	–	–	–	–	8,3	75,0	–	8,3	100	
Не более 25	6	16,7	16,7	–	–	83,3	–	–	–	–	–	16,7	33,3	33,0	50,0	100	
Все страты		2,9	1,3	0,5	1,1	97,1	1,1	26,1	46,5	16,7	5,8	0,8	0,1	0,0	24,7	100	

В. Черноземная полоса РСФСР

Страта и площадь посевных земель на хозяйство (дес.)	Число хозяйств в данной группе	Хозяйства, испытавшие «существенные изменения» в 1924–1925 гг. (%)					Хозяйства, не испытавшие «существенных изменений» в 1924–1925 гг. (%)									
		всего ($\alpha+\beta+\gamma$)	разделены (α)	слились (β)	вымерли или эмигрировали (γ)	всего (A – H)	0–0,1 (A)	0,1–2,0 (B)	2,1–4,0 (C)	4,1–6,0 (D)	6,1–10,0 (E)	10,1–16,0 (F)	16,1–25,0 (G)	более 25 (H)	% хозяйств, изменивших страту	Всего хозяйств
A 0–0,1	6,324	19,5	0,4	2,1	17,0	80,5	46,4	25,8	5,6	1,8	0,7	0,2	–	–	34,1	100
B 0,1–2,0	61,386	7,1	1,0	1,5	4,6	92,9	2,0	66,8	22,0	1,8	0,3	0,0	–	–	26,1	100
C 2,1–4,0	80,855	5,0	2,0	0,8	2,2	95,0	0,2	9,3	64,7	18,2	2,3	0,2	0,1	–	30,3	100
D 4,1–6,0	49,914	5,7	3,6	0,5	1,6	94,3	0,1	0,9	17,0	57,1	18,6	0,6	0,0	–	37,2	100
E 6,1–10,0	29,815	8,3	6,6	0,5	1,2	91,7	–	0,3	3,0	17,7	61,7	8,7	0,3	–	30,0	100
F 10,1–16,0	5,996	12,6	10,8	0,9	0,9	87,4	–	0,2	1,0	4,3	26,3	47,8	7,6	0,2	39,6	100
G 16,1–25,0	1,076	14,4	12,2	0,9	1,3	85,6	–	0,2	0,4	0,9	5,2	27,4	43,4	7,1	42,2	100
Hе более 25	243	14,8	12,0	2,0	0,8	85,2	–	–	0,4	0,4	1,2	7,8	23,1	52,3	32,9	100
Все страты	235,609	6,8	2,9	1,0	2,9	93,2	1,9	21,5	32,0	21,2	13,3	2,7	0,5	0,1	31,1	100

Г. Северный Кавказ

219

Страта и площадь посевных земель на хозяйство (дес.)	Число хозяйств в данной группе	Хозяйства, испытав- шие «существенные изменения» в 1924– 1925 (%)						Хозяйства, не испытавшие «существенных изменений» в 1924–1925 гг. (%)									% хозяйств, изменивших страту	Всего хозяйств
		всего (α+β+γ)	разделены (α)	слились (β)	вымерли или эмигрировали (γ)	всего (A – H)	0–0,1 (A)	0,1–2,0 (B)	2,1–4,0 (C)	4,1–6,0 (D)	6,1–10,0 (E)	10,1–16,0 (F)	16,1–25,0 (G)	более 25 (H)				
A 0–0,1	6,776	19,0	0,9	1,7	16,4	81,0	50,2	20,5	6,8	2,3	0,9	0,2	0,1	–	30,8	100		
B 0,1–2,0	10,891	7,3	1,2	1,2	4,9	91,7	6,9	50,4	27,9	5,7	1,6	0,2	0,0	–	42,3	100		
C 2,1–4,0	10,966	6,0	1,8	1,0	3,2	92,0	2,3	11,2	45,9	24,8	8,8	0,8	0,2	–	48,1	100		
D 4,1–6,0	8,371	5,8	2,9	0,8	2,1	94,2	1,1	2,9	17,2	40,1	28,4	4,0	0,5	–	54,1	100		
E 6,1–10,0	9,190	6,9	4,5	0,7	1,7	94,1	0,7	1,1	4,7	16,0	57,0	16,6	2,7	0,3	42,1	100		
F 10,1–16,0	4,580	9,3	7,3	0,6	1,4	93,7	0,5	0,5	1,0	3,7	24,2	44,8	13,6	2,4	45,9	100		
G 16,1–25,0	1,528	13,4	10,2	0,5	2,7	80,6	0,3	0,2	0,3	1,0	6,3	24,3	39,0	15,2	47,6	100		
Не более 25	440	17,7	12,5	0,2	5,0	86,3	0,5	0,2	0,5	0,7	0,7	5,4	12,7	61,6	20,7	100		
Все страты	52,742	8,6	3,0	1,0	4,6	91,4	8,7	16,1	19,8	16,1	18,0	8,4	3,0	1,3	44,2	100		

Источник: *Статистический справочник СССР, 1927 год*. С. 66–77.

Примечание. Исследование проводилось ЦСУ. Список губерний, включенных в каждый регион, см. в: *Статистический справочник СССР, 1927 год*. С. 175. Для простоты, домохозяйства, которые в этом году одновременно разделены и слились, помещались в рубрику «слились». В целом их было не более 0,1–0,2% от общего числа хозяйств.

рее близостью результатов, чем обнаруженными различиями. Показатели по трем другим регионам (Сибирь, Украина, Поволжье) демонстрируют сходную картину. Таким образом, выводы, которые мы делали в отношении характера многомерной и циклической мобильности, опираясь на данные общенациональной статистики, оказываются валидными и для регионов. Нет никаких оснований считать, что та картина, которая получается на основании исследований 1924–1925 годов, является в чем-то исключительной¹. Поэтому мы можем предположить, что основные черты типичной многомерной и циклической мобильности, подробно рассмотренные в предыдущей главе, сохранялись в различных регионах России. Особенно отчетливо эти процессы выступали на юге страны, где условия для ведения земледелия были лучше, а крестьяне меньше времени тратили на всякого рода побочные занятия (промыслы).

2. Валидность: исторические тенденции

Полученные в различных динамических исследованиях данные о принципиально сходной картине мобильности крестьянских домохозяйств позволяют сделать вывод о том, что эта картина является довольно устойчивой во времени. Все без исключения динамические исследования с 1897 по 1926 год, когда бы и где бы они ни проводились, фиксировали явную разнонаправленную мобильность. Но при этом очень мало было таких исследований, на основании которых можно было бы дать точные количественные оценки.

Если брать время до начала регулярных динамических исследований, первое из которых было проведе-

¹ Единственное вполне сопоставимое динамическое исследование, которое проводилось ЦСУ в 1925–1926 годах, дало очень близкие результаты (см.: *Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 годы*. С. 124–135).

но в 1897 году, то здесь мы можем опираться только на некоторые официальные сообщения о количестве крестьянских хозяйств, которые подверглись делению. Например, в 43 губерниях Центральной России за период 1861–1882 годов среднее количество домохозяйств, которые дробились, в год составляло 116 229, а за период 1874–1882 годов тот же показатель был 140 355. Он возрастал и далее, несмотря на то что в 1886 году был принят закон, направленный на противодействие этому процессу¹. Сравнивая показатели «органических изменений» во всех динамических исследованиях, проведенных за период с 1886 по 1911 год, Прокопович пришел к выводу, что «с течением времени число хозяйств, которые разделились, эмигрировали или прекратили свое существование, росло, а число тех, которые нормально развивались, сокращалось»². Но только после революции был начат регулярный сбор данных на базе репрезентативных и сопоставимых выборок с четким указанием районов, где они были получены³. После этого Большаков попытался оценить динамику кодового показателя деления крестьянских домохозяйств таким образом, чтобы можно было сопоставлять данные периодов 1911–1914 годов (до начала Первой мировой войны), 1914–1920 годов (Первая мировая война, русская революция и Гражданская война) и послереволюционные данные ЦСУ. Он обнаружил, что в 1914–1917 годах наблюдался сильный спад делений, а после 1917 года этот процесс резко пошел вверх. Данный показатель в 1920–1923 годах был выше,

¹ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 222.

² Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 162. Ясно, что «органические изменения» данный автор рассматривает как своего рода патологию.

³ Соответствующие сведения можно найти в: *Народное хозяйство СССР в цифрах*. С. 302–305; *Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 64–65.

Таблица 7.2

«Органические изменения», Черниговская губерния (%)

Исследования проводили	Район	Период	Домохозяйства		
			разделены	исчезли	всего
Черниговское земство	Суражский уезд	29 лет с 1882 по 1911 г.	26,3	27,0	53,3
		В среднем в год	0,8	0,8	1,6
ЦСУ	Черниговская губерния	1922–1923	3,4	3,5	6,9
		1923–1924	2,5	2,5	5,0
		1924–1925	2,1	2,5	4,6

Источники: Кушенко Г. *Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 годов*. С. 7; *Статистический справочник СССР, 1927 год*. С. 64–65.

чем в 1911–1914 годах, но ниже, чем в 1917–1920 годах¹. Что касается периода 1914–1917 годов, то оценки Большакова подтверждаются данными исследования Хрящевой, проводившимися в Тульской губернии². А если брать вполне надежные цифры, то здесь можно воспользоваться данными ЦСУ, чтобы выявить некоторую общую динамику «органических изменений» и, в частности, попытаться сравнить дореволюционный и послереволюционный периоды. В приводимых ниже табл. 7.2, 7.3 и 7.4 темпы «органических изменений», зарегистрированные в последних трех динамических исследованиях, проведенных до революции (1910–1911 годы), сравниваются с результатами динамических исследований в тех же губерниях, проводившихся после 1922 года.

¹ См.: Большаков А. *Современная деревня в цифрах*. С. 32. Мы приводим данные, заимствованные у Большакова, в табл. 8–3. По оценкам Кондратьева, после революции показатель деления крестьянских домохозяйств вырос в два раза по сравнению с дореволюционным периодом (см.: *Пути сельского хозяйства*. 1927. № 5. С. 36).

² Хрящева А. *Крестьянство в войне и революции*. *Вестник статистики*. 1920. № 9–12. Мы еще вернемся к этим данным в следующей главе.

«Органические изменения», Московская губерния (%) Таблица 7.3

Исследования проводили	Район	Период	Домохозяйства		
			разделены	исчезли	всего
Московское земство	Три уезда Московской губернии	11 лет с 1899 по 1910 г.	18,1	11,1	29,2
		В среднем в год	1,5	1,0	2,5
ЦСУ	Московская губерния	1922–1923	2,8	2,8	5,6
		1923–1924	2,9	2,5	5,4
		1924–1925	2,9	2,0	4,9

Источники: Вихляев П. *Крестьянское хозяйство: влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства*. М., 1915. Вып. 9 (цит. по: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 64–65) и *Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 64–65.

«Органические изменения», Тульская губерния (%) Таблица 7.4

Исследования проводили	Район	Период	Домохозяйства		
			разделены	исчезли	всего
Тульское земство	Епифанский уезд	12 лет с 1899 по 1911 г.	22,6	1,8	35,0
		В среднем в год	1,8	0,1	2,8
ЦСУ	Тульская губерния	1922–1923	3,3	1,0	7,1
		1923–1924	2,4	0,8	4,9
		1924–1925	2,6	0,6	6,7

Источники: Хрящева А. (сост.) *Крестьянские хозяйства по переписям 1899–1911 годов*. Ч. 2. С. 31 и *Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 64–65.

Проводя сравнение, мы должны учитывать, что между областями, представленными в указанных выборках, имеются некоторые различия. Ведь каждая губерния включала в себя ряд уездов. Отсюда различия между выборками. Но поскольку во всех трех случаях наблюдается значительное сходство в характере изменений, мы можем сделать ряд интересных выводов.

После революции уровень «органических изменений» существенно вырос и стал намного заметнее того, который существовал до революции. В годы нэпа (1922–1926 годы) он постепенно снижался, за исключением Тульской губернии в 1924–1925 годах. Показатели разделений крестьянских дворов в динамике довольно точно повторяли траекторию «органических изменений». Однако показатели их исчезновения вели себя более непредсказуемо. Надо думать, что здесь давали о себе знать какие-то факторы, внешние по отношению к сельским общинам¹. Еще отметим, что практика ЦСУ объединять данные по эмиграции и вымиранию под одной рубрикой «ликвидация» делает совершенно невозможным оценить темпы изменения этих компонентов.

Грубые методы оценки, которые были использованы для получения данных, представленных в табл. 7.2, 7.3 и 7.4, не позволяют проанализировать общую динамику мобильности крестьянских домохозяйств в этот период. Различия в использованных выборках и определениях базовых понятий исключают любые количественные сравнения. Но на глаз можно заметить общую тенденцию к росту показателей изменений во всех компонентах многомерной мобильности при сравнении дореволюционного периода с послереволюционным.

Процессы крестьянской мобильности, которые мы обсуждали выше, следует брать в их историческом контексте. История развития сельской России испытывала влияние и многомерной, и специфической циклической мобильности. Но, с другой стороны, сами процессы мобильности, в свою очередь, не могли не отражать тех происходивших в стране крупных исторических событий (война и аграрная революция), которые лежат за рамками нашей объяснительной модели. В жизни российского крестьянства рассматриваемого периода были два крупных события, которые су-

¹ См. главу 5, раздел 4.

щественным образом нарушили ритм его привычной жизни: во-первых, это был период с 1914 по 1920 год (Первая мировая война, революции, Гражданская война), и, во-вторых, голод 1921–1922 года. Влияние революции и Гражданской войны мы разберем в следующей главе, а в отношении голода нужно сказать, что он привел к значительному сокращению поголовья скота и тягловой силы. В плане «органических изменений» после него мы наблюдаем резкий рост эмиграции и вымирания крестьянских домохозяйств, а также снижение показателей их деления. Последнее обстоятельство следует интерпретировать как прямое следствие экономического кризиса, который приобрел особую остроту в связи с негибкой системой перераспределения рабочей силы и нехваткой оборудования, сбережений и кредитов — факторами, чрезвычайно характерными для жизни российских крестьянских домохозяйств (табл. 7.5). Разумеется, вымирание и эмиграция, столь распространенные в ту пору, затрагивали разные слои крестьянства в различной степени: чаще всего эта судьба постигала наиболее бедные семьи. На глобальном уровне это вело одновременно и к выравниванию имущественного положения, и к общему снижению уровня благосостояния крестьян. Таким образом, голод имел не только прямые и очевидные последствия — страдания людей, но и отставленные эффекты в плане изменения общей структуры крестьянского общества в России.

Конечно же, изучение современной аграрной истории России следует продолжить с использованием более тонких и надежных методов анализа. Но и те данные, которыми мы располагаем и которые мы привели выше, позволяют говорить о валидности используемых понятий и об универсальном характере тех процессов, которые обсуждались. Более того, некоторые дополнительные выводы количественного плана можно сделать в отношении как дореволюционного, так и послереволюционного периода, хотя между ними был период,

Таблица 7.5

«Органические изменения», европейская часть РСФСР,
1920–1924 годы (%)

Область	Домохозяйства, 1920–1921				Домохозяйства, 1921–1922				Домохозяйства, 1920–1924			
	разделенные	слившиеся	эмигрировавшие или вымершие	без изменений	разделенные	слившиеся	эмигрировавшие или вымершие	без изменений	разделенные	слившиеся	эмигрировавшие или вымершие	без изменений
А. Нечерноземная полоса	2,2	0,6	1,7	95,5	1,7	0,7	1,3	96,3	9,9	2,7	8,3	79,1
В. Черноземная полоса (районы, не затронутые голодом)	2,7	0,7	3,1	93,5	2,7	0,9	2,1	94,3	11,7	3,3	9,1	75,9
С. Черноземная полоса (голодающие районы)	2,7	1,3	6,5	89,5	1,7	0,6	5,5	92,2	10,2	4,1	18,8	66,9

Источник: *Народное хозяйство СССР в цифрах*. С. 302–306.

Примечание. Выборка 1920 года покрывала 17 губерний и охватывала 254 266 домохозяйств.

по которому надежные данные отсутствуют. Следует согласиться с Хрящевой, которая говорила о том, что, хотя темпы «органических изменений» слегка различались в различных регионах и в разное время, различия столь незначительны, что явно вырисовываются сходства: темпы эти примерно одинаковы, а их колебания вполне объяснимы периодом, в течение которого велись наблюдения¹. Эту оценку, как нам кажется, можно распространить на все компоненты мобильности крестьянских домохозяйств.

Далее, принятие общего положения о принципиальном сходстве не исключает (а, наоборот, предполагает) наличия специфических различий в темпах мобильности в различных регионах и в разные периоды времени. Эти вариации можно разбить на три вида: а) относительно устойчивые различия между уровнем мобильности в разных регионах, особенно, более низкие уровни мобильности на севере; б) долговременные тенденции, основным примером которых является рост показателей «органических изменений», который Прокопович отмечал на протяжении периода с 1897 по 1911 год; в) перебой непрерывности кризисами, связанными с голодом, войной и революцией. Похоже, именно период войны и революции имел особенно сильный и затяжной эффект, подстегнув процессы разнонаправленной мобильности во всех ее формах.

И наконец, разнонаправленная мобильность во всех случаях охватывала значительную часть крестьянского общества. Сила этих процессов еще более возрастает, если сравнивать их с процессами дифференциации в тех же выборках с использованием аналогичных критериев. Типичные отношения между частями А и Б табл. 6.1, 6.2 и 6.3 (в целом и отдельно по стратам) устойчиво воспроизводятся тогда, когда такого рода

¹ См.: Хрящева А. Условия эволюции крестьянского хозяйства. С. 56.

исследования проводятся с разными географическими и временными вариациями.

3. Валидность: ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ

Обширные статистические данные, собранные в ходе динамических исследований, ставят вопрос об адекватности тех описательных категорий, которые использовались для группировки и анализа этих данных. Теоретически суть его состоит в том, не искажают ли эти категории истину в такой степени, что все выводы превращаются в бессмысленные.

Но следует отметить, что вопрос об оценке крестьянского благосостояния и о делении крестьян по имущественному признаку во времена нэпа оказался в центре бурной дискуссии еще и потому, что был прямо связан с внутривластной политической борьбой¹. С чисто практической стороны речь шла об установлении налогообложения различных слоев крестьянства. Но к этому примешивался еще и идеологический аспект — споры о том, кого следует считать кулаком. А тут царил полнейшая разногласия². Однако за всей этой словесной демагогией стояла реальная проблема методологии социологического анализа. Задача выявления четких аналитических критериев, по которым следует проводить сегментацию общества на разные социально-экономические классы и прослойки, на самом деле является одной из наиболее сложных задач современной социологии. А если речь идет о крестьянстве, то сложность значительно усугубляется.

¹ Собственно говоря, дискуссия началась значительно раньше. Еще в 1990 году на Российском съезде статистиков разгорелись дебаты о методологии оценки имущественного положения крестьян (см.: Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России*. С. 83–85).

² Обсуждение этих вопросов см.: Lewin M. Who was the Soviet Kulak? *Soviet Studies*. 1966. Vol. 18. № 2. P. 189–212.

Центральным пунктом споров методологического плана между российскими учеными в период нэпа был поиск «верного» операционального определения сельской стратификации. Стоял вопрос о том, чему следует отдать предпочтение: «качественному и социологическому» принципу деления или «количественному и экономическому». Большинство советских ученых безоговорочно выступали за первый из этих подходов¹. Беда в том, что четкого качественного определения так и не было дано². Теоретикам-марксистам очень бы хотелось, чтобы таким вполне объективным признаком стало использование наемного труда. Тогда ясно было бы различие между капиталистами-эксплуататорами и пролетариями, которые на них работают. Но на самом деле наемных рабочих в сельском хозяйстве России было довольно мало, а после революции стало еще меньше. Поэтому такой подход не мог удовлетворить тех исследователей, кто, постулируя существование дифференциации внутри крестьянства, пытался найти признаки ее дальнейшего усиления. Они просто вынуждены были брать те же индикаторы имущественного положения крестьянской семьи, которые использовались их идеологическими врагами. Процедура была следующей: крестьянские хозяйства ранжировались по своему материальному положению с использованием объективных показателей благосостояния (количество земли, посевных площадей, лошадей, оцененный капитал, количество рабочих рук и т. д.), а затем некоторые точки на этой шкале произвольно брались как граничные между «стратами».

¹ За то противопоставление классов, которое принимали Маркс и Вебер, а не за стратификацию по шкале некоторого заданного свойства (например, доход, владение землей и т. д.). Понятийный анализ дает Н. Макаров в: *Пути сельского хозяйства*. 1927. № 4. С. 107.

² См., например, дебаты в журнале: *Пути сельского хозяйства*. 1927. № 4-9.

Но такая процедура количественной стратификации сама по себе отнюдь не решала методологической проблемы, а лишь создавала новые трудности. И главная причина тут состояла в том, что выбор критериев стратификации всегда был произвольным. При интерпретации результатов эмпирических исследований снова возникали те же споры, которые активно велись в период нэпа на уровне идеологических и политических баталий. Хрящева, работавшая тогда в ЦСУ, заявила, что, поскольку производство зерна является основным направлением российского сельского хозяйства, а доля всякого рода побочных промыслов постоянно сокращается, наилучшим показателем экономического положения крестьянского домохозяйства должно стать количество пахотных земель, находящихся в его распоряжении. К тому же количество земли (или голов скота) легко учесть, что тоже было важным фактором с точки зрения массовых опросов, проводимых по инициативе ЦСУ.

Против идеи стратификации крестьян по признаку обладания пахотной землей яростно выступил Крицман со своими помощниками из аграрного сектора Коммунистической академии. Они указывали на то, что подобный подход годится лишь для докапиталистической стадии развития сельского хозяйства. А поскольку в послереволюционный период в сфере землевладения произошло значительное выравнивание, использование этого показателя не позволит оценить реальную дифференциацию имущественного положения крестьян. В качестве подходящей альтернативы они предложили ориентироваться на доходы и капитал¹. В конце концов это предложение было принято ЦСУ и впервые реализовано в работе Гайстера, опуб-

¹ См., например: Крицман Л. (ред.). *Материалы по истории аграрной революции в России*. Введение.

ликованной в 1928 году¹. Но и этот поход обнаружил некоторые методологические недостатки. Поскольку земля не учитывалась как часть капитала и как фактор сельскохозяйственного производства, все дальнейшие выводы оказывались сомнительными. Далее, так как важную часть экономической деятельности крестьян составляло удовлетворение потребностей собственной семьи, оценка ее материального положения в терминах денежных заработков и сбережений тоже была весьма неадекватной. И наконец, удобство конечного использования этих экономических показателей фактически сводилось на нет из-за проблем получения их точной оценки.

К концу нэпа было сделано несколько попыток найти компромисс путем использования комплексных показателей принадлежности к определенному слою крестьянства, отражающих разные элементы крестьянской экономики. Например, в 1927 году кулацкое домохозяйство определялось как то, у которого совокупный капитал составлял более 1600 рублей и которое применяло наемный труд на протяжении не менее 50 дней в году, или же такое, где общий капитал превышал 800 рублей, а наемный труд использовался на протяжении не менее 100 дней в году². Подобные комплексные показатели страдали общим недостатком — произвольностью в выборе компонентов и определения их весов. Незадолго до коллективизации произошло внезапное возвращение к простому показателю: каждое крестьянское хозяйство, которое использовало наемных рабочих 50 дней в году или более, считалось кулацким. Но этот

¹ См.: *Статистический справочник СССР за 1928 год*. М., 1929; Гайстер А. *Расслоение советской деревни*.

² Jasny N. *The Socialised Agriculture of the U.S.S.R. Plans and Performance*. P. 162. Что касается целого ряда простых и сложных показателей, которые были предложены и реально использовались, см.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России* (таблицы).

шаг породил еще больше сомнений¹. Тут вполне уместно будет сказать, что любые показатели, используемые для оценки материального положения домохозяйств, будь они простые или сложные, с методологической либо прагматической точки зрения всегда имеют какие-то недостатки. Кроме того, если ориентироваться на два показателя, то нередко случается, что по одному показателю домохозяйство попадает в один класс, а по второму — в другой². Действительность всегда сложнее теоретических построений, и нельзя рассчитывать, что найдутся понятия и измерительные методы, идеально подходящие к любой эмпирически заданной выборке.

Трудности выработки адекватного эмпирического инструмента фиксации социально-экономических групп вовсе не означают, что любые попытки здесь совершенно бессмысленны. Но мы должны понимать, что нельзя рассчитывать на открытие некоторого «правильного» и окончательного метода оценки богатства. Максимум, к чему можно стремиться, это лучше понять возможности применения и ограниченности тех методов, которые уже существуют.

Разумеется, что те показатели социально-экономической стратификации (площадь пахотной земли и количество лошадей на домохозяйство), которые использовались ЦСУ, имели свои недостатки. Но главные искажения касались в основном двух крайних групп — наиболее богатых и наиболее бедных крестьян, не вписывающихся в общую картину благосостояния основной

¹ См.: Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. С. 105–106. Необходимость нанимать работников со стороны на 50 дней могла быть вызвана самыми разными объективными причинами: болезнь хозяина, призыв сына в армию, привлечение бригады сборщиков урожая на пару дней в период его сбора. К тому же эти 50 рабочих дней могли реально составлять не более одной десятой всех трудозатрат семьи.

² См., например: Книпович Б. *К вопросу о дифференциации русского крестьянства*. С. 10; Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. С. 108–109.

части российских крестьян. Их число было сравнительно небольшим, а в период нэпа еще более сократилось. Однако в защиту способа эмпирического изучения крестьянской стратификации путем учета земли и лошадей можно привести еще два довода.

Во-первых, эмпирические исследования систематически обнаруживали тесную корреляцию между разными показателями относительного социально-экономического положения крестьянских домохозяйств: площадь пахотной земли, количество голов скота, капитал, доход, размер домохозяйства, количество взрослых мужчин в семье и т.д.¹. Даже Гайстер, критикуя Хрящеву, подкрепляет свои доводы таблицами, которые показывают высокую корреляцию между результатами стратификации крестьянских домохозяйств по признаку капитала или по признаку владения землей и лошадьми². Учитывая это обстоятельство, можно считать, что, несмотря на использование разных показателей для оценки имущественного положения крестьян, результаты в целом получались примерно одинаковыми, по крайней мере для большей части крестьянских домохозяйств, охваченных исследованием³.

¹ Подтверждение этому может быть найдено в любом статистическом исследовании российской деревни, например: Хрящева А. *Крестьянские хозяйства по переписям 1899–1911 годов*. М., 1916. Анализ корреляций между доходом и различными факторами сельскохозяйственного производства, основанный на данных пяти крупных бюджетных исследованиях, говорит именно об этом (см.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 32–33).

² См.: Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. С. 120–140. Гайстер был главным представителем аграрной секции Коммунистической академии, считавшей, что методы исследования, принятые по настоянию Хрящевой, дают заниженную оценку дифференциации внутри российского крестьянства.

³ Надежность получаемых результатов можно было повысить за счет использования не одного, а одновременно нескольких показателей благосостояния, например учет площади пахотной земли одновременно с количеством лошадей. См. описание методики, использованной ЦСУ, данное в главе 3 (табл. 3.4 и 3.5).

Во-вторых, если мы занимаемся изучением процессов мобильности в их динамике, то применение любых способов оценки имущественного положения крестьян всегда достаточно адекватно схватывало существующие тенденции при условии, что использовались репрезентативные и корректно сформированные выборки. Переход от использования одних показателей к другим в этом случае повлечет за собой изменение количественных данных, но общее направление и характер динамики останутся теми же самыми¹.

Следовательно, какими бы показателями крестьянского имущественного положения мы не пользовались, результаты и выводы будут в принципе весьма сходными. Ни один из возможных показателей сам по себе не обладает какими-то существенными преимуществами перед остальными. Каждый из них с успехом может применяться в эмпирических исследованиях. Естественно, рекомендуется использовать несколько показателей, если это возможно, повышая таким образом надежность выводов. Но факт наличия разных концептуальных и методических подходов необходимо постоянно учитывать при интерпретации данных.

Поскольку речь идет о методологии эмпирических исследований, следует указать еще на три возможных источника искажений, которые присутствовали в работах российских статистиков, занимавшихся сельским хозяйством. *Во-первых*, в связи с тем что в большинстве районов России в то время господствовала так называемая трехпольная система севооборота, площади, засеваемые отдельным домохозяйством, менялись от года

¹ Современные методологические исследования показывают, что даже использование не вполне репрезентативных выборок позволяет с достаточной надежностью проверять гипотезы при условии, что сама процедура комплектования выборки не вносит каких-то систематических искажений. См. в связи с этим: Zetterberg H. *On Theory and Verification in Sociology*. Totowa. New York, 1965. P. 129–130.

к году¹. Некоторые считают, что именно с этим обстоятельством было связано наличие остаточного компонента мобильности в тех динамических исследованиях, где стратификация проводилась на основании учета количества пахотной земли. На это можно возразить, что находящаяся в распоряжении крестьянского домохозяйства земля обычно состояла из многих полос, расположенных в разных местах общинной территории. Это значительно снижало влияние трехпольной системы земледелия на долю земли, ежегодно засеваемую одним домохозяйством. (Площадь земель, засеваемых каждый год в одной крестьянской общине, была, скорее всего, примерно одинаковой.) Кроме того, в тех динамических исследованиях, где стратификация проводилась на основании других показателей (число лошадей в домохозяйстве или общий доход от всех видов трудовой деятельности), остаточная центробежная мобильность постоянно присутствовала. Это позволяет устранить возможность того, что данный феномен был связан исключительно с использованием трехполосной системы земледелия.

Во-вторых, общее сокращение размеров крестьянских семей и связанное с ним пропорциональное снижение объема средств производства в расчете на одно домохозяйство (земля, лошади, инвентарь) вполне могло, как иногда указывалось, быть ошибочно принято за общее падение социально-экономического уровня всей крестьянской общины. Такого рода явления, по-видимому, действительно нередко имели место в масштабе страны в тот период, который мы сейчас рассматриваем. Но темпы сокращения размеров крестьянских семей были сравнительно медленными² и не могли существенным

¹ Типичный цикл земледелия был таков: одна полоса засеивалась озимыми, другая — яровыми, а третья на год оставлялась под паром.

² Средний размер крестьянского домохозяйства в России снизился с 6,3 до 6,0 человек за период с 1897 по 1917 год (Ларин Ю.

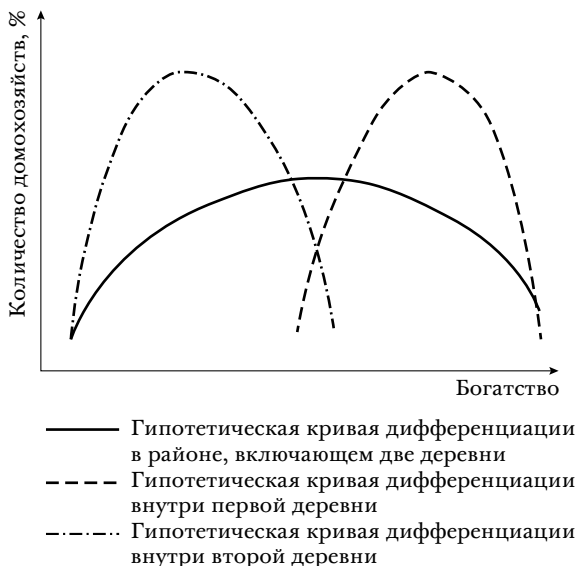

Рис. 6. Статистическая оптическая иллюзия в графической форме

образом повлиять на общую картину крестьянской мобильности.

В-третьих, Н. Черников указал на серьезные искажения дифференциации, наблюдавшиеся в исследованиях, которые проводились в очень неоднородных по своему составу районах. Эти искажения Н. Огановский назвал статистической оптической иллюзией¹. Дело в том, что, если объединить несколько крестьянских общин, сильно различающихся по своему материальному благополучию, итоговая картина будет показывать очень высокую степень поляризации. Ситуация такого рода схематически представлена на рис. 6.

Экономика досоветской деревни. М.-Л., 1926. С. 197). Цифры по советскому периоду даны в табл. 8.1. Вопрос о снижении размеров и благосостояния крестьянских семей в 1917 году см. в следующей главе.

¹ См.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 18. С. 522.

Здесь мы видим, что каждая из двух деревень обнаруживает сравнительно низкий уровень социально-экономической дифференциации. Но при этом если мы, изучая данный район в целом, объединим две входящие в него деревни, то итоговая картина покажет высокую степень имущественной дифференциации крестьянства в этом районе. Если данные о социально-экономическом положении крестьян представлять в графической форме, то крутизна кривой будет отражать степень дифференциации. Чем круче соответствующий график, тем ниже степень дифференциации (в таком случае большинство домохозяйств концентрируется в его средней части). Уплощение кривой, происходящее при объединении двух выборок, будет интерпретироваться как усиление поляризации.

В России средний уровень материального благосостояния крестьян, проживающих в разных областях страны, варьировался в довольно широких пределах. Вследствие этого объединенные данные по всей стране и ее крупным регионам, как правило, показывали избыточно высокую степень дифференциации за счет наложения дифференциации между социальными группами внутри отдельных общин на географическую дифференциацию в целом по региону. Но для нашего анализа «статистическая оптическая иллюзия» не столь важна, так как вариации между отдельными деревнями или областями не влияют на картину мобильности. Изучая крестьянскую мобильность, мы прослеживаем историю каждого индивидуального домохозяйства, обращая внимание не столько на его социально-экономическое положение, сколько на изменения, происходящие в его судьбе. Социально-экономическая дифференциация, как она отражается в данных официальных отчетов по стране в целом, довольно сильно отличается от того, как ее реально ощущают сами крестьяне. И «статистическая оптическая иллюзия», и многомерная мобильность вносят свой вклад в создание подобного разрыва.

4. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ МНОГОМЕРНОЙ И ЦИКЛИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Главные черты структуры и динамики крестьянского общества, которые мы разбирали выше, и в частности явления многомерной и циклической мобильности, очень важны для глубокого понимания и правильной интерпретации некоторых специфических особенностей истории России в плане развития ее сельского хозяйства. При учете всех этих факторов мы можем по-новому взглянуть на такие проблемы российской экономической истории, как, скажем, характер накопления капитала в сельском хозяйстве.

Анализируя политические последствия рассмотренных выше процессов, мы имеем возможность объяснить, почему представление о жизни российского села, которое существовало в умах российских элит («взгляд сверху»), так значительно отличалось от истинного положения вещей. Здесь мы имеем дело с идеологией, понимаемой не как нормативно заданные идеалы и цели и не как сознательная манипуляция идеями и людьми, а как произвольная превратная интерпретация политическими элитами социальной действительности в силу того, что подобный способ мышления ими давно усвоен и стал привычным¹. В случае, который мы сейчас рассматриваем, советские руководители в 1917–1925 годах (а собственно и позднее) заимствовали информацию о социально-экономическом положении российского крестьянства из официальных сводок о ре-

¹ В этом смысле идеология выступает как призма, через которую люди созерцают мир, как средство, с помощью которого они интерпретируют то, что видят (Mills C. Wright. *Power, Politics and People*. P. 406). Так понимаемая идеология близка тому, что марксисты называют «ложным сознанием», а Грамши обозначал термином «гегемония» (Williams G. *The Concept of "Egemonia" in the thought of Antonio Gramsci: Some Notes on Interpretation. Journal of the History of Ideas*. Vol. 21. No. 4. P. 586–599).

зультатах переписей и судили по ней об уровне классово-вой дифференциации и характере конфликтов на селе. Но эта информация далеко не всегда отражала истинное положение вещей. Отсюда и значительные политические просчеты. Например, эмпирические исследования часто недооценивали степень сплоченности общин. Московское руководство считало, что кулаки — это изолированное меньшинство, что остальные крестьяне их ненавидят и с готовностью поддержат любые меры, направленные против кулаков. На самом же деле середняки в этой борьбе очень часто принимали сторону кулаков и тоже становились объектом репрессий, хотя и не в той мере¹. Ошибки коллективизации можно перечислять и далее: «комбеды» 1918 года, попытки регулировать сельское хозяйство и крестьянские восстания 1920 года, посылка партийных комиссаров в деревню в годы нэпа и т.д.². Снова и снова неправильная оценка ситуации приводила к ложным прогнозам и влекла за собой неуклюжие попытки выправить ситуацию. Естественно, возникал кризис, который пытались разрешать, исходя из тех же идеологических и политических установок. Все попытки не приводили к желаемым результатам, а кризис только разрастался.

История развития сельского хозяйства в первые годы советской власти опровергает центральный тезис марксистской политической социологии, согласно которому ключевыми элементами политического действия выступают классы, определяемые через их экономические интересы³. Она показывает, что попытка объяснить социальное развитие исключительно через борьбу классов является чрезмерным упрощением реального положения вещей. Анализ роли социально-экономиче-

¹ Carr E. H. *The Russian Revolution and the Peasant. Proceedings of the British Academy*. London, 1963. Vol. XIX. P. 90–91.

² Об этом речь пойдет в последующих главах.

³ По Марксу, главным отличительным признаком класса является отношение к средствам производства.

ской мобильности в формировании классового сознания вносит новый важный элемент в систему политической социологии, базирующейся на модели конфликта как главной пружине общественного развития.

Хотя правомерность анализа общества в терминах отношения между классами редко подвергается сомнению, уже в начале XX века представители разных школ стали указывать на то, что сам по себе такой подход не является достаточным, если мы оставляем без внимания те исходные условия, при которых социально-экономическая дифференциация вызывает процесс кристаллизации социально-политических классов с их внутренней сплоченностью, классовым сознанием, готовностью к политической организации и действиям по защите своих интересов (сам Маркс говорил о том, что в подлинного субъекта исторического процесса политический класс превращается только тогда, когда он по-настоящему осознает себя как класс¹).

В России Н. Н. Черненко (основоположник динамических исследований, который по своим политическим взглядам примыкал к народникам) критиковал российских марксистов за то, что они были склонны принимать некоторые извечные черты организации жизни на селе за классовые различия. Приводя выдержки из работ Ленина, он в целом разделял его взгляды на те условия, при которых социально-экономическая дифференциация и поляризация внутри крестьянства способны привести к формированию классов². Относительно устойчивая принадлежность к наиболее богатой или наиболее бедной прослойке рассматривалась при этом как одно из центральных. Если это действительно

¹ Маркс К. Нищета философии. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т 4. М., 1955. С. 183. Более подробно об этом см.: Ossowski S. *Class Structure in the Social Consciousness*. New York, 1963. P. 70–88.

² См.: Черненко Н. *К характеристике крестьянского хозяйства*. С. 120, 123–124; Ленин В. Развитие капитализма в России. В: Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 3. С. 1–609.

так, то многомерная и циклическая мобильность при их достаточной выраженности будут теми факторами, которые смягчают этот политический эффект социально-экономической дифференциации. Идею о том, что достаточная устойчивость принадлежности к определенному слою является необходимой для разделения крестьянства на классы, развивал немного позднее и С. Н. Прокопович (экономист неоклассического толка, министр Временного правительства)¹. Аналогичные идеи бытовали и за рубежом. В частности, В. Зомбарт в статье 1906 года указывал, что выраженная вертикальная мобильность препятствует формированию классового сознания и снижает классовый антагонизм. Как на яркий пример, он ссылаясь на США². Близких взглядов на эти вопросы придерживался также Й. Шумпетер³.

Современные социологи исследуют мобильность почти исключительно в промышленно развитых странах, фокусируясь главным образом на процессах смены рода занятий⁴. Основание для выбора именно данной сферы в качестве предмета исследования чисто прагматическое — эти показатели проще всего регистрировать⁵. Критики справедливо указывают на то, что здесь анализируется лишь узкий сегмент явлений, которые социологи обычно называют социальной мо-

¹ См.: Прокопович С. *Крестьянское хозяйство*. С. 173–175.

² Зомбарт В. Почему в Соединенных Штатах нет социализма? В: Зомбарт В. *Избранные работы*. М., 2005. С. 213–320.

³ Schumpeter J. *Imperialism and Social Classes*. Oxford, 1951 (книга впервые издана в 1927 году, а в основу ее лег цикл лекций, прочитанных в 1910–1916 годах).

⁴ Обзоры соответствующих исследований можно найти в: Lipset S., Bendix R. *Social Mobility in Industrial Society*. Berkeley, 1966; Merritt R., Rokkan S. (eds.) *Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*. New Haven, 1966; Smelser N., Lipset S. (eds.) *Social Structure and Mobility in Economic Development*, 1966.

⁵ Carlsson G. *Social Mobility and Class Structure*. Lund, 1958. P. 167. См. также: Cole G. *Studies in Class Structure*. London, 1964. P. 4–6 и критический анализ С. Миллера в *Transactions of the Third World Congress of Sociology*. P. 145–150.

бильностью¹. При этом исследователи чаще всего используют весьма грубые показатели межпоколенческой мобильности: переход от физического труда к интеллектуальному, переезд из города в деревню и т. д. Но если рассматривать влияние мобильности на политическое сознание, современные исследования в целом подтверждают выводы, к которым пришли еще социологи начала XX века: когда возможности для индивидуальной мобильности недостаточны, люди для достижения своих целей часто прибегают к коллективным действиям, что обычно порождает классовую борьбу. И наоборот — высокая социальная мобильность снижает напряженность в обществе². Некоторые исследователи считают, что такая формулировка является чересчур категоричной, и указывают на важность учета целого ряда дополнительных факторов: культурной среды, социальных ожиданий, необходимости учета некоторых видов «неинституционализированной» мобильности³.

Можно видеть, таким образом, что проблема влияния мобильности на политическое сознание привлекала к себе в XX веке достаточное внимание социологов. Есть основания предполагать, что и в нашем случае мобильность многомерного и особенно циклического типа должна иметь важные политические последствия. Воспользуемся образным сравнением Шумпетера, уподоблявшего каждый класс «отелю или автобусу, всег-

¹ Merritt R., Rokkan S. (eds.) *Comparing Nations*. P. 217.

² Lenski G. *Power and Privilege*. New York, 1966. P. 417. См. также: Marshall T. *Citizenship and Social Class*. New York, 1950. P. 91; Lipset S., Bendix R. *Social Mobility in Industrial Society*. P. 3–4, 70, 76; Smelser N., Lipset S. (eds.) *Social Structure and Mobility in Economic Development*. P. 377.

³ Lipset S., Bendix R. *Social Mobility in Industrial Society*. P. 260–267. См. также: Smelser N., Lipset S. Smelser N., Lipset S. (eds.) *Social Structure and Mobility in Economic Development*. P. 371. Данную проблему довольно подробно обсуждал уже Sorokin P. *Social Mobility*. New York-London, 1929. Ch. 22.

да полному, но разными людьми»¹. Тогда окажется, что скорость смены постояльцев или пассажиров будет существенным параметром такой системы, определяющим легкость ее превращения из просто социально-экономической категории в политическую группу, готовую бороться за свои права.

Анализ социальной структуры и мобильности, который мы только что провели, помогает нам понять природу ошибок аграрной политики советской власти в первые годы ее существования. Но для создания действительно полной картины развития крестьянского хозяйства в России в начале XX века, помимо данных о социально-экономической мобильности, исследование природы которой занимало нас до сих пор, необходимо учесть еще двух важных дополнительных факторов: специфической культуры и внутренних конфликтов, присутствующих крестьянскому обществу.

Влияние социально-экономической дифференциации на политическое сознание российских крестьян и возможное разделение крестьянства на конфликтующие между собой классы может быть понято в достаточной мере только при учете: 1) специфической крестьянской культуры, которую мы рассматривали в первой части книги; 2) структуры социально-экономической мобильности, проанализированной во второй части, и 3) масштаба внутренних конфликтов, возникающих на базе социально-экономической дифференциации, что станет предметом специального рассмотрения в третьей части работы. Говоря про культурный контекст мобильности, то есть про степень ее принятия и институционализации (превращение в часть крестьянского консенсуса), мы должны отметить, что он тоже весьма важен с точки зрения своих политических результатов. Если мы стремимся учесть все эти обстоятельства, то мы никак не можем удовлетвориться тем

¹ Schumpeter J. *Imperialism and Social Classes*. P. 165.

вариантом политической социологии крестьянства, который исходит из статической и чисто экономической интерпретации природы политического сознания. Адекватная модель должна учитывать четыре важных обстоятельства.

Во-первых, экономические, социальные и культурные характеристики традиционного крестьянства в значительной мере способствовали укреплению внутренней сплоченности крестьянских общин. Характерными особенностями типичной крестьянской общины были тесные родовые связи внутри нее, простые формы кооперации и глубокое чувство коллективизма. Все они сохранялись на протяжении рассматриваемого периода, хотя и с небольшими вариациями. А результатом была чрезвычайно сильная внутренняя солидарность и ощущение принадлежности, которое испытывал каждый член крестьянской общины.

Во-вторых, как мы уже указывали, данные переписей в целом преувеличивали масштабы социально-экономической дифференциации среди российских крестьян. Отчасти это объясняется наличием корреляции между размером крестьянского хозяйства и его материальным положением. Данное обстоятельство, как правило, не принималось во внимание. Кроме того, явно давала о себе знать «статистическая оптическая иллюзия», благодаря которой различия между крестьянскими общинами затушевывали различия между отдельными крестьянскими хозяйствами¹. Результаты процессов дифференциации существенно отличались от того, чего можно было бы ожидать, основываясь на простой экстраполяции тенденций поляризации, понимаемых чисто экономически. Сами эти тенденции, как оказалось, испытывали на себе влияние целого ряда внешних факторов, порождающих разнонаправленную мобильность.

¹ См. раздел 3 данной главы.

И поэтому в ряде случаев их действие могло гаситься или даже меняться на противоположное.

В-третьих, наличие разнонаправленной и еще в большей мере циклической мобильности препятствовало кристаллизации уже имеющегося социально-экономического расслоения внутри крестьянства и превращению слоев в классы. При всем своем внутреннем разнообразии российское крестьянство оставалось довольно монолитным. Отсутствие жесткой привязанности к определенному слою, ощущение как самых богатых, так и самых бедных сельских жителей, что в один прекрасный день их судьба может вдруг радикальным образом измениться, в значительной мере влияло на все крестьянское мировоззрение. Нужно учитывать и тот факт, что в целом российское крестьянство было довольно однородным по составу. Отсюда становится понятным, почему существовавшие имущественные различия внутри крестьянских общин чрезвычайно редко порождали классовые конфликты того типа, которые обычно возникают между работодателями и их работниками или между различными игроками на рынке.

Наконец, политическое сознание крестьян формировалось в основном под влиянием общины и непосредственного окружения, будучи, таким образом, достаточно узким. Своим главным врагом крестьянин считал внешние природные силы. Поэтому имущественные различия внутри крестьянской общины в его сознании отходили на задний план. Конфликты с помещиками, с городом и с государством на почве арендной платы за землю, налогов, цен, призыва в армию, существующих законов крестьяне воспринимали как борьбу с мощными внешними врагами. И это тоже способствовало формированию крестьянской солидарности. Неблагоприятные внешние факторы в их совокупности явно перевешивали по своей значимости те внутренние трения, которые порождала дифференциация внутри крестьянской общины. В условиях постоянной борь-

бы с природой и многочисленными внешними врагами успешный фермер, глава большого и процветающего рода, воспринимался как герой, а не как классовый враг. Ему могли завидовать, но одновременно и уважали. Крестьянское общество по природе своей было достаточно монолитным. Никакие усилия городских пропагандистов не могли навязать им представления о классовом обществе и классовой борьбе. Крестьянин всегда был себе на уме. Его бытие определяло его сознание.

Часть III
Основной конфликт
(1917–1925)

ГЛАВА 8

Аграрная революция и выравнивание среди российского крестьянства

Эх, яблочко,
Да цвета ясного!
Бей слева белого,
А справа красного!

*Крестьянская частушка
времен революции*

1. Кулацкая контрреволюция

ЕСЛИ говорить о главных проблемах истории российского сельского хозяйства в первое десятилетие после революции, то их характер был двояким: с одной стороны, они были связаны с аграрной революцией как таковой, а с другой — с внутренней диверсификацией крестьянского общества и конфликтами внутри него. Здесь особенно выделяется так называемая вторая революция, которая особенно важна для понимания социально-политической структуры российских крестьянских общин. Те конфликты, которые проявились на этой фазе развития крестьянских общин, в значительной мере определили также и все дальнейшее развитие ситуации в данной сфере.

Советские историки, а вслед за ними и многие иностранные, в истории российской аграрной революции выделяют два главных этапа. На первом из них (1917–1918 годы) помещичья собственность была экспроприирована и разделена между крестьянами. На втором этапе (начиная с конца

1918 года) землю стали отбирать у кулаков и распределять среди деревенской бедноты¹. Такая картина хорошо вписывалась в марксистскую теорию классово-борьбы, которую Ленин описал в своих ранних работах². Согласно этим взглядам, в 1917–1918 годах произошла антифеодалная революция, которая полностью уничтожила класс помещиков. Но после ликвидации общего врага, в борьбе с которым все крестьяне выступили единым фронтом, их классовая солидарность исчезла. Как пишет Аверьев, «кулакам *пришлось* вступить в бой с пролетарской диктатурой»³. На селе капиталистам и богачам теперь противостоял новый класс — сельская беднота, которая при поддержке городского пролетариата выступила против кулаков и разгромила их. Пытаясь трактовать эти события в свете марксизма сталинского толка, некоторые советские ученые напрочь отрицали саму идею крестьянской аграрной революции как проявление буржуазного ревизионизма⁴. Согласно их интерпретации событий, сельский пролетариат добился своих целей под руководством городского пролетариата: земля была *дана* бедным крестьянам советской

¹ См.: *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. Т. 1. С. 314. Взгляд современников был выражен, например, в: Крицман Л. *Классовое расслоение в советской деревне*. М., 1926. С. 14. Представление о двух революциях было особенно распространено в 20-е годы. После 1929 года коллективизацию и «ликвидацию кулачества как класса» стали называть второй революцией и приписывать эту заслугу Сталину. С тех пор российские ученые используют термин «два этапа в развитии аграрной революции».

² См.: Ленин В. Две тактики социал-демократии в Первой русской революции. В: Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 11.

³ Аверьев В. (сост.) *Комитеты бедноты: сборник материалов*. М.-Л., 1933. Т. 1. С. 3 (выделено мной).

⁴ См.: Луцкий Е. Передел земли весной 1918 года. *Известия АН СССР*. 1949. Т. 4. № 3. В этом вопросе, как и во многих других, советские обществоведы до сих пор находятся в плену тех идей, которые были характерны для 30-х и 40-х годов. См., например: Шарапов Г. *Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.)*. М., 1961. С. 43.

властью. В 20-х годах советские ученые еще соглашались с тем, что сами крестьяне на местах активно действовали в этом направлении. Но позже окончательно утвердилась теория двух этапов аграрной революции. В ее пользу приводились как официальные правительственные документы, так и сводки с мест, рассказывающие о переделе земли (а иногда и сельскохозяйственного инвентаря) в разных крестьянских общинах на уравнительных началах. Однако главным образом ссылались на статистические доказательства того, что среди крестьянских домохозяйств действительно шел мощный процесс имущественного выравнивания.

Давайте пойдем по этому пути и проверим, насколько адекватными были взгляды ортодоксального марксизма на крестьянское расслоение. Считалось, что накануне революции доля кулаков составляла 15% от всех крестьянских домохозяйств¹. Согласно более поздним исследованиям, на Украине эта цифра была 12,2%, но в степной ее части она выростала до 22% хозяйств и 30% населения². Таким образом, кулацкие хозяйства (наиболее эффективные в плане производства) в России составляли около 20% всех крестьянских домохозяйств³, а в переводе на «души» это примерно 20 миллионов человек⁴. Следует отметить также, что среди крестьян была сравнительно высока доля молодых здоровых мужчин, многие из которых недавно вернулись из армии и нередко имели оружие. Вместе со своими родственниками и друзьями кулаки были весьма вну-

¹ См. табл. 3-3.

² См.: Рубач М. *Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции*. Киев, 1956. С. 20–23.

³ См. главу 4, раздел 1.

⁴ Отметим, что точная информация о численности сельского населения России в 1917 году отсутствует. По одной из переписей, которая охватила всего 36 губерний европейской части России, там проживали 71,2 миллиона человек (см.: *Статистический сборник за 1913–1917 годы*. М., 1921. Вып. 1. С. 208–209).

шительной силой. И тем не менее 50 миллионов гектаров (46 миллионов десятин) земли было отобрано у них в период второй аграрной революции¹. Только на Украине из 12455 десятин земли, принадлежавшей «сельской буржуазии», 7087 десятин было экспроприровано². На этом историческом фоне можно было бы ожидать возникновения гражданской войны колоссальных масштабов, с которой не сравнилась бы даже коллективизация 1929–1930 годов.

Советские ученые прекрасно понимали, что им предстояло подвести под эту ситуацию соответствующую теоретическую базу. А официальная пропаганда часто сообщала о широкомасштабных выступлениях кулаков против диктатуры пролетариата и против второй революции. Однако твердых доказательств того, что богатые крестьяне активно сопротивлялись попыткам перераспределить землю, мы не имеем. Несомненно, что крестьянские бунты, главным образом в связи с конфискацией зерна, действительно имели место³. Практически не встречается упоминаний о массовом выступлении зажиточных крестьян против проводимой кампании передела земли. В частности, описывая деятельность так называемых комитетов крестьянской бедноты (комбедов)⁴, Аверьев говорит о восстаниях кулаков в конце 1918 года, но приводит всего один конкретный пример — бунт в Сосновском уезде Тамбовской губернии⁵. Но на следующей странице мы узнаем, что это было общее восстание крестьян против чрезмерных налогов и плохого снабжения. При ближайшем рассмотрении

¹ См.: *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. Т. 1. С. 314.

² См.: Рубач М. *Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции*. С. 20, 30.

³ Например, только за период с июля по ноябрь 1918 года было зарегистрировано 108 крестьянских восстаний.

⁴ Подробнее об этом см. в разделе 2 данной главы.

⁵ См.: Аверьев В. (сост.) *Комитеты бедноты*. С. 44.

почти все так называемые восстания кулаков оказываются выступлениями крестьян вообще, в которых мы не находим никаких классовых различий¹. По сравнению с 1906, 1917 и 1920 годом деревня в этот период была относительно спокойной. Более того, если мы возьмем крупные крестьянские восстания 1919–1921 годов (восстания под предводительством Махно и Антонова, бунты в Западной Сибири, на Дальнем Востоке и в Туркестане, деятельность «Зеленой Армии Причерноморья» и т. п.), то обнаружим, что все они были против белых и красных. В них крестьяне выступали единым фронтом, и никаких классовых различий между ними не наблюдалось. На фоне разговоров о классовой борьбе внутри крестьянства все это выглядит очень странно.

Перед нами, таким образом, встает проблема. Как объяснить тот факт, что кулаки, которые, по словам Столыпина, являлись «опорой российской деревни»², так пассивно прореагировали на то, что должны были воспринимать как чистого рода грабеж? В чем заключается ошибочность теории двухэтапной аграрной революции в России?

2. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ (1917–1919)

Российская революция породила проблемы огромной сложности. Мы остановимся только на одной из них — проблеме перераспределения земли. Пожалуй, никогда разрыв между планами и достижениями, между политическими решениями и проведением их в жизнь не был таким огромным, как в период этой революции. Поэтому для понимания истинного состояния дел во-

¹ См., например: Аверьев В. (сост.) *Комитеты бедноты* (Введение) и книгу: Герасимюк В. *Начало социалистической революции в деревне, 1917–1918 годы*. М., 1958. С. 85, 88; Шарапов Г. *Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.)*. С. 165–166.

² Из выступления Столыпина в Думе в 1907 году (см. главу 3, раздел 1).

все недостаточно знакомиться только с законодательством; необходимо изучить вопрос, как оно реализовывалось на местном уровне и какие реальные результаты были достигнуты. Но начнем все же с законодательства.

Начало аграрной революции положил Декрет о земле, опубликованный сразу же после Октябрьской революции — 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1917 года¹. Он провозгласил национализацию всей земли. К нему прилагалось 242 крестьянских наказа Учредительному собранию². За декретом последовал «Закон о социализации земли», принятый 19 февраля 1918 года³. Он завершил юридический процесс, начатый Декретом о земле. Вся земля была объявлена общенародной собственностью. Сельскохозяйственные угодья делились между крестьянами строго в соответствии с размерами их семьи. Продажа и сдача земли внаем запрещалась⁴. Запрещалось также использование всякого наемного труда. Исполнение закона, контроль за его соблюдением и трактовка спорных случаев поручались местным крестьянским советам. Влияние марксистской идеологии сказывалось в том, что наиболее эффективные хозяйства превращались в государственные предприятия, а также поощрялось создание кооперативов.

Разногласия между большевиками и их единственными политическими союзниками — левыми эсерами — постепенно нарастали. А начало Гражданской войны обозначило новый поворот политики в области сельского хозяйства. В июне 1918 года был подписан Декрет об организации комитетов крестьянской бедноты (комбе-

¹ См.: *Декреты Советской власти*. М., 1957. Т. 1. С. 7–20.

² См.: Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. С. 171. Наказы были подготовлены под сильным слиянием партии эсеров и впервые опубликованы в: *Известия*. 1917. 19 августа.

³ См.: *О земле*. С. 22–33.

⁴ Делались, правда, некоторые исключения. Например, в случае болезни хозяина землю можно было сдать внаем, но не более чем на два года.

дов), а к октябрю их число достигло 70 тысяч¹. Эти новые органы были созданы в условиях резкого дефицита зерна, вызванного коллапсом рынка и государственным снабжением². Излишки зерна изымались у кулаков и распределялись среди сельской бедноты и городского пролетариата. Однако истинная функция комбедов не ограничивалась только изъятием зерна в условиях его резкой нехватки. Еще в январе 1918 года Ленин предсказал, что «трудовое крестьянство объявит беспощадную войну эксплуататорам-кулакам и поможет нам в нашей борьбе за лучшее будущее для народа и за социализм»³. На заседании ВЦИКа (советского парламента) от 20 мая его председатель Свердлов обратил внимание на необходимость «со всей серьезностью подойти к проблеме социального расслоения в деревне, к созданию там двух враждебных лагерей». Далее он призвал «зажечь огонь той гражданской войны, которая недавно вспыхнула в крупных городах»⁴.

Конфискация помещичьих земель положила начало социалистической революции на селе. А к маю 1918 года большевики приняли решение перейти к ее второй фазе⁵. Комитетам крестьянской бедноты при этом поручалось возглавить «социалистическую революцию на селе»⁶. Выступая на съезде представителей комбедов Московской губернии, Ленин заявил: «Организация крестьянской бедноты — это самая важная задача

¹ См.: Яковцевский В. *Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма*. С. 71.

² Незадолго до этого (9 мая 1918 года) был принят декрет, наделивший Народный комиссариат по снабжению чрезвычайными полномочиями в борьбе с укрыванием запасов зерна и спекуляцией им (Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. II. P. 51).

³ Ibid. P. 50.

⁴ Герасимюк В. *Начало социалистической революции в деревне, 1917–1918 годы*. С. 69–70.

⁵ См.: *Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов*. М., 1922. С. 7.

⁶ Там же. С. 10.

нашего внутреннего развития и, пожалуй, наиболее важная задача нашей революции»¹. Он даже назвал этот шаг границей, отделяющей буржуазную революцию от социалистической². На этом съезде, как и на других подобных ему, царил прямо-таки религиозный экстаз³. Но 2 декабря 1918 года было принято решение о роспуске комитетов крестьянской бедноты в связи, якобы, с тем, что они выполнили возлагавшуюся на них задачу. Если учесть масштабы ставившихся целей, то подобный⁴ шаг фактически означал признание полного провала всей кампании по превращению комбедов в революционный авангард беднейшего крестьянства.

Надежда решить проблемы села в русле ортодоксальной идеологии большевиков — путем создания «сельскохозяйственной индустрии» — была еще жива. В партийном постановлении от 14 февраля 1919 года сельское хозяйство, основанное на крестьянских семейных фермах, было названо преходящей и отживающей фазой его развития⁵. На смену им должны прийти государственные и коллективные сельскохозяйственные предприятия. С середины 1918 до конца 1920 года считалось, что магистральной линией развития сельского хозяйства должно стать его огосударствление и коллективизация⁶. В декабре 1920 года Пятый съезд Советов заявил, что сельское население должно «прилагать усилия к сохранению ферм должного размера и качества». А Наркомзем (Народный комиссариат по сельскому хозяйству) пытался ввести централизованные методы

¹ *Отчет Наркомзема*. С. 46.

² Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. II. P. 55.

³ См., например: *Съезд комбедов Союза коммун Северной области*. Петроград, 1918.

⁴ Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. II. P. 159.

⁵ См.: *О земле*. С. 30.

⁶ См.: *Отчет Наркомзема*. С. 7.

планирования и администрации¹. Были опробованы новые методы внедрения кооперации на селе, такие как создание «посевных комитетов»². Но ожидания, что государственные фермы «в скором времени превратятся в настоящие фабрики по производству мяса и зерна», не оправдались³. И тогда произошел новый решительный поворот — переход к нэпу и появление Земельного кодекса 1922 года⁴.

Как все эти новые законодательные меры повлияли на ситуацию в сельском хозяйстве страны? Вспомним, что до принятия Декрета о земле Россию потрясли сильные крестьянские волнения. Осенью 1917 года мощная волна крестьянских восстаний прокатилась по стране. Здесь стоит отметить, что всегда наблюдалась прямая связь между интенсивностью беспорядков на селе и тем, что официально именовалось «избытком сельского населения», а на деле представляло собой относительный недостаток земли⁵. Это указывает на истинные причины народного недовольства. Интересно понять, как проходил дележ конфискованной у помещиков земли. Решение каждый раз принималось общим крестьянским собранием, то есть оно было коллегиальным, а ответственность в случае каких-то возможных негативных последствий тоже распределялась между всеми членами общины⁶. Эти черты, сложившиеся в пе-

¹ См.: Теодорович И. *О государственном регулировании крестьянского хозяйства*. М., 1920.

² См.: там же; Осинский Н. *Государственное регулирование крестьянского хозяйства*. М., 1920. В официальных документах можно встретить много терминов, заимствованных из лексикона городских промышленных предприятий («обязанность трудиться на отведенном участке», «трудовые дезертиры» и т. п.), хотя в данном контексте они становятся совершенно бессмысленными (см.: *Всероссийское совещание по работе в деревне*. М., 1920).

³ См.: *Отчет Наркомзема*. С. 7, 34–55.

⁴ См. приложение Б, раздел 4.

⁵ См. карту в: *О земле*. С. 20.

⁶ См.: Милютин В. (ред.) *Аграрная революция*. М., 1928. Т. 2.

риод крестьянских бунтов 1917 года, во многом сохранились и в 1918 году. Центральные органы власти, находившиеся в городах, не имели реальной власти на селе. Самое большое, что они могли сделать, это принять какие-то законы. Их исполнение в конечном счете полностью зависело от решений на местах¹.

В 1918 году Наркомзем провел специальное исследование, в котором изучался вопрос о том, как на местах реализовывались общие установки, поступающие из центра и касающиеся намеченных направлений развития сельского хозяйства. Выяснилось, что отобранная у помещиков земля была распределена между крестьянами, а вот указание организовать на образцовых фермах государственные сельскохозяйственные предприятия было в общем и целом проигнорировано. Передел земли был объявлен временным, действующим до принятия окончательного закона о земле. Распределяя землю, местные органы власти пользовались самыми разными методами. В ряде районов вся земля, включая индивидуальные наделы общинных земель, делилась поровну между крестьянами с учетом количества едоков в семье. Такой способ назывался коренным, или «черным», переделом. В других местах крестьянские земли не трогали: переделу подвергались только бывшие помещичьи земли, причем их раздавали преимущественно безземельным крестьянам. Существовал и своего рода промежуточный подход, для обозначения которого использовались слова «отрезка» и «прирезка». В этом случае «излишняя» земля изымалась у наиболее богатых крестьян и передавалась наиболее бедным. При таком методе середняки в переделе земли никак не участвовали. Иногда принадлежащая крестьянам земля тоже подвергалась экспроприации, а иногда приравнивалась к общинной земле и оставалась в собственности ее владельцев. Исследование показало так-

¹ См.: Милютин В. (ред.) *Аграрная революция*. Т. 2. С. 179.

же, что «черный передел» использовался очень редко. Инициатором его обычно выступали местные власти, которые делали это вопреки указаниям центральных властей. Чаще всего использовался метод «отрезок» и «прирезок». Стоит отметить, что от передела выигрывали не обязательно наиболее бедные крестьяне. Порой дополнительная земля доставалась и богатым домохозяйствам. Причем, как показали дальнейшие исследования, случалось, что самые богатые крестьяне получали больше других. Передел касался только пахотных земель; приусадебные участки, как правило, не трогали¹.

Наибольшие изменения коснулись, по-видимому, той роли, которую играли крестьянские общины. Как отмечал Милютин, «сельская община, демонстрируя свою исключительную живучесть, без сомнения, была главным идеологическим ядром того социального механизма, который, по сути дела, совершил аграрную революцию внутри самого крестьянства»². Возрождение крестьянской общины было связано с двумя важными обстоятельствами. Во-первых, старая практика перераспределения общинной земли превратилась в главный механизм нового революционного передела. Соответственно, сами общины, а также районное и областное начальство боролись за то, чтобы «их» крестьяне получили как можно больше земли. В этом плане их интересы совпадали. В каком-то смысле ситуация напоминала ту, которая существовала в начале XIX века, когда, преследуя свои собственные материальные ин-

¹ См., например: Гордеев Г. *Сельское хозяйство в войне и революции*. М., 1925. С. 107; Рубач М. *Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции*. С. 234. О некоторых случаях уравнивания приусадебных участков сообщают: Келлер В., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы: опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии*. Воронеж, 1922. С. 105.

² Милютин В. (ред.) *Аграрная революция*. Т. 2. С. 230.

тересы, помещики косвенно защищали также интересы своих крестьян перед лицом центральных властей, которые были заинтересованы в поддержании относительного равенства между территориями¹.

Во-вторых, особая ситуация сложилась в центральных областях России после 1906 года, когда в результате столыпинских реформ часть крестьян покинули сельские общины, образовав свои независимые фермы (хутора)². В новых условиях, когда крестьянские общины стали более влиятельными, их отношения с независимыми фермерами обострились. Общины стали всячески давить на «отщепенцев», пытаясь вынудить их вернуться³. Новые поселенцы-хуторяне обычно силой выдавливались из этих мест⁴. Действия такого рода нельзя объяснить только как борьбу малоимущих против зажиточных. Ведь во многих случаях владельцы хуторов были не намного богаче своих соседей, которые являлись членами крестьянских общин. Например, данные одного исследования, охватившего 47 губерний, говорят о том, что в 20 из них размеры хуторской земли были даже меньше, чем средние наделы по общинам⁵.

¹ См.: Келлер В., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы*. С. 21.

² Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. 1949. Chs. 9 and 12.

³ См.: Милютин В. (ред.) *Аграрная революция*. Т. 2. С. 177, 223–224; Дубровский С. *Крестьянство в 1917 году*. М., 1927. С. 69–70. В некоторых случаях независимые крестьяне добровольно возвращались в общины, рассчитывая поучаствовать в переделе помещичьих земель (см.: Крицман Л. *Классовое расщепление в советской деревне*. С. 9).

⁴ Конфликт между членами традиционной крестьянской общины и независимыми фермерами характерен не только для России (см., например: Warner C. (ed.) *Agrarian Conditions in Modern European History*. New York, 1966. P. 79–98).

⁵ См.: *О земле*. С. 15. Отметим, правда, что размер земельного участка не может быть единственным критерием зажиточности крестьян. Поэтому вопрос о том, что было более выгодным в дореволюционной России — статус независимого крестьянина

Однако несомненным является и факт неприязненного отношения членов крестьянских общин к хуторянам, и факт полного исчезновения хуторов в некоторых регионах в указанный период¹. С 1916 по 1922 год доля хуторов в Самарской губернии сократилась с 19 до 0,1%, а в Саратовской губернии — с 16,4% до нуля². Правда, как отмечает П. Першин, в разных областях России отношение к различным типам независимых крестьянских хозяйств было разным³.

Если говорить о крестьянах-единоличниках, чья земля непосредственно примыкала к общинной земле (так называемый отруб), то после революции подобного рода владения в России почти полностью исчезли. Отношение же к полностью изолированным фермам (хуторам) зависело от региона: в южных районах страны и в Центральном Черноземье оно было резко отрицательным, тогда как на севере и северо-западе оно было скорее положительным. Першин объясняет это тем, что, во-первых, на севере обрабатывать выделенные участки было технически проще, а во-вторых, что создание там хуторов не приводило к заметному имущественному расслоению крестьянства⁴.

Деятельность комбедов в конце 1918 года по-видимому не оказала существенного влияния на распределение земли. Главным инструментом революционного перераспре-

или члена общины, — является открытым (Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 237–238).

¹ Например, сообщается, что власти одного из уездов приказали всем крестьянам, покинувшим ранее общины, вернуться в них во избежание кровопролитий (см.: *О земле*. С. 69).

² См.: Данилов В. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. *История СССР*. 1958. № 3. С. 100.

³ См.: Першин П. *Участковое землепользование в России: хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 годов и судьба во время революции (1917–1920 гг.)*. М., 1922. С. 39–43.

⁴ Учитывая то обстоятельство, что сам Першин был ярким сторонником перехода к фермерскому типу крестьянских хозяйств, его оценки, надо думать, не лишены некоторой предвзятости.

деления земли в этот период были крестьянские общины. Нужно также отметить, что данный процесс явился мощным стимулом развития животноводства. Но к началу 1919 года раздел бывших помещичьих земель практически завершился, а темпы перераспределения общинных земель существенно снизились¹. Желание части крестьян формально узаконить владение землей, которую они недавно получили, породило растущий интерес к тому, что тогда называлось землеустройством. А на северо-западе страны снова набрал силу процесс образования независимых сельскохозяйственных ферм². Аграрная революция практически закончилась³.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как реально повлияла аграрная революция на социально-экономическую мобильность российского крестьянства? Главным изменением стало весьма существенное перераспределение земли. В руках крестьян оказалось еще 150 миллионов десятин земли⁴. Эта цифра часто цитируется, но к ней нужно добавить некоторые комментарии. Только примерно одна треть приходилась на долю бывших помещичьих земель. В основном это были пахотные угодья⁵. Остальные две трети составляли, в основном, земли, ранее принадлежавшие государству и царской семье. В массе своей это были несельскохозяйственные земли, глав-

¹ См.: Милютин В. (ред.) *Аграрная революция*. Т. 2. С. 212; Келлер В., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы*. С. 99–104.

² См.: *О земле*. С. 17–71; Першин П. *Участковое землепользование в России*. С. 35–44.

³ В некоторых общинах еще практиковалось ежегодное перераспределение земли, о чем свидетельствуют официальные правительственные запреты 1919 и 1920 года (см.: Шарапов Г. *Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.)*. С. 144–145).

⁴ См.: *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. С. 341.

⁵ Robinson G. *Rural Russia under the Old Regime*. P. 270.

ным образом — леса. Поэтому трудно сказать, какую именно площадь новых полезных земель приобрели русские крестьяне в результате аграрной революции. В 1921 году Наркомзем сообщил, что в 33 губерниях европейской части России крестьяне получили 86% земли, ранее принадлежавшей не им, и, таким образом, площадь пахотных земель, принадлежащих теперь крестьянам, составляет 97% от всей площади¹. Но еще в 1916 году 89% посевных земель в России обрабатывались крестьянами. Что касается скота, то крестьяне владели 95% всего поголовья². Таким образом, земля, которую получили крестьяне в результате передела, в основном была той землей, которой они (более богатые домохозяйства и товарищества) раньше пользовались на правах аренды, а также землей, переданной в 1917–1918 годах общинам.

Несмотря на экспроприацию земель, не принадлежавших ранее крестьянам, исследования 1917–1920 годов регистрируют общее снижение площадей земли и количества лошадей в пересчете на одно домохозяйство (табл. 8.1). Это снижение частично объясняется резким увеличением количества крестьянских домохозяйств за этот период в сочетании с уменьшением размеров семей и принадлежащих им земельных наделов. Уменьшились также показатели пахотной земли и лошадей в подушевом исчислении. Все это вместе говорило об ухудшении материального положения российского крестьянства в годы войны и революции. Параллельно отмечалось и резкое снижение числа домохозяйств, занимавшихся разного рода промыслами.

¹ См.: *Отчет Наркомзема*. С. 5. Губернии, о которых идет речь, располагались, преимущественно в центре европейской части России и были менее затронуты Гражданской войной.

² См.: Челинцев А. *Русское сельское хозяйство перед революцией*. С. 10–11. В ходе Первой мировой войны среди помещиков усилилась тенденция сдавать землю в аренду, а не обрабатывать ее.

Таблица 8.1

Индикаторы экономической активности крестьян РСФСР
(по данным переписей 1917, 1920 и 1922 г.)

Индикатор	Единицы	1917	1920	1922
Ср. площадь пахотной земли	Десятин	4,3	3,2	2,2
Ср. число лошадей	Лошадей	1,4	1,1	0,8
Безземельные домохозяйства	% к общему	15,9	8,1	6,7
Безлошадные домохозяйства	% к общему	27,0	27,1	37,5
Хозяйства, не занимающиеся ремеслами и промыслами	% к общему	23,5	14,7	11,9
Ср. число членов семьи	Человек	6,1	5,6	5,4
Ср. площадь земли на душу	Десятин	0,7	0,6	0,4
Ср. число лошадей на душу	Лошадей	0,228	0,196	0,148

Источник: *Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923*. С. 107.

Примечание. Учитывались промыслы, дающие дополнительный доход.

Однако для полной оценки влияния аграрной революции необходимо учесть мобильность крестьянских домохозяйств, принадлежащих к разным имущественным слоям. Данных про это немного, а оценки часто разнятся. Уже упоминавшийся доклад Наркомзема говорит о том, что подушевое увеличение площади земли составило от одной четверти до трех четвертей десятины¹. Нам представляется, что это явная переоценка. Карта, которую приводит Книпович², показывает, что только в Саратовской и Петроградской губерниях подушевой прирост превышал половину десятины. В половине всех губерний подушевой прирост был меньше четверти десятины. Оценки, даваемые Теодоровичем в отношении прироста земли — соответственно 0,09 десятины (0,24 акра) и 0,33 (0,9 акра), — кажутся более реалистичными³.

¹ См.: Теодорович И. *О государственном регулировании крестьянского хозяйства*. С. 6.

² См.: *О земле*. С. 31.

³ См.: Теодорович И. *О государственном регулировании крестьянского хозяйства*. С. 6.

Есть данные, что в некоторых деревнях подушевой прирост составлял всего четыре сажени (0,005 акра). Поэтому неудивительно было слышать от многих крестьян, что их ожидания были значительно больше того, что они реально получили в результате аграрной реформы¹.

Изменения в социально-экономической дифференциации российского крестьянства в период 1917–1920 годов, которые были представлены в табл. 3.4 и 3.5, мы считаем наиболее надежными. Данные стратификации по признаку посевных площадей показывают значительное выравнивание, которое фактически превышает степень общего снижения. Количество домохозяйств быстро увеличивалось, а число безземельных сократилось более чем вдвое. Значительно уменьшилось количество крупных домохозяйств. Доля самых мелких крестьянских домохозяйств, в распоряжении которых находились посевные площади размером менее двух десятин, напротив, выросла и в 1920 году составляла почти половину всех хозяйств. Если измерять процесс дифференциации по числу лошадей, то результаты будут сходными. Похоже, что после революции имело место существенное выравнивание материального положения русских крестьян. И это не ограничивалось только площадью земельных наделов.

В рассматриваемый период самые большие изменения отмечались в положении безземельных крестьян². Но надо помнить, что эта группа крестьян занимала особое положение в русской деревне. Собственно говоря, формально к ней часто относили не только крестьян, но и ремесленников, продавцов, некоторых пенсионеров, учителей и даже священнослужителей. В условиях продовольственного кризиса и коллапса денежной эконо-

¹ См.: Келлер Р., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы*. С. 86–94; Першин П. *Участковое землепользование в России*. С. 44.

² В. Яковцевский, например, говорит о том, что после революции землю получили примерно три миллиона крестьян (*Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма*. С. 73).

номики у этих людей появился серьезный стимул приобрести задаром хоть немного земли. Местные сельские общины обычно шли им навстречу. Для многих новых мелких земельных собственников это было временное решение в ожидании лучших времен. Они вовсе не собирались всерьез становиться фермерами, а просто рассчитывали, сдав свою землю внаем, получить какой-то дополнительный доход. Подобная процедура в 1917–1921 годах считалась незаконной, и потому подобные случаи официально не регистрировались. Этим отчасти объясняется тот факт, что в течение всего рассматриваемого периода число безлошадных сельских жителей намного превышало число безземельных. Малая площадь многих земельных участков, а также широко практиковавшееся в то время изымание коней для армии были дополнительными факторами, создающими подобную ситуацию¹.

Общее снижение уровня благосостояния затронуло все слои крестьянства. Но слой беднейших мелких землевладельцев сильно разросся как в абсолютном, так и в относительном выражении. Он пополнялся и безземельными крестьянами, недавно получившими землю, и обедневшими середняками. К этому добавлялось еще и значительное число иммигрантов. Сдвиг вниз был особенно заметен в прослойке наиболее богатых крестьян. Одна из причин заключается в том, что та земля, которую они раньше арендовали у помещиков, теперь перешла в собственность общин. Сокращение посевных площадей существенно ухудшило экономические условия для богатых кулаков. Но все остальные слои сельских жителей воспринимали это как восстановление социальной справедливости.

¹ Земледелие в России трудно себе представить без лошадей. Однако при земельном участке размером менее двух десятин содержание лошади становится экономически нерентабельным (см. главу 4, раздел 2).

Важно еще раз отметить, что цифры, показывающие изменение количества земли, находившейся в то время в распоряжении самых богатых домохозяйств, следует интерпретировать с большой осторожностью. По оценкам, сделанным в 1923 году, за период с 1917 по 1921 год произошла экспроприация примерно половины всей земли, ранее принадлежавшей независимым фермерам, и 4/5 всех частных земель, приобретенных крестьянами до революции¹. Однако похоже, что эти оценки сильно преувеличены. Во многих случаях наблюдались просто какие-то пространственные сдвиги без изменения размеров владений². По некоторым оценкам выходит, что именно богатые землевладельцы больше всего выиграли от переделов земли, ранее не принадлежавшей крестьянам³. Это вполне возможно, несмотря на данные о выравнивании материального положения крестьян, если предположить, что деления богатых домохозяйств происходили уже после их расширения.

Итак, можно сделать вывод, что, интерпретируя цифры, характеризующие социально-экономическую мобильность крестьянства в революционную эпоху, мы должны вносить в получающуюся картину серьезные коррективы. При этом сам факт наличия мощных процессов имущественного выравнивания не подлежит никакому сомнению, какие бы критерии оценки ни использовались. Идея второй революции обычно подкрепляется данными о значительном снижении числа безземельных крестьян и об исчезновении большинства богатых домохозяйств. Но при ближайшем рассмотрении выявляется одно удивительное обстоятельство: хотя утверждают, что вторая революция

¹ См.: Бляхер Е. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 года. *Вестник статистики*. 1923. Кн. 13. № 1–4. С. 151.

² См.: Келлер Р., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы*. С. 86–94; Першин П. *Участковое землепользование в России*. С. 10.

³ См.: Аверьев В. (сост.) *Комитеты бедноты*. Т. 1. С. 3.

в России закончилась к началу 1919 года, процессы выравнивания продолжались с прежней интенсивностью по меньшей мере вплоть до 1920 года¹. Можно, конечно, пытаться объяснить это тем, что процессы перераспределения земли и скота имели некоторую инерционность. Но для этого нет достаточных фактических оснований. И поэтому требуется найти какое-то другое объяснение очевидным процессам выравнивания, которые шли в 1919–1920 годах. Динамические исследования учат нас, что ограничиваться только интегральным описанием процессов, происходящих внутри крестьянского общества, недостаточно. Нужно проникнуть гораздо глубже и проанализировать реальную динамику на уровне отдельных домохозяйств, которые вовлечены в эти процессы.

4. Мобильность крестьянских домохозяйств и АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К сожалению, у нас нет необходимых данных для проведения динамических исследований периода войны и революции. И это неудивительно. Трудно ожидать, чтобы во второе десятилетие XX века кто-то собирал подробные данные об истории отдельных крестьянских домохозяйств. Такие данные просто-напросто отсутствуют, и этот пробел никак нельзя устранить.

Единственным исключением тут могут служить те данные, которые в предреволюционные годы собирала неугомонная Хрящева. Она сравнивала «органические изменения», происходившие в Тульской губернии до и после 1911 года. Ее данные говорят о том, что в период с 1912 по 1917 год там происходило значительно больше делений и ликвидаций крестьянских домохо-

¹ Процесс аграрных реформ несколько отставал в некоторых районах Украины и Белоруссии (Яковцевский В. *Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма*. С. 74). Но в выборке ЦСУ 1917, 1919 и 1920 года они составляли всего 5%.

Таблица 8.2

Крестьянские домохозяйства по числу членов (1917 и 1919 г.)

Число членов домохозяйств	Количество домохозяйств			% домохозяйств		
	Абсолютные измерения			Измерения в %		
	1917	1919	1917–1919	1917	1919	1917–1919
1	12,567	12,889	+322	2,9	2,8	+2,6
2–3	64,657	82,838	+18,175	15,1	17,9	+28,1
4–6	174,913	203,504	+28,591	40,9	43,9	+16,3
7–10	142,723	140,814	–1,909	30,4	30,4	–1,3
Более 10	32,431	23,351	–9,080	7,6	5,0	–28,0
<i>Всего домохозяйств</i>	<i>427,291</i>	<i>463,390</i>	<i>+36,099</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>+8,4</i>

Источник: *Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 году*. М., 1922. С. 8.

Примечание. Основано на репрезентативной выборке деревень в 25 губерниях европейской части России.

зайств, чем это было в период между 1899 и 1911 годом¹. Очевидно, что тут явно сказывались последствия войны. Данных по периоду революции тоже маловато, и поэтому выводы здесь в значительной степени носят спекулятивный характер. Имеются данные по Белоруссии, которые показывают, что показатели делений и эмиграции тогда были в два раза выше, чем в 1924–1925 годах², то есть интенсивность «органических изменений» в 1917–1920 годах резко возросла. Но даже при такой скудной фактической базе мы можем попытаться оценить динамику мобильности крестьянства, опираясь на имеющиеся данные (см., например, табл. 3.4 и 3.5).

¹ См.: Хрящева А. Крестьянское хозяйство в войне и революции. *Вестник статистики*. 1920. № 9–12. С. 13–20.

² См.: Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. М., 1929. С. 44.

Таблица 8.3

Среднегодовые показатели деления крестьянских домохозяйств (1911–1922 годы)

Период	% делящихся домохозяйств
1911–1914	1,7
1914–1917	0,3
1917–1920	3,3
1920–1922	2,3

Источник: Большаков А. *Современная деревня в цифрах*. Л., 1925. С. 32.

Теоретические соображения и те немногие эмпирические данные, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что в 1917–1921 годах наблюдался необычный рост числа делений крестьянских домохозяйств. Причины тому были следующие. Во-первых, много энергичных молодых людей, демобилизованных и дезертиров, вернулись из армии. Желая создать свою собственную семью, они требовали выделения своей части собственности. Поэтому домохозяйства стали снова активно делиться после периода затишья, связанного с войной¹. Во-вторых, разделение, особенно при наличии женатых сыновей, для сравнительно крупных домохозяйств являлось естественным ответом на реальную или воображаемую угрозу экспроприации или прогрессивного налогообложения. Далее, выделяемое домохозяйство имело право на бесплатное получение бревен для строительства дома, что также было дополнительным стимулом к делению. Наконец, был еще один фактор, связанный с разрушением патриархального уклада жизни в годы революции. Молодые мужчины и женщины в массе своей, почувствовав себя более свободными, стали активнее добиваться экономи-

¹ Подробнее об этом см.: Пешехонов А. Динамика крестьянства за время революции. *Записки Института изучения России*. Прага, 1925. Т. 2. С. 15.

Таблица 8.4

Показатели разделения крестьянских домохозяйств
в зависимости от площади пахотной земли
в 1917–1920 годах (%)

Посевные площади в 1917 году (дес.)	Тамбовская губерния	Смоленская губерния	Владимирская губерния
Менее 1	2,2	1,8	1,8
2–4	7,1	10,0	7,1
6–8	17,7	23,4	14,8
10–16	33,3	37,7	24,6
Более 22	61,0	60,0	43,0

Источник: Хрящева А. Расслоение крестьянства в условиях нэпа. С. 57.

ческой независимости¹. Все это проявилось в снижении среднего размера крестьянского домохозяйства, особенно заметного в случае более крупных хозяйств.

В свете вышесказанного данные, которые приводит Большаков (табл. 8.3), представляются вполне реалистичными. Резкий спад интенсивности дробления крестьянских домохозяйств во время Первой мировой войны вполне понятен в связи с тем, что большое количество молодых людей в эти годы были призваны в армию. После 1920 года наблюдается некоторое снижение интересующего нас показателя (по данным ежегодных динамических исследований, проводившихся ЦСУ). Тут, как можно предполагать, сложились эффекты войны, кризиса и голода. Кроме того, это было некоторое естественное замедление процесса после его весьма активной фазы в период 1917–1920 годов.

Резкий рост числа делений был особенно характерен для более зажиточных слоев. Точных данных по стране в целом нет, но те показатели, которые были получены в трех губерниях европейской части России, хорошо вписываются в общую картину.

¹ См. об этом в главах 9 и 10.

Есть все основания считать, что в период с 1917 по 1920 год показатель делений в наиболее зажиточных слоях российского крестьянства составлял около 50%. К этому нужно добавить выравнивающий эффект общего снижения имущественного положения сельских жителей страны¹. В условиях нехватки земли и снижения уровня жизни интенсивный процесс деления наиболее богатых домохозяйств приводил к значительному общему выравниванию социально-экономического положения крестьян.

Что касается статистики исчезновения крестьянских домохозяйств, то по рассматриваемому периоду у нас нет даже частичных или косвенных данных. Учитывая, что это было трудное время Гражданской войны, можно предположить, что показатель вымирания был довольно высоким. Но, с другой стороны, нужно принимать во внимание и существование ряда факторов, препятствовавших эмиграции крестьянского населения: ухудшение условий жизни в городах, прекращение активного переселения на восток, раздача крестьянам земли и льготы для беднейших крестьян, провозглашенные революцией. Поэтому в период с 1918 по 1920 год началось массовое возвращение крестьян в свои родные места. Показатели реиммиграции в эти годы превысили показатели эмиграции. В целом иммигранты пополняли наиболее бедные слои крестьянства, и, соответственно, мы наблюдаем количественный рост этой прослойки². А это, в свою очередь, частично компенсирует влияние довольно интенсивных процессов исчезновения беднейших домохозяйств из-за их вымирания и эмиграции.

Мы видим, что в 1917–1920 годах «органические изменения» существенно изменили свой характер. Резко возросло число делений, особенно наиболее крупных

¹ См. главу 3, раздел 2.

² См. главу 5, раздел 4.

домохозяйств. Но при этом идущий процесс «вымывания» беднейших домохозяйств был в значительной мере компенсирован за счет изменения направлений крестьянской миграции. В целом же доминирующими оказались процессы снижения уровня благосостояния крестьян и общего выравнивания их имущественного положения¹.

Остаточный компонент мобильности крестьянских домохозяйств, однако, оценить трудно из-за отсутствия соответствующих эмпирических данных. Но естественно предположить, что давление внешних обстоятельств и неизбежное снижение внутренней стабильности в условиях Гражданской войны должно было привести к усилению мобильности за счет действия случайных факторов разного рода.

Аграрная революция в России в это время происходила главным образом по линии перераспределения общинной земли. За период с 1917 по 1920 год в некоторых общинах этот процесс повторялся три или четыре раза². Но говорить о подлинно справедливом распределении земли можно только в отношении небольшого числа крестьянских общин или домохозяйств. И даже в 1918 году этот процесс еще не стал всеобщим³. А после 1918 года он быстро пошел на спад.

Итак, аграрная революция 1918 года, протекавшая в форме конфискации земель, ранее не принадлежавших крестьянам, и распределения их среди членов общин, имела мощный выравнивающий эффект. В максимальной степени она повлияла на положение наиболее бедных крестьян, которые наконец-то полу-

¹ Примерные оценки «органических изменений» во время Первой мировой войны (1914–1917 годы) дает А. Хрящева (Расслоение крестьянства в условиях нэпа. С. 14–20).

² См.: Келлер Р., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы*. С. 100.

³ См.: там же. С. 23–26.

чили землю. Даже сворачивание этого процесса после 1918 года не смогло полностью переломить сложившейся тенденции. Но в чистом виде выравняющий эффект центростремительной мобильности, не связанной с аграрной реформой, дал о себе знать в 1919–1920 годах, когда социально-экономическое положение крестьянства заметно ухудшилось¹. Далее, хотя экспроприация во время революции лошадей и оборудования не особенно сказалась на состоянии крестьянской экономики, процесс дифференциации в отношении обладания лошадьми и сельскохозяйственным оборудованием очень напоминал по своему характеру тот, который наблюдался в области владения землей². Значительная центростремительная мобильность «обычного» типа, по-видимому, действовала параллельно революционному разделу имущества в российской деревне и сильнее всего затрагивала самых богатых. Более того, практикуемые формы перераспределения земли придавали аграрной революции в России явно выраженный политический характер.

В последующее десятилетие центростремительный и выравняющий эффект многомерной и циклической мобильности в течение любых пяти лет в количественном выражении по силе своей был сопоставим с тем, что имело место в период аграрной революции 1917–1918 годов. Это вовсе не умаляет эффекта аграрной революции. Просто многомерная и циклическая мобильность, связанная с особенностями социальной структуры российского крестьянства, сама по себе была очень мощным фактором, который всегда необходимо учитывать. Отсюда можно сделать вывод о том, что

¹ См. главу 6, раздел 5.

² См.: *Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 году*. М., 1922. С. 19–20. Нужно отметить, что конфискация лошадей для нужд армии и постепенное изнашивание сложного сельскохозяйственного инвентаря оказывали сильное отрицательное влияние на положение наиболее зажиточных крестьян.

процесс перераспределения земли был важным фактором развития крестьянского общества в России после революции, но далеко не единственным. Его эффект больше всего чувствовался в среде беднейших крестьян, которые наконец-то получили землю. Но если говорить о середняках и наиболее зажиточных крестьянах, то тут эффект выравнивания материального положения был связан в основном с общим его ухудшением, со специфическим эффектом «органических изменений» и с мощными случайными флюктуациями.

5. КРЕСТЬЯНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1920 ГОДОВ

Картина двухступенчатой революции в сельском хозяйстве России в 1917–1919 годах была в многом плодом благих пожеланий, за которыми стояли весьма вольно трактуемые факты. Превратная интерпретация покоилась на ряде ложных исходных предпосылок. Во-первых, количественная оценка представленности «сельской буржуазии» среди русского крестьянства была явно завышена. Это заблуждение связано с двумя принципиальными методологическими ошибками: оценкой материального положения крестьянской семьи без учета ее размеров, а также игнорированием сильной центростремительной динамики, характерной для более зажиточных крестьянских домохозяйств. Во-вторых, совершенно не учитывалось влияние многомерной и циклической мобильности, происходившей одновременно с аграрной революцией и независимо от нее. Мобильность этого рода сама по себе приводила к значительному выравниванию имущественного положения крестьян. В-третьих, в 1917–1921 годах имел место общий экономический кризис, неизбежным последствием которого были выравнивание и общее снижение уровня жизни сельского населения. А это обстоятельство, как правило, не учитывалось. Наконец, экспроприацию земли, исчезновение хуторов и об-

щее выравнивание имущественного положения крестьянства совершенно непропорционально трактовать как проявления «классовой борьбы» в деревне. Эти социально-экономические преобразования не только протекали внутри традиционной социальной структуры крестьянского общества, но и усиливали ее. К концу войны и революции комитеты крестьянской бедноты прекратили свое существование, а грандиозные планы по созданию сельских государственных пищевых предприятий были забыты. Практически не осталось и самостоятельных домохозяйств хуторского типа. На селе по-прежнему господствовали традиционные крестьянские домохозяйства и общины. Сохранялось привычное расслоение крестьянства, а общая социальная динамика демонстрировала черты многомерной и циклической мобильности.

О кулацкой антикрестьянской контрреволюции в 1918–1919 годах речи не может идти просто потому, что, по сути, никакой антикулацкой крестьянской революции в России не было. В целом не было и никакой экспроприации земли и собственности богатых членов общин бедными. Разрушение независимых ферм — это феномен совсем иного рода. Его можно рассматривать как проявление консервативной (можно даже сказать реакционной) силы традиционных общинных связей, а вовсе не как элемент классовой борьбы в том смысле, как она дает о себе знать в городском обществе, основанном на рыночных отношениях¹. Возрождение общин, имущественное выравнивание в рамках традиционных каналов социальной мобильности, поглощение общинами ранее обособившихся хозяйств хуторского типа, усиление давления со стороны государства — все эти факторы способствовали росту социальной и политической сплоченно-

¹ Владельцы независимых сельскохозяйственных ферм не обязательно принадлежали к слою сельских богачей (см. раздел 2 настоящей главы).

сти внутри крестьянских общин¹. Именно такой солидарностью объясняется возникновение массовых крестьянских бунтов по всей стране в 1920 году, а также их внезапное дружное исчезновение в 1921 году². Ничуть не менее впечатляет и та огромная внутренняя сплоченность, которую российское крестьянство продемонстрировало позже — в начале массовой коллективизации³.

¹ Для сторонников пролетарской социалистической революции это все означало, что ленинская аграрная революция породила новый мощный слой врагов социализма на селе — врагов, сопротивление которых будет более отчаянным и опасным, чем было сопротивление помещиков (Люксембург Р. Рукопись о русской революции. *Вопросы истории*. 1990. № 2. С. 18).

² Ленин в своей речи на четвертом съезде III Интернационала отмечал, что «крестьянские выступления, которые до 1921 года были, можно сказать, непременным российским атрибутом, почти полностью исчезли» (см.: Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. III. P. 295).

³ Более подробно об этом см. в главе 9, раздел 2 и в главе 10, раздел 5.

Крестьянское общество
в период нэпа:
его внутренняя структура
и конфликты

1. МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ НА СЕЛЕ:
СИТУАЦИЯ ДЕ-ЮРЕ

ГЛАВНАЯ задача политической социологии — анализ социальной реальности в аспекте соотношения сил и конфликтов между основными группами общества. Сельские общины по всему миру, как известно, отличаются высокой степенью внутренней сплоченности¹. И все же представление о чисто эгалитарной, полностью единой и гармонично самоуправляемой деревенской общине — это, конечно, всего лишь идеальная модель. В действительности сельские общины характеризуются сложной (пусть и не очень заметной) системой внутренних отношений, статусов и конфликтов. Анализ этих отношений, явных и скрытых границ и потенциальных конфликтов чрезвычайно важен для понимания природы, структуры, различных форм развития и реальной дина-

¹ Российская крестьянская община (мир) обнаруживала, кроме того, и некоторые дополнительные характерные особенности. Но их не следует переоценивать. Крестьянские общины демонстрируют сходства, которые свойственны любому докапиталистическому обществу.

мики этих систем. Если брать период нэпа (1921–1928 годы), то для раскрытия его подлинной сущности мы должны выявить внутренние противоречия, которые определяли развитие крестьянского общества на этой стадии его исторического развития. Более того, описанные выше типы социально-экономической мобильности теперь необходимо будет пересмотреть с учетом этого существенного аспекта функционирования крестьянского сообщества.

Октябрьская революция установила новую структуру власти в деревне. До этого имелось четкое формальное разделение двух уровней власти на селе: низший уровень (общины и волости) и высший (уезды и губернии). На первом уровне действовал принцип самоуправления (выборности руководящих органов) при строгом государственном надзоре. На втором уровне существовала строгая иерархия государственных чиновников, назначаемых из центра¹. Теперь она была заменена общей системой демократического централизма с формальным требованием, чтобы все должностные лица избирались трудовым населением соответствующего административно-территориального образования.

В сельской местности руководящими органами стали сельские советы². Они представляли собой и демократически избранные трудящимися местные органы самоуправления, и низший уровень нового механизма управления страной. Таким образом, с одной стороны, они отчитывались перед своими избирателями, но с другой — одновременно подчинялись вышестоя-

¹ См. главу 2, раздел 2.

² Сокращенно эти органы именовались сельсоветами. Иногда использовался термин «поселковый совет», но здесь может возникнуть путаница. Дело в том, что сельский совет в действительности мог руководить целым районом с числом жителей от 300 до более десяти тысяч (Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. 1. P. 126).

щим органам государственной власти. Сельсовет избирался ежегодно собранием всех трудящихся данного района, в который обычно входило пять-шесть поселений. Кулаки (зажиточные крестьяне, использующие наемный труд), торговцы, священнослужители, лица, служившие ранее в царской полиции, а также некоторые другие категории граждан не имели права участвовать в этих выборах. Этим людей называли лишенцами. Съезд представителей сельских советов на уровне волости действовал как местное законодательное собрание. Аналогичные съезды собирались также на уровне уезда, губернии и всей страны¹. В перерывах между съездами законодательные и исполнительные функции принадлежали исполкомам, ежегодно избираемым съездами Советов на уровне волости, уезда и губернии. Сельсоветом руководил его председатель. Объединение законодательных и исполнительных функций в одних руках рассматривалось как одно из преимуществ советской демократии над западным парламентаризмом². Разделение законодательных и исполнительных функций осуществлялось только на общенациональном уровне: Всероссийский съезд Советов и Всероссийская исполнительная комиссия (ВЦИК; ЦИК — после 1924 года) были законодательными органами, а Совет народных комиссаров (Совнарком) осуществлял государственное управление³.

¹ Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. 1. P. 126; Vol. IV. P. 322. По Советской Конституции 1918 года представительство в высших органах власти составляло 5:1 в пользу Советов рабочих депутатов. Это было сделано для того, чтобы уменьшить влияние сельского большинства российского населения на решения государственной важности. Но на деятельность местных руководящих органов это практически не влияло.

² Собственно говоря, этот принцип был заимствован у Парижской Коммуны (Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. 1. P. 144–145).

³ Подробнее об этом см.: Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. Chs. 20–22.

Сельсоветам целиком отводились многие из тех функций, которые ранее выполняли крестьянские общины: управление местными делами, организация базовых услуг населению, сбор налогов, деятельность социальных служб. Но все вопросы, связанные с владением землей, находились в ведении так называемой земельной общины¹. Высшим органом был так называемый земельный сход — собрание всех членов домохозяйств, входящих в данную общину, кроме тех, кто не обладал землей. Правда, участвовали здесь даже те члены общины, которые по советскому законодательству были лишены избирательных прав (лишенцы). Но функции земельных общин были жестко ограничены только вопросами перераспределения земли. Волостные исполнительные комитеты направляли и контролировали деятельность всех земельных общин на своей территории. А параллельно с земельным сходом действовал еще и сельский сход². В него входили все проживавшие на данной территории жители, имевшие избирательное право. Задачей сельского схода был народный контроль за деятельностью демократически избранных членов сельсовета.

Такова была структура органов местного управления российской деревней в первые годы после революции. Но, переходя от теории к практике, зададимся вопросами: каковы были реальные имущественные и правовые отношения в русской деревне в этом период? интересы каких групп сталкивались между собой? как эти интересы формировались и в чем они не совпадали друг с другом? как все это позднее сказалось на дальнейших шагах развития ситуации в российском сельском хозяйстве?

¹ См.: *Земельный кодекс РСФСР*. М., 1924.

² Решение создать два типа местных советов на селе было принято в 1925 году значительным числом региональных съездов Советов, а в 1927 году распространено на всю страну (см.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. М., 1928. С. 23).

2. СЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ И СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

В начале XX века в России модной стала тема отмирания крестьянских общин. Само это явление оценивалось по-разному в зависимости от базовых идеологических установок спорящих. Но на самом деле картина была гораздо сложнее: крестьянские общины демонстрировали не только признаки ослабления, но и возрождения, причем процессы второго типа особенно явно давали о себе знать в кризисные времена. Частота переделов земли сокращалась, а тенденция покидать общины нарастала, особенно в северо-западных и юго-восточных частях России¹. Но вместе с тем российские крестьяне, перебравшиеся на новые земли, организовывали сельские общины традиционного типа не только в Туркестане и Сибири², но даже в Латинской Америке³. Характерно, что структура отношений, свойственная общинам, очень часто воспроизводилась в бригадах сезонных рабочих и ремесленников, формировавшихся внутри или вне родных деревень.

В период революции мы наблюдаем возрождение сельских общин, которые в России опять становятся доминирующей формой организации жизни в деревне. Начавшийся после революции активный процесс перераспределения земель, не принадлежавших ранее крестьянам, осуществлялся в основном через общины. В период нэпа более 20 миллионов крестьянских домохозяйств по всей России были организованы в 300–

¹ См.: Першин П. *Земельное устройство дореволюционной России*. М.-Воронеж, 1928. С. 77–147, 207–281, 329–438. Этот спонтанный процесс был существенно ускорен столыпинскими реформами (см. главу 2).

² См.: *Новый энциклопедический словарь*. 2-е изд. Т. 18. С. 489.

³ Например, в 1905 году русская сельскохозяйственная колония была создана в мексиканском штате Нижняя Калифорния (Whetton N. L. *Rural Mexico*. Chicago, 1948. P. 164).

400 тысяч общин¹. Чаще всего община соответствовала одной деревне. Но нередко в одну общину входило несколько деревень. Бывало и так, что большое село делилось на несколько общин². Некоторые из этих общин (особенно в западной части страны) не использовали практику периодического массового перераспределения своих земель, хотя в остальных отношениях они демонстрировали характерные черты типичной крестьянской общины. Порой бывало, что несколько общин создавали некое более крупное хозяйственное образование за счет объединения лугов, лесов и т. д. В этом случае верховным руководящим органом было общее собрание всех членов этих общин³.

Как отмечалось выше, советские законы признавали существование двух типов демократических собраний в деревне: собрание сельских жителей и собрание крестьян-земледельцев. Но на практике такое разделение не соблюдалось: даже те сельские жители, которые по новым законам утратили свои политические права, реально принимали участие в общих сходах⁴. С другой стороны, хотя собрание мыслилось как общее, чаще всего на нем присутствовали главы крестьянских домохозяйств. Остальные члены семей появлялись там лишь эпизодически⁵. Можно констатировать, что традици-

¹ В конце XIX века в 46 губерниях европейской части России насчитывалось около 110 тыс. крестьянских общин. По данным Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), к 1928 году их число увеличилось до 400 тыс. (Taniuchi Y. *A Note on the Territorial Relations between Rural Societies, Settlements and Communes*. P. 8, 13). Автор отмечает, что увеличение числа крестьянских общин после революции отражало тенденцию привести их в твердое соответствие со структурой сельских поселений.

² См.: *Note on the Territorial Relations between Rural Societies, Settlements and Communes*. P. 12–15.

³ *Ibid.* P. 11–12.

⁴ См.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 23–24.

⁵ См.: там же. С. 24; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 308.

онная форма организации жизни на селе сохранялась еще много лет и при советской власти. Более того, крестьянские общины даже укрепились благодаря тому, что практически все сельскохозяйственные угодья теперь находились во владении крестьян, а внешний контроль был несколько ослаблен.

После революции на селе сложилась своеобразная ситуация, когда фактически сосуществовали две формы местного самоуправления. Сельские советы представляли собой те органы, которые были официально наделены правом принимать важные решения. А традиционное собрание сельских жителей вроде бы утратило свой прежний статус в этом отношении. Но исследования как советских¹, так и зарубежных² ученых показывают, что истинное положение вещей на селе было иным: именно общее собрание членов крестьянской общины было тут реальным хозяином. Сельские советы как официальные органы власти часто оказывались в подчиненном положении и вынуждены были выносить все свои важные решения на одобрение общего собрания³.

Реальное превосходство крестьянских сходов над сельскими советами было связано с тем, что в их руках находился основной контроль над главным ресурсом — землей, которая для крестьян была и средством производства, и основным источником дохода и престижа. Несмотря на то что после 1918 года процесс перераспределения земли стал затухать, он полностью не пре-

¹ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне: основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП(б) в 12 уездах и округах СССР*. М., 1926; Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. М., 1929; Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*.

² Taniuchi Y. *The Village Gathering in Russia in the Mid-20s*. Birmingham, 1968; Male D. *The Village Community in the U.S.S.R., 1925–1930*. *Soviet Studies*. 1963. Vol. 14. No. 3. P. 225–248.

³ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 144.

кратился¹. А окончательные решения по всем вопросам принимались именно сельским сходом.

Властные полномочия общего собрания крестьянской общины были связаны также с практикой собирать денежные средства для собственных нужд, хотя официально эта практика никогда не была узаконена². Но поскольку государственные ассигнования на нужды местных сообществ были весьма скудными, так называемое самообложение всегда являлось основным источником ресурсов для этих целей. Государство не имело контроля над этими средствами. Часто даже местные сельские советы не были в курсе того, что происходило в этой сфере³. Закон о прогрессивном налогообложении, принятый советским государством, здесь не соблюдался⁴, и поэтому на бедных крестьян ложилось непропорционально большое бремя. Сборы эти не были в полном смысле добровольными: сельская сходка обладала достаточной властью, чтобы определять размеры сборов и сроки уплаты. Сельский сход, а не сельсовет, распоряжался также доходами от общественных предприятий, лишь косвенно связанных с землей (кузницы, зернохранилища и т. д.). Подобная ситуация вполне соответствовало традиционным представлениям крестьян о том, что общая собственность должна и управляться сообществом⁵.

¹ Луга перераспределялись ежегодно, перераспределялись также земли вымерших и эмигрировавших семей.

² Право устанавливать и собирать налоги официально было передано сельсоветам в 1924 году. Но и позднее этим нередко неофициально занимались общины (Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 462).

³ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 62–63.

⁴ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 21; Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 61–62.

⁵ См.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 10. Община также распоряжалась средствами, выручаемыми за счет сдачи внаем некоторых ее земель, и могла обязать своих членов без-

Даже в 1927 году, после ряда попыток увеличить бюджет сельских советов, средства, которыми они располагали, составляли всего 16% от средств, находившихся в руках деревенских общин¹. Нужно полагать, что реально эта доля была еще ниже. Большинство сельских советов вообще не имели собственных бюджетов². При таком соотношении сил общее собрание членов сельской общины фактически брало на себя всю ответственность за организацию жизни в деревне. Если просмотреть бухгалтерские книги крестьянских общин, то можно найти записи о выделении средств на землеустройство, лесопосадки, приобретение племенного скота, содержание школы, медицинского пункта, пожарной команды, отделения милиции, почтового отделения, покрытие административных расходов сельсовета и даже «платы местному священнику за молитву о дожде»³.

Таким образом, реальные полномочия сельских сходов простирались гораздо дальше, чем только сфера распределения земли и самообложения. Например, традиционно крестьянская община выступала как важный институт морального авторитета и контроля. Существовала даже давняя практика (хотя и неофициальная) наложения на своих членов денежных штрафов за мелкие правонарушения⁴. Помимо этого община продолжала играть важную роль в сборе государственных налогов⁵, фактически реализуя на деле старинную практику коллективной ответственности в этой области (из-

возмездно работать на нее в течение какого-то времени (см. там же. С. 14).

¹ См.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 12.

² См.: там же. С. 9.

³ См.: там же. С. 15–16, 52; Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 21; Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 27–28.

⁴ См.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 31.

⁵ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 38.

вестную как круговая порука), несмотря на то что юридически она была отменена еще в 1906 году.

Общее собрание, посвященное обсуждению насущных дел, устраивалось довольно часто¹. Точных данных у нас нет, но по разным источникам можно составить достаточно полное представление о той атмосфере, которая царила на подобных сходках². Любые предложения что-то изменить обычно встречались в штыки. Бесконечные дебаты то и дело переходили в личную перепалку. Четкое руководство, как правило, отсутствовало, а потому все решения принимались с большим трудом. Общий беспорядок и разногласия часто приводили к тому, что решение насущных вопросов откладывалось и все оставалось в прежнем виде³. Бедные крестьяне нередко пропускали собрания, а если присутствовали, то большей частью отмалчивались. Таким образом, тон фактически задавали кулаки⁴. Решения принимались не тайным голосованием, а простым подниманием рук. Как правило, всем управляла небольшая группа довольно состоятельных и наиболее активных членов общины, которых в народе именовали крикунами. Представители сельсоветов и партийные руководители довольно редко посещали народные сходы. Чаще всего их приход означал, что денежная или натуральная помощь крестьян требуется для осу-

¹ Не реже одного раза в месяц. Бывали даже случаи, когда в каких-то общинах проходило до 13 собраний в месяц. Во всяком случае такого рода мероприятия проводились значительно чаще, чем заседания сельских советов (См.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 33, 39; Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 33–38).

² Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 48–57; Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 144–145; Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 6; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 354; Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 33–38.

³ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 39; Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 33, 38, 41–46.

⁴ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 144–145; Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 38; Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 35.

ществления каких-то крупных мероприятий¹. Городские руководители часто жаловались на то, что жизнь в деревне реально контролируется не советами, а классовыми врагами — кулаками. Это фактически можно расценивать как признание того факта, что крестьянские общины смогли во многом сохранить свою автономию и остаться главной силой на селе. А причина, несомненно, заключалась в том, что для подавляющего большинства российского крестьянства традиционные ценности продолжали быть основополагающими. И потому среди крестьян наблюдался консенсус по наиболее важным вопросам.

В такой ситуации власть сельских советов была во многом иллюзорной и сильно уступала той, которой обладали крестьянские общины в лице общих собраний. Глава сельского совета являлся чиновником, состоящим на службе и вписанным в иерархию власти². Жесткий контроль сверху лишал сельсовет и его главу всякой автономии и способности маневрировать. Практически не имея собственного бюджета, им приходилось по всякому мелкому поводу обращаться с просьбой или к вышестоящим органам, или к общему собранию селян³. Понятно, что в таких условиях именно собрание выступало в качестве основного органа власти на селе, а советы являлись просто придатком волостной администрации, чья функция заключалась преимущественно в сборе налогов⁴.

Общее собрание было реальным хозяином в деревне, а вовсе не простым продолжением государственной власти. Его решения часто шли вразрез с теми правилами, которые устанавливало государство. Но это ни-

¹ См.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 40.

² Более подробно об этом см. в главе 10, раздел 1.

³ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 35–37. Некоторое улучшение финансового положения сельских советов произошло в конце нэпа.

⁴ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 15.

как не умаляло их веса в глазах крестьян. Власть общего собрания покоилась на вековых традициях, на единстве крестьянства как класса, на его психологии и социальной организации, что отвечало специфическим условиям жизни в небольшой и тесно сплоченной группе. Недаром крестьянская община в России часто именовалась «миром», то есть словом, которое может обозначать и особую окружающую среду, и гармонию отношений внутри нее. Для крестьян община действительно была родной и комфортной средой обитания¹.

При этом нельзя сказать, что этот мир был полностью свободен от внутренних трений и конфликтов. Основные внутренние противоречия были связаны с а) социально-экономической дифференциацией внутри крестьянского общества, б) традиционным различием возрастных и половых ролей и в) «вертикальной» сегментацией на своих и чужих. Все эти аспекты будут рассмотрены далее и помогут дать ответ на два существенных вопроса. Во-первых, о структуре противоречий в российской деревне того времени. Его выяснение, по нашему мнению, важно для понимания сущности процесса развития и его тенденциях. Во-вторых, вопрос о том, как политика советского правительства влияла на развитие ситуации в сельском хозяйстве страны. Он актуален в связи с тем, что, как было сказано выше, реальная власть крестьянских собраний была выше, чем сельсоветов.

¹ В одной из книг того времени крестьянская община в России сравнивалась с неписаной конституцией (См.: Крицман Л., Попов П., Яковлев Я. *Сельское хозяйство на путях восстановления*. М., 1925. С. 822). Отмечается также, что со временем крестьянские собрания становились более влиятельными (см.: Резунов М. *Сельские земли и земельные общества*. С. 8).

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЫ

Считается, что для анализа стратификации современного общества наиболее важны существующие различия в социально-экономической сфере. Для Маркса и Вебера принадлежность к определенному классу была прямо связана с имущественным статусом человека. Их современные последователи¹, продолжая пользоваться этим понятием, указывают на то, что экономическая сфера тесно связана с культурными, политическими и идеологическими аспектами социальной жизни. Собственно, в этом отношении к ним близки представители американской функциональной социологии², хотя для последних основными являются понятия «престиж» и «статус».

При обсуждении социально-экономической мобильности во второй части данной книги мы уже указывали на серьезные проблемы, которые возникают, если пытаться использовать те объяснительные модели, которые были разработаны с ориентацией на общество городского типа, для описания структуры и динамики крестьянства. В последнем случае при анализе социально-экономической дифференциации и классовой кристаллизации российского крестьянства непременно нужно учитывать процессы разнонаправленной и циклической мобильности³. Далее, социально-экономическая диверсификация крестьянства происходит в рамках традиционной внутренней идеологической сплоченности данной социальной группы и существенно сдерживается этим внеэкономическим

¹ Например: Ossowski S. *Class Structure in the Social Consciousness*; Rex J. *Key Problems of Sociological Theory*. London, 1961; Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, 1959.

² Warner W. L., Lunt P. S. *The Status System of a Modern Community*. New Haven, 1942.

³ См. главу 7, раздел 4.

Таблица 9.1

Социальная стратификация сельского населения СССР
в 1924–1925 годах

Страты	Самодетельное население (тыс.)	Все население (тыс.)
Сельский пролетариат	2184	4025
Фермеры (хозяева):	20 209	107 919
бедные фермеры	5803	25 245
средние фермеры	13 678	77 870
предприниматели	728	4804
<i>Всего</i>	<i>22 393</i>	<i>111 944</i>

Источник: *Статистический справочник СССР за 1928–1929 годы*. С. 42.

Примечание. Все население СССР в то время составляло 141 347 000 человек.

фактором¹. Наконец, чрезвычайное разнообразие крестьянских домохозяйств приводит к тому, что их социально-экономический статус очень трудно выявить эмпирически: одно и то же домохозяйство при использовании одного индикатора окажется богатым, а при использовании каких-то других — средним или бедным².

Но, даже принимая во внимание все указанные соображения, нет никаких оснований сомневаться в том, что социально-экономические различия очень сильно влияли на социальную и политическую жизнь российского крестьянства. Ведь повсюду в России состоятельные крестьяне очень сильно отличались от своих малоимущих односельчан. Поэтому мы снова вернемся к рассмотрению этого аспекта жизни крестьян, используя на этот раз термины, которые советская власть ввела для описания классов и просло-

¹ См. главу 4, разделы 2, 3.

² См. главу 7, раздел 3.

ек, существовавших в то время на селе. На этот раз нам интересно будет посмотреть, в какой мере имущественное положение разных слоев определяло их социально-политические установки и возможности автономного действия.

Социальный анализ, на котором базировалась политика советского правительства, исходил из предположения о том, что сельский пролетариат (деревенская беднота) со временем превратится в самостоятельный класс, который станет серьезным противовесом богатым крестьянам. Поэтому количественный состав наемных рабочих на селе тщательно отслеживался.

В 1917 году число наемных рабочих в сельском хозяйстве составляло 1 616 000 человек. К 1920 году оно значительно сократилось и стало меньше одного миллиона, но к 1926 году опять существенно выросло и составляло около двух миллионов¹. К тому времени около 25% сельских наемных рабочих были заняты на государственных фермах и 35% работали пастухами, чаще всего на крестьянские общины. Таким образом, в 1926 году в сельском хозяйстве СССР было занято около миллиона наемных рабочих, то есть примерно 2% всех сельских жителей. Правда, стоит отметить, что примерно треть их них составляли молодые люди в возрасте до 17 лет, привлекаемые на время сезонных работ². Что касается данных о доле крестьянских домохозяйств, привлекавших наемных рабочих на постоянной основе, то в 1917 году таковых было 3,3%, в 1920 году — 1% (минимальный показатель), а в 1924 году — 17%³. По-

¹ Результаты переписи сельского населения 1917 года приводятся в: *На аграрном фронте*. 1925. № 7–8. С. 72–73. Там же можно найти данные за 1920 год. Цифры за 1926 год содержатся в: *Статистический справочник СССР, 1927 год*. С. 307–308. Этот же источник использован и далее, если только специально не оговаривается.

² См.: *На аграрном фронте*. № 1–2. С. 4–8 и № 7–8. С. 65, 77.

³ Оценки ЦСУ (см.: там же. № 4. С. 71).

видимому, это число и дальше возрастало. Но тут надо отметить, что большинство домохозяйств, использовавших наемный труд, принадлежало не к самым богатым, а скорее к средним и бедным¹. Правда, разные источники дают разные оценки количества наемных рабочих в сельском хозяйстве России того времени. И тем не менее нет никаких сомнений в том, что доля сельского пролетариата была крайне низкой. То же можно сказать и о капиталистической эксплуатации в ее классическом марксистском понимании.

Но для большевиков мысль о том, что на селе в России фактически не существовало аналога городскому пролетариату, была совершенно неприемлема. Поэтому они предпочитали более широкую категорию «деревенская беднота». Точно определить, кто именно должен входить в эту категорию, было практически невозможно. Однако при любом подходе оказалось бы, что сюда попадает очень значительная часть российского крестьянства. А сельский пролетариат можно было тогда назвать наиболее передовым отрядом деревенской бедноты. Но что на самом деле представляла собой эта наиболее бедная прослойка крестьянства и есть ли основания считать ее полупролетариатом в процессе своей классовой кристаллизации?

Единственным источником эмпирических данных, касающихся указанных вопросов, является исследование, проведенное в 1924–1925 годах в Пензенской губернии. Выборка здесь была достаточно большой, а сама губерния вполне может рассматриваться как типичная для европейской части России. Поэтому валидность результатов не вызывает сомнений². Данные, представленные в табл. 9.2, были призваны выяснить причины

¹ См.: Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. С. 54.

² По своим характеристикам эта губерния была самой обычной. И показатели социальной организации на селе, и особенности сельскохозяйственного производства приближались к средним по европейской части России.

Таблица 9.2

Причины бедности крестьян, Пензенская губерния,
1924–1925 годы

Причины	Доля ко всем бедным (%)
Недостаток рабочих рук в семье	14–38
Серьезная болезнь или инвалидность	около 10
Основной работник в армии	около 10
Природная катастрофа (голод, пожар и т. п.)	около 20
Раздел домохозяйства	10–26
Неудачники	5–8
Лодыри	около 5
Потомственные бедняки	6–12
<i>Всего</i>	<i>100</i>

Источник: Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 27–28.

Примечание. Исследование проводилось партийными активистами в 28 волостях Пензенской губернии и охватило 32730 крестьянских дворов.

бедности крестьян. При этом понятие «бедность» отражало взгляды не только самих крестьян, но и независимых экспертов¹.

Из табл. 9.2 следует, что примерно в половине случаев бедность была связана с состоянием здоровья членов семьи, особенно мужчин трудоспособного возраста². Нет сомнения в том, что подобного рода причины хотя бы частично объясняли тот факт, что данная группа в очень малой степени влияла на те важные с политической точки зрения решения, которые принимала

¹ По данным этого исследования в указанном регионе доля бедных крестьян составляла от 25,9 до 43,4% всех крестьянских домохозяйств (см.: Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 22, 26).

² Более раннее классическое исследование показало, что среди бедных крестьянских домохозяйств был высок процент инвалидов, престарелых, холостяков, вдов и т. д. (см.: Щербина Ф. (ред.-сост.) *Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии*. С. 356).

крестьянская община. Другая подгруппа включала те домохозяйства, которые обеднели в результате раздела или каких-то непредвиденных факторов, вызывающих разнонаправленную и циклическую мобильность. Очень невелика была та часть бедных крестьянских домохозяйств, где были взрослые трудоспособные мужчины. Таким образом, становится понятным, что в силу социального состава данной группы крестьянства трудно было ожидать, чтобы она проявляла достаточную внутреннюю сплоченность и способность к активным политическим действиям. Тот факт, что все усилия коммунистической партии и советского правительства организовать эту часть крестьянства оканчивались неудачей, лишь подтверждает справедливость подобного вывода¹.

Слово «кулак» в отношении крестьян объединяло в себе целый ряд смыслов. Более или менее строгое определение звучало так: «представитель деревенской буржуазии, эксплуатирующий труд своих односельчан». Но часто этим словом обозначали просто главу зажиточного домохозяйства. Для партийных функционеров кулаки были в первую очередь врагами советской власти². А в быту так называли просто жадных людей. Из-за расплывчатости самого термина количественные оценки тоже варьируются. По данным ЦСУ, в 1925 году доля кулацких домохозяйств составляла около 3% их общего числа и далее сохранялась примерно на этом уровне на протяжении периода нэпа. Правда, в то же время по официальным данным число сельских жителей, не имевших пра-

¹ См.: Крицман Л. и др. *Сельское хозяйство на путях восстановления*. С. 318; Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат. С. 83–86.

² Специальный термин «подкулачники» был изобретен для обозначения тех политических противников, которые по остальным своим характеристикам никак не соответствовали данному выше определению.

ва участвовать в выборах (так называемых лиценцев, к которым относились, помимо кулаков, также и некоторые другие группы, например, бывшие полицейские), составляло менее одного процента от всего сельского населения страны¹. Если относить к этой группе только тех, кто живет за счет эксплуатации чужого труда, торговли или ростовщичества (именно такое определение было не только широко распространено среди крестьян, но и принималось большинством исследователей), то получается, что ее численность оказывается даже меньше, чем 3%, фигурирующие в отчетах ЦСУ². Из-за того что доля кулаков получалась такой низкой, некоторые советские исследователи стали включать ее в более широкую группу зажиточных крестьян. Действительно большая часть кулаков мало чем отличалась от зажиточных крестьян: для тех и других были характерны высокая производительность труда и высокий доход³. Но если мы сегодня анализируем данные бюджетных исследований, то прежде всего в глаза бросается тот факт, что различия в подушесвом выражении между зажиточными крестьянами и их менее удачливыми односельчанами не так уж велики. Более того, зажиточные домохозяйства отличались не столько использованием капиталистических методов хозяйствования и применением труда наемных рабочих, сколько большей эффективностью сельскохозяйственного производства в расчете на единицу площади обрабатываемой земли и на одного работающего⁴. Жазиточные домохозяйства играли ведущую роль

¹ См.: *Перевыборы в советы РСФСР в 1925–1926 годах (предварительные итоги)*. М., 1926. С. 6; по данным того же источника, в 1924 году эта цифра была 1,3%.

² Например: Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 16–20 или Воронов И. *Групповой состав воронежской деревни (К вопросу о расщелении)*. Воронеж, 1925.

³ См. второй раздел третьей главы.

⁴ См. главу 4, раздел 2. Но здесь конечно требуются дополнительные исследования. Как уже отмечалось в главе 3 (раздел 3),

на рынке, составляя костяк большинства сельских кооперативов¹. Именно здесь сосредоточивались наиболее грамотные и способные люди, которые чаще всего становились политическими вожаками на селе. Как пишет Хаббард, «кулак становился таковым в силу того, что был более способным и предприимчивым. Он, понятно, никогда не упускал своей личной выгоды. Однако при этом деревенская община всегда отличалась высокой степенью внутренней сплоченности и взаимопомощи»². Даже те ученые, которые были целиком на стороне советской власти, признавали, что зажиточные крестьяне (реальные или потенциальные сельские капиталисты) и кооперативы являются знаменосцами сельскохозяйственного прогресса. Будучи более образованными и профессионально компетентными, середняки, как правило, занимают руководящие посты в органах местного самоуправления, а для внешнего мира являются представителями всего крестьянства как класса³.

И ученые, и политики того времени признавали, что в России середняки образуют основную массу крестьянских домохозяйств. Определение этому слою обычно давалось в отрицательных терминах⁴, а именно серед-

Крицман и его последователи утверждали, что основным способом капиталистической эксплуатации в сельском хозяйстве России стала сдача внаем оборудования и лошадей. Но точных цифр мы тут не имеем, и поэтому трудно сказать, какую именно роль этот феномен играл в крестьянских общинах.

¹ См., например: Большаков А. *Деревня. 1917–1927*. М., 1927. Глава «Кооперация». Также см.: Росницкий Н. *Лицо деревни*. Гл. 4.

² Hubbard L. E. *The Economics of Soviet Agriculture*. London, 1939. P. 22.

³ См.: Крицман Л. *Классовое расслоение в советской деревне*. С. 165. В 1928 году Калинин объяснял политическое влияние кулаков тем, что они «выполняют определенные положительные функции в крестьянской экономике» (см.: Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power*. P. 206).

⁴ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. Введение. Средняки, определяемые таким образом, составляли, по оценкам Крицмана, от двух третей до трех четвертей всех российских крестьян.

няками назывались крестьяне, которые не работали по найму и сами не использовали труд наемных рабочих, не арендовали и не сдавали в аренду землю, оборудование и лошадей. А если попытаться дать позитивное определение этой группы крестьян, то середняком будет такой мелкий сельскохозяйственный производитель, который с помощью своей семьи и простого оборудования производит ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения основных ее потребностей, а также выполнения тех обязательств, которые накладываются на него извне. Нельзя не согласиться с утверждением официальных представителей советской власти о том, что «середняк — это главная фигура советского сельского хозяйства»¹. Проблема состояла в том, что (по крайней мере вплоть до 1930 года) середняки составляли подавляющее большинство российского крестьянства. Революция только усилила доминирование в деревне середняков.

Итак, рассмотрение состава главных социально-экономических слоев крестьянства подтверждает выводы, сделанные во второй части данной книги². Социальный характер беднейшей прослойки делал крайне маловероятным ее объединение в самостоятельный класс и ее активное участие в независимых политических акциях. А тот факт, что на селе фактически не было разделения на качественно различные и конфликтующие между собой группы работодателей и наемных рабочих, смягчал потенциальные классовые конфликты. Средняки составляли подавляющее большинство сельского населения России. Зажиточные домохозяйства, как правило, включали наиболее грамотных знатоков своего дела. В условиях высокой внутренней сплоченности сельских общин середняки были в них естественными лидерами.

¹ Как показывает табл. 9.1, крестьянские домохозяйства, которые не относились ни к капиталистическим, ни к пролетарским, составляли более девяти десятых общего числа.

² См. главу 7, раздел 4.

Имеющиеся исследования в большинстве своем указывают именно на такое положение вещей¹. Но если принять наш вывод о том, что конфликт между разными социально-экономическими слоями российского крестьянства был неявно выражен, то возникают дополнительные вопросы. Первый: какие еще противоречия существовали внутри сельских общин в России и насколько они были выраженными? Второй: имелись ли на селе какие-то центры силы, помимо крестьянских общин и их собраний, а если да, то какие именно?

4. ТРАДИЦИОННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ПЛЮВЫХ И ВОЗРАСТНЫХ РОЛЕЙ

Семейные фермы — это базовые элементы крестьянского общества. Традиционное разделение труда, власти и престижа, прав и обязанностей обычно шло с учетом положения человека в семье, его пола и возраста. Глава семьи обладал непререкаемым авторитетом. От детей требовали безусловного подчинения старшим. Явно подчиненное положение занимали, кроме того, женщины и молодые мужчины, чей статус никак не соответствовал их реальному вкладу в благополучие семьи и домохозяйства. Это не могло не породить разного рода внутренние противоречия. Однако любые возникающие конфликты достаточно эффективно контролировались традиционной социальной структурой, тесными семейными узами и силой общественного мнения односельчан. Война и революция привели к тому, что все эти традиционные устои оказались весьма серьезно подорванными.

Женщина-крестьянка несла на своих плечах тяжелое бремя, возделывая участок вокруг дома и сад, ухажива-

¹ См., например: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 8. См. также обсуждение роли сельских сходов (второй раздел настоящей главы) и те источники, на которые мы при этом ссылались.

вая за домашними животными, помогая в поле, готовя пищу, рожая и воспитывая детей. А при этом ее социальное положение было очень низким. Главой семьи и хозяином в доме считался обычно мужчина. Замужняя женщина пользовалась более широкими правами, чем ее незамужние дочери. Еще выше был социальный статус вдовы. Некоторые женщины благодаря своим личностным качествам порой пользовались большим уважением среди односельчан¹. Но это были скорее исключения, чем правило².

Первая мировая война повлекла за собой серьезное изменение положения крестьянской женщины. После того как многие мужчины ушли на фронт, именно женщины стали основной рабочей силой в сельском хозяйстве страны³. Со временем они стали играть более значительную роль и в принятии коллективных решений. Многие женщины, потеряв мужей, фактически возглавили всё свое домохозяйство. Их социальный статус, естественно, тоже вырос по сравнению с тем, который они имели в тот период, когда всем руководил их муж. Позднее, с приходом советской власти, равенство полов было закреплено законодательно. Женщины теперь имели право участвовать в общем собрании своего поселка и своей общины, иметь свою часть семейной собственности и т. д. После окончания Гражданской войны новое положение вещей во многом сохранилось. Женщины продолжали активно участвовать в решении вопросов, касающихся общих дел. В ряде случа-

¹ См. главу 2, раздел 2 и приложение Б.

² Конечно, женщины играли немалую роль в жизни села через воздействие на своих мужей и через формирование общественного мнения. Существовали и определенные региональные различия: на севере статус женщины был, как правило, выше, чем на юге России.

³ По оценкам ученых, доля женщин среди сельскохозяйственных рабочих в годы войны выросла до 71,9% (см.: Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)*. С. 192).

ев партийные активисты, наталкиваясь на сопротивление мужской части населения, пытались достичь своих целей путем воздействия на женскую часть. И это им нередко удавалось¹. Эмансипация женщин проявилась также в волне делений хозяйств по инициативе женщин, как правило, после развода². Но в большинстве деревень все осталось по-прежнему: мужчины сохранили положение во главе домохозяйств, а женщинам всячески препятствовали занять активное положение в решении вопросов коллективной жизни³. Советская власть очень старалась изменить положение дел к лучшему. И действительно, число женщин в сельсоветах с 1922 по 1925 год увеличилось в 10 раз — с одного процента до десяти. Но все руководящие должности в органах местного самоуправления по-прежнему оставались в руках мужчин⁴.

В целом положение молодых мужчин в крестьянских домохозяйствах также оставалось подчиненным⁵. Это становилось питательной почвой для многих острых внутрисемейных конфликтов и для высоко криминальной обстановки на селе. Известно также, что деревенские парни, оказываясь в новой ситуации, где отсутствовал семейный и деревенский контроль (в армии, в городе и т. д.), вели себя очень агрессивно и вызывающе. Общее ослабление патриархальной семьи и новые советские законы давали молодежи более широкие возможности выступать против диктата отцов и бросать вызов старшему поколению в целом. Служба в армии

¹ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 112.

² См.: Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. С. 71–75.

³ См.: Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 112.

⁴ См.: *Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 году (предварительные итоги)*. М., 1926. С. 16, 20.

⁵ В начале XX века Гурвич даже выдвинул теорию классовой борьбы в деревне между поколениями (см. главу 3).

во время войны была еще одним важным фактором, повышавшим престиж и реальную власть молодых людей в крестьянских общинах. Будучи по природе очень восприимчивыми к любым новым идеям, они приносили в деревню многие элементы современной городской жизни, размывая тем самым устои вековых крестьянских традиций. В какой-то мере эмиграция и деление хозяйств снимало напряжение. Наиболее способные и энергичные молодые люди уезжали в город на учебу или быстро поднимались по административной лестнице. Но тем самым сельская молодежь лишалась многих своих лидеров. Других бунтарей старались поскорее женить и наделить землей. Становясь главами домохозяйств, они, как правило, под гнетом бытовых забот быстро теряли свой былой юношеский запал и превращались в «нормальных» отцов семейств.

Традиционная структура крестьянского общества была мощным рычагом социального контроля, а мобильность являлась тем клапаном, через который выходила скопившаяся энергия социального недовольства. Можно сказать, что в целом, несмотря на свой значительный внутренний потенциал протеста, женщины и молодежь в крестьянском обществе продолжали успешно контролироваться¹. Существовавшие в этих сферах противоречия могли реально дать о себе знать только в сочетании с какими-то другими мощными факторами.

5. ВЕРТИКАЛЬНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ И АУТСАЙДЕРЫ

Некоторые наиболее проникательные ученые-аналитики отмечали особое свойство внутреннего разнообразия крестьянского общества. Маркс использовал образ-

¹ Например, результаты выборов показывают, что очень немногим молодым людям удавалось пробиться на ответственные руководящие должности (см.: *Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 годах (предварительные итоги)*. С. 23).

ный термин «мешок с картошкой»¹. Дюркгейм говорил о сегментации и механической солидарности². Современные исследователи в данном случае обычно используют термин «вертикальная сегментация»³.

Вертикальная сегментация обозначает преимущественно локальную группировку внутри социально-экономической стратификации современного общества, при которой качественно однородные и весьма самодостаточные сегменты относительно слабо взаимодействуют друг с другом⁴. (Тесное взаимодействие элементов, принадлежащих к разным сегментам, возникает лишь в условиях сложной кооперации, специализации и разделения труда, которые свойственны современным индустриально развитым обществам.) Каждый из сегментов обретает внутреннюю цельность благодаря существующим в нем традициям, общему прошлому, пространственной близости и тесному общению. Между членами подобной группы возникают особые отношения сплоченности и взаимной поддержки. Очень часто в группе такого рода возникает специфическая субкультура, которая еще сильнее цементирует ее. Внутренняя сплоченность рождается в борьбе с реальными или воображаемыми внешними врагами. Так группа превращается в активного защитника интересов своих членов. Внутри группы возникает жесткая иерархическая организация во главе с руководителем патриархального или олигархического типа. Понятно, что данная модель является во многом идеальным типом, а реальные

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М., 1957. С. 208.

² Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1991.

³ Например: Alavi H. Peasantry and Revolution. *The Socialist Register 1965*. London, 1965. P. 241–277; Lewis O. *Village Life in Northern India. Studies in a Delhi village*. Urbana, 1958.

⁴ В данном случае вертикальная интеграция противопоставляется горизонтальной, при которой отдельные элементы характеризуются сходством своего социально-экономического положения.

группы могут отличаться от нее в каких-то отношениях. И тем не менее она оказывается вполне адекватной для анализа основных компонентов крестьянского общества: крестьянского домохозяйства, расширенной семьи, отношений родства (клан), отношений соседства, деревни, общины и даже более крупных единиц. Возникающие группировки внутри села тоже обнаруживают сходные тенденции¹.

Понятие вертикальной сегментации ставит во главу угла существование различных сегментов (описанных только что компонентов) и значимость их в плане организации совместной деятельности. Тут подчеркивается именно данное обстоятельство, а не социальная сплоченность и внутренняя специализация, связанная с положением в системе производства и распределения, а также с особыми экономическими интересами². При таком подходе основное внимание концентрируется на конфликте между инсайдерами (членами данной социальной организации, образующей «сегмент») и аутсайдерами.

В период раннего нэпа российские деревни демонстрировали весьма характерную картину вертикальной сегментации. Причем эта схема вполне приложима и к отдельному домохозяйству, и к неформальной группе друзей, и к ближайшему социальному окружению, и к общине, а порой и к волости. Если мы возьмем

¹ Политическая активность крестьянства во многом связана с существованием таких группировок, которые интегрированы в некоторую вертикальную структуру, высший уровень которой представлен крупными землевладельцами или богатыми крестьянами, а в самом низу находятся экономически зависимые от них крестьяне-бедняки и безземельные сельские наемные рабочие (Alavi H. Peasantry and Revolution. P. 273).

² Анализ вертикальной сегментации вовсе не исключает, а наоборот, предполагает изучение конфликта экономических интересов как внутри разных сегментов, так и между ними. Однако он ставит под сомнение существование чисто экономического детерминизма.

общину как наиболее понятный для крестьянского сознания элемент политической организации, то ее внутренняя сплоченность складывалась из противопоставления себя самым разным внешним институтам. Такого рода институтами для крестьянской общины в России были соседи, посторонние и представители властей.

1) Соседи-аутсайдеры — это члены других крестьянских общин, живущие рядом и в принципе такие же по многим параметрам. Понятно, что в условиях традиционного землепользования и наличия общих границ не только тесные контакты, но и споры о праве на владение землей были неизбежны. 2) Аутсайдеры-посторонние — это люди, которые приносили в деревню чуждые ей социальные и культурные влияния, нарушающие внутреннюю однородность и сплоченность. 3) Представители власти были агентами на местах разных внешних центров управления, которые действовали как своего рода приводные ремни, функция которых состояла в том, чтобы интегрировать крестьянские общины в единую государственную машину.

После революции внешняя ситуация значительно изменилась. В 1917–1918 годах помещики как класс были полностью ликвидированы. Аграрная революция привела также к почти полному исчезновению независимых крестьянских усадеб (хуторов), которые сохранились в основном в западных и северо-западных частях страны¹. Но расширение крестьянских общин и выравнивание имущественного положения их членов не устранили конфликтов между соседями. В центре этих конфликтов чаще всего были разногласия по поводу использования земли, лугов и лесов. Однако подлинные причины лежали значительно глубже. Вражда, очень часто слепая и беспощадная, корнями своими уходила

¹ Этот момент уже освещался в предыдущей главе. Дополнительные сведения по данному вопросу можно найти в: Вольф М., Мебус Г. *Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств*. Год издания третий. С. 556.

в какие-то давно забытые взаимные претензии¹. Единообразие вовсе не означало единства, а сегментация и, как ее следствие, социально-политическая слабость российского крестьянства находили свое выражение в непростых отношениях между соседними деревнями. Но в послереволюционный период значительно более важными для крестьянских общин оказались их отношения с качественно иными группами и социальными структурами.

¹ Например, сообщения о стычках такого рода приводят В. Келлар и И. Романенко в книге *Первые итоги аграрной реформы*. М., 1922. См. также: Тан-Богобаз В. (ред.) *Революция в деревне: очерки*. М.-Л., 1924-1925; особенно Т. 2. С. 55-102.

Крестьянское общество в период нэпа: главный конфликт

1. СЕЛЬСКИЕ СЛУЖАЩИЕ

СРЕДИ сельских аутсайдеров по отношению к крестьянским общинам особо выделяются три основные группы: служащие; партийцы (члены Коммунистической партии) и армейцы (демобилизованные солдаты). Их существование связано с тремя общенациональными организациями, которым в разной мере удалось проникнуть на село: государственная администрация; партия большевиков и армия. Эти три группы нередко пересекались, а люди, которые одновременно состояли более чем в одной из них, являлись важным связующим звеном между ними. Все эти аутсайдеры в социальном или культурном отношении заметно отличались от большинства членов крестьянских общин.

Индустриализация и развитие рыночной экономики во всем мире вели к прогрессивному разделению труда и все большей специализации. Деятельность крестьян тоже постепенно становилась более узкой и специализированной по своему характеру. Кро-

ме того, на селе со временем стало появляться все больше людей, чья деятельность не была напрямую связана с сельскохозяйственным производством. Но в целом же по признаку разделения и специализации труда российская деревня была еще очень неразвитой. По переписи 1926 года, 96% всех сельских жителей были заняты полностью или главным образом производством сельскохозяйственной продукции¹. Если брать семьи, то этим занимались 95% из них². Промышленными продуктами крестьян чаще всего снабжали города. Это касается и сферы услуг. Однако частично этим занимались и сами крестьяне в дополнение к своим основным занятиям — земледелию и скотоводству. Ведь на Руси в деревнях всегда существовали различного рода промыслы и ремесла³.

В таких условиях работа в различных государственных органах была главной альтернативой занятию чисто крестьянским трудом⁴. Состав наемных госу-

¹ См.: *Статистический справочник СССР за 1928 год*. С. 44.

² Lorimer F. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*. P. 74. В начале XX века доля людей на селе, которые занимались какой-то иной деятельностью, составляла 2,4% (см.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 29. С. 382, 382).

³ В 1926 году среди трудоспособного сельского населения России было 37% тех, кто сообщал, что вдобавок к своей основной крестьянской деятельности они еще занимаются и какими-то ремеслами (Lorimer F. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*. P. 74). Но бюджетные исследования показывают, что доходы от этих ремесел составляли только небольшую часть общих доходов крестьянских домохозяйств (см., например: *Народное хозяйство СССР в цифрах*. С. 343; *Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 135).

⁴ Следует отметить, что имеет смысл включать сюда же наемных сельскохозяйственных рабочих. Но поскольку данная группа обладает явными особенностями, в разделе 3 настоящей главы мы будем выделять ее в самостоятельную социально-экономическую прослойку внутри крестьянства. Что касается сельских ремесленников, то в количественном отношении они превышали число сельских служащих, но в основном это были крестьяне, использующие дополнительные умения (см. выше).

Таблица 10.1

Число сельских государственных служащих в СССР
на 1926 год (данные ЦСУ)

Сектор занятости	Количество занятых
Образование	301 827
Медицинское обслуживание	91 148
Сельскохозяйственные службы	97 471
Местная администрация	72 053
Судебные органы	13 928
Органы охраны общественного порядка	31 989
Почтовая служба	24 340
Торговые организации	15 589
Другое	16 109
<i>Итого</i>	<i>664 454</i>

Источник: *Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 282–283.

Примечание. Категория «сельскохозяйственные службы» включала в основном лесников. Кроме того, сюда входили агрономы, землемеры, ветеринары и т. д. В категорию «местная администрация» не включались работники сельсоветов.

дарственных служащих в сельских районах СССР представлен в табл. 10.1.

Данные, представленные в табл. 10.1, нуждаются в двух поправках. Во-первых, в каждом сельсовете было в среднем два освобожденных члена (как правило, это были председатель и секретарь)¹. Добавление в категорию «местная администрация» этой группы работников увеличит ее примерно на 100 тысяч человек. Во-вторых, лица, работавшие в системе сельской кооперативной торговли и проживающие в деревне, не были включены в сводные данные, поскольку их число трудно было подсчитать. Таким образом, общее число сельских служащих в СССР в середине 20-х годов составля-

¹ Taniuchi Y. A Note on the Territorial relationship between Rural Societies, Settlements and Communes. P. 13.

ло где-то чуть больше 1% всех работающих в деревне¹. Если же считать не индивидов, а семьи, то цифра будет несколько больше — примерно 2%. Что касается РСФСР, где проживало 2/3 всего сельского населения СССР, то цифры здесь были аналогичными.

По роду занятий профессиональные группы, представленные в табл. 10.1, можно несколько укрупнить. Так называемая сельская интеллигенция (врачи, медработники, ветеринары, землемеры и т. д.) составляла более половины всех служащих, получавших заработную плату (две третьих тех, кто представлен в табл.)². Представители местных органов власти (на уровне села и волости), включая служащих правоохранительных органов, составляли менее одной трети (в табл. их доля даже меньше — всего около 16%). Третья группа была очень пестрой по составу, а основная ее масса была представлена лесничими и почтовыми служащими³.

Мы видим, что сельская интеллигенция составляла самую многочисленную группу сельских служащих, хотя в абсолютных значениях она была крайне мала⁴. Кроме того, несмотря на многочисленные попытки «идти в народ», культурная и социальная дис-

¹ Около 800 тысяч из примерно 70 миллионов, проживавших в сельской местности (см.: *Статистический справочник СССР за 1928 год*. С. 44).

² Слово «интеллигенция» мы используем в том смысле, которым оно наделяется в России, где так обозначается определенная социальная группа людей с набором характеристик, некоторые из которых мы рассмотрим далее. Наиболее существенной из них является, пожалуй, наличие специального образования и опыта работы.

³ Некоторые из тех, кто в табл. 10.1 включен в группу «Другое», вполне могли бы быть отнесены к интеллигенции или к местной администрации.

⁴ Менее полумиллиона на 120 миллионов сельского населения СССР в то время (*Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 1), то есть примерно 70 человек (из них 40 — учителя) на волость среднего размера с населением около 17 тысяч, включающую примерно 60 поселков.

танция, разделяющая ее и крестьянство, была очень велика. Этот аспект отношения двух социальных групп трудно изучать эмпирически, и поэтому мы не можем использовать какие-то надежные статистические данные. Здесь нам приходится полагаться на литературные источники¹. Очевидцы свидетельствуют, что сельская интеллигенция образовывала как бы изолированные островки среди крестьянского моря. Эти люди концентрировались преимущественно в районных центрах, говорили на своем особом языке² и общались в основном друг с другом. Чаще всего они держались в стороне от представителей местной администрации и партийных функционеров³. Такая самоизоляция значительно ограничивала возможности культурного и политического влияния сельской интеллигенции на окружающий социум⁴.

Численно самой крупной, как уже говорилось, являлась группа сельских учителей. Казалось бы, что именно она должна была стать самым значимым каналом влияния альтернативной культуры. Но этому в значительной степени препятствовало их шаткое материальное положение: зависимость не только от местных органов государственного управления, но и от крестьянских общин. Выделение средств на нужды образования, в том числе и на зарплаты учителям, чаще всего осуществля-

¹ Например: Окнинский А. *Два года среди крестьян: виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года*. Рига, 1924; Горький М. *О русском крестьянстве*. Берлин, 1922.

² Известно, что местные диалекты, на которых говорили крестьяне, нередко весьма значительно отличались от русского литературного языка.

³ Число представителей интеллигенции, избранных в волостные исполнительные комитеты в 1924–1925 годах, составило 596 человек, то есть 0,1% всей сельской интеллигенции, или 4% общего числа членов этих органов местного самоуправления.

⁴ В этом смысле интеллигенция, которая держалась крайне обособленно, может рассматриваться как чистый пример аутсайдеров на селе.

лось на основании решений собрания крестьянской общины, куда сами учителя не входили. Поэтому можно сказать, что положение учителей было хуже, чем у других представителей сельской интеллигенции¹.

Представители местной администрации были в основном сотрудниками волостных исполнительных комитетов (волисполкомов). В 1925 году в РСФСР средняя волость занимала территорию примерно в 4000 квадратных километров, где проживало примерно 17 тысяч человек². Волость охватывала примерно 40 населенных пунктов и делилась на несколько (в среднем десять) областей, каждая со своим сельским советом³. Но между отдельными волостями, конечно же, имелись существенные различия.

В состав волостного исполнительного комитета по правилу должны были входить три полномочных члена и два кандидата. Но на самом же деле их было значительно больше: в 1925 году средний волисполком имел семь членов, а в некоторых губерниях это число доходило до тринадцати. Три члена волисполкома были освобожденными⁴, а вспомогательный персонал состоял из 6–8 помощников и секретарей⁵. Сотруд-

¹ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 829, 847–848; а также: Taniuchi Y. *The Village Gathering in Russia in the Mid-1920s*. P. 7.

² См.: *Народное хозяйство СССР в цифрах*. С. 1, 11. В 1924 году население волости составляло 12 тысяч жителей, но затем размеры волостей были увеличены в соответствии с общей политикой Советского государства.

³ Taniuchi Y. *A note on the territorial relationship*. P. 13.

⁴ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. М., 1929. С. 168.

⁵ В случайно выбранных восьми губерниях в 1924–1925 году было 327 исполкомов с 5626 штатными сотрудниками, то есть в каждом из них аппарат составлял примерно одиннадцать человек. См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 810, 812. В этой работе указывается, что в РСФСР число штатных сотрудников одного волисполкома составляло «примерно 10 человек».

Таблица 10.2
Коммунисты в сельской администрации (%)

Категория служащих	1923 г.	1924 г.
Члены волисполкомов	47	56
Финагенты (сборщики налогов)	31	47
Судьи	64	74
Прокуроры	42	43

Источник: Большаков А. *Современная деревня в цифрах: экономика и разнообразный быт деревни за революционный период*. Л., 1925. С. 103.

Примечание. Источник не указывает, к какому региону относятся эти цифры; скорее всего имеется в виду СССР в целом.

ники волисполкомов, вооруженные крайне примитивными средствами коммуникации, должны были управлять всей организацией жизни волости, собирать налоги, контролировать деятельность сельсоветов и сельских общин, выполнять приказы и распоряжения сверху, отвечать на многочисленные запросы как со стороны вышестоящих органов, так и со стороны населения¹.

Милиция, сборщики налогов и часть судебных органов непосредственно подчинялись волисполкомам и считались представителями этой же категории служащих. Среди них насчитывалось довольно много членов партии и бывших красноармейцев (табл. 10.2 и 10.4).

Председатель сельсовета являлся главным посредником в отношениях между волисполкомом и местным крестьянством. Формально он был главой демократически избранного сельского совета. Но на самом деле, по словам одного из авторов, изучавших положение дел в середине 20-х годов, сельсоветы занимались исключительно сбором налогов, а также исполнением приказов

¹ История возникновения волисполкомов излагается в: Гришаев В. *Строительство советов в деревне в первый год социалистической революции*. М., 1967.

волисполкомов. Реальными повседневными проблемами крестьян занимались сельские сходы, действуя независимо от сельских советов¹.

Положение председателя сельсовета было двусмысленным и крайне шатким. С одной стороны, он и секретарь сельсовета являлись мелкими служащими волисполкома и были обязаны выполнять его распоряжения. Но, с другой стороны, он жил в деревне и вынужден был считаться с волей односельчан, у которых имелся широкий арсенал средств давления на него — от простых пересудов до угроз физической расправы. А возможностей что-то реально сделать у него было крайне мало. Как было сказано выше, сельские советы практически не располагали собственным бюджетом и целиком зависели от тех средств, которые им выделяли волисполкомы и местные общины². Чаше всего власть одного сельского совета распространялась на несколько деревень, что делало задачу личного контроля за состоянием дел еще более трудной. И даже для выполнения главной функции сельсовета, которая заключалась в сборе налогов, ему нередко приходилось обращаться за помощью к собранию крестьянской общины³.

В такой ситуации члены сельских советов часто прибегали к испытанному оружию крестьянского сопротивления — к молчаливому бойкоту⁴. А председатель вынужден был что-то делать, поскольку его постоянно заваливали разного рода запросами и приказами вышестоящие начальники. Некоторые председатели пытались досконально выполнять все приказы начальства,

¹ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 61; Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 30 (Росницкий пишет о том, что на практике сельсовет состоял только из председателя и секретаря, который порой считался более важной фигурой).

² См., например: Резунов М. *Сельские советы и земельные общества*. С. 10.

³ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 47.

⁴ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 61; Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 47.

несмотря на явное сопротивление крестьян, тем самым подвергая опасности свою собственную жизнь. Однако в большинстве случаев им приходилось как-то лавировать. В конце концов довольно быстро (уже в 1925 году) сельсоветы оказались почти целиком поглощенными сельскими сходами¹.

2. ПАРТИЙЦЫ

С приходом к власти большевиков в политической жизни страны появился чрезвычайно сильный новый фактор. Благодаря жесткой централизации, строгой дисциплине и способности мобилизовать широкие народные массы, большевики смогли добиться преимущества над всеми остальными политическими партиями в России. Этот же фактор оказался решающим и для победы в Гражданской войне, где соотношение сил часто складывалось не в их пользу. Но если в городах и в армии Коммунистическая партия безусловно продемонстрировала свою мощь и эффективность, то в деревне картина была совершенно иной. Объяснение, по-видимому, заключается в том, что марксисты изначально провозгласили себя выразителями и защитниками интересов пролетариата, сосредоточив свою основную деятельность в городах. Поэтому накануне революции большевики были фактически партией рабочих и интеллигенции.

Члены партии крестьянского происхождения составляли 4,7% в 1905 году и 7,8% в 1917 году. В 1916 году партия большевиков имела по всей России всего четыре сельских отделения².

¹ См.: Резунов Н. *Сельские советы и земельные общества*. С. 49.

² См.: Шарапов Г. *Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. (1917–1920 гг.)*. С. 114. По данным этого автора, число крестьян, состоявших в партии большевиков до революции, составляло 494 человека; в 1917 году в нее вступили 4122 крестьянина, а в 1918 году — еще 14 792 человека.

Таблица 10.3

Динамика членства в партии большевиков представителей разных социальных классов

Год	Число членов (тыс.)	Социальный класс (%)			
		крестьяне	рабочие	другие	всего
1905	8,4	4,7	61,7	33,6	100
1917	23,6	7,6	60,2	32,2	100
1918	115,0	14,5	56,9	28,6	100
1919	251,5	21,8	47,8	30,4	100
1920	431,4	25,1	43,8	31,1	100
1921	585,0	28,2	41,0	30,8	100
1922	514,8	26,7	44,4	28,9	100
1923	485,6	25,7	44,9	29,4	100
1924	699,7	24,6	45,7	29,7	100

Источники: *Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4: Состав РКП(б-ов) по итогам предварительной разработки*. М., 1923. С. 37 (данные за 1905–1922 гг.); Большаков А. *Современная деревня в цифрах*. С. 100.

Примечание. Социальный класс, вероятно, определялся по происхождению (занятию родителей). Данные, опубликованные в 1931 году, говорят о том, что в 1924 году в партии было 28,8% членов крестьянского происхождения. Затем эта цифра снизилась до 25,9% в 1926 году (Cast E. H. *A History of the Russian Revolution*. London, 1959. Vol. VI. P. 180). Согласно другому источнику (*Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 годы*. С. 20), по состоянию на январь 1927 года в партии было 18,4% членов и кандидатов крестьянского происхождения (13,5% без учета кандидатов).

Социалистическая революция и Гражданская война привели в партию большое количество солдат, в массе своей бывших выходцами из крестьян, и, таким образом, к 1921 году число членов партии большевиков из крестьянского сословия достигло уже значения в 28,2%. Но число членов партии и партийных организаций на селе продолжало оставаться весьма низким. А ситуация там была очень сложной, поэтому часто приходилось посылать в деревню из города партийных эмиссаров для укрепления влияния государства, для борьбы с врагами, для противодействия тенденциям расколоть единство страны. Партийные ячейки на местах долж-

ны были сплотить всех сторонников советской власти и контролировать деятельность органов местного самоуправления.

В начале 1919 года в ЦК партии был организован отдел работы в деревне. Его основная задача состояла в том, чтобы усилить влияние партии на сельское население страны. Но за весь 1919 год удалось набрать всего 55 активистов для работы в 35 губерниях, где общее число крестьян было менее 50 миллионов¹. Неудивительно, что, анализируя состояние дел в вверенной ему области, отдел пришел к заключению, что «партийной работы в деревне нет».

На самом же деле партийные организации на селе существовали и число их постепенно росло. В 1920 году они действовали в 22 губерниях европейской части России, где проживало 32 миллиона крестьян. Всего их в тот период насчитывалось 4238, а общее количество членов партии составляло 23 тысячи человек². В 1924 году 26 тысяч партийных организаций в РСФСР определялись как сельские. В них числилось 100 тысяч членов и 50 тысяч кандидатов. Но это было всего 22% от общего числа членов Коммунистической партии³. По данным на 1922 год, в городах большевики составляли 1,3% населения, а в деревне — только 0,13%⁴. К концу 1924 года процент членов партии по отношению к взрослому сельскому населению 15 губерний европейской части России был где-то между 0,10 и 0,26⁵.

¹ См.: *Отчет отдела по работе в деревне при Ц.К. Р.К.П.* М., 1920. С. 5.

² См.: там же. С. 8. Оценка крестьянского населения в указанных губерниях заимствована из книги *Сборник статистических сведений по СССР, 1928–1922 годы*. С. 8.

³ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 169.

⁴ Таким образом, связи города с пролетарской революцией были в 10 раз сильнее, чем деревни (см.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 9).

⁵ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 770–772.

Членами партии на селе были в основном государственные служащие. Крестьяне «от сохи», которые составляли 95% сельского населения России и 80% населения всей страны, были представлены в партии чрезвычайно слабо. В 1927 году, через три года после начала мощной агитационной кампании под названием «лицом к деревне», доля реальных крестьян среди членов партии составляла менее 7%¹. При этом надо учитывать еще целый ряд дополнительных обстоятельств. Например, крестьяне составляли большинство среди исключенных из партии во время периодических «чисток»². В пятнадцати главных губерниях европейской части России на одну сельскую партийную организацию приходилось от 9 до 123 деревень³. Далее, три четверти всех сельских партийных ячеек располагались в деревнях, которые были волостными административными центрами. Это значит, что в остальных деревнях почти не было своих партийных организаций. Если учесть, что крестьянское население России в то время составляло 100 миллионов человек, то можно сказать, что оно было крайне слабо и неравномерно охвачено⁴.

Итак, типичная первичная сельская партийная организация находилась в волостном центре и состояла из 12–15 членов, из которых как минимум 10 человек занимали административные посты — председатель и не-

¹ См.: Смиттен Е. *Состав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): по материалам партийной переписи 1927 года*. М.-Л., 1927. С. 19–20. В 1925 году этот показатель равнялся 8%. Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 181.

² Сообщается, что из числа всех исключенных из партии в 1924 году половина были крестьянского происхождения, а 4/5 являлись членами сельских партийных ячеек (см.: Хатаевич М. Партия в деревне. *На аграрном фронте*. 1925. № 2. С. 112).

³ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 770–772. В 1925 году на одну низовую партийную организацию приходилось 25–30 деревень (Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 311).

⁴ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 770.

сколько членов местного исполнительного комитета, судья, начальник отделения милиции, руководители отделов образования и пропаганды, фининспекторы и т. д. Не менее трети из них чаще всего были назначенцами из центра, присланными издалека и совершенно не знакомыми с положением дел на местах¹. Таким образом, получалось, что только два-три человека имели какое-то отношение к сельскому хозяйству. Если говорить о настоящих крестьянах, то их среди членов партийных организаций на селе было менее 15%². Положение дел хорошо иллюстрируют записки очевидца — члена партии крестьянского происхождения³. Описанная им сельская парторганизация в 1923 году состояла из четырех членов (ранее, в 1918 году, их было восемнадцать). В нее входили председатель и казначей волисполкома, судья и глава местного отдела милиции. Лишь один из них был коренным крестьянином.

Относительно небольшая часть мелких партийных организаций находилась вне волостных центров. Обычно там было 5–6 членов — жителей трех-четырех ближайших деревень⁴. Они занимали освобожденные или полуосвобожденные руководящие должности, больше контактируя с волостным начальством, чем со своими односельчанами⁵. Обычные крестьяне, как правило,

¹ См.: там же. С. 773.

² Высшее руководство, весьма озабоченное вопросом укрепления сельских партийных организаций, постоянно направляло на село своих людей из города. Примерно треть из них долго там не задерживалась. Остальные же, превращаясь в местных начальников, делали сельские партийные организации еще менее крестьянскими по характеру (см.: Хатаевич М. *Партия в деревне*. С. 110–111; Каганович Л. *Улучшение работы Советов в деревне: доклад на совещании секретарей сельских ячеек при ЦК РКП*. М., 1924. С. 26; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 342).

³ См.: Большаков А. *Деревня, 1917–1927*. М., 1927. С. 123.

⁴ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 773.

⁵ См.: там же. С. 772–773.

не принимали их всерьез. Сошлемся на одно исследование, проведенное в 1924–1925 годах, целью которого было выяснение причин, по которым они не особо стремятся вступать в партию. Типичным ответом был такой: «Да разве там найдется для нас для всех достаточно должностей?»¹. Эта фраза, вполне достойная Швейка, показывает, что российские крестьяне прекрасно понимали реальное положение вещей.

Неудивительно, что партийные организации в своей деятельности были очень далеки от насущных проблем крестьянства. Их больше занимали вопросы организации массовых мероприятий в ознаменование революционных событий, чем виды на урожай². Из центра постоянно приходили новые и новые циркуляры, на которые необходимо было как-то реагировать. Граница между обязанностями и полномочиями партийных и советских органов была очень расплывчатой, поэтому партийным организациям на местах постоянно приходилось заниматься чисто хозяйственными вопросами. А с другой стороны, некоторые низовые партийные организации практически прекратили свое существование и бездействовали, участвуя лишь в партийных съездах, организуемых на уровне волости³.

Правда, слабое влияние партии большевиков на крестьянские общины связана не только с малочисленностью партийных ячеек на селе. Когда будущий народный комиссар земледелия Я. Яковлев в начале 20-х годов просил крестьян оценить работу партийных организаций на селе, в ответ он слышал: «Они только собирают налоги и командуют»⁴. Партийные руководители навер-

¹ Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 79.

² См.: там же. С. 79–83; Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 64–65.

³ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 75. Автор использует для их обозначения термин «ячейки-невидимки».

⁴ Яковлев Я. *Деревня как она есть: очерки Никольской волости*. М., 1923. С. 74.

ху в полной мере отдавали себе отчет в том, что партийная работа в деревне поставлена далеко не лучшим образом. Например, показательны результаты проверки, проводившейся в 1924–1925 годах в Пензенской губернии: более или менее удовлетворительной была признана работа только шести из 47 местных партийных и комсомольских ячеек¹. Яковлев в своей книге с горечью замечает, что партийные организации в деревне превратились просто в придатки сельских советов². И такое положение вещей сохранялось еще довольно долго.

Отчеты о проверках деятельности низовых парторганизации на селе в 20-х годах неизменно указывали на их слабость и оторванность от жизни крестьянских общин. Понятно, что в разных организациях дела обстояли по-разному, но хорошо работающие были скорее исключением, чем правилом³. Пытаясь как-то повлиять на ситуацию, коммунисты в качестве своих ближайших союзников рассматривали две группы сельской молодежи — комсомольцев и бывших красноармейцев.

Комсомол как боевая организация молодых сторонников советской власти сформировался на базе разного рода групп юных революционеров⁴. В условиях Гражданской войны он выполнял функции поддержания правопорядка, сбора налогов, подавления контрреволюционных мятежей, набора в Красную Армию и т. д. Число комсомольцев на селе быстро росло: в 1918 году их было всего две тысячи, в 1919-м — 10 тысяч, а в 1920 году — 100 тысяч⁵. После окончания Граж-

¹ См.: Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 73.

² См.: Яковлев Я. *Деревня как она есть*. С. 84.

³ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 64–67.

⁴ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 784–785; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VII. P. 89.

⁵ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 785–786. В точности самих цифр можно сомневаться, но общая тенденция очевидна.

данской войны в комсомоле прошла чистка и число членов этой организации в 1922 году составляло 80 тысяч человек. Но к 1924 году оно снова повысилось до 147 тысяч, а количество комсомольских ячеек на селе составляло 14 тысяч. В 1925 году прошла крупная наборная кампания, в результате которой ряды комсомола выросли до 522 тысяч членов, а количество комсомольских ячеек на селе — до 26 130¹. Даже если эти цифры и преувеличены, нет никакого сомнения, что среди сельской молодежи комсомол пользовался значительно большей популярностью, чем партия среди их отцов. Важно учитывать и то, что подавляющее большинство комсомольцев были потомственными крестьянами, полноправными членами сельских общин².

Указанные социальные характеристики объясняют, почему в некоторых районах влияние комсомола часто было сильнее, чем партийных организаций³. Успех комсомола как политической организации, видимо, во многом связан с тем, что ей удалось успешно канализировать латентный конфликт поколений, который существовал внутри крестьянского общества⁴. Были, конечно, и другие факторы: более высокий образовательный уровень молодежи, ее открытость всему новому, менее жесткая дисциплина, чем в партии. Но подобная социально-политическая организация таила в себе и определенные недостатки. Активность комсомола имела

¹ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 786. Некоторые источники дают более высокие цифры (Сарг Е. Н. *A History of Soviet Russia*. Vol. VII. P. 99).

² См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 787; Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 81–82.

³ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 83.

⁴ Конфликт поколений проявлялся и в наблюдавшейся кое-где борьбе за власть между комсомольскими и партийными организациями. С этим, видимо, связано и чрезвычайно низкое число комсомольцев среди официального сельского руководства, что видно из табл. 10.4. См. также: Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 77.

волнообразный характер: за мощным всплеском вскоре следовал откат¹. Отсутствие строгой дисциплины приводило к тому, что реальную численность членов этой организации трудно было учесть. Становясь старше, недавние комсомольцы сами превращались в отцов семейств². Некоторые наиболее активные покидали деревню, уезжая в город на учебу, а другие вступали в партию и становились членами местной администрации. Но в целом впечатляющее в количественном отношении, но крайне неустойчивое членство в комсомоле так и не привело к существенному количественному росту партийных организаций на селе. Многие молодые люди, пройдя через комсомол, так и не стали активными сторонниками партийной линии³. Они повзрослели, обзавелись собственной семьей и хозяйством, растворившись без следа в общей крестьянской массе.

3. АРМЕЙЦЫ

Более 15 миллионов человек, в подавляющем большинстве крестьяне, служили в российской армии во время Первой мировой войны 1914–1917 годов⁴. Правда, к концу войны началась самодемобилизация (массовое дезертирство). Но в разгар Гражданской войны Красная Армия снова насчитывала более пяти миллионов человек и не менее двух миллионов служили в различ-

¹ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 785; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 91, 106.

² Тут надо помнить, что среди русского крестьянства существовал обычай жениться рано (см.: Писарев И. *Народонаселение СССР*. С. 178). Более подробно этот вопрос освещался в первом разделе третьей главы.

³ См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 66–67; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 314.

⁴ См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 786. Другие источники дают еще более высокую цифру (Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 99).

ных вооруженных формированиях Белой армии¹. После окончания войны численный состав Красной Армии быстро сокращался: до 1,5 миллионов человек в 1921 году и до 560 тысяч — в 1922 году². В середине 20-х годов около 1,2 миллиона людей ежегодно достигали призывного возраста. Где-то 800 тысяч из них признавались годными к службе в армии, но только 260 тысяч (то есть примерно 1/5 всей этой возрастной группы) реально уходили служить³. Среди призывников доля крестьян по происхождению составляла 70%⁴.

Для российских крестьян армия были чрезвычайно важным институтом социализации. Новый стиль жизни ломал крайне узкие рамки традиционного крестьянского мировоззрения. Молодые люди попадали в большую организацию, где существовали сложные формы взаимодействия, и овладевали новыми для себя умениями и навыками — от чтения до обращения с оружием и сложным оборудованием. Новый жизненный опыт и контакты с новыми людьми давали возможность молодым людям значительно расширить свой кругозор и составить представление о том, что происходит в стране и в мире. Для тех, кто обладал соответствующими способностями и лидерскими качествами, иерархическая армейская структура открывала хорошие перспективы продвижения по службе. Ситуация радикальным образом отличалась от жизни в деревне, где судьба индивида от рождения была жестко запрограммирована.

¹ См.: Гордеев Г. *Сельское хозяйство в войне и революции*. С. 115.

² См.: Таль Б. *История Красной Армии: краткий общедоступный очерк*. М.-Л., 1929. С. 190.

³ См.: *Статистический справочник СССР за 1927 год*. С. 45. В 1926 году 25% командного и 78% рядового состава Красной Армии были из крестьян (см. там же).

⁴ См.: *Статистический справочник СССР за 1927 год*; Carr E. H. *A History of Soviet Russia*. Vol. VI. P. 415.

В Красной Армии, кроме того, молодые люди сразу попадали в новую для себя идеологическую и политическую атмосферу. Уже в 1926 году командный состав армии наполовину состоял из коммунистов и комсомольцев (соответственно 46 и 4%). Среди рядового и младшего офицерского состава доля их составляла 19% (5% коммунистов и 14% комсомольцев). В Красной Армии велась систематическая политико-воспитательная работа. В каждом подразделении были политработники, главная функция которых заключалась именно в этом. И результаты говорят сами о себе. Так, среди призванных в армию в 1924 году было 4700 коммунистов и где-то 20 тысяч комсомольцев. А вот в 1926 году среди уволившихся из армии было 19400 членов партии и 50 тысяч членов комсомольской организации¹. Понятно, что и те молодые люди, которые не вступили в партию или в комсомол, испытали на себе в той или иной мере идеологическое и культурное влияние армии.

После окончания Гражданской войны многие молодые люди, вернувшись в свои родные деревни после демобилизации, постепенно адаптировались к жизни в сельской общине и растворились в общей крестьянской массе. Но их влияние на свою привычную среду вовсе не сошло на нет. Некоторые из молодых людей крестьянского происхождения остались в армии или осели в городах. Видимо, это были те, на которых их армейский опыт повлиял сильнее всего. Но и вернувшиеся к прежней жизни принесли с собой в деревню новые умения и взгляды, сохранили контакт со своими однополчанами, оставшимися в армии или живущими теперь в городах. Они тоже стали проводниками новых мощных культурных влияний на быт крестьянской общины.

¹ См.: Таль Б. *История Красной Армии*. С. 190–191.

Многие возвращающиеся из армии принесли с собой лояльность новому режиму, жажду перемен и резкое неприятие традиционного патриархального уклада жизни¹. В деревне активизировалась деятельность таких организаций, как партия, комсомол, кооперативы. Набирал силу процесс организации молодежью новых небольших поселков рядом с родной деревней под названием «выселки»². Это тоже была своеобразная форма протеста против привычного уклада жизни и диктата старых традиций. Правда, позднее общинам удалось вернуть многие из них в свое лоно³. Со временем многие бывшие воины женились, обзавелись собственным хозяйством и реинтегрировались в крестьянские общины. А многие, получив руководящие посты в местном партийном и государственном аппарате, фактически покинули ряды традиционного крестьянства. Например, в 1925–1926 годах представители этой группы населения занимали 54% всех должностей глав сельсоветов и 70% всех должностей председателей волисполкомов⁴. А в ряде губерний (например, в Сталинградской) доля бывших военнослужащих на посту председателя волисполкома доходила до 92%⁵.

4. АУТСАЙДЕРЫ В РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНАХ ВОЛОСТЕЙ

Мы видели, что сама категория «аутсайдеры» по отношению к сельским общинам была внутренне довольно пестрой. Одним из возможных параметров, по которому всех их можно классифицировать, была их бли-

¹ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 29.

² Dobb M. *Russian Economic Development since the Revolution*. London, 1928. P. 359.

³ Taniuchi Y. *The Village Gathering*. P. 29; Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 148.

⁴ *Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 году*. С. 35.

⁵ См.: Таль Б. *История Красной Армии*. С. 190.

зость к основной массе крестьян. На одном полюсе были крестьяне, достаточно хорошо интегрированные в крестьянские общины, но демонстрирующие какие-то культурные особенности, заимствованные извне. К ним относились, например, крестьяне, которые уже успели пожить некоторое время в городах, или молодые мужчины, прошедшие через армию. На противоположном полюсе находились присланные из города специалисты, которые не имели никаких корней в крестьянской среде. Другая классификация аутсайдеров может быть сделана в соответствии с типом отличия от крестьян. Здесь полюса будут представлены двумя «чистыми» типами: просто пришельцами и аутсайдерами, внедренными в систему социальных отношений в деревне. Во вторую группу входили, в частности, представители сельской интеллигенции и местной администрации. Но главный водораздел проходил по линии реальной власти. На этой основе может быть построена еще одна система сельских групп¹. Она имеет прямое отношение к вопросу о путях реализации политики Советского государства в ситуации, когда реальная власть находилась в руках крестьянских общин, а не сельсоветов. Анализ именно этого аспекта непростых отношений в деревне призван помочь нам понять существовавшие тогда возможные сценарии дальнейшего развития событий.

Основным центром власти на местах в 20-х годах были так называемые волосные собрания. Их реальная сила объяснялась тем, что в них фактически сливались воедино широкие полномочия двух наиболее мощных бюрократических организаций: государства и партии. По сути, это были взаимопроникающие структуры, включающие в себя руководителей разных ветвей местной (волостной) администрации и членов парткома той деревни, которая официально считалась адми-

¹ Ее возникновение сразу после революции проанализировал: Гришаев В. *Строительство советов в деревне в первый год социалистической революции*. С. 10, 12, 26, 60.

Таблица 10.4

Данные о руководителях местных органов власти
за 1924–1926 годы (%)

Должность	Год	всего	Большевики		Быв- шие воины	Из кре- стьян
			пар- тия	комсо- мол		
Председатели волисполкомов	1925–1926	86,0	85,2	0,8	70,7	48,3
Члены волисполкомов	1924	61,4				70,0
Члены волисполкомов	1925–1926	50,5	46,7	3,8	67,3	
Председатели сельсоветов	1925–1926	18,0	14,3	3,7	53,1	95,3
Председатели сельсоветов	1925	5,9	3,6	2,3		93,7

Источники: *Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 году*. С. 25, 33–37; Крицман Л., Попов П. и Яковлев Я. (ред.-сост.) *Сельское хозяйство на путях восстановления*. С. 81–819 (данные за 1924 год); Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 93, 97 (данные за 1925 год).

Примечание. Цифры в отношении волисполкомов за 1924 год касаются СССР в целом, а не только РСФСР.

нистративным центром данной волости. Вокруг центрального ядра собирался небольшой круг, состоящий из партийных и комсомольских активистов, а также идеологически близких беспартийных государственных служащих. А дальше шел внешний круг, куда входили рядовые комсомольцы, большинство председателей сельских советов и некоторые бывшие красноармейцы. Количественный состав различных групп местной администрации на селе, их взаимное проникновение и концентрация в руководящих органах волости представлены в табл. 10.4.

Так как съезды сельских советов проводились довольно редко, постоянно работающими органами советской власти являлись исполкомы. Именно они стали центрами государственного управления в сельских

районах страны. Волостные исполкомы, как правило, включали в свой состав глав местных партийных ячеек, а также руководителей разных служб, управления которых находились в волосном центре. Таким образом, на деле это был единый сложный комплекс. Разного рода решения, касающиеся вопросов местного самоуправления, могли приниматься и на заседании волысполкома, и на собрании партийной ячейки, и просто в какой-то неформальной группе. А затем уже они соответственным образом оформлялись и рассылались по существующим административным каналам.

Руководители волостей были наделены большими полномочиями, которые к тому же были плохо прописаны. Например, они имели право практически только по своему личному усмотрению отдавать приказы об аресте подозрительных лиц или «врагов». Однако широкие полномочия в отношении крестьян сочетались с жесткой субординацией в отношении властей более высокого ранга. Те строго контролировали выполнение своих распоряжений, а в случае невыполнения безжалостно заменяли нижестоящих руководителей. Поскольку все руководители волысполкомов были членами партии, на них распространялась суровая партийная дисциплина. Их могли, не спрашивая их согласия, перебросить с одной должности на другую, перевести из одной сферы деятельности совершенно в иную, направить на работу в другой регион. Все члены волостных исполкомов назначались сверху — губернскими и уездными властями, а оценка их работы зависела от того, насколько успешно они собирали налоги, поставляли зерно в город, организовывали различного рода кампании, поддерживали спокойствие и порядок в своем районе. За этим следил специальный орган, который назывался «рабкрин» (рабоче-крестьянская инспекция)¹.

¹ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 148.

Реальные возможности волисполкомов часто никак не соответствовали тому, что от них требовало вышестоящее начальство. Со всех сторон на них обрушивался непрерывный поток запросов, приказов, инструкций, угроз. От руководителей требовали разворачивания все новых и новых ширококомасштабных кампаний, а дополнительных средств на эти цели, как правило, не выделяли¹. Модель идеальной бюрократии в том виде, как ее представил Вебер, для которой характерен аполитичный, рациональный и объективный способ действия, тут явно не подходит. От сотрудников волисполкомов требовалась не объективность, а безмерная преданность и нечеловеческая самоотдача. Любое невыполнение приказа сверху рассматривалось как акт предательства и контрреволюции. А если принять во внимание обычную крестьянскую тактику молчаливого саботажа, то обстановка, в которой приходилось работать этому органу, очень напоминала положение осажденной крепости.

Дополнительный негативный момент заключался в том, что при всей своей нечеловеческой занятости работники волисполкомов очень мало получали. Так, в 1924 году средняя зарплата членов волисполкомов не дотягивала до 20 рублей в месяц, а во многих случаях составляла всего 12 рублей в месяц. Председатели сельсоветов получали менее 10 рублей в месяц². Средняя же зарплата служащих госаппарата в городе тогда составляла 36 рублей в месяц, а в Москве — 42 рубля³.

Ножницы, которые существовали между спускаемыми сверху задачами и имеющимися в распоряжении ресурсами, между ответственностью работы и размерами получае-

¹ Работники волисполкомов часто жаловались на перегрузки (см., например: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 168).

² См.: Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 812.

³ См.: *Народное хозяйство в цифрах*. С. 492.

мого за нее вознаграждения, между номинальной властью и субъективно ощущаемой реальной нестабильностью положения, порождали два типа реакций. С одной стороны, наиболее ретивые сельские чиновники с крестьянами были очень грубы, часто прибегали к репрессивным методам — арестам и рукоприкладству¹. В этом проявляется и несоответствие спускаемых сверху требований реальным возможностям, и отсутствие должного опыта руководящей работы, и презрительное отношение к крестьянам, которые якобы «зажрались». С другой стороны — всюду процветали цинизм и коррупция. Имелись данные о многочисленных фактах расхищения общественных средств² и взяточничества, разгульных пьянок в компании богатых крестьян³.

Ситуация работы в условиях сильного внешнего давления, сходство проблем, с которыми приходилось повседневно сталкиваться, стиль жизни, сильно отличающийся от того, который характерен был для крестьянства, — все это сплачивало данную группу аутсайдеров и противопоставляло ее крестьянской массе. Эти люди концентрировались в волостных центрах, где они активно друг с другом общались, обсуждая свои про-

¹ Например, в 1922 году (первый год нэпа), по данным Народного комиссариата финансов (Наркомфина), крестьяне Смоленской губернии провели два миллиона дней в судах и в тюрьме. И это не считая времени, проведенного в суде в качестве свидетелей. Поводом были в основном уклонения от уплаты налогов. В пересчете на сельскохозяйственную продукцию это равнялось 299 дням на тысячу пудов зерна (1 пуд равен 16 кг) (см.: Вайнштейн А. *Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время*. М., 1924. С. 162).

² См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 55–57; Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 777, 812; Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 83–84.

³ Пьянство превратилось в подлинный бич русской деревни. Пили практически поголовно (Росницкий Н. *Лицо деревни*. С. 120). Все попытки Коммунистической партии и Советского государства бороться с самогонварением так и не дали никаких положительных результатов.

блемы и морально поддерживая друг друга. А контакты с местным населением у них сводились к минимуму. В большинстве своем они были недавно присланы из города¹, отличались от местного населения образовательным уровнем², регулярно читали центральные газеты и партийные издания, ощущали свою причастность к большой и мощной силе. Единство целей и условий жизни рождало групповую солидарность, что, конечно же, не исключало внутренней борьбы за власть и влияние. Так на селе сложилась новая социальная прослойка партийных и советских служащих.

Таким было положение на селе, когда представление крестьян о партийных работниках как людях, которые «только собирают налоги и командуют»³, было близко к тому, как сами они понимали свою роль. Недаром на собраниях сельских парторганизаций порой звучали призывы выплачивать партийную зарплату всем членам партии с таким обоснованием: «нас всего полмиллиона, но ведь налоги мы выколачиваем»⁴.

Отношения между государственными служащими на местах и крестьянами превратились в серьезную проблему. Перед советским руководством встала непростая дилемма. С одной стороны, решение как повседневных задач жизни страны, так и достижение конечной цели построения социализма требовали налаживания тесных контактов с крестьянством. Но, с другой стороны, на деле это часто вело к такой ситуации, когда личные отношения брали верх над верностью интересам партии и государства, то есть к коррупции. Подобного рода дилемма отчетливо чувствуется в тех лозунгах, ко-

¹ См.: Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. С. 168–171; Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. С. 773.

² Обычно имели начальное образование, некоторый опыт партийной и руководящей работы, за плечами — службу в армии.

³ Яковлев Я. *Деревня как она есть*. С. 74.

⁴ Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 70.

торые партия выдвигала в период нэпа: они призывали к «смычке», то есть к тесному контакту между членами партии и крестьянами, но одновременно предостерегали от «врастания» партии в крестьянскую массу. Но где кончалось одно и начиналось другое? Граница тут оказывалась очень размытой. Если она и существовала, то проходила на уровне председателей сельских советов. Начиная с этого уровня, люди, занимавшие подобные выборные должности, практически ничем не отличались от кадровых партийных работников и советских служащих. Все они были своего рода местной элитой¹. Крестьяне обычно воспринимали их как чужаков и обозначали словами «власти», «начальство» или просто «они». Крестьянин, попавший в эту среду, неизбежно чувствовал себя в двойственном положении.

Учитывая сказанное, особая роль отводилась тем людям, которые находились на периферии местной системы власти. Будучи идеологическими союзниками советской власти, они должны были служить своего рода мостом между сельской администрацией и крестьянами. Но принадлежность сразу к двум разным системам делала их положение шатким и весьма неловким. Положение председателя сельского совета, как мы видели, в этом отношении весьма характерно. Аналогичным образом дело обстояло с комсомольцами и бывшими красноармейцами, которые потенциально являлись союзниками коммунистов. Но в условиях глубокой политической и культурной поляризации крестьянского общества часть из них становилась местными руководителями, а другая часть растворялась в крестьянской массе. Был и еще один дополнительный фактор: представители старшего поколения всячески препятствовали молодежи занять действительно влиятельное поло-

¹ См. табл. 10.4. Более половины членов волисполкомов (включая председателей) были коммунистами и бывшими военными служащими.

жение в составе волостных исполкомов¹. В партийной печати того времени мы встречаем постоянные жалобы на то, что редко находятся простые крестьяне, даже из сочувствующих советской власти, которые готовы активно включиться в политическую работу. В этом отношении положение коммунистов в деревне было сходно с положением сельской интеллигенции: и те и другие не были достаточно интегрированы в крестьянское общество².

Таким образом, в рассматриваемый период ситуация в российской деревне характеризовалась глубоким дуализмом. Существовало два центра власти: с одной стороны — крестьянская община в лице своего собрания, а с другой — государственный административный аппарат в форме волостных исполкомов и партийных организаций. Сельсоветы играли во многом второстепенную роль. Целиком подчиняясь центральным властям, чиновники районного уровня были практически лишены какой-либо самостоятельности. В этом Россия отличалась от большинства других стран, в экономике которых ведущее положение занимало сельское хозяйство. Там районная администрация, как правило, имела ресурсы и определенный простор для маневра, выступая как своего рода буферная группа в отношениях между государством и крестьянством³. Отсутствие более или менее стабильной центральной группы и сильное культурное различие, существовавшее между основными оппонентами, усиливало поляризацию. Нечто подобное, но в значительно более мягкой форме, мы можем наблюдать и в ряде современных развиваю-

¹ См. раздел 1 настоящей главы.

² См.: Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне*. С. 66–67.

³ См., например: Fei Hsiu-Tung. Peasantry and Gentry. *American Journal of Sociology*. 1946. Vol. 52. No. 1. P. 1–17; Wolf E. R. Aspects of Group Relations in a Complex Society: Mexico. *American Anthropologist*. 1956. Vol. 58. №. 6. P. 1075–1076.

щихся стран¹. Однако в России ситуация была намного сложнее: кроме крестьянских общин и представителей власти, которые в большинстве своем были «пришельцами», существовала еще и значительная группа сельской интеллигенции, которая не смешивалась с первыми двумя. Эти три главные группы вели относительно независимое существование, а те группы, которые могли бы выступать в качестве посредников, были чрезвычайно слабы.

5. СТРУКТУРА ВЛАСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

В то время, которое мы сейчас рассматриваем, подавляющее большинство россиян жили в социальных рамках крестьянского общества. И хотя в результате Октябрьской революции и Гражданской войны социальная структура подверглась довольно сильным преобразованиям, крестьянства это практически не коснулось. Образовались две новые мощные властные элиты: представители руководящих партийных органов, концентрировавшихся в основном в городах, и сотрудники государственного аппарата (местных советов). В период нэпа эти две силы сосуществовали, но полностью не сливались.

Если брать местный уровень, то нужно отметить, что революция повлекла за собой значительные изменения в социально-политической композиции групп сельского населения: одни совершенно исчезли (например, помещики), другие повысили свой статус (например, женщины и бывшие военнослужащие), третьи возникли и приобрели большой вес (например, члены партии). Существенное изменение идеологии и потребностей руководства страны привело к изменению принципов комплектования местной администрации как в плане

¹ Boeke J. *Economics and Economic Policy of Dual Societies as Exemplified by Indonesia*.

социального происхождения кандидатов, так и в плане того психологического типа, которому отдавалось предпочтение. Что касается самого крестьянства, то его социально-экономическая дифференциация уменьшилась, мобильность увеличилась. Независимые хутора исчезли, занятия различного рода побочными ремеслами и промыслами стали менее активными. Возросшая внутренняя однородность крестьянских общин уменьшила шансы развития по западному типу — путем модернизации и развития рыночных отношений. Все это привело к политическому расслоению сельского населения России и во многом определило направление дальнейшего развития села.

Политическая динамика отношений в деревне в этот период отражала наличие целого ряда внутренних противоречий. Одно из них вышло на первый план и стало определяющим в политической жизни российской глубинки. Это было глубокое противоречие между интересами крестьянских общин и людей, которые, являясь представителями новой власти, по своему происхождению, психическому складу и своим идеологическим установкам сильно отличались от крестьян с их традиционным укладом жизни.

Установки и действия местного начальства в решающей мере задавались и направлялись из центра. Там определялась политика в отношении сельского хозяйства страны, а представители на местах обязаны были ее реализовывать, как правило, почти не считаясь с интересами основной массы крестьянства. Они, разумеется, пытались привлечь на свою сторону отдельные группы сельского населения, но это им не очень удавалось. В подобной ситуации приходилось постоянно прибегать к принуждению и насилию. А крестьяне отвечали на это своим обычным молчаливым сопротивлением.

С другой стороны, политические установки и типичный характер действия крестьянских общин являлись отражением особенностей социальной структуры

российского крестьянства и его традиционного консерватизма. Вертикальная сегментация крестьянского общества являлась одновременно и его силой, и его слабостью. Высокая внутренняя сплоченность каждой деревни оборачивалась разобщенностью и даже враждой деревень между собой. То же самое явление имело место и на уровне отдельных крестьянских домохозяйств и общин. А на уровне крестьянства как класса можно констатировать его очевидную социально-политическую слабость: у крестьянства не было центральной организации, своих символов и национальных лидеров, а без этого любые крестьянские выступления имели узко локализованный характер. В такой ситуации крестьяне никак не могли оказать широкое открытое сопротивление той мощной силе, которую составляли государственные и партийные организации в совокупности. В конце концов государственная машина оказалась способной подавить сопротивление крестьян, но это не означало, что она могла безгранично господствовать и навязывать свою волю. Властям приходилось учитывать целый ряд факторов объективного плана: уже существовавшую на селе социальную структуру, свои ресурсы, психологию и настроения ведущих политических «игроков». Все это в совокупности определяло направление дальнейшего развития страны.

В период нэпа крестьянские общины продемонстрировали огромную силу сопротивления. Но в целом российское крестьянство так и не смогло выработать и реализовать собственную политическую линию. Сила была на стороне партии большевиков и советского государственного аппарата. Однако при этом их представители на местах были очень далеки от крестьянства, плохо понимали их мысли и чаяния, не учитывали реальных социальных процессов, протекающих в российской деревне. Это перекрывало те самые каналы, по которым могла идти информация, способствующая выработке более тонких и адекватных подходов к решению про-

блемы. Политическое руководство страны превратило представляло себе устройство крестьянского общества. Его представители на местах были очень далеки от народа и не знали других способов общения с ними помимо грубой административной силы. А крестьянские общины, хотя они и продолжали играть важную роль в управлении местными делами, не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на центральные власти и проводимую ими политику или же одержать победу в полномасштабном конфликте с современным государством. Таким образом, уже в середине 20-х годов сформировался тот фон, на котором вскоре разыгралась драма коллективизации.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Крестьянство как политический фактор¹

КРЕСТЬЯНЕ составляют большинство человечества. Почти для всех стран, за исключением весьма немногих, слово «народ» по своему значению равнозначно слову «крестьяне», выражение «национальная культура» практически совпадает по смыслу с выражением «крестьянская культура», слово «армия» означает массу вооруженных молодых крестьян, одетых в военную форму, под командованием офицеров, представляющих иной социальный класс. И тем не менее об этом часто забывают.

Это проявляется, в частности, в явно недостаточном внимании, которое уделяют проблемам крестьянства ученые-обществоведы². Хотя в последние годы ситуация начала меняться к лучшему и появился ряд ра-

¹ Впервые опубликовано в: Shanin T. The Peasantry as a Political Factor. *The Sociological Review*. 1966. Vol. 14. No. 1. P. 5–10.

² Doving F. *Land and Labour in Europe, 1900–1950. A Comparative Survey of Recent Agrarian History*. The Hague, 1956. P. 5.

бот антропологического и исторического жанров¹, они являются скорее исключением из правила и, по сути, тонут в общем потоке публикаций по общественным наукам. Объяснение, видимо, заключается в том, что для современного цивилизованного сознания крестьянская проблематика как таковая представляется чем-то малоинтересным. Но реальность настойчиво заявляет о себе. Сегодня повсюду в мире — в Москве и в Вашингтоне, в Пекине и в Дели, на Кубе и в Алжире, в Конго и во Вьетнаме, — когда речь идет о сельском хозяйстве, экономисты, политики и стратеги постоянно попадают впросак: их прогнозы не оправдываются, а планы срываются.

Не менее интересно проанализировать оценки крестьянства как особой социальной группы. Попытку такого рода сделал, например, в своей книге один из авторов, хотя его обзор является далеко не исчерпывающим². Сейчас отметим лишь тот момент, что эти оценки захватывают весь эмоциональный диапазон: на одном полюсе рисуется образ каких-то сельских ангелов, а на другом — грубых, упрямых и жадных тварей. Например, в России в один и тот же исторический период один из авторов (В. М. Чернов) называет крестьян «истинными хозяевами страны»³, а другой (Г. В. Плеханов) считал, что с исторической точки зрения это вообще не класс. Но подобные броские ярлыки ничуть не проясняют вопроса по сути. Что бы ни думали о них какие-то интеллектуалы, крестьяне существовали и продолжают существовать.

¹ См., например Shanin T. (ed.) *Peasants and peasant societies*. Harmondsworth, 1971; Shanin T. *Peasantry, a Delineation of Concept and a Field of Study*. *European Journal of Sociology*. 1971. Vol. 12. No. 2. P. 289–300.

² Mitrany D. *Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism*. London, 1951.

³ Цит. по: Maynard J. *The Russian Peasant and Other Studies*. London, 1967. P. 97.

Амбивалентность оценок, подмена строгих определений расплывчатыми аллегориями, непонимание истинной природы крестьянства — все это весьма характерно для западной интеллектуальной традиции. Невнимание к теме — это лишь один из симптомов. Причина возникновения идеи о том, что крестьянство есть «класс, который является представителем варварства внутри цивилизации»¹, сама по себе заслуживает серьезного анализа в аспекте социологии знания. Пытаясь разобраться в этом, мы выходим на целый комплекс факторов. Но главным из них, по-видимому, является то простое обстоятельство, что крестьяне с их поведением плохо вписываются в наше представление о современном обществе. Сталкиваясь с этим, исследователи недоуменно разводят руками.

В данной статье мы для начала попытаемся выделить те специфические особенности, которые отличают крестьянство от других социальных групп. Такое аналитическое определение² мы затем используем для того, чтобы задать общий исторический контекст. Далее мы обратимся к рассмотрению крестьянства как части общества, а после этого перейдем к описанию политического профиля данной социальной группы. Мы прекрасно понимаем, что возможны и другие подходы. Более того, они даже необходимы. Ведь любое словесное описание обязательно связано с упрощением сложной и многосторонней реальности.

¹ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 7. М., 1956. С. 42.

² Эта дефиниция представляет собой результат сравнения подходов целого ряда ученых. Но поскольку она базируется на анализе ограниченного числа возможных типов, универсальность ее пока окончательно не доказана.

1. КРЕСТЬЯНСТВО: АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Начнем с замечания Редфилда, который говорит: «Крестьянское общество и культура повсеместно обнаруживают некоторые общие черты»¹. К такому выводу данный исследователь пришел, сравнивая различные страны и эпохи. По-другому он определяет крестьянство как «некий тип без конкретной локализации», отмечая тем самым его специфику с точки зрения антропологии².

Более полное определение звучит так: «Крестьянство — это совокупность мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простое оборудование и труд своих семей, производят продукты прежде всего для своего собственного потребления, а также для выполнения своих обязательств по отношению к тем, кто обладает политической и экономической властью». Такое определение предполагает особое отношение к земле (крестьянская семейная ферма), к деревенской крестьянской общине (основная единица социального взаимодействия), особую организацию труда, связь с прошлым и характерные пути развития. Отсюда, кроме того, особое положение в обществе и характерный политический профиль данной группы.

Связь с землей и особый характер сельскохозяйственного производства — это главные факторы, задающие некоторые специфические черты крестьянской экономики. Крестьянская семья посредством труда на ферме обеспечивает свои основные потребности. Поэтому она оказывается относительно независимой от других производителей и от рынка. Это делает ее достаточно стабильной: в условиях кризиса она может далее существовать за счет интенсификации труда, снижения уровня потребления и частичного ухода с рынка.

¹ Redfield R. *Peasant Society and Culture: An anthropological approach to civilization*. P. 25.

² Ibid. P. 23.

Сам характер сельскохозяйственного производства задает пределы возможной концентрации населения и специфические особенности социальных отношений. В частности, сельскохозяйственный труд и вся жизнь крестьянской семьи подчинены годовым и прочим циклам. Природа является одним из тех внешних и неподвластных воле человека факторов, с которыми крестьянам постоянно приходится считаться.

а) *Связь с землей* оказывается одним из важнейших условий занятия крестьянским трудом¹. Более того, от размера земельного участка во многом зависит положение отдельного крестьянина в иерархии односельчан². Под обладанием в данном случае понимается социально принятое исключительное право использовать данный земельный надел независимо от того, вложен ли в него личный труд и капитал. Это состояние находит юридическое выражение в возможности передавать данный участок земли другому лицу в постоянное или временное пользование. Итак, владение землей, в широком смысле этого слова, может осуществляться в двух формах: как крестьянская семейная собственность, основанная на традиции, так и юридически оформленная собственность. Первое не обязательно предполагает второе. Строго говоря, земля, которой пользуется крестьянин, может принадлежать ему самому, крестьянской общине, помещику или государству, то есть иметь разный юридический статус. Поэтому формальное владение землей еще не делает человека крестьянином³. Ни отчуждение части продукта, производимого

¹ Galeski B. *Chłopi i zawód rolnika*. P. 48.

² Статус фермера в своей социальной группе традиционно прямо зависел от размеров принадлежащего ему земельного надела. Превращаясь из мелкого землевладельца в среднего и из среднего в крупного, человек автоматически повышал свой статус независимо от профессиональных умений и эффективности труда (Ibid. P. 47).

³ Redfield R. *Peasant Society and Culture*. P. 28.

крестьянами, ни установление политического или административного доминирования над ними, как правило, не меняют сущности фундаментального отношения между крестьянином и землей.

б) *Семейная ферма* представляет собой главный структурный элемент собственности, производства, потребления и социальной жизни крестьянства. Индивид, семья и ферма образуют нераздельное целое. Единство интересов семьи и фермерского хозяйства — это типичная характеристика традиционной крестьянской семьи¹. Элементы производства и потребления здесь неразрывно связаны. Направление и характер деятельности крестьянской фермы определяются потребностями самой семьи, наличием рабочих рук и объективными возможностями производства. Мотивы извлечения дохода и накопления капитала редко здесь присутствуют в чистой форме. Поэтому адекватность модели максимизации прибыли, успешно применяемой для анализа рыночной экономики, в случае крестьянской экономики оказывается весьма сомнительной². Таким образом, сельское хозяйство с доминирующей в нем моделью семейного производства находится как бы в стороне от магистрального курса динамично развивающегося общества индустриального типа³.

Крестьянская собственность, по крайней мере де-факто, является семейной собственностью. Глава семьи выступает скорее как менеджер общего хозяйства, чем его владелец. Это отмечают исследователи и русской, и польской деревни⁴. Подобное совпадение говорит об универсальном характере данного явления.

¹ Galeski B. *Chłopi i zawód rolnika*. P. 140.

² Доказательство этого тезиса требует развернутой аргументации. Мы отсылаем читателя к работам Знанецкого, Галеского и Чаянова.

³ Galeski B. *Chłopi i zawód rolnika*. P. 57.

⁴ Thomas W. I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. P. 92; Мухин В. *Обычный порядок наследования*

Социальная структура семьи определяет разделение труда, распределение статуса и социального престижа. Крестьянская семья одновременно является и производственным коллективом. Соответственно, положение человека в семье определяет его трудовые обязанности, функции и права. С другой стороны, весь ритм семейной жизни во многом зависит от рабочего ритма, задаваемого самим характером сельскохозяйственного производства.

Престиж и социальная позиция человека в крестьянском обществе определяется двумя главными факторами: статусом семьи, к которой он принадлежит, и его положением внутри этой семьи. В свою очередь, положение индивида внутри семьи зависит главным образом от достижения определенной стадии его жизненного цикла. Для мужчины эти стадии таковы: ребенок; молодой человек до женитьбы; женатый молодой человек, еще не отделившийся от семьи; независимый труженик; пожилой человек, ушедший на покой. Независимость же человек мог обрести двумя путями: либо став главой семьи после смерти отца или его ухода на покой, либо отделившись от родительской семьи и организовав свое собственное хозяйство¹. Семейный труд является существенной чертой ведения хозяйства, а потому женитьба становится абсолютным требованием. Неженатый мужчина, даже если он формально владеет фермой, не является полноценным хозяином в глазах своих односельчан, поскольку он не полностью впи-

у крестьян: К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888. С. 62.

¹ Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. P. 93. Сходный анализ см.: Васильчиков А. *Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах*. СПб., 1876. Т. 2. С. 21.

сывается в представление о нормальной крестьянской жизни¹.

Главная определяющая характеристика принадлежности к семье — это полное участие в жизни крестьянского домохозяйства. Если, например, для французской крестьянской семьи начала XX века использовалось определение «люди, живущие под одной крышей», то для русской крестьянской семьи более адекватным было определение «люди, едящие из одного горшка»². Основой взаимопомощи, контроля и социализации была внутрисемейная солидарность. Главенствовали тут неписанные строгие правила поведения и распределения ролей, а индивидуальные чувства отступали на задний план. Вся жизнь типичной крестьянской семьи была подчинена задачам ведения натурального по своей природе хозяйства. Сегментация крестьянского общества на отдельные мелкие элементы, обладающие высокой степенью самодостаточности и способностью выдерживать экономические кризисы, — это еще одна его важна характеристика.

в) Тот факт, что *род занятия* во многом определяет не только социальное положение человека, но и особенности его личности, хорошо известен. Галеский в книге, на которую мы уже ссылались, занимается этой проблемой аналитически и эмпирически³. Он верно подмечает, что, когда речь идет о тружениках сельского хозяйства, некоторая понятийная неопределенность проистекает из особой природы этой деятельности. Помимо указанных особенностей (семейный характер деятельности, прямая связь с обладанием землей, довольно высокая независимость от рынка) специфика состоит еще и в том, что крестьянину приходится брать на себя чрезвычайно широкий круг взаимосвязанных

¹ Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. P. 107.

² Чаянов А. *Организация крестьянского хозяйства*. М., 1925. С. 21.

³ Galeski B. *Chłopi i zawód rolnika*. Ch. 2.

и не слишком специализированных функций. Многие из этих функций в принципе могут выполняться и представителями других профессиональных групп. Но для крестьянского труда характерно то, что здесь они представлены в комплексе. Отсюда не только своеобразие этого вида деятельности, но и еще одна его особенность — способность сопротивляться индустриализации. Однако со временем разделение труда неумолимо проникает и в сельское хозяйство: на селе становится все больше специалистов узкого профиля. А крестьянские функции сужаются и профессионализируются по мере того, как часть из них (периферийная с точки зрения крестьянина и требующая каких-то особых умений) передается специалистам. Крестьянин становится фермером, а его ферма — своего рода предприятием. Но те виды деятельности, которые плохо поддаются разбиению на ряд повторяющихся операций с целью механизации всего процесса (например, скотоводство), всё еще остаются во многом сферой крестьянского труда в его привычной форме.

Указанные особенности крестьянского труда определяют и специфику передачи опыта подрастающему поколению: процесс социализации и обучения трудовым умениям, протекающий главным образом в семье, носит очень личный и неформальный характер.

г) Если семейный характер труда является универсальной особенностью организации жизни на селе, то *структура деревни* зависит от специфических условий времени и места¹. Будучи включенным в сельскую общину, крестьянин приобретает почти полную социальную самодостаточность. На этом уровне, как правило, происходит распределение земли, заключение браков, удовлетворение социальных и религиозных потребностей. Поскольку характер труда на земле нередко требует коллективных усилий, в деревне между семьями

¹ В табличном виде это представлено в: Eisenstadt S. *The Political Systems of Empires*. New York, 1963. P. 34–35.

спонтанно возникают простые формы взаимопомощи, а на уровне принятия решений обычно используют демократические принципы согласования интересов. В деревне каждый человек на виду, вся его история жизни хорошо известна односельчанам, которые постоянно тесно общаются друг с другом. Поэтому здесь формируется особая культура — в высшей степени традиционалистская и конформистская. Недаром сами российские крестьяне для обозначения своей общины часто использовали слово «мир», которое в русском языке может иметь два разных значения: «окружающая среда» и «согласие». Деревня для крестьянина была таким замкнутым и привычным мирком, в котором проходила практически вся его жизнь. А внешний мир всегда представлялся ему как средоточие враждебных сил, которые постоянно пытаются навязать крестьянам свою волю и эксплуатировать их.

д) Крестьянство, по сути, является компонентом *доиндустриального общества*. В современное общественное устройство оно приносит архаичные элементы традиционной социальной структуры, экономики и культуры. Ниже мы подробнее остановимся на этом моменте. Сейчас же следует подчеркнуть, что речь идет не просто об устаревшем способе производства¹, который является тормозом дальнейшего развития, а об особом типе развития, не порывающем связь с прошлым.

Выше мы рассмотрели и учли большинство из существующих дефиниций крестьянства. Но имеется еще одно определение, которое первоначально было сформулировано А. Крёбером, а затем использовано Р. Редфилдом². Согласно этому определению, крестьянство есть частично элемент общества, а частично — элемент культуры. Данный подход мы учтем в дальнейшем, ког-

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М., 1957. С. 208.

² Kroeber A. L. *Anthropology*. New York, 1923. P. 284; Redfield R. *The Primitive World and its Transformation*. Ithaca, 1953.

да в третьем разделе обратимся к анализу вопросов отношений крестьянства и общества в целом¹.

Разумеется, что практически невозможно дать какой-то социальной группе общее определение, которое полностью совпадало бы с любым из эмпирических подходов к ее выделению. Тем не менее у нас нет никаких сомнений в том, что попытка понять сущность крестьянства как особой социальной группы крайне важна и полезна и для правильной организации эмпирических исследований².

2. КРЕСТЬЯНСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Крестьянство проявляет себя не только как отдельная социальная группа, но и как особый стиль жизни, свойственный определенной стадии развития человеческого общества. В своем классическом описании китайского общества Фей указывает: «Крестьянство... это некий способ жизни, сплав формальной организации, индивидуального поведения и социальных установок, выработанный с целью ведения сельского хозяйства с помощью простых орудий и физического труда»³. Этот стиль жизни зародился еще в эпоху племенного (преимущественно кочевого) общества, затем стал доминирующим с развитием общества мелких производителей, а позднее, с возникновением индустриального общества, сжался до одного из его секторов. Переход человечества на вторую стадию принято на-

¹ Настоящая статья была написана до того, как вышла в свет книга: Wolf E. *Peasants*, 1966, в которой подчиненное положение крестьян рассматривалось как его главная характерная черта. Свою точку зрения на этот вопрос мы сформулируем в третьем разделе.

² Более подробное рассмотрение проблемы определения того, что есть крестьянство, и, в частности, отношения между тем, что мы считаем основным типом и разного рода маргинальными группами, содержится в: Shanin T. *Peasants and peasant societies*.

³ Bendix R., Lipset S. *Class, Status and Power. A Reader in Social Stratification*. Glencoe, Ill., 1953. P. 32.

зывать аграрной революцией»¹. В это время людские поселения становятся постоянными, за ними закрепляются земельные участки, а производительность труда повышается настолько, что возникает достаточно устойчивый избыток товаров. Их производство все больше начинает непосредственно зависеть от объема вложенного труда².

Общество мелких товаропроизводителей, понимаемое как отдельная фаза развития экономической и социальной жизни, характеризуется в первую очередь определенными отношениями собственности и основными элементами системы социальных связей. В племенном обществе, ведущем преимущественно кочевой образ жизни, вряд ли еще можно говорить об отношениях собственности³. Они возникают вместе с возникновением общества мелких производителей, а свое законченное юридическое оформление получают в индустриальном обществе капиталистического типа. В качестве социальной основы первобытнообщинного строя выступают группы, образованные по принципу кровного родства. Индивид как таковой «не считается» — он реально существует лишь как часть большой семьи. Подобная система социальных отношений окончательно разрушается в промышленно развитом обществе, где люди концентрируются в городах, а рынок превращается в основной экономический механизм регулирования производства и потребления. Возникает огромная сеть социальных структур вертикального и горизонтального типа. Ядром общества становится индивид, который получает возможность взаимодействовать со всеми другими людьми. Таким образом, именно *семейная собственность* может рассматриваться в качестве ключе-

¹ Childe V. Gordon. *Social Evolution*. London, 1951.

² Подробнее об этом см.: Mandel E. *Marxist Economic Theory*. New York-London, 1968. Chs. 1–3.

³ Может быть, за исключением охотничьих угодий, охраняемых от посторонних.

вого признака общества мелких производителей и того этапа исторического развития, на котором этот способ производства доминирует.

Кроме того, внутри общества мелких производителей складывается определенный стиль мышления (культурный стереотип)¹, некоторые элементы которого свойственны крестьянам, живущим в обществах индустриального типа². Крестьянин мыслит не экономическими, а социальными категориями. Для него в принципе чужды соображения материальной выгоды. Подобный факт отмечали практически все исследователи крестьянского быта³. Поведение крестьянина в ситуациях, когда речь идет о земле, ценах, займах или доходах, часто выглядит иррациональным⁴. Мышление крестьянина является причудливым и непонятным для наблюдателя со стороны. В нем нередко парадоксальным образом уживаются два, казалось бы, несовместимых суждения. Поэтому легко возникают мифы о том, что крестьяне по своей природе глупы. Но это вовсе не так. Просто сам стиль мышления у них совершенно иной: он, по сути, вполне отвечает их особым потребностям⁵.

¹ Культурный стереотип в этом смысле понимается как «призма, через которую люди воспринимают и описывают окружающий их мир» (Mills C. Wright. *Power, Politics and People*. P. 406).

² Подробнее об этом см.: Redfield R. *Peasant Society and Culture*. Chs. 2–3.

³ Даже Маркс отмечал, что основные экономические законы, в частности закон стоимости, не работают в крестьянском обществе (см. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 25. Ч. II. М., 1962. С. 184–187).

⁴ Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. P. 161–173.

⁵ Например, Мухин (*Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 31) указывает, что, рассматривая имущественные споры, крестьянское собрание обычно судит «по человеку», то есть всегда учитывает субъективные факторы, вместо того чтобы ссылаться на какие-то общие принципы или формальные прецеденты.

Современные исследования подтверждают вышесказанное. Например, показано, что время в сознании русского крестьянина имеет скорее циклическую, чем линейную природу¹. И это явно связано с характером их труда. Отмечается также, что в любом закрытом сообществе мы наблюдаем интенсивные личные контакты, широко распространенную эндогамию, общность базовых ценностей и единомыслие, высокую внутригрупповую сплоченность и примат эгалитаризма². Это в полной мере относится и к особенностям крестьянской культуры. В настоящее время подобные традиционалистские установки входят в явное противоречие с современной цивилизацией, которая стала доминирующей в индустриально развитых странах.

Исторически общество мелких производителей занимает промежуточное положение между обществом кочевых племен и современным индустриальным обществом. Эта фаза еще называется «переходной», «неустойчивой» или же просто «не заслуживающей особого внимания». Но на самом деле она не менее продолжительна и не менее стабильна, чем большинство других типов социального устройства. Во всем мире встречаются общества, основанные на биологическом, циклическом, неструктурном динамизме. А семейная ферма представляет собой базовый элемент подобной организации. Если брать общество «застойного» типа, то для него гораздо более характерны семейные фермы, деревенские общины и циклическая стабильность, чем некие «гидравлические» элементы. Более того, только действие внешней силы в форме

¹ Smith R. E. F. A Model of Production and Consumption on the Russian Farm. *Discussion Papers, University of Birmingham, Centre for Russian and East European Studies*. 1964. Series RC/D. No. 1. P. 11.

² Pitt-Rivers J. The Closed Community and its Friends. Обзоры результатов антропологических исследований крестьянских общин содержатся в *Biennial Review of Anthropology* за 1961, 1963 и 1965 годы.

высокоцентрализованного государства, изымающего избытки сельскохозяйственного производства, способно вывести систему натурального обмена из состояния циклической стабильности, в которой она пребывает сама по себе.

Под влиянием развития рынка и роста городов, где процветает денежная экономика и концентрируется промышленность, крестьянство, которое является стержнем общества мелких производителей, теряет свои былые позиции. Этот процесс можно по-настоящему понять только путем анализа накопления капитала вследствие появления избытков сельскохозяйственного производства¹. Но, хотя именно сельское хозяйство создает материальную основу, на которой становится возможной широкая индустриализация, само крестьянство в значительной мере остается вне параллельно создаваемой новой социальной системы².

В городах, где сосредоточена промышленность и торговля, рождаются новые формы жизни, значительно отличающиеся от тех, которые бытовали в мире мелких производителей. Человек здесь оказывается в обстановке, где в отношениях между людьми господствуют не близость, взаимопонимание и душевная теплота, а холодный расчет, характерный для рынка. Освободившись от бремени семейных уз, но и одновременно лишившись поддержки со стороны своей семьи, индивид попадает в огромную бюрократическую систему, идеалом которой является достижение эффективности, а главным мотором — стремление к обогащению.

Благодаря концентрации капитала и политической власти, быстрому росту населения, высокой производительности труда и распространению образования,

¹ Sweezy P. (ed.) *The Transition from Feudalism to Capitalism: a Symposium*. New York, 1954.

² По данным Манделя, в середине XX века в США существовало более миллиона мелких ферм с элементами натурального хозяйства.

городская культура стремительно развивается, превращаясь в главный фактор экономических и социальных изменений. Общество же мелких производителей становится просто одним из сегментов мира, организованного на совершенно иных принципах, а сельская культура сохраняет свои архаичные черты. Более того, она постепенно размывается под мощным натиском городской культуры. Рыночные отношения проникают и в деревню. Сельское хозяйство становится более специализированным и профессионализированным. Капитал и рабочие руки перетекают в город, а из города в деревню устремляется поток ширпотреба и массовой культуры. Деревенская культура в ее традиционной форме постепенно гибнет¹.

Но неправильно было бы думать, что крестьянский сектор просто плетется в хвосте динамично развивающегося индустриального общества, процветающего в городах. В самом сельском хозяйстве протекают некоторые процессы, которые качественно меняют его природу. Можно выделить по меньшей мере три таких процесса, которые протекают параллельно. А еще один процесс отличается от них тем, что является навязанным извне.

I. Появление на селе *крупных механизированных и высококорентабельных хозяйств* постепенно разрушает систему мелких производителей. Концентрация производства влечет за собой концентрацию собственности на землю. По мере того как сельское хозяйство заимствует у промышленности методы организации труда, оно само превращается в одну из ветвей промышленного производства². Такая тенденция отчетливо проявляется в широкой распространенности крупных ферм в США, на севере Италии, в центральной части Франции. Некоторые из российских совхозов тоже во многом прибли-

¹ Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. P. 1122.

² Ленин В. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 3. С. 58.

жаются к этой модели организации сельскохозяйственного производства. Но имеется ряд факторов, которые мешают целиком перейти на этот способ ведения хозяйства. Во-первых, сам характер труда в сельском хозяйстве чаще всего не позволяет расчленить его на простые механические операции. Во-вторых, семейное хозяйство даже в этих условиях демонстрирует свою живучесть. И наконец, существующий спрос в основном на свежие органические продукты тоже мешает превращению сельскохозяйственных предприятий в целиком автоматизированные фабрики.

II. Сильное влияние городов сказывается, между прочим, еще и в том, что среди крестьянства постепенно формируется *прослойка профессиональных фермеров*. Растущие города оттягивают из деревни бедных крестьян. То же самое нередко происходит и в случае наиболее зажиточных крестьян: они переносят свой бизнес в город. В результате всех этих изменений ведущую роль в системе рыночных отношений начинает играть середняк, успешно ведущий собственное семейное хозяйство или же примкнувший к набирающему силы кооперативному движению. Еще Маркс указывал на существование специфических процессов в историческом развитии сельского хозяйства, которые приводят к появлению и укреплению фермерства¹. Некоторые исследователи считали, что превращение крестьянина в фермера — это вообще единственно возможный путь развития крестьянства². В дальнейшем польские и немецкие социологи показали, что в их странах возник

¹ Но тогда выходит, что капиталистическая система, хотя она приносит в сельское хозяйство всякого рода технические усовершенствования, по сути является врагом сельского хозяйства в его привычной форме. При капитализме сельское хозяйство должно стать или фермерским, или коллективным (см.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 25. Ч. I. М., 1961. С. 135).

² См.: Бауэр О. *Борьба за землю: очерки по аграрной истории и аграрной политике Австрии*. Л., 1926. С. 203.

также и новый тип крестьянина-рабочего. Представители этой группы крестьян зарабатывали деньги наемным трудом, а на своем приусадебном участке выращивали растения и скот главным образом для личного потребления.

Процесс превращения крестьянства в фермерство особенно активно шел в северо-западных частях Европы. Число сельских жителей здесь довольно быстро сокращалось, а оставшиеся превращались в однородную и внутренне сплоченную группу фермеров-профессионалов. И хотя фермерство находится гораздо ближе к современному индустриальному обществу, чем традиционное крестьянство, оно продолжает сохранять некоторые своеобразные черты последнего. Особенно это заметно там, где государство социалистического типа не пресекает деятельность мелких независимых сельскохозяйственных производителей и даже оказывает им необходимую помощь (Советская Россия периода нэпа, послевоенные Польша и Югославия).

III. Третий тип развития характерен главным образом для так называемых развивающихся стран и проявляется в *нарастающем обеднении крестьянства*¹. Быстрый рост народонаселения, развитие рыночных отношений и вытеснение традиционных крестьянских ремесел, которые никак не способны конкурировать с промышленным производством товаров массового спроса, — все это нарушает прежний циклический баланс в обществе. Но в условиях сравнительно медленной индустриализации процесс накопления капитала тоже идет медленно, и города не могут принять избыток сельского населения. Рост производства не поспевает за темпами роста потребления. На селе возникает перенаселение, растет скрытая безработица, доходы сельского населения падают².

¹ Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. Chaps 2, 3, 10.

² См., например: *Pourquoi les travailleurs abandonnent la terre. Etude comparative*. Genève, 1960. P. 138, 144. Согласно этому источни-

IV. Указанные три процесса носят спонтанный характер. В отличие от них мы наблюдаем кое-где стремление современного государства и революционных элит провести в сельском хозяйстве насильственным путем *централизованную коллективизацию*. В этом случае изменения привычного для крестьян уклада жизни навязываются сверху и мотивируются политическими соображениями. Пока еще рано судить, насколько подобные попытки могут быть успешными. Но опыт Советского Союза, где они впервые стали предприниматься, свидетельствует о том, что традиционный уклад жизни, при котором крестьянин работает на своей земле, оказался чрезвычайно живучим¹.

3. Крестьянство и общество

Трудности, связанные с построением интегральной теоретической модели крестьянства как особого класса, проявляются и в спорах о том, какое место оно занимает в обществе. В этом вопросе сильно расходятся даже те исследователи, которые придерживаются близких теоретических взглядов. Например, если взять русских марксистов, то Сталин² считал крестьянство классом, для Крицмана это была «мелкобуржуазная масса», а для Плеханова — просто какое-то абстрактное понятие³.

ку, в Индии естественный прирост трудоспособного населения, имевший место на протяжении 40-х годов XX века, распределился по сферам занятости следующим образом: 70,3% пошли в сельское хозяйство, 28,3% — в сферу обслуживания, 14% — в промышленность. В России за период с 1931 по 1951 год доля работающего населения, занятого в сельском хозяйстве, увеличилась с 71 до 74%.

¹ Подробнее см.: Shanin T. Cooperation and collectivisation: The case of Eastern Europe. In Worsley P. (ed.) *Two Blades of Grass*. Manchester, 1971. P. 263–274.

² См.: Сталин И. В. *Вопросы ленинизма*. 11-е изд. М., 1945. С. 510.

³ См.: Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. С. XIII.

Отчасти это было связано с разными базовыми определениями. Например, Оссовский¹ отмечает, что понятие «социальный класс» используется Марксом по меньшей мере в трех разных смыслах. Исследователи нередко используют еще более дробную систему выделения социальных групп, исходя из своих взглядов на природу общества и конкретных целей анализа.

Разработанные Марксом принципы анализа классовой структуры общества разделяются большинством европейских социологов². Социальный класс в этом случае характеризуется общностью интересов, которая находит свое выражение в единстве культуры, сознания и действий. Сами же эти особенности формируются внутри отношений с другими классами. Общество состоит из взаимодействующих классов, которые постоянно борются между собой за власть.

Если в качестве главных критериев определения класса брать отношение к средствам производства³, обладание или необладание властью⁴, способность организовывать производство⁵, то крестьянство в современном индустриальном обществе попадает либо в большую аморфную группу «не обладающих властью», либо в еще менее конкретную группу «средних классов». Его четкая качественная определенность исчезает. Недаром большинство социологов марксистского толка рассматривают крестьянство как такой элемент докапиталистического общества, который в современных условиях обречен на вымирание. Но тогда возникает совершенно парадоксальная ситуация: социальная группа, ко-

¹ Ossowski S. *Class Structure in the Social Consciousness*.

² Американские социологи при анализе структуры общества, как правило, исходят из иерархии, основанной на социальном статусе разных групп. Для наших целей такой подход не является адекватным, и поэтому мы его не используем.

³ См.: Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 34. С. 15.

⁴ Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*.

⁵ См. работы от Сен-Симона до Богданова.

личественно представляющая значительную часть общества, оказывается где-то вне его. Подобная модель явно неадекватна. Ее сторонники считают, что они смотрят в будущее. Но мы уверены, что время опровергнет их прогнозы.

Концепция Макса Вебера отличается от концепции Маркса тем, что здесь в качестве определяющих берутся рыночные отношения, а вопросы доминирования или подчинения отходят на задний план¹. Вебер считает, что классовая ситуация — это рыночная ситуация. Она в конечном счете задается той собственностью, которой человек располагает, и теми услугами, которые он может предложить на рынке². Таким образом, для Вебера владельцы складов или держатели акций в такой же мере образуют классы, как, например, рабочие или крестьяне. Однако тогда получается, что общество в принципе мысленно делимо на безграничное количество мелких подгрупп. При таком подходе понятие «класс» во многом теряет свой аналитический смысл, на что, в частности, указывал Маркс³.

В истории нередко случалось, что крестьянство в политическом отношении действовало как социальная единица со всеми признаками класса. Более того, и в условиях индустриального общества оно продолжало демонстрировать свою способность выступать широким фронтом не только против помещиков, но и против крупных землевладельцев капиталистического типа, против различных групп горожан, против современного государства.

Поляризации деревни на сельских капиталистов и сельский пролетариат, которую предсказывали марк-

¹ Gerth G. H., Mills C. Wright (eds.). *From Max Weber: Essays in Sociology*. London, 1967. P. 182; Rex J. *Key Problems of Sociological Theory*. London, 1961.

² Bendix R., Lipset S. *Class, Status and Power*. P. 64.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 25. Ч. II. М., 1962. С. 457–458.

систы, не произошло по двум причинам: во-первых, из-за активного оттока капитала и трудовых ресурсов в города и, во-вторых, из-за особого характера крестьянской семейной экономики. Хотя процессы внутренней поляризации безусловно давали о себе знать, они сдерживались силами, которые действовали в противоположном направлении. Все оказалось гораздо сложнее, чем предсказывали теоретики (русские марксисты и американские стратеги), не принимавшие во внимание многих культурных и психологических факторов. На деле крестьяне продемонстрировали довольно высокую степень политического сознания и внутренней сплоченности.

Нужно признать, что фрагментация крестьянства на узкие локальные сегменты и отсутствие у него четких политических целей отрицательно сказались на возможности реально влиять на ход истории. Поэтому вопрос о том, имеются ли достаточные основания рассматривать крестьянство как особый политический класс, трудно решить однозначно. Многое тут зависит от исходных теоретических установок авторов и от конкретного исторического периода. Если «классовость» рассматривать как некое свойство, способное менять свою интенсивность, то тогда выходит, что в обычных условиях у крестьян оно не слишком выражено, но в кризисных ситуациях заметно возрастает.

Но специфические особенности крестьянства нельзя рассматривать лишь количественно. Классическое описание, данное Марксом, где подчеркивалась двойственность данной социально-политической группы (с одной стороны, это класс, с другой — нет), оставляет загадку нерешенной. Если крестьянство не является классом в полном смысле слова, то как его следует тогда трактовать? Ведь оно существует в своей качественной определенности!

Отметим, что классовая позиция означает антагонистическое отношение к иным классам и группам. Взятая вне этих отношений, указанная категория теряет

свой смысл. Как пишет Галеский: «То, что производит крестьянин, важно, а на самом нижнем уровне достаточно для существования человека. Таким образом, крестьянский труд необходим для существования общества. Но нельзя сказать, что существование общества в целом столь же необходимо для существования крестьянина»¹. Справедливость этого утверждения подтверждается тем, что в кризисной ситуации крестьяне уходят с рынка. Порой они сознательно используют эту свою способность для оказания политического давления.

Двойственность положения крестьян в обществе заключается в том, что, с одной стороны, они образуют некий социальный класс (пусть лишь зачаточный и угнетаемый другими классами), а с другой — совершенно особый мир со своим особым укладом жизни, со своей особой системой социальных отношений. Поэтому крестьянство как социальный феномен можно анализировать не только в терминах марксистского классового анализа, но и в терминах базовых оппозиций, предложенных другими классиками социологии: братство и экономическое соперничество (Мэн), индивидуализм и родовые связи (Куланж), *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (Тённис), общества механического и органического типа (Дюркгейм)². Подобная двойственность («класс» или «общество») может создавать трудности понятийного плана, но позволяет дать крестьянству качественную характеристику, особенно если пытаться получить более содержательное определение, чем то, которое получается в результате отнесения к таким аморфным категориям, как «средние классы», «эксплуатируемые массы», «пережитки феодализма».

А. Л. Крёбер в качестве главных отличительных особенностей крестьян выделял следующие: они представ-

¹ Galeski B. *Chłopi i zawód rolnika*. P. 49.

² Redfield R. *The Little Community and Peasant Society and Culture*. P. 139–143.

ляют собой отчасти сообщество, отчасти — культуру; живут в деревне, но связаны с ближайшим городом через рынок; в отличие от членов любого племени, не обладают полной автономией и самодостаточностью, но при этом тесно связаны со своей группой и с землей¹. Продолжая мысль Крёбера, Редфилд указывает, что «до появления первых городов крестьянства как такового не существовало»².

Антропологический подход, который рассматривает степень культурной самодостаточности как показатель социального развития, несомненно, вполне оправдан. Более того, с этой точки зрения переход от первобытнообщинного строя к обществу мелких производителей имеет свою особую специфику по сравнению с переходом от общества мелких производителей к современному индустриальному обществу. Но все же то определение, которое Редфилд дает крестьянству, кажется нам слишком узким, а понимание первобытнообщинного строя — слишком широким. Во многих уголках мира можно найти группы людей, живущие вдалеке от городов и практически независимые от государства и его сборщиков податей, но не являющиеся племенами в строгом смысле слова. У этих групп много общего с крестьянами. Основное сходство — самодостаточность, способность существовать независимо от городов и городской аристократии. В обществе докапиталистического типа именно эта особенность породила особую структуру отношений власти, при которой правители устанавливают над селом *политический* контроль.

4. КРЕСТЬЯНСТВО В ПОЛИТИКЕ

Политическая роль крестьянства в целом характеризовалась его общей социально-политической слабостью. Вертикальная сегментация на общины, классы и груп-

¹ Kroeber A. *Anthropology*. P. 284.

² Redfield R. *The Primitive World and its Transformation*. P. 31.

пы, а также дифференциация интересов внутри этих образований препятствовали кристаллизации единых целей и символов, возникновению общенациональных лидеров и организаций. А это, в свою очередь, приводило к тому, что выше было названо низким уровнем «классовости». Техническая отсталость, особенно в сфере коммуникации, владения оружием и тактикой, сводила на нет многие попытки активных политических выступлений. Однако у крестьянства были свои сильные стороны: ведь оно составляло большинство населения страны, было распределено по всей ее территории, являлось главным производителем продуктов питания. Именно последнее обстоятельство, как правило, было критическим в периоды кризисов. Но и первые два тоже важны.

Тем не менее именно слабость крестьянства была его самой главной характеристикой. Другие социальные группы, не столь крупные, но гораздо более организованные и технически грамотные, постоянно оказывались в выигрыше, обманывая и подавляя крестьянство политически или силой оружия. И все же никак нельзя говорить, что в политическом отношении российское крестьянство не имело никакого веса. Ведь политическую реальность формируют не только те, кто побеждает и правит.

Эпоха индустриализации и массовой культуры открыла перед крестьянами новые возможности прогрессивного развития и улучшения своего социального положения. Но одновременно возник и целый ряд негативных для него тенденций: глобализация торговли привела к тому, что российские крестьяне перестали быть монополистами на продуктовом рынке; в самой деревне усилилась ее внутренняя дифференциация; общее укрепление армии и повышение ее мобильности дали в руки правительства мощный репрессивный инструмент. Прогресс истории опять работал против кре-

стьян, закрывая им дорогу к активному участию в политической жизни страны.

Но при возникновении любых национальных кризисов, чем бы они ни были вызваны — войной с внешним врагом или смутой внутри страны, шансы крестьян влиять на политику резко возрастали. Возможности реализовать этот потенциал зависели от единства их спонтанных или координированных действий. А это, в свою очередь, предполагало наличие экономической, социальной и культурной однородности крестьянства, его внутренней сплоченности и организованности, соответствующей идеологической базы.

Мы не беремся сравнивать формы политической и вооруженной борьбы крестьян за свои права в эпоху общества доиндустриального типа с теми, которые имеются в их распоряжении сегодня. Этот вопрос еще ждет своего исследования. Отметим лишь, что эти возможности вытекают из особенностей крестьянства как особой социальной группы. Можно выделить три основных типа его политической активности.

I. *Независимые классовые выступления*, достаточно хорошо описанные теорией марксизма. В этом случае социальный класс формируется в процессе борьбы за свои права, формулирует свои цели, создает свою общенациональную организацию, свою идеологию и символы, выдвигает из своей среды лидеров. Такой процесс весьма характерен для основных социальных классов, но не для крестьянства. Если мы хотим понять специфику функционирования современных крестьянских движений, нам следует провести сравнительный анализ движения «зеленых» в Европе, сапатистов в Мексике, крестьянских выступлений в России в 1905 году и в Китае в 1926 году¹.

¹ По вопросу влияния стратификации крестьянства на его политическую активность см.: Alavi H. Peasantry and Revolution.

II. *Направляемые извне политические действия*, за которыми стоят внешние элиты. Эта разновидность действий особенно важна в случае анализа поведения крестьянства. Его консервативная циклическая стабильность и вытекающие из нее политические следствия могут быть преодолены только в ситуации острого кризиса и при наличии мощной внешней политической и эмоциональной силы, которая действует как некий организующий фактор. Таким внешним фактором в разные периоды истории выступали религиозные общества, тайные секты, казаки в России, бонапартизм во Франции, маоистская народная армия в Китае. Им всем удавалось сплотить и поднять на борьбу широкие массы крестьян. Все эти столь разнородные движения объединяло то, что в них присутствовало организационное ядро в виде тесно сплоченной и высоко мотивированной группы активистов со своими политическими целями и харизматическими лидерами. Крестьянство в этом случае выступало в качестве ведомой или манипулируемой группы, а его действия часто играли на руку кому-то другому, кто преследовал свои личные цели, но смог увлечь за собой широкие крестьянские массы. Маркс писал, говоря о французских крестьянах середины XIX века, что они неспособны отстаивать свои собственные классовые интересы через представительные органы власти, будь то парламент или учредительное собрание. Их должен кто-то представлять. Причем этот представитель чаще всего является их хозяином¹. С этим суждением трудно не согласиться. Правда, нужно добавить, что звучит оно слишком категорично. Сама история указывает на это.

Низкая классовость крестьянства делает изучение крестьянских движений особенно интересным в плане социологического анализа тех внешних элит, ко-

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М., 1957. С. 208.

торым удавалось повести его за собой. Поскольку обратное влияние крестьян на своих лидеров было очень слабым, динамика этих господствующих групп выступает в «чистом» виде. Более того, возникает проблема исследования особых социальных групп (например, российские солдаты периода 1917–1918 годов), которые, не являясь классом в собственном смысле этого слова, могут временно выступать в роли политического класса.

III. *Полностью спонтанная аморфная политическая активность* является очень типичной для крестьянства. Она может проявляться в двух формах:

а) *местные бунты*, которые «внезапно» возникают, когда накопившееся недовольство вдруг прорывается наружу. Как правило, правительство быстро справляется с такими отдельными вспышками недовольства. Но сами эти явления часто служат для него сигналом, что дела идут неладно и нужно что-то менять. Когда же кризис захватывает другие области и сферы, отдельные восстания могут перерасти в массовые движения, способные повлиять на общую политическую ситуацию и направление дальнейшего развития страны;

б) *крестьянская пассивность*. Вопрос о том, как крестьянская пассивность может становиться фактором динамики, требует специального анализа. В этом смысле показателен пример поведения российских крестьян в 1920 году. Когда недовольные политикой правительства крестьяне стали спонтанно сворачивать производство сельскохозяйственной продукции, это весьма ощутимо ударило по его планам. И на такую непреодолимую преграду натолкнулся режим, который только что одержал победу над мощными военными противниками. Подобное не раз случалось и в других странах: спонтанно возникавшее упорное и молчаливое сопротивление крестьян сводило на нет все усилия правительств, пытавшихся декретами и указами направить ситуацию в желаемое для них русло. Нередко быва-

ло и так, что апатия консервативно настроенного крестьянства оказывалась решающим фактором победы правящего режима над разного рода революционерами. Пассивное сопротивление — это тактика поведения, издавна применявшаяся крестьянами. Толстой и Ганди затем подхватили и отточили ее, сделав орудием политической борьбы.

Изучая политическую жизнь любых стран, особенно тех из них, где преобладает крестьянское население, мы не можем не учитывать роль армии. Известное высказывание Клаузевица о том, что война — это продолжение политики другими средствами, относится не только к сфере межгосударственных отношений. Поэтому нам следует обратить особое внимание на роль армии и партизанских военных действий в рамках политической активности крестьян.

Современная *армия призывного типа* представляет одну из немногих общенациональных организаций, в которых активно участвуют крестьяне. Это участие противодействует социальной изоляции крестьянства. Попадая в армию, молодой крестьянский парень учится мыслить широко — в терминах своей страны, а не деревни. И это происходит даже без специальных воспитательных усилий со стороны армейского руководства. Кроме того, он осваивает современную технику, приобретает новые для себя навыки и умения, встраивается в сложную систему армейской организации и субординации. Армия открывает перед ним возможность продвижения по служебной лестнице к занятию командных должностей. Хотя и другие общенациональные организации стараются иметь свои представительства на сельском уровне, именно армия дает крестьянам возможность участвовать в жизни страны наиболее активным образом.

Нужно, конечно, учитывать то обстоятельство, что возможности действия в политическом поле для выходца из деревни, оказавшегося в армии, существен-

но ограничены строгой дисциплиной и тем фактом, что офицеры — это, как правило, представители других социальных слоев. Но в момент кризиса эти ограничения снимаются и наружу прорываются спонтанная активность в виде самовольных действий или отказа подчиняться приказам начальства. Нужно также учитывать, что приобретенный опыт в дальнейшем, после возвращения из армии, окажется важным фактором влияния на односельчан. Прошедшие через армию молодые люди затем часто становятся местными руководителями, проводниками внешних воздействий на деревенский быт. В своих попытках организовать политически крестьяне часто прибегают к использованию прошлого армейского опыта. Можно вспомнить Таманскую армию и «зеленых» времен Гражданской войны в России, Фронт национального освобождения в Алжире, китайскую «Народную милицию», крестьянские повстанческие армии в Мексике. Это были не просто армии, а своего рода политические вооруженные организации крестьян.

Армия как такого рода организация обладает признаками двух из описанных выше типов политической активности, то есть крестьянство здесь может выступать и как самостоятельный класс, и как социально-политическая группа, направляемая извне.

В наше время в центре общественного внимания оказались *партизанские действия* как особый способ ведения войны. Во многом это связано с тем, что с войной именно этого типа американцы столкнулись во Вьетнаме. Соответственно, им пришлось специально заниматься тактикой борьбы с партизанскими отрядами.

Партизанская война — это наиболее адекватное выражение крестьянских вооруженных действий. Упоминания о них мы находим даже в старинных книгах, мифах и легендах, где действуют разного рода бандиты с большой дороги. Тот факт, что аморфная партизанская «армия» легко может раствориться в сельских про-

сторях, слившись с основной крестьянской массой, что она пользуется самыми примитивными видами оружия и легко может существовать без всякого снабжения извне, делает ее практически неуязвимой. Традиционные методы ведения войны оказываются в этом случае малоэффективными.

Но крестьянский по сути характер партизанской войны влечет за собой и целый ряд недостатков: отсутствие стабильной военной организации и координации действий, отсутствие четкой идеологии. Эти слабые стороны вполне могут быть компенсированы за счет участия активного ядра профессиональных революционеров, превращающих стихийно возникшее народное выступление в организованную политическую борьбу. Но ключом к пониманию сути партизанской войны является вовсе не деятельность этих вожаков, а глубокая связь с широкими крестьянскими массами. Эффективность вооруженной борьбы подобного рода определяется не столько используемой тут военной тактикой, сколько именно ее народным характером¹.

Если мы говорим о вооруженных выступлениях крестьян, то немаловажную роль тут играют субъективные факторы, которые обозначаются общим термином «боевой дух». Это понятие плохо поддается квантификации, но тем не менее отражает существенный аспект того явления, о котором сейчас идет речь. Для любых крестьянских восстаний, где бы они ни происходили, характерно наличие легендарных вождей — харизматических лидеров, способных увлечь за собой широкие народные массы. Именно они являются носителями определенной идеологии, организующей и направляющей силой крестьянских движений. Образ молодого

¹ Более подробно об этом см.: Hobsbawm E. *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. Manchester, 1959, а также: Hobsbawm E. Vietnam and the Dynamics of Guerilla Warfare'. *New Left Review*. 1965. No. 33. P. 58–69.

го бунтаря захватывает воображение как раз тем, что не укладывается в традиционное представление о типичном крестьянине. Рассуждая о том, откуда берутся такого рода яркие персонажи, нельзя не вспомнить о вечной борьбе крестьянской молодежи за свои права внутри патриархальной семьи, которая питает дух активного протеста¹. Все эти особенности в совокупности с ценностями и представлениями элит определяют характер крестьянства как боевой силы.

Что касается современной социологии, то специфические проблемы крестьянства ее, как правило, мало интересуют. Оно чаще всего берется в той конкретной роли, которую ему отводит индустриальное общество на ранней стадии формирования буржуазии как наиболее динамичного социального класса. Тогда главная задача видится в раскрытии того, как можно превратить сельское население в активных и зажиточных членов современного «цивилизованного общества». Изучению же природы крестьянства и его подлинной исторической сущности уделяется слишком мало внимания. Но многие проблемы политического и экономического развития современного мира не могут быть по-настоящему поняты, если не разобраться с вопросом об истинной природе и исторической миссии крестьянства. Практика наглядно это демонстрирует. История Советского Союза полна примерами того, как планы правящей партии постоянно (в 1918, 1920, 1927–1929 годах и так далее вплоть до 60-х годов XX века) наталкивались на неожиданное сопротивление со стороны российского крестьянства. Множество аналогичных примеров дает нам история Африки, Азии и Латинской Америки.

Крестьянские исследования сопряжены с целым рядом методологических трудностей. Но при использовании междисциплинарного подхода, а также при

¹ Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. P. 103.

объединении концептуального анализа с анализом эмпирических данных все эти трудности могут быть успешно преодолены. Самое главное — сосредоточиться на решении действительно важных проблем.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Российское крестьянское законодательство и наследование собственности

1. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО задаваемые образцы поведения, будучи формализованными и кодифицированными, превращаются в законы. Но последние необязательно являются точным отражением реального социального поведения. Значительные области социального поведения не поддаются формализации, а регулируются обычаями, действующими как неписанные дополнения к прописанным законам. Однако важно учитывать, что обычаи и реальное поведение могут очень сильно расходиться с тем, что прописано в законе.

Во многих крестьянских обществах законодательство чаще всего является чем-то навязанным извне. Как правило, оно представляет потребности, интересы, взгляды и ценности социальных групп, обладающих властью. Крестьянская жизнь, со своей стороны, прочно вплетена в сложную систему обычаев, отражающих ее особые условия и специфику крестьянского сознания. Поэтому, пытаясь понять социальное поведе-

ние крестьян, мы должны учитывать оба эти фактора, а также частые несовпадения между ними.

В России после отмены крепостного права в 1861 году сложилась уникальная ситуация, которая сохранялась вплоть до 1906 года: крестьянские обычаи были официально признаны государством нормами жизни на селе. Для крестьян обычаи и гражданское право фактически слились воедино, и это стало отличительным признаком крестьянства как особой социальной группы.

По царскому указу от 19 февраля 1861 года крестьянство было выделено в отдельное сословие с особой формой общинной организации, а также с особой системой отправления правосудия через крестьянских мировых судей на местах. Крестьянским судам предписывалось «судить по обычаю», а сами они считались «источником законности»¹. В их юрисдикцию входило рассмотрение не только гражданских исков, но и мелких правонарушений, совершенных крестьянами данной волости (округа, включавшего несколько крестьянских общин)².

Принадлежность к крестьянскому сословию определялась фактом официального внесения крестьянской семьи в списки членов общины. Данная процедура носила название приписки³. После 1887 года к сословию крестьян стали относить не только бывших крепостных, но и представителей маргинальных групп (например, так называемых однодворцев)⁴. В результате око-

¹ Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 5; Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 10.

² Кандидаты на роль мировых судей избирались крестьянами каждой волости, а затем утверждались местной государственной администрацией в лице земского начальника (официального представителя местной знати). Избрание происходило на три года (см.: *Новый энциклопедический словарь*. 2-е изд. Т. 2. С. 476–481).

³ Собственно говоря, институт приписки существовал для крепостных еще со времен Петра Великого (см.: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 31).

⁴ См.: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 36–41.

ло девяти десятых населения России были выведены из-под юрисдикции общенационального гражданского права и переданы под юрисдикцию крестьянского общего права, реализуемого через мировых судей на местах. А общий надзор за деятельностью крестьянских мировых судов осуществлялся Верховным апелляционным судом.

Придание крестьянским обычаям официального правового статуса способствовало прояснению социальной структуры российского крестьянства. Специалисты начали активно изучать и описывать эту сферу общественных отношений¹. Понятно, что, поскольку этим занимались городские правоведы, картина, которую они рисовали, не может рассматриваться как абсолютно полная и объективная. Ведь обычаи всегда были привязаны к конкретному месту и могли довольно сильно различаться от региона к региону. Кроме того, описывая и трактуя их, исследователи делали это в свете своих базовых идеологических установок. Однако если сопоставить богатый фактический материал, собранный учеными разных школ — от убежденных народников в лице Леонтьева или Ефименко до строгих правоведов типа Пахмана, Мухина или Хауке, — то картина получится более или менее полной и надежной. Если анализировать ее в целом, то наиболее интересным и в какой-то мере удивительным фактом будет высокая гомогенность крестьянских обычаев. И это при том, что местные условия могут значительно различаться, а обычное право в обществах некрестьянского типа, как правило, оказывается весьма гетерогенным.

¹ История изучения крестьянского права подробно изложена, например, в: Хауке О. *Крестьянское земельное право*.

2. СЕМЕЙНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ¹

Все исследователи жизни и обычаев крестьян отмечают, что главной отличительной особенностью в этой сфере является совместное семейное владение землей и хозяйством. В России это наблюдается повсеместно². А мысль о том, что такой порядок вещей естествен, глубоко укоренилась в крестьянском сознании³. Данный принцип касается как общинных наделов, так и участковых крестьянских хозяйств.

Семейная собственность и семейное землевладение — это выражение особой формы организации крестьянского домохозяйства, при которой семья и хозяйство образуют одно целое. Такая традиционная практика, наблюдавшаяся по всей России, была в полной мере признана и на уровне государственного законодательства. Например, в уложении 1861 года, когда речь шла о наделении землей бывших крепостных, специально указывалось, что земля и находящиеся на ней постройки принадлежат не главе семейства (домохозяину), а всей семье, всему хозяйству (двору)⁴. Этот принцип был подтвержден в 1888 году и еще раз в 1904 году Высшим арбитражным судом, в заключении которого говорилось, что «земельный надел является собственностью не того лица, которое официально зарегистрировано в качестве его владельца, а всех членов семьи, глава

¹ Крестьянскую собственность в самом широком смысле мы определяем как социально одобренное право владеть и пользоваться землей, скотом, постройками, оборудованием и продуктами сельскохозяйственного труда. Из того базового права вытекает затем право их передачи другим лицам или обмена, по крайней мере на время. Крестьянская собственность, таким образом, условно может быть разделена на два типа: та, которой семья обычно пользуется, и та, которая закреплена за ней формально (по закону).

² См.: Леонтьев А. *Крестьянское право*. С. 330; Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 187; Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 50.

³ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 54.

⁴ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 189.

которой выступает лишь как ее законный представитель»¹.

Такое решение узаконило и еще один аспект обычая, бытовавшего среди крестьян: хотя домохозяином, как правило, считался отец всего семейства, им в принципе мог стать любой его член, преимущественно старший по возрасту. Глава домохозяйства был скорее администратором общей собственности, чем законным владельцем, обладавшим неограниченной свободой распоряжаться ею по своему личному усмотрению². Это обстоятельство наиболее ярко проявлялось в принципиальной возможности в судебном порядке лишить его права занимать это положение в случае ненадлежащего исполнения им своих обязанностей или же совершения каких-то противоправных действий³. Но сам факт коллективного обладания собственностью вовсе не означал, что внутри семьи существовало полное равноправие, а вопросы ведения хозяйства решались демократическим путем. Глава семьи управлял хозяйством, представлял семью на деревенской сходке, по своему собственному усмотрению заключал соглашения делового характера. Правда, любое из этих прав можно было оспорить через суд в том случае, если его действия не отвечали интересам всей семьи⁴.

Принцип семейной собственности был тесно связан с существованием института коллективной ответственности в отношении уплаты налогов, сборов и компенсации долгов⁵. Столыпинская реформа 1906–1910 годов официально упразднила этот институт, но сама прак-

¹ Постановление Государственного совета от 4 января 1884 года, подкрепленное решением Сената от 3 марта 1904 года; Кубанин М. Социально-экономическая сущность дробления крестьянских хозяйств. *На аграрном фронте*. 1928. № 1. С. 7.

² См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 62–63.

³ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 201–202.

⁴ См.: там же. С. 195–196.

⁵ См.: там же. С. 193–195.

тика коллективной ответственности крестьянских общин за выплату причитающихся налогов сохранялась и после 1910 года и даже после революции 1917 года.

Что касается структуры семьи, то в России наблюдались самые разные ее вариации: от нуклеарной и расширенной семьи (где под одной крышей жили представители трех или более поколений) до сложных семей, где совместно проживали люди разной степени родства или даже люди, вовсе не связанные кровными узами¹. Формально принадлежность к семье определялась фактом рождения или через усыновление. Но дополнительным важным критерием была полная интеграция человека во все аспекты социального функционирования семьи: труд, потребление, владение собственностью, престиж и т.д.². Принцип активного участия как основной критерий принадлежности взрослого человека к семье явно проявлялся в отношении к «посторонним», которые принимались в семью через оформление брачных отношений с одним из членов семьи или через специальный договор после некоторого испытательного срока участия во всех видах жизнедеятельности семьи³. С другой стороны, сын, которому была выделена часть родительского имущества, больше не рассматривался как законный претендент на его оставшуюся часть⁴.

¹ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 30–31.

² В России происходили бурные дебаты между теми, кто отстаивал «принцип труда» (например, Ефименко и Леонтьев), и их противниками (Пахман, Музин и др.). Первая группа, тесно связанная с народниками, считала, что трудовое участие является единственным основанием для членства в семье и для приобретения права наследования. Их противники, хотя не отрицали существенной роли трудового участия, подчеркивали важность родственным связей, выступая против трактовки семьи просто как небольшого кооператива.

³ Формально это осуществлялось через процедуру регистрации (приписки).

⁴ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 29. Крестьянин, переехавший в город, сохранял свои права, если он материально поддерживал свою семью, присылая ей деньги.

Права члена семьи заключались в том, что он пользовался семейной собственностью¹. В отличие от частной собственности, семейная собственность ограничивает права «главы семьи» или «хозяина». В отличие от коллективной собственности, каждый член тут не имеет своей выделенной части, а участвует совместно с другими членами семьи во владении всей этой собственностью. Член домохозяйства не имеет права собственнически претендовать и на часть дохода семьи. Реально пользоваться им он может лишь в рамках коллективного потребления. В вопросах принятия решений не было равноправия: все важные решения принимал глава семьи в рамках тех ограничений, которые накладывал обычай².

3. СИСТЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ (1863–1905)

Наиболее существенными для обсуждения социально-экономической мобильности являются те разделы крестьянского права, которые относятся к вопросам наследования собственности³. Они получили свое законченное оформление к 1906 году. Позднее (в 1906–1914 и в 1918–1921 годах) были предприняты две попытки серьезно изменить крестьянское имущественное право. Но со временем происходило возвращение к тем традиционным нормам, которые существовали прежде. Поэтому наше обсуждение следует начать с периода отмены крепостного права в России.

¹ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 196.

² См.: там же. С. 208–209.

³ Термин «наследование» мы будем употреблять в самом широком смысле этого слова — передачу собственности от одного поколения к другому. Таким образом, объем этого понятия для нас будет шире, чем тот, который принят в римском или английском праве, где акт наследования обязательно связан со смертью владельца.

Обычаи наследования и деления имущества тесно связаны со структурой семейной крестьянской собственности. Они отражают тот объективный факт, что земля, какое-то минимальное сельскохозяйственное оборудование и семья были необходимыми предпосылками для организации нового крестьянского хозяйства. Мухин в своем обзоре выявил три главных элемента, которые присутствовали в России повсюду, независимо от того, принадлежала ли в данном регионе земля преимущественно сельским общинам или индивидуальным собственникам¹:

а) обычное крестьянское право не знало наследования в том смысле, как оно определяется Гражданским кодексом². В нем рассматривался лишь случай деления семейной собственности при возникновении новых домохозяйств. Каждый член крестьянской семьи имел право на свою долю собственности уже в силу простой принадлежности к ней. В этом смысле обычное крестьянское право отличается от гражданского права в его обычном понимании: вступление в право не связано со смертью правообладателя³;

б) различные принципы использовались при определении положения мужчин и женщин. Крестьяне не воспринимали женщин как полноправных членов домохозяйства, поскольку «они не могут быть продолжателями рода»⁴, поэтому женщины не могли притязать на семейную собственность до тех пор, пока в семье имелись мужчины. Но, с другой стороны, предметы домашней утвари (особенно посуда и одежда) считались

¹ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 109.

² См.: *Свод законов*, 1832, цит. по: Gsovski V. *Soviet Civil Law: Private Rights and Their Background Under the Soviet Regime*. Comparative Survey and Translation of the Civil Code, Code of Domestic Relations, Judiciary Act, Code of Civil Procedure, Laws on Nationality, Corporations, Patents, Copyright, Collective Farms, Labor, and Other Related Laws. Ann Arbor, 1948. Vol. 1. Т. 1. С. 621.

³ Ibid. P. 99; Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 209.

⁴ Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 90.

личной собственностью женщины и передавались от матери к дочери. Это же касалось и приданого. Исключения из общего правила были редки и касались в основном вдов. Но при этом конкретные местные обычаи в этом пункте могли сильно различаться: в одних местах женщина могла стать полноправным главой семейства и получить в наследство всю собственность, а в других — нет. Имущественные права женщины также во многом зависели от наличия у нее несовершеннолетних детей, особенно это касалось вдов¹;

в) участие в ведении совместного хозяйства рассматривалось как главное условие получения права претендовать на часть общего хозяйства. Кровные связи были второстепенным фактором: их учитывали только тогда, когда в живых не осталось ни одного члена семьи мужского пола.

В случае деления домохозяйства права всех мужчин рассматривались как равные. Права усыновленных членов семьи считались полностью равными правам прямых потомков². То же самое касалось и прав несовершеннолетних членов мужского пола³. Член семьи, который однажды в результате деления хозяйства получил свою долю, не мог в дальнейшем участвовать в ее повторных разделах⁴. В случае раздела или при выделении части домохозяйства одному из членов семьи решение о том, как следует делить, отдавалось на усмотрение главы семьи, но при этом ожидалось, что

¹ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 243–244. Утверждение Степняка (Степняк-Кравчинский С.М. *Русское крестьянство*. С. 130) о том, что в России женщины-крестьянки обладали равным с мужчинами правом собственности, не соответствует действительности. Это убедительно показал Мухин, который основательно проанализировал все источники, на которые опирался Степняк.

² См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 20.

³ См.: там же. С. 15, 60.

⁴ См.: там же. С. 79.

все члены семьи (и только члены) получают свою долю¹. Если при возникновении споров к решению привлекался крестьянский суд, то он главным образом заботился о сохранении принципа справедливого равенства, хотя в какой-то мере учитывались и личные качества претендентов (трудолюбивый, непьющий и т. д.)². Но споры возникали довольно редко, поскольку глава семейства, прислушиваясь к общественному мнению и учитывая возможность вмешательства в процесс крестьянских мировых судей, старался соблюдать принцип равенства³. Собственность обычно распределялась в довольно равных частях между всеми мужчинами, а некоторый добавок выделялся тем, у кого на иждивении находились престарелые члены семьи или женщины⁴. У подавляющего большинства русских крестьян передача имущества посторонним лицам не практиковалась. Передача земли и сельскохозяйственного инвентаря по завещанию тоже была редкостью, поскольку крестьянские суды ее не одобряли. Если после смерти главы семьи все ее члены изъявляли желание продолжать жить вместе, один из них (обычно старший сын) по общему согласию назначался новым главой.

Разделение крестьянского хозяйства понималось как образование новых домохозяйств за счет деления членов семьи и собственности⁵. Наследование в результате

¹ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 66–67; Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 207.

² См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 59; Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 187.

³ Сама процедура деления могла проходить по-разному. В случае разногласий крестьянин мог обратиться за помощью к крестьянскому суду, деревенской общине, к старшим и уважаемым ее членам и т. д. (см.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 223).

⁴ См.: Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 120–131, 155. Незамужняя женщина могла иногда претендовать на приданое или на одежду. В некоторых местах она даже могла получить в наследство землю.

⁵ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 219.

смерти главы семьи, которому ее имущество ранее официально принадлежало, трактовалось как особый случай деления. Если после смерти главы семьи в ней не оставалось членов мужского пола, то домохозяйство считалось выморочным. В том случае, когда земля принадлежала крестьянской общине, сама община решала, как с ней дальше поступить. Если же земля находилась в собственности крестьян, то возможны были разные варианты в зависимости от обычаев данной местности. В одних случаях она могла перейти в собственность близких родственников, в других — в собственность общины¹.

Российское правительство постоянно предпринимало попытки ограничить разделение крестьянских домохозяйств только теми случаями, когда это было «экономически оправдано». Но сама идея экономической целесообразности была чужда мышлению русского крестьянина, его ценностям и традиционному укладу крестьянской жизни. Поэтому результатом любых ограничений сверху был рост числа официально незаконных, но фактически одобряемых соседями разделов².

Разделы, как правило, происходили либо по желанию главы семейства, либо сразу после его смерти. Обе процедуры воспринимались как естественные. Основным поводом для раздела при живом хозяине было желание независимости на фоне растущих трений в семье. В том случае, если глава семьи был против, его могли к этому принудить. По закону 1886 года сельскому сходу разрешалось выносить решения о разделе крестьянских усадеб вопреки воли их владельца в случае мотовства или аморального поведения. На практике круг обстоятельств был значительно расширен и включал случаи частых семейных скандалов, нарушения прав других членов семьи и т.д.³.

¹ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 196.

² См.: там же. С. 202, 222; Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян*. С. 155.

³ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 223.

Изучение крестьянских обычаев обнаруживает наличие довольно больших местных различий в этом отношении. Данное обстоятельство нередко порождало споры между учеными. Но тем не менее все они соглашались с утверждением о том, что «при всем различии деталей основные принципы деления были всё же на удивление единообразными»¹.

4. РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1906–1929)

После 1906 года крестьянское законодательство менялось в сторону удаления от своих традиционных корней. И тем не менее обычай продолжал играть в этой сфере важную роль, во многих случаях определяя реальную практику применения законов. Более того, законодательство совершенно не затронуло некоторых сфер социальной жизни крестьян, где обычай по-прежнему оставался единственным регуляторным механизмом.

Столыпинские реформы имели своей целью создание прослойки богатых капиталистических фермеров как нового фундамента для экономического роста страны и политического консерватизма. Крестьянские общины, стоящие на страже принципа справедливого распределения земли, были тут препятствием, которое предстояло устранить. Для того чтобы обеспечить накопление капитала, нужно было заменить семейную собственность и принцип равного деления наследства частной собственностью и закреплением ее за реальным пользователем.

Декрет от 5 октября 1906 года освободил семью от необходимости получать согласие на раздел хозяйства от собрания сельской общины. Отмена принципа коллективной ответственности за выплату налогов и сборов (круговой поруки) устранила формальную основу для вмешательства общины в управление делами домохозяйства и право ее при необходимости лишать главу се-

¹ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 203–204.

мы этой роли¹. Было также отменено старое правило, по которому крестьянин не имел права уйти из семьи без получения согласия на то главы семейства. А это вело к ослаблению внутрисемейных неэкономических связей². Все эти постановления были, по сути, подготовительными шагами к созданию новых имущественных отношений.

Закон от 14 июня 1910 года отменял семейную собственность для ферм закрытого типа (независимых от общины). Такое хозяйство автоматически становилось частной собственностью главы семейства или же коллективной собственностью, если им владело несколько семей, не связанных между собой узами кровного родства³. Общинная земля пока оставалась вне сферы действия этого закона. Ожидалось, что со временем крестьянские общины сами по себе отомрут. С исчезновением семейной собственности была устранена правовая основа обычных разделений крестьянских хозяйств. Их передача по наследству теперь осуществлялась в соответствии с положениями Гражданского кодекса, который, по сути, расходился с принципами обычного крестьянского права⁴. В 1912 году рассмотрение случаев наследования хозяйств закрытого типа было передано в ведение гражданских, а не крестьянских судов⁵.

В 1914 году Россия вступила в новый этап законодательных реформ, начатых Столыпиным, который решил «сделать ставку на трезвых и сильных, а не на пьяных и слабых»⁶. Законопроект, внесенный тогда в Думу, предусматривал, что всякое хозяйство, которое вышло из общины после 1906 года или же было по раз-

¹ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 202.

² См.: там же. С. 196.

³ См.: там же. С. 202.

⁴ См.: там же. С. 218.

⁵ См.: *О земле: сборник статей*. М., 1921–1922. С. 176.

⁶ Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах*. С. 21.

меру меньше установленного минимума, или же было внесено его владельцем в специальный реестр, отныне объявлялось принципиально неделимым. В этом случае после смерти владельца вся земля, дом и весь сельскохозяйственный инвентарь должны были перейти по наследству к одному человеку¹. Экономисты того времени подсчитали, что, таким образом, главный наследник должен получить не менее двух третей всего семейного капитала². Новый владелец должен был выплатить остаток средств другим членам прежнего домохозяйства в течение четырех лет. Для этого планировалось создать особую систему страхования. Но в связи с началом Первой мировой войны данный закон так и не был принят.

Каковы были фактические результаты принятия нового законодательства за сравнительно короткий период с 1906 по 1917 год? Имеющиеся данные говорят об одном: эта законодательная революция так и не смогла каким-либо серьезным образом изменить жизнь российского крестьянства, которое в целом ее не поддержало. Принятие новых законов создало известную путаницу, так как старые нормы жизни были еще достаточно сильны. А затем началась мировая война, разразился экономический кризис, и вся законодательная революция практически захлебнулась.

Несмотря на то что после 1906 года деревенские общины в России формально лишились права контролировать деятельность отдельных крестьянских домохозяйств и принимать решения об их разделе, сельский сход и крестьянские суды продолжали свое существование, а их решения уважались³. Готовившийся закон 1910 года, который, как пишет Кубанин, «шел вразрез с естественным чувством справедливости каждого кре-

¹ См.: Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств; На аграрном фронте*. 1928. № 11. С. 11.

² См.: *На аграрном фронте*. 1928. № 11. С. 15.

³ См.: Хауке О. *Крестьянское земельное право*. С. 201–202.

стьянина»¹, так и не вступил в силу. Как говорит русская поговорка: «Бог высоко, Москва далеко». Жизнь большинства крестьянских домохозяйств шла по старому, в согласии с глубоко укорененными обычаями.

Аграрная революция 1917–1919 годов полностью отменила результаты столыпинских реформ, но ее влияние на жизнь крестьянского домохозяйства тоже было минимальным. Поскольку и после столыпинских реформ быт крестьян оставался во многом прежним, аграрная революция мало что в нем изменила.

Окончательный крест на столыпинских реформах поставил «Декрет о земле», выпущенный 26 октября (по старому стилю) 1917 года. Вся земля была национализирована и ее приказано было справедливо разделить между теми, кто на ней реально работает. Сдавать землю внаем и пользоваться наемным трудом запрещалось². По закону от 27 апреля 1918 года в России были отменены любые формы наследования, но 21 мая 1919 года было заявлено, что этот закон не распространяется на крестьянские домохозяйства³, а в 1922 году он был отменен окончательно⁴. После экспериментов по социализации деревни и попыток строить нерыночную экономику во время Гражданской войны наступил период нэпа и возник новый правовой контекст развития сельского хозяйства. В октябре 1922 года был введен в действие Земельный кодекс РСФСР⁵.

Почти во всех пунктах Земельный кодекс и прочие законы, принятые после начала нэпа, снова подтвердили те принципы обычного крестьянского права, которые существовали в период с 1861 по 1905 год.

¹ Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. С. 15.

² *Декреты Советской власти*. Т. 1. С. 17–20.

³ См.: Gsovski V. *Soviet Civil Law: Private Rights and Their Back-ground Under the Soviet Regime*. Vol. 1. P. 624.

⁴ *Ibid.* P. 618.

⁵ *Земельный кодекс РСФСР*. М., 1924.

Для крестьян действовало особое гражданское законодательство. В нем подтверждался семейный характер крестьянской собственности (параграф 67), а трудовое участие в деятельности домохозяйства называлось главным условием приобретения права считаться членом семьи. Домохозяйство определялось как семейная трудовая бригада (параграф 65), а усыновленные рассматривались как полноправные ее члены (параграф 66). Глава семьи объявлялся всего лишь законным представителем домохозяйства. Он мог быть лишен этого статуса по требованию других членов домохозяйства (параграфы 68, 69). Снова разрешалось сдавать землю в аренду и пользоваться наемным трудом, правда, здесь вводились временные ограничения и выдвигалось условие, что сам работодатель должен тоже работать вместе с теми, кого он нанимает (параграфы 29, 39). Покупка и продажа земли, а также передача ее в качестве дара запрещались (параграф 27). Деление хозяйства, понимаемое как образование новых домохозяйств, должно было производиться с учетом прав всех трудоспособных членов семьи (параграфы 67, 74). Если какое-то хозяйство объявлялось вымершим, то оно становилось собственностью сельской общины (параграфы 18, 20).

В 1921 году вопросы крестьянской собственности были изъяты из ведения судов общей юрисдикции и переданы в ведение земельных отделов местных советов¹. К 1922 году крестьянство было переведено под юрисдикцию земельных комиссий, которые действовали как гражданские суды, а верховный земельный комиссар (министр) сельского хозяйства выступал в качестве апелляционного суда высшей инстанции². Это было подтверждено в параграфе 80 Земельного кодекса.

От обычного крестьянского права Земельный кодекс отличался в двух отношениях: во-первых, жен-

¹ Декрет ВЦИК от 10 марта 1921 года; *О земле*. С. 153.

² См. циркуляр Народного комиссариата сельского хозяйства от 6 июля 1922 года; *О земле*. С. 153.

щины стали полноправными членами домохозяйства, включая право получения равной доли при его разделе (параграф 67); во-вторых, постулировалось правовое равенство всех членов домохозяйства. Например, существовало требование, чтобы все взрослые члены семейства (а не только его глава) присутствовали на общем собрании общины (параграф 75).

Единственный элемент законодательства столыпинского типа, который мы находим в Земельном кодексе, — это право народного комиссара сельского хозяйства устанавливать минимальный размер земельного участка, дальше которого его запрещалось делить (параграф 88)¹. Однако на практике это требование редко соблюдалось.

Один из видных деятелей Народного комиссариата юстиции отмечал: «Мы сравнительно легко покончили с писаными законами самодержавия, но старый порядок в форме обычного права оказался довольно живучим: он все еще господствует среди крестьян, хотя постепенно теряет свою силу»². Это замечание весьма симптоматично. Сам документ 1922 года является, по сути, просто кодификацией крестьянского обычного права XIX века. Если в нем и содержалась какая-то новизна, то это было утверждение равенства перед законом мужчин и женщин.

На протяжении всего периода с 1906 по 1928 год все законодательные попытки переделать основные крестьянские обычаи и установки, касающиеся собственности, провалились, причем независимо от того, представителями элит какого полюса политического спектра они предпринимались. Самые рьяные усилия законодателей и администраторов так и не смогли преодолеть пассивного сопротивления крестьянской массы.

¹ См.: Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств*. Ч. 3; *На аграрном фронте*. 1928. № 11. С. 15.

² Gsovski V. *Soviet Civil Law: Private Rights and Their Back-ground Under the Soviet Regime*. Vol. 1. P. 660.

Крестьянские обычаи в сфере владения собственностью и ее наследования прошли почти нетронутыми через все бури революции и контрреволюции¹.

Распространение эгалитарных принципов наследования мы наблюдаем повсюду в Европе в сфере социального развития сельскохозяйственных районов². Результатом подобных изменений юридической практики стал рост числа ферм, уменьшение их среднего размера, более высокий уровень прироста населения, более низкие темпы накопления капитала, замедление процессов развития денежной экономики и т. п. Кроме того, внедрение эгалитарных принципов наследования собственности влечет за собой сокращение оттока населения из сельских районов и чрезмерное увеличение сельского населения, тормозит процесс интеграции сельскохозяйственных областей в современную экономику капиталистическую и промышленного типа. Это касается и России. Но здесь все указанные процессы могут быть до конца поняты лишь при учете таких факторов, как размер и материальное положение семьи, а также социальной мобильности в различных слоях крестьянства.

¹ Нас поражает, до какой степени все это сохраняет свою силу даже после коллективизации. Даже сейчас, если гражданские дела рассматриваются в сельском суде, то первым делом суд пытается установить, является ли собственность, о которой идет речь, крестьянской, ибо это существенно для установления прав членов семьи и тех правил, которые действуют в случае раздела имущества. Только случаи наследования в вымерших домохозяйствах теперь рассматриваются в свете общегражданского имущественного права. В остальном Земельный кодекс 1922 года до сих пор (конец 60-х годов) продолжает действовать (см.: Лисковец Б. *Имущественные разделы и выделы в колхозном дворе (по материалам судебной практики)*. М., 1963. С. 5). Все это, разумеется, не касается государственной и колхозной собственности.

² Habakkuk H. J. Family Structure and Economic Change in Nineteenth Century Europe. *Journal of Economic History*. 1955. Vol. 15. No. 1. P. 1-12.

Список литературы

1-й Съезд комитетов деревенской бедноты Союза коммун Северной области, состоявшийся в годовщину Великой социалистической революции 3–9 ноября 1918 года: речи и резолюции, принятые на съезде; вестни о съезде для делегатов деревенской бедноты. Пг., 1918.

Аверьев В. (сост.) *Комитеты бедноты: сборник материалов.* М.-Л., 1933. Т. 1.

Александров В. (ред.) *Русские.* М., 1967.

Анфимов А. *Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.).* М., 1962.

Аристов И. Отхожие промыслы сельского населения СССР. *Социалистическое хозяйство.* 1925. № 5.

Атлас сельского хозяйства СССР. М., 1960.

Бауэр О. *Борьба за землю: очерки по аграрной истории и аграрной политике Австрии.* Л., 1926.

Бахтин М. *Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925).* М., 1961.

Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* М., 1995.

Бляхер Е. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 года. *Вестник статистики.* 1923. Кн. 13. № 1–4.

Большаков А. *Деревня, 1917–1927.* М., 1927.

Большаков А. *Современная деревня в цифрах: экономика и разнообразный быт деревни за революционный период.* Л., 1925.

Большаков А., Рожков Н. *История хозяйства России в материалах и документах.* 2-е изд. М.-Л., 1926. Вып. 3.

- Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. М., 1949–1960.
- Бунин И. *Деревня*. Париж, 1921.
- Буров Я. *Деревня на переломе (Год работы в деревне)*. М.-Л., 1926.
- Бутягин А., Султанов Ю. *Университетское образование в СССР*. М., 1957.
- Вайнштейн А. *Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (статистическое исследование)*. М., 1960.
- Вайнштейн А. *Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (опыт статистического исследования)*. М., 1924.
- Васильчиков А. *Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах*. СПб., 1876. Т. 2.
- Васильчиков А. *Сельский быт и сельское хозяйство в России*. СПб., 1881.
- ВКП(б) в цифрах*. М., 1926. Вып. 5.
- Военно-конская перепись 1912 года*. СПб., 1914.
- Волков Е. *Аграрно-экономическая статистика России: в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних пяти лет революционного перелома (1865–1922 гг.)*. М.-Пг., 1923.
- Волков Е. *Динамика народонаселения СССР за 80 лет*. М.-Л., 1930.
- Вольф М., Мебус Г. *Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств*. Год издания третий. М.-Л., 1926.
- Воронов И. *Групповой состав воронежской деревни (К вопросу о расслоении)*. Воронеж, 1925.
- Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Выт. 4: Состав РКП(б-ов) по итогам предварительной разработки*. М., 1923.
- Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 годах (предварительные итоги)*. М., 1926.
- Гайстер А. *Расслоение советской деревни*. М.-Л., 1928.
- Герасимюк В. *Начало социалистической революции в деревне, 1917–1918 гг.* М., 1958.
- Гладких В. *Волостной бюджет за три года*. *Вестник финансов*. 1926. № 8.
- Гордеев Г. *Сельское хозяйство в войне и революции*. М.-Л., 1925.
- Горький М. *О русском крестьянстве*. Берлин, 1922.

Гришаев В. *Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции*. М., 1967.

Гуревич И. *Экономическое положение русской деревни*. СПб., 1896.

Гуров П.Я. (гл. ред.). *Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия*. М., 1925. Т. 1–2.

Данилов В. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. *История СССР*. 1958. № 3.

Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1–3.

Ден В. *Источники важнейших отраслей хозяйственной статистики СССР*. Л., 1929.

Ден В. *Курс экономической географии*. М.-Л., 1925.

Долгополов К. *Центрально-Черноземный район: экономико-географическая характеристика*. М., 1961.

Долгоруков П. *Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым*. СПб., 1857. Ч. 4.

Дубровский С. *Крестьянство в 1917 году*. М., 1927.

Дубровский С. *Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века*. М., 1963.

Дубровский С. (ред.) *Особенности аграрного строя в России в период империализма: материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции»*. Май 1960 г. М., 1962.

Ефименко А. Одна из наших народных особенностей. *Неделя*. 1876. 15 апреля.

Земельный кодекс РСФСР. М., 1924.

Земли особых субъектов владения при отчуждении. М.-Киев, 1919.

Изгоев А. *Общинное право (опыт социально-юридического анализа общинного землевладения как института гражданского права)*. СПб., 1906.

Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 годы. М., 1927.

Каганович Л. *Улучшение работы советов в деревне: доклад на совещании секретарей сельских ячеек при ЦК РКП*. М., 1924.

Какурин Н. (сост.). *Разложение армии в 1917 году*. М.-Л., 1925.

Кауфман А. *Русская община в процессе ее зарождения и роста*. М., 1908.

Качоровский К. *Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие?*. 2-е изд. М., 1906.

Келлер В., Романенко И. *Первые итоги аграрной реформы: опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии*. Воронеж, 1922.

Клепиков С. *Сельское хозяйство России в цифрах*. М., 1924.

Книпович Б. *К вопросу о дифференциации русского крестьянства (дифференциация в сфере земледельческого хозяйства)*. СПб., 1912.

Книпович Б. *Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920)*. М., 1920.

Ковалевский А. *Экономическая дифференциация крестьянства Саратовской губернии, 1917–1925 годы*. Саратов, 1926.

Кондратьев Н., Огановский Н. *Перспективы развития сельского хозяйства СССР*. М., 1924.

Кореневская Н. *Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России*. М., 1954.

Крицман Л. (ред.) *Материалы по истории аграрной революции в России*. М., 1928. Т. 1.

Крицман Л. *Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «военного коммунизма»)*. М., 1926.

Крицман Л. *Классовое расслоение в советской деревне: по данным волостных исследований*. М., 1926.

Крицман Л., Попов П., Яковлев Я. (ред.-сост.) *Сельское хозяйство на путях восстановления*. М., 1925.

Кубанин М. *Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств: экономическое исследование*. М., 1929.

Кубанин М. *Социально-экономическая сущность дробления крестьянских хозяйств. На аграрном фронте*. 1928. № 1, 8, 11.

Кун Т. *Структура научных революций*. М., 1975.

Кушченко Г. *Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 годов*. Чернигов, 1916.

Ларин Ю. *Советская деревня*. М., 1925.

Ларин Ю. *Экономика досоветской деревни*. М.-Л., 1926.

Ленин В. *Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции*. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 16.

Ленин В. *Великий почин*. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 38.

Ленин В. *Два тактики социал-демократии в Первой русской революции*. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 11.

- Ленин В. Империализм как высшая стадия капитализма. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 27.
- Ленин В. По поводу так называемого вопроса о рынках. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 1.
- Ленин В. Развитие капитализма в России. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 3.
- Ленин В. Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой. В: *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 37.
- Леонтьев А. *Крестьянское право: систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах*. СПб., 1909.
- Лисковец Б. *Имущественные разделы и выделы в колхозном дворе (по материалам судебной практики)*. М., 1963.
- Литошенко Л. Денежный баланс крестьянского хозяйства. *Вестник финансов*. 1926. № 2.
- Литошенко Л. *Емкость крестьянского рынка*. М.; Л., 1927.
- Лубны-Герцык Л. (ред.) *Труды государственного колониационного научно-исследовательского института*. М., 1926.
- Лубны-Герцык Л. *Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции*. М., 1926.
- Лужин А., Резунов М. *Низовой советский аппарат*. М., 1929.
- Луцкий Е. Передел земли весной 1918 года. *Известия АН СССР*. 1949. Серия 1. Т. 4. № 3.
- Лященко П. *История народного хозяйства СССР*. М., 1952. Т. 2.
- Лященко П. *Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства: К изучению основных тенденций мирового рынка*. М., 1927.
- Макаров Н. *Крестьянское хозяйство и его интересы*. М., 1917.
- Макаров Н. *Крестьянское хозяйство и его эволюция*. М., 1920. Т. 1.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. М., 1955–1981.
- Маслов П. *Аграрный вопрос в России*. СПб., 1908. Т. 2.
- Маслов С. *Крестьянское хозяйство: очерки экономики мелкого земледелия*. 4-е изд. М., 1920.
- Материалы по земельной реформе 1918 года*. М., 1919. Вып. 1.
- Меерсон Г. *Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства в России*. М., 1926.
- Милютин В. (ред.) *Аграрная революция*. М-Л., 1928. Т. 2.
- Минц Л. *Отход крестьянского населения на заработки в СССР*. М., 1925.

- Минц Л. К проблеме использования рабочей силы в крестьянском хозяйстве. *Плановое хозяйство*. 1927. № 8.
- Митрофанов А. *Комитеты деревенской бедноты*. М., 1918.
- Мухин В. *Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению*. СПб., 1888.
- Народное хозяйство СССР в цифрах*. М., 1924.
- Народное хозяйство СССР: статистико-экономический ежегодник*. М., 1925. Вып. 4.
- Немчинов В. *Избранные произведения*. М., 1967. Т. 1.
- Новый энциклопедический словарь*. 2-е изд. СПб., 1913.
- О земле: сборник статей*. М., 1921–1922.
- Огановский Н. *Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Очерки по истории земельных отношений в России*. Саратов, 1911.
- Огановский Н., Кондратьев Н. (ред.-сост.) *Сельское хозяйство в России в XX веке: сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 годы*. М., 1923.
- Огановский Н., Кондратьев Н. *Перспективы развития сельского хозяйства СССР*. М., 1924.
- Огановский Н., Чаянов А. (ред.) *Статистический справочник по аграрному вопросу*. Пг., 1917.
- Окнинский А. *Два года среди крестьян: виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 до ноября 1920 года*. Рига, 1936.
- Ольшамовский Б. *Права по землевладению в Западном крае*. СПб., 1899.
- Осинский Н. *Государственное регулирование крестьянского хозяйства: сборник статей*. М., 1920.
- Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов*. М., 1922.
- Отчет отдела по работе в деревне при Ц.К. Р.К.П.* М., 1920.
- Першин П. *Земельное устройство дореволюционной деревни*. М.-Воронеж, 1928.
- Першин П. *Участковое землепользование в России: хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьба во время революции (1917–1920 гг.)*. М., 1922.
- Пешехонов А. *Динамика крестьянства за время революции. Записки института изучения России*. Прага, 1925. Т. 2.
- Пешехонов А. *Теория и практика крестьянского хозяйства. Русское богатство*. 1902. № 9.
- Писарев И. *Народонаселение СССР (социально-экономический очерк)*. М., 1962.

Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. [Б.м.], 1919.

Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления. *Вестник Коммунистической академии.* 1924. № 8.

Преображенский Е. Экономические кризисы при нэпе. *Вестник Коммунистической академии.* 1923. № 6.

Прокопович С. *Крестьянское хозяйство: по данным бюджетных исследований и динамических переписей.* Берлин, 1924.

Пути сельского хозяйства. 1927. № 4–9 (Тринадцать участников дебатов о дифференциации российского крестьянства).

Раевич Г. К исследованию крестьянского дохода. *На аграрном фронте.* 1926. № 3 и 1928. № 1.

Раевич Г. Очерк крестьянского хозяйства и теория факторов. *На аграрном фронте.* 1926. № 1.

Раевич Г. Теория крестьянского хозяйства и понятие «работник». *На аграрном фронте.* 1925. № 11–12.

Резолюции Второго всероссийского совещания работников в деревне (с 10 по 15 июня 1920 г.). М., 1920.

Резунов М. *Сельские советы и земельные общества.* М., 1928.

Розит Д. *Проверка работы низового аппарата в деревне: основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП(б) в 12 уездах и округах СССР.* М., 1926.

Росницкий Н. *Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии.* М., 1926.

Рубач Д. *Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции.* Киев, 1956.

Румянцев П. К вопросу об эволюции российского крестьянства. *Очерки реалистического мировоззрения: сборник статей по философии, общественной науке и жизни.* СПб., 1906.

Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия, 1917–1920 годы. М., 1921. Ч. 1.

Сборник законов и распоряжений по земельному праву. М., 1924.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств: год седьмой. СПб., 1914.

Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923: за пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924.

Свавицкий Н. *Земские подворные переписи: обзор методологии.* М., 1961.

Свавицкий Н., Твердова-Свавицкая З. (сост.) *Земские подворные переписи 1880–1913 годов*. М., 1926.

Смиттен Е. *Состав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): по материалам партийной переписи 1927 года*. М.-Л., 1927.

Социальный и национальный состав ВКП(б): Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. М.-Л., 1928.

Сталин И. *Вопросы ленинизма*. 11-е изд. М., 1945.

Степняк-Кравчинский С. *Русское крестьянство*. Лондон, 1888.

Статистический ежегодник, 1918–1920 годы. М., 1921.

Статистический справочник 1927 года. М., 1927.

Статистический сборник за 1913–1917 годы. М., 1921. Вып. 1.

Статистический справочник по Тамбовской губернии: год 3-й. Тамбов, 1926.

Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929.

Струмилин С. *Избранные произведения*. М., 1963–1965.

Сулковский М. *Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств*. М., 1930.

Таль Б. *История Красной Армии: краткий общедоступный очерк*. М.-Л., 1929.

Тан-Богобаз В. (ред.) *Революция в деревне: очерки*. М.-Л., 1924–1925. Ч. 1–2.

Татарчуков А. *Об «избыточном» населении Центрально-Черноземной области*. Воронеж, 1926.

Татарчуков А. *Центрально-Черноземная область (экономический очерк)*. 3-е изд. Воронеж, 1929.

Теодорович И. *О государственном регулировании крестьянского хозяйства: речь на заседании фракции Р.К.П. на VIII съезде Советов*. М., 1921.

Трапезников С. *Аграрные вопросы и ленинские аграрные программы в трех русских революциях*. М., 1963.

Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. 20 XII – 27/XII 1929 года. М., 1930.

Турчанинов Н., Домрачев А. (сост.) *Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 год (включительно)*. СПб., 1916.

Украинский В. *Крестьянская община и аграрная реформа*. М., 1907.

Урланис Б. *Рождаемость и продолжительность жизни в СССР*. М., 1963.

Феноменов М. *Современная деревня: опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадьши Валдайского уезда Новгородской губ.)*. М.-Л., 1925. Ч. 1–2.

Финн-Енотаевский А. *Капитализм в России (1890–1917 годы)*. 2-е изд. М., 1925. Т. 1.

XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961.

XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.

Хромов П. *Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917*. М., 1950.

Хрящева А. *Группы и классы в крестьянстве*. М., 1926.

Хрящева А. Крестьянство в войне и революции. *Вестник статистики*. 1920. № 9–12.

Хрящева А. (сост.) *Крестьянские хозяйства по переписям 1899–1911 годов*. Епифанский уезд, Тула, 1916. Ч. 2.

Хрящева А. Расслоение крестьянства в условиях нэпа. *Социалистическое хозяйство*. 1924. № 2.

Хрящева А. Условия эволюции крестьянского хозяйства. *Социалистическое хозяйство*. 1925. № 5.

Хатаевич М. Партия в деревне. *На аграрном фронте*. 1925. № 2.

Хауке О. *Крестьянское земельное право: подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения*. М., 1914.

Хромов П. *Очерки экономики России периода монополистического капитализма*. М., 1960.

Хромов П. *Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции*. М., 1967.

Цилько Ф. Деревенская безработица и меры борьбы с ней. *На аграрном фронте*. 1925. № 5.

Цытович Н. *Сельское общество как орган местного управления*. Киев, 1911.

Чаянов А. (ред.) *Бюджеты крестьян Старобельского уезда*. Харьков, 1915.

Чаянов А. *Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России*. М., 1912. Т. 1. Вып. 1.

Чаянов А. *Организация крестьянского хозяйства*. М., 1925.

Чаянов А. *Очерки по теории трудового хозяйства*. М., 1913. Вып. 2.

Чаянов А., Студенский Г. *История бюджетных исследований*. 2-е изд. М., 1922.

Челинцев А. *Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии*. Харьков, 1919.

Челинцев А. *Русское сельское хозяйство перед революцией*. М., 1928.

Челинцев А. *Сельскохозяйственная география России*. Берлин, 1923.

Черненко Н. *К характеристике крестьянского хозяйства*. М., 1905.

Чернов В. *Рождение новой России (Февральская революция)*. Париж, 1934.

Чупров А. *Крестьянский вопрос: статьи 1900–1908 годов*. М., 1909.

Чупров А., Посников А. (ред.) *Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: статьи Н.Ф. Анненского, В.Н. Григорьева, проф. Н.А. Каблукова [и др.]*. СПб., 1897.

Шарапов Г. *Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.)*. М., 1961.

Шаховский Н. *Земледельческий отход крестьян*. СПб., 1903.

Шестаков А. (ред.) *Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации: материалы по истории советского строительства*. М., 1929. Т. 1–2.

Шестаков А. (ред.) *Комбеды РСФСР: сборник декретов и документов о комитетах бедноты*. М., 1933.

Шестаков А. *Наемный труд в сельском хозяйстве. На аграрном фронте*. 1925. № 1–2, 4–8.

Шингарёв А. *Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда*. 2-е изд. СПб., 1907.

Шуваев К. *Старая и новая деревня. Материалы исследования с. Ново-Животинного и дер. Шоховатки Березовского района, Воронежской области за 1901 и 1907, 1926 и 1937 годы*. М., 1937.

Щербина Ф. *Крестьянские бюджеты*. Воронеж, 1900.

Щербина Ф. (ред.-сост.) *Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке*. Воронеж, 1897.

Экономическая и сельскохозяйственная деятельность Полтавского земства. № 12. 5 бюджетов крестьянских хозяйств с. Демьяновки Полтавской губ. Хорольского уезда. Полтава, 1903.

Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 годах. М., 1922.

Элиаде М. *Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость.* СПб., 1998.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1-е изд. СПб., 1890–1906.

Яковлев Я. *Деревня как она есть (очерки Никольской волости).* М., 1923.

Яковцевский В. *Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма.* М., 1964.

Ajiami I. Social Classes, Family Demographic Characteristics and Mobility in Three Iranian Villages: A Pilot Study. *Sociologia Ruralis.* 1969. Vol. 9.

Alavi H. Peasantry and Revolution. *The Socialist Register* 1965. London, 1965.

Andreski S. *Parasitism and Subversion. The Case of Latin America.* New York, 1966.

Atallah M. *The Long-Term Movement of the Terms of Trade between Agricultural and Industrial Products.* Rotterdam, 1958.

Baldamus W. Notes on Stratification Theory. *Discussion Papers. University of Birmingham, Faculty of Commerce and Social Science.* 1967. No. 5.

Baran P. *The Political Economy of Growth.* New York, 1957.

Bendix R., Lipset S. *Class, Status and Power. A Reader in Social Stratification.* Glencoe, Ill., 1953.

Black C. (ed.) *The Transformation of Russian Society.* Cambridge, Mass., 1960.

Boeke G. *Economics and Economic Policy of Dual Societies as Exemplified by Indonesia.* New York, 1953.

Carlsson G. *Social Mobility and Class Structure.* Lund, 1958.

Carr E. H. *A History of Soviet Russia.* London, 1950–1978. Vols. I–XIV.

Carr E. H. The Russian Revolution and the Peasant. *Proceedings of the British Academy.* London, 1963. Vol. XIX.

Childe V. Gordon. *Social Evolution.* London, 1951.

Clairmonte F. F. *Economic Liberalism and Underdevelopment. Studies in the Disintegration of an Idea.* New York, 1960.

Cole G. *Studies in Class Structure.* London, 1964.

- Crook D., Crook I. *Revolution in a Chinese Village: Ten Mile Inn*. London, 1959.
- Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, 1959.
- Dobb M. *Russian Economic Development since the Revolution*. London, 1928.
- Dobb M. *Soviet Economic Development since 1917*. London, 1960.
- Dovring F. *Land and Labour in Europe, 1900–1950. A Comparative Survey of Recent Agrarian History*. The Hague, 1956.
- Dumont R. *False Start in Africa*. New York-London, 1966.
- Eisenstadt S. *The Political Systems of Empires*. New York, 1963.
- Eliade M. *The Myth of Eternal Return*. New York, 1965.
- Fei Hsiu-Tung. Peasantry and Gentry. *American Journal of Sociology*. 1946. Vol. 52.
- Foster G. M. Interpersonal Relations in Peasant Society. *Human Organization*. 1960–1961. Vol. 19. No. 4.
- Frank A. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies in Chile and Brazil*. New York-London, 1967.
- Furtado C. *Development and Underdevelopment*. Berkeley-Los Angeles, 1967.
- Galeski B. *Chłopi i zawod rolnika. Studia z socjologii wsi*. Warszawa, 1963.
- Galeski B. *Socjologia wsi. Pojęcia podstawowe*. Warszawa, 1966.
- Geertz C. Studies in Peasant Life: Community and Society. *Biennial Review of Anthropology*. Stanford, 1961.
- Gerschenkron A. *Continuity in History and other Essays*. Cambridge, Mass., 1968.
- Gerth G. H., Mills C. Wright. *From Max Weber: Essays in Sociology*. London, 1967.
- Goldsmith R. W. Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913. *Economic Development and Cultural Change*. 1961. Vol. 9. No. 3.
- Gordon M. *Workers Before and After Lenin*. New York, 1941.
- Gsovski V. *Soviet Civil Law: Private Rights and Their Background Under the Soviet Regime*. Comparative Survey and Translation of the Civil Code, Code of Domestic Relations, Judiciary Act, Code of Civil Procedure, Laws on Nationality, Corporations, Patents, Copyright, Collective Farms, Labor, and Other Related Laws. Ann Arbor, 1948. Vol. 1.
- Habakkuk H. J. Family Structure and Economic Change in Nineteenth Century Europe. *Journal of Economic History*. 1955. Vol. XV. No. 1.
- Hansen P. H. *The Study of Population*, 1955.

- Hobsbawm E. Vietnam and the Dynamics of Guerilla Warfare. *New Left Review*. 1965. No. 33.
- Hobsbawm E. *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. Manchester, 1959.
- Hubbard L.E. *The Economics of Soviet Agriculture*. London, 1939.
- Jasny N. *The Socialised Agriculture of the U.S.S.R. Plans and Performance*. Stanford, 1949.
- Kroeber A. L. *Anthropology*. New York, 1923.
- Lenski G. *Power and Privilege*. New York, 1966.
- Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. Evanston, 1968.
- Lewin M. Who was the Soviet Kulak? *Soviet Studies*. 1966. Vol. 18. No. 2.
- Lewis O. *Life in a Mexican village: Tepoztlan restudied*. Urbana, 1951.
- Lewis O. *Village Life in Northern India. Studies in a Delhi village*. Urbana, 1958.
- Lipset S., Bendix R. *Social Mobility in Industrial Society*. Berkeley, 1966.
- Lorimer F. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*. Geneva, 1946.
- Luxemburg R. The Russian Revolution. Ann Arbor, 1961.
- Maclean F. Eastern Approaches. London, 1951.
- Male D. The Village Community in the U.S.S.R., 1925–1930. *Soviet Studies*. 1963. Vol. 14. No. 3.
- Mandel E. *Marxist Economic Theory*. New York-London, 1968.
- Mannheim K. *Ideology and Utopia: an introduction to the sociology of knowledge*. New York-London, 1949.
- Marshall T. *Citizenship and Social Class*. New York, 1950.
- Maynard J. *The Russian Peasant and Other Studies*. London, 1967.
- Merritt R., Rokkan S. (eds.) *Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*. New Haven, 1966.
- Mills C. Wright. *Power, Politics and People*. New York, 1963.
- Mitrany D. *Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism*. London, 1951.
- Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London, 1957.
- Nash M. Indian Economies. *Handbook of Middle American Indians: Social Anthropology*. Austin, 1967.
- Ossowski S. *Class Structure in the Social Consciousness*. New York, 1963.

Pitt-Rivers J. *The Closed Community and its Friends*. *Kroeber Anthropological Society Papers*. 1957. No. 16.

Pourquoi les travailleurs abandonnent la terre. Etude comparative. Genève, 1960.

Redfield R. *Peasant Society and Culture: An anthropological approach to civilization*. Chicago, 1956.

Redfield R. *Tepoztlan: A Mexican Village*. Chicago, 1946.

Redfield R. *The Little Community and Peasant Society and Culture*. Chicago, 1955.

Redfield R. *The Primitive World and its Transformation*. Ithaca, 1953.

Rex J. *Key Problems of Sociological Theory*. London, 1961.

Robinson G. *Rural Russia under the Old Regime*. New York, 1932.

Robinson G. *Rural Russia under the Old Regime*. New York, 1949.

Schumpeter J. *Imperialism and Social Classes*. Oxford, 1951.

Shanin T. Cooperation and collectivization: The case of Eastern Europe. In Worsley P. (ed.) *Two Blades of Grass*. Manchester, 1971.

Shanin T. (ed.) *Peasants and peasant societies*. Harmondsworth, 1971.

Shanin T. Peasantry, a Delineation of Concept and a Field of Study. *European Journal of Sociology*. 1971. Vol. 12.

Smelser N., Lipset S. (eds.) *Social Structure and Mobility in Economic Development*. London, 1966.

Smith R. E. F. A Model of Production and Consumption on the Russian Farm. *Discussion Papers, University of Birmingham, Centre for Russian and East European Studies*. 1964. Series RC/D. No. 1.

Sombart W. Warum gibt es in den Vereinigten Staaten keinen Sozialismus? *Transactions of the Third World Congress of Sociology*. London, 1956.

Sorokin P. *Social and Cultural Mobility*. New York, 1959.

Sorokin P. *Social Mobility*. New York-London, 1927.

Sorokin P., Zimmerman C. *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York, 1929.

Stirling P. *Turkish Village*. New York, 1965.

Sweezy P. (ed.) *The Transition from Feudalism to Capitalism: a Symposium*. New York, 1954.

Taniuchi Y. *A Note on the Territorial Relationship between Rural Societies, Settlements and Communes, Discussion Papers*. University of Birmingham, Faculty of Social Science, 1966.

Taniuchi Y. *The Village Gathering in Russia in the Mid-1920s*. Birmingham, 1968.

Taniuchi Y. *The Village Gathering in Russia in the Mid-20s*. Birmingham, 1968.

The Determinants and Consequences of Population Trends. New York, 1953.

The Encyclopaedia of the Social Sciences, 1st edition. Vol. 2. New York, 1930.

Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. New York, 1958. Vol. 1.

Timasheff N. *The great retreat: The growth and decline of communism in Russia*. New York, 1946.

Timasheff N. The Russian Revolution. *The Review of Politics*. 1943. Vol. 5. No. 4.

Trembl V., Farrell R. (eds.) *The Development of the Soviet Economy: Plan and Performance*. New York, 1968.

Warner C. (ed.). *Agrarian Conditions in Modern European History*. New York, 1966.

Warner W. L., Lunt P. S. *The Status System of a Modern Community*. New Haven, 1942.

Warriner D. *Economics of Peasant Farming*, London, 1964.

Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York-London, 1947.

Whetton N. L. *Rural Mexico*. Chicago, 1948.

Williams G. The Concept of "Egemonia" in the thought of Antonio Gramsci: Some Notes on Interpretation. *Journal of the History of Ideas*. 1960. Vol. 21. No. 4.

Wittfogel K. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven-London, 1957.

Wolf E. R. Aspects of Group Relations in a Complex Society: Mexico. *American Anthropologist*. 1956. Vol. 58. No. 6.

Wrigley E. (ed.) *An Introduction to English Historical Demography: From the Sixteenth to the Nineteenth Century*. London, 1966.

Yang M. *A Chinese Village: Tailou, Shantung Province*. New York, 1945.

Yates L. P. *Forty Years of Foreign Trade: A Statistical Handbook with Special Reference to Primary Products and Under-developed Countries*. London, 1959.

Zetterberg H. *On Theory and Verification in Sociology*. Totowa, New York, 1965.

Научное издание

Заказное издание

Теодор Шанин

**Неудобный класс:
политическая социология крестьянства
в развивающемся обществе:
Россия, 1910–1925**

Главный редактор *В. В. Анашвили*

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Корректор *Г. А. Лакеева*

Дизайн обложки *С. Д. Зиновьев*

Верстка *Н. А. Кильдишева*

Подписано в печать 30.05.2019. Формат 60×90/16.
Гарнитура Baskerville. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 500 экз.
Изд. № 1470

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru

Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС

Москва, проспект Вернадского, д. 82
Тел.: (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru

Вышли в свет книги

БЕНУА ПЕТЕРС. Деррида.
ХОВАРД АЙЛЕНД, МАЙКЛ У. ДЖЕННИНГС. Вальтер Беньямин: критическая жизнь.
РЭЙ МОНК. Людвиг Витгенштейн: долг гения.
РЮДИГЕР САФРАНСКИ. Гёте: жизнь как произведение искусства.
ТИФЕН САМОЙО. Ролан Барт: биография.
РОБЕРТ КАНИГЕЛ. Глаза, устремленные на улицу. Жизнь Джейн Джекобс.
МАЙКЛ МАНН. Источники социальной власти: в 4 т.
АЙВАН МОРРИС. Мир блистательного принца: придворная жизнь в древней Японии.
ЭЛАЙДЖА УОЛД. Как The Beatles уничтожили рок-н-ролл: альтернативная история популярной музыки.
ПЬЕР БУРДЬЕ. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993).
Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия. Сборник статей.
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ. Бесславные ублюдки, бешеные псы. Вселенная Квентина Тарантино.
КВЕНТИН СКИННЕР. Истоки политической мысли Нового времени: в 2 т.
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Конь в кармане: лирическая культурология.
БОРИС ПАРАМОНОВ, ИВАН ТОЛСТОЙ. Бедлам как Вифлеем. Беседы любителей русского слова.
СТИВ ФУЛЛЕР. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии.
КЕННЕТ ПОМЕРАНЦ. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики.
ПЬЕР БУРДЬЕ. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992).
НИЛЬС ЛУНИНГ ПРАК. Язык архитектуры.
МИТЧЕЛЛ ДИН. Правительственность: власть и правление в современных обществах.
ЯН ДЕ ФРИС. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйства с 1650 года до наших дней.
ДЖОН УРРИ. Офшоры.
СТЕЙН РИНГЕН. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения.
ЭНТОНИ ГИДДЕНС. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?
РИЧАРД ЛАХМАН. Что такое историческая социология?
ДОМИНИК ПЕРЛЕР. Теории интенциональности в Средние века.
Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв.
МАЛКОЛЬМ БУЛЛ. Анти-Ницше.
ЮРГЕН КАУБЕ. Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох.
РЮДИГЕР САФРАНСКИ. Ницше: биография его мысли.
ГЕОРГИЙ СТАРОСТИН. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским.
МАКСИМ КРОНГАУЗ. Слово за слово: о русском языке и не только.
АЛЕКСАНДР МЕЩЕРЯКОВ. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения.
Осмысление природы в японской культуре. Сборник статей.

РОБЕРТО ВЕРГАНТИ. Инновации, направляемые дизайном: как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций.

ДЖОН УРРИ. Как выглядит будущее?

АДАМ ГРИНФИЛД. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни.

РИЧАРД БОЛДУИН. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация.

ДЭНИЕЛ ХЕДРИК. Власть над людьми: техника, окружающая среда и западный империализм с 1400 г. до наших дней.

ЭНТОНИ АТКИНСОН. Неравенство: как с ним быть?

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ. Элементарные формы религиозной жизни.

Готовятся к печати

МАРК ЭВАН БОНДС. Абсолютная музыка: история идеи.

АЛЕКС МЕСУДИ. Культурная эволюция: Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки.

РИЧАРД ЛАХМАН. Государства и власть.

ДЖЕЙМС СКОТТ. Против зерна.

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК. О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике.

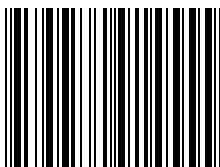
ФРАНСУА ДОССЕ. Жиль Делез, Феликс Гваттари.

НИКОЛАС ФОКС ВЕБЕР. Ле Корбюзье.

ААРОН ПЕРЖАНОВСКИ, ДЖЕЙСОН ШУЛЬЦ. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике.

ДЖУДИ ВАЙСМАН. Времени в обрез.

ISBN: 978-5-7749-1455-5

9 785774 914555